ШЕВЧЕНКО

КОБЗАРЬ

25382

Т. Г. Шевченко.

КОБЗАРЬ

Обнимите, браты мои
Найменшого брата,
Нехай маты усмихнеться,
Заплакана маты!

изданіе,
пріобрѣтенное книгопродавцемъ
Ф. А. Іогансономъ.

КІЕВЪ.
—
1889.

ВЪ МОСКОВСКО-ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ и СКЛАДѢ

КОММИССІОНЕРА

Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ и Кіевской Духовной Академіи.

Ф. А. ІОГАНСОНА.

Въ Кіевѣ.

Продаются слѣдующія полныя собранія сочиненій РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Авдѣевъ М В Сочиненія 2 т. Спб. 1868—70 г. ц. 6 р

Аксаковъ С. Т Полное собраніе сочиненій 6 томовъ. Спб 1886 г ц. 12 р 50 к.

Аксаковъ И. С. Полное собраніе сочиненій 7 томовъ. ц. за томъ по 1 р. 50 к.

Байронъ Л. Полное собраніе сочиненій. Изд. 3-е О. Гербеля 3 т. Спб. 1883 г ц. 8 р.

Баратынскій Е. А. Сочиненія. Казань. 1885 г. ц. 2 р

Бенедиктовъ В. Стихотворенія 3 т. Спб. 1884 г. ц. 4 р. 50 к.

Боборыкинъ П. Сочиненія 14 т. Спб. 1885 г. ц. 18 р.

Бѣлинскій В Г. Сочиненія 12 т. ц. 15 р. отдѣльно по 1 р. 25 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Сочиненія 10 т. ц 35 р. отдѣльно по 3 р 50 к.

Вяземскій П. Полное собраніе сочиненій 10 т. ц. по 2 р. за томъ. (Т. 1—5 *распроданы.)*

Гейне Г. Полное собраніе сочиненій 16 т. 1884 г. ц. 25 р.

Гербель Н. Полное собраніе стихотвореній 2 т. Спб. 1882 г. ц. 2 р. 50 к.

Гете В. Полное собраніе сочиненій 10 т Спб. 1878—79 г. ц. 14 р.

Гнѣдичъ. Сочиненія 3 т. Спб. 1884 г. ц 4 р. 50 к.

Гоголь Н. В. Полное собраніе сочиненій 4 т. М. 1888 г. ц. 6 р.

Гончаровъ И. А. Полное собраніе сочиненій 8 т. Изд. 2 Спб. 1886 г. ц. 12 р.

Грибоѣдовъ А. С. Сочиненія. М. 1884 г. ц. 2 р.

Григоровичъ Д. В. Полное собраніе сочиненій 10 т. Спб. 1884 г. ц. 15 р.

Григорьевъ А. Сочиненія. Спб. 1876 г. ц. 3 р.

Гюго В. Сочиненія т. 1-й. Спб. 1887 г ц. 6 р

Даль В. И. Полное собраніе сочиненій 8 т. Изд. 3-е. Спб. 1883 г. ц. 12 р.

Данилевскій Сочиненія 6 т. Спб. 1886 г. ц. 8 р

Державинъ. Сочиненія съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота 7 т. Спб. 1864—83 г. ц. 7 р.

Диккенсъ Ч. Сочиненія 17 т. т. ц за всѣ 43 р. 25 к. каждое названіе продается отдѣльно.

Добролюбовъ Н. Сочиненія 4 т. Спб. 1887 г. ц. 7 р.

Достоевскій Ѳ М. Полное собраніе сочиненій 6 т. Спб. 1886 г. ц. 20 р

— Общедоступное изданіе 12 т. подписная цѣна 10 р.

Дружининъ А. Собраніе сочиненій 8 т. Спб. 1865 г. ц. 10 р.

Ешевскій, С. В. Соч 3 т. М. 1870 г. ц 6 р.

Жадовская, Ю. В. Полное собраніе сочиненій 3 т. Спб. 1885 г. ц. 4 р.

Жуковскій В Сочиненія 6 т. Спб. 1886 г. ц. 9 р

— П. В. Сочиненія М. 1835 г. ц 1 р. 50 коп.

Златовратскій Н. Сочиненія 2 т. 1884 г. ц 3 р. 50 к.

Кирѣевскій. Сочиненія 2 т. 1861 года ц. 2 р. 50 к.

Козловъ И. И. Стихотворенія 2 т. М. 1884 г. ц. 4 р.

Кольцовъ. Стихотворенія Изд. 9-е. М. 1887 г. ц. 20 к.

Лажечниковъ. Полное собраніе сочиненій 12 т. Спб. 1884 г. ц. 18 р.

Левитовъ. Полное собраніе сочиненій 2 т М. 1884 г. ц. 5 р.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

КОБЗАРЬ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Ф. А. ІОГАНСОНА,
На углу Крещатинской и Прорѣзной ул., домъ № 1-4.
На Подолѣ, по Александровской ул. гдѣ гостинница Дрезденъ.
ВЪ КІЕВѢ.
1885

Ф.а № 95269

Ш 6(2=Ук)5-5д44

Высочайше утверж Т-во печатнаго дѣла и торговли И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
Кіевское Отдѣленіе, Елисаветинская ул., домъ Михельсона

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Февраля 1888 г

Центральна наукова бібліотека
АН УРСР
Акт № 197
№ 20 672-1

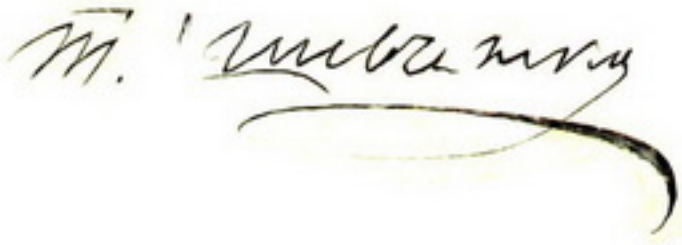
ОГЛАВЪ

Стр

Антонію Сови 493
А нумо знову виршувать . 291
Бувае, иноди старый . . . 304
Бувае, въ неволи иноди згадаю . . 426
Будо роблю що, чи гуляю . 394
Варнакъ 294
Вечиръ 249
Видьма 466
Витеръ въ гаи нагынае 228
Витре буйный, вітре буйный . 222
Въ Іудеи, во дни оны . . 492
Въ неволи, въ самоти немае . 432
Въ неволи тяжко, хоча й воли . . 255
Въ ночи и ожеледь и мряка . 502
Въ Путывли гради въ-ранци рано . . 501
Гайдамакы 70
Гамалія 22
Готово! Парусъ роспустылы . . 314
Дви частыны зъ поэмы «Иванъ Гусъ» 204
Дивчя любе, чорнобрыве . . . 494
Добро, у кого йе господа . . 306
Доля 463
До мертвыхъ и жывыхъ, и ненарожденныхъ земляковъ моихъ, въ Украини и не въ Украини сущихъ, мое дружнее посланіе 173
До Основьяненка . . . 170
До сестры 553
Думы мои, думы мои 1
Думы мои, думы мои . . . 254
За байракомъ байракъ 249
За думою дума роемъ вылитае. 226
Закувала возуленька 388
Заповитъ 209
Зарослы шляхы тернамы. . . . 371
За сонцемъ хмаронька плыве . . 322
Заступыла чорна хмара . . . 406
Зацвила въ долыни 338
Зійшлысь, побралысь, поедналлысь . 509
Зъ-передъ свита до вечора . 500
И багата я 390
Иванъ Пидкова 8
Иржавець 275
И золотои, й дорогои . . . 308
И доси сныться . . 309
И станомъ гнучымъ и красою . 312
И небо невмыте, и заспани хвыли 323
И знову мени не прывезла . 324
И шырокую долыну . . 328
И вырисъ я на чужыни . 372
Изъ-за гаю сонце еходыть . 403
И тутъ, и всюды—скризь погано 507
И день иде, и ничъ иде 509
Наймычка . . . 147
Катерына . . . 38
Калына . . . 239
Княжна 262
Козачковскому А О . . . 278
Костомарову Н И . . 290
Козацькая доля . . 330
Коло гаю, въ пыстимъ поли . . 398
Колысь дурною головою . . 491
Колысь-то ще, во время оно. . 509
Личу въ неволи дни и ночи 405
Ляхамъ 481
Лыкери 497
Л 505
Лилея 236
Маркевичу Н. . . . 217
Мынають дни, мынають ночи . 227

Моимъ соузникамъ . . 255
Мени однаково, чи буду . . . 282
Мени трынадцятый мынавъ . . . —
Мы въ купочци колысь рослы . 310
Мы въ осены такы похожи . 313
Мовъ за подушне, оступылы . . 323
Маты покрытка . 335
Марына 342
Мижъ скаламы, неначе злодій . 366
Мы заспивалы, розійшлысь 417
Мени здаеться—я не знаю . . . 428
Москалева крыныця 433
Муза 464
Марку Вовчку 485
Н Я Макарову . . . 504
Мынулы лита молодыи . . 506
Мій Боже мылый[1] якъ то мало . . 486
Наймычка 146
Невольникъ 180
На вичну памьять Котляревскому . 218
На що мени чорнв бровы . 224
Не хочу я женытыся . . 228
Не женыся на багатій,бо выжене зъ хаты 230
Не завыдуй багатому, багатый не мае . . . . . —
«Не кыдай матери!» казалы . 251
Не спалося а ничъ, якъ море . . 256
Не для людей и не для славы . 293
На батька бисового трачу . . . 303
Не знаю, якъ теперъ ляхы жывуть 317
На Риздво 320
Неначе степомъ чумакы . . 322
На Вкраину 326
Не такъ тіи ворогы . . . 339
На велыкдень на соломи . . . 386
Не тополю высокую . . . 388
На улыци невесело 388
На городи коло броду 392
Не вернувся изъ походу . . . 429
Неначе праведныхъ дитей . . . 402
Ну що бъ, здавалося, слова . . . 429
Неофиты 446
Не нарикаю я на Бога . . 505
Не журюся я, а неспыться . . 511
Назаръ Стодоля 515
Надъ Днипровою сагою . 497
Ой стричечка до стричечкы . 250
Ой одна я, одна 251
Одынъ у другого пытаемъ . . 258
Огни горять, музыка грае . . 292
Ой гляну я, подывлюся . 304
Ой чого ты почорнило . 374
Ой сяду я пидъ хатою . . 392
Ой люли, люли, моя дытыно 395
Ой не пьються пыва, меды —
Ой пишла я у яръ за водою . 397
Ой умеръ старый батько 387
Ой я свого чоловика 399
Ой выгострю товариша . 404
Ой маю, маю я оченята .
Ой диброво, темный гаю . 494
Перебендя 5
Прычынна . . . 28
Посланіе славному П І Шафарыкові 201
Пустка . . . 210
Пустка 244
По-надъ полемъ иде . 252
По улыци витеръ віе . . 386
Породыла мене маты 391
Полюбылася я . 393
Петрусь. . 420
Писня 489
Подражаніе Сербському . . . 496
П С 340
Плачъ Ярославны . . . 499
Русалка 234
Радуйся, ныво неполытая . . . 487
Рослы у купочци, зрослы . . . 498
Сычи . 380
Самому чудно. А де-жъ дитысь . 259
Сонце заходыть, горы чорніють . —
Сонъ 285
Сотныкъ 352
Слава 483
Сонъ 484
Сестри 490
Сонъ 164
Тарасова ничъ 11
Тополя 15
Тече вода въ сыне море . . 222

Шевченко. Гравюра въ Лондонѣ.



До 1844 року.

Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вамы!
На що сталы на папери
Сумнымы рядамы?
Чомъ васъ витеръ не розвіявъ
Въ степу, якъ пылыну?
Чомъ васъ лыхо не прыспало,
Якъ свою дытыну?
Бо васъ лыхо на свитъ на смихъ породыло,
Полывалы слёзы... чомъ не затопылы,
Не вынеслы въ море, не розмылы въ поли?
Не пыталы бъ люде, щó въ мене болыть,
Не пыталы бъ, за щó проклынаю долю,
Чого нужу свитомъ?... „Ничого робыть,“
Не сказалы бъ на смихъ...

Квиты мои, диты!
На-що жъ васъ кохавъ я, на-що доглядавъ?
Чы заплаче серце одно на всимъ свити,
Якъ я зъ вамы плакавъ? Може, и вгадавъ...
Може, найдеться дивоче
Серце, кари очи,
Що заплачуть на си думы—

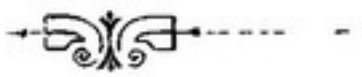
Я бильше не хочу.
Одну слёзу зъ очей карыхъ-
И панъ надъ панамы!
Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вамы!
За карыи оченята,
За чорныи бровы
Серце рвалося, сміялось,
Вылывало мову,
Вылывало, якъ умило;
За темныи ночи,
За вышневый садъ зеленый,
За ласкы дивочи...
За степы, та за могылы,
Що на Украини,
Серце млило: не хотило
Спивать на чужыни;
Не хотилось въ снигу, въ лиси,
Козацьку громаду
Зъ булавамы, зъ бунчукамы
Збирать на пораду...
Нехай души козацькыи
Въ Украйни витають—
Тамъ шыроко, тамъ весело
Одъ краю до краю,
Якъ та воля, що мынулась;
Днипръ шырокый—море,
Степъ и степъ, ревуть порогы,
И могылы-горы;
Тамъ родылась, гарцювала
Козацькая воля;
Тамъ шляхтою, татарамы
Засивала поле,
Засивала трупомъ поле,
Покы не остыло...
Лягла спочыть... а тымъ часомъ
Выросла могыла,
А надъ нею орелъ чорный

Сторожемъ литае,
И про неи добрымъ людямъ
Кобзари спивають,
Все спивають, якъ діялось,
Слипи неборакы,—
Бо дотепни... А я... а я
Тилько вмію плакать,
Тилько слёзы за Вкраину...
А слова—немае...
А за лыхо.... Та цуръ ёму!
Хто ёго не знае!...
А надто той, що дывыться
На людей душою —
Пекло ёму на симъ свити,
А на тимъ...

Журбою
Не наклычу соби доли,
Колы такъ не маю.
Нехай злыдни жывуть тры дни—
Я ихъ заховаю,
Заховаю змію люту
Коло свого серця,
Щобъ ворогы не бачылы,
Якъ лыхо сміеться.
Нехай думка, якъ той воронъ,
Литае, та кряче,
А серденько соловейкомъ
Щебече, та плаче
Нышкомъ — люде не побачуть,
То й не засміються...
Не втырайте-жъ мои слёзы,
Нехай соби льються,
Чуже поле полывають
Що-дня и що-ночи,
Покы попы не засыплють
Чужымъ пискомъ очи...
Оттаке-то... а що робыть!

Журба не поможе.
Хто-жъ сироти завыдуе—
Карай того, Боже!

Думы мои, думы мои,
Квиты мои, диты!
Выроставъ васъ, доглядавъ васъ—
Де жъ мени васъ диты?
Въ Украину идить, диты,
Въ нашу Украину,
По-пидъ-тынню, сыротамы,
А я — тутъ загыну.
Тамъ найдете щыре серце
И слово ласкаве,
Тамъ найдете щыру правду,
А ще, може, й славу...
Прывитай же, моя ненько,
Моя Украино,
Моихъ дитокъ нерозумныхъ,
Якъ свою дытыну.



ПЕРЕБЕНДЯ.

(Е. П Гребенкѣ).

Перебендя — старый, слипый,
Хто ёго не знае?
Винъ усюды вештаеться
Та на кобзи грае.
А хто грае, того знають
И дякують люде:
Винъ имъ тугу розганяе,
Хоть самъ свитомъ нудыть.
По-пидъ-тынню сиромаха
И днюе, й ночуе;
Нема ёму въ свити хаты,
Недоля жартуе
Надъ старою головою,
А ему байдуже;
Сыде соби, заспивае.
„Ой не шумы, луже!“
Заспивае, та й згадае,
Що винъ сыротына,
Пожурыться, посумуе,
Сыдячы пидъ тыномъ.
Оттакый-то Перебендя,
Старый та хымерный!
Заспивае про Чалого —
На „Горлыцю“ зверне;
Зъ дивчатамы на выгони —
„Грыця“ та веснянку,
А у шынку зъ парубкамы —
„Сербына“, „Шынкарку“;
Зъ жонатымы на бенкети
(Де свекруха злая) —
Про тополю, лыху долю,
А потимъ — „У гаю“.

На базари — про Лазаря,
Або, щобъ те зналы,
Тяжко-важко заспивае,
Якъ Сичъ руйнувалы.
Оттакый-то Перебендя,
Старый та хымерный!
Заспивае, засміеться,
А на слезы зверне.

Витеръ віе-повивае,
По полю гуляе.
На могыли кобзарь сыдыть
Та на кобзи грае.
Кругомъ ёго — степъ, якъ море
Шыроке, сыніе;
За могылою могыла,
А тамъ — тилько мріе.
Сывый усъ, стару чупрыну
Витеръ розвивае;
То прыляже та послуха,
Якъ кобзарь спивае,
Якъ серце сміеться, слипи очи плачуть...
Послуха, повіе.. .
Старый заховавсь
Въ степу на могыли, щобъ нихто не бачывъ,
Щобъ витеръ по полю слова розмахавъ,
Щобъ люде не чулы: бо то Боже слово,
То серце по воли зъ Богомъ розмовля,
То серце щебече Господнюю славу,
А думка край свита на хмари гуля.
Орломъ сызокрылымъ литае, шыряе,
Ажъ небо блакытне шырокымы бье;
Спочыне на сонци, его запытае,
Де воно ночуе, якъ воно встае;
Послухае моря, щó воно говорыть;
Спыта чорну гору: чого ты нима?
II знову на небо, бо на земли горе,
Бо на ій, шырокій, куточка нема

Тому, хто все знае, тому, хто все чуе:
Що море говорыть, де сонце ночуе.
Ёго на симъ свити нихто не прыйма!
Одынъ винъ мижъ нымы, якъ сонце высоке.
Ёго знають люде, бо носыть земля;
А якъ-бы почулы, щò винъ, одынокый,
Спива на могыли, зъ моремъ розмовля,—
На Божее слово воны бъ насміялысь,
Дурнымъ бы назвалы, одъ себе бъ прогналы:
„Нехай по-надъ моремъ“, сказалы бъ, „гуля!“

Добре есы, мій кобзарю,
Добре, батьку, робышъ,
Що спиваты-розмовляты
На могылу ходышъ!
Ходы соби, мій голубе,
Покы не заснуло
Твое серце, та выспивуй,
Щобъ люде не чулы.
А щобъ тебе не цуралысь,
Потурай имъ, брате!
„Скачы, враже, якъ панъ каже:
На те винъ багатый.“

Оттакый-то Перебендя,
Старый та хымерный!
Заспивае весильнои,
А на журбу зверне.

ИВАНЪ ПИДКОВА.

(В. И. Штернбергу).

I.

Було колысь — въ Украини
Ревилы гарматы;
Було колысь — Запорозци
Вмилы пануваты.
Пануваты, добувалы
И славу, и волю;
Мынулося, — осталыся
Могылы на поли!
Высокыи ти могылы,
Де лягло спочыты
Козацькее биле тило,
Въ кытайку повыте
Высокыи ти могылы
Чорнють, якъ горы,
Та про волю нышьомъ въ поли
Зъ витрамы говорять.
Свидокъ славы дидовщыны
Зъ витромъ розмовляе,
А внукъ косу несе въ росу,
За нымы спивае.

Було колысь — въ Украини
Лыхо танцювало,
Журба въ шынку медъ, горилку
Поставцемъ кружала.
Було колысь добре жыты
Нашій Украини ...
А згадаймо! може, серце
Хочъ трохы спочыне

II.

Чорна хмара зъ-за Лыману
Небо, сонце крые.
Сыне море звирюкою
То стогне, то вые.
Днипра гырло затопыло.
„А нуте, хлопьята,
На байдакы! Море грае —
Ходимъ погуляты!“

Высыпалы Запорозця —
Лыманъ човны вкрылы.
„Грай же, море!“ заспивалы, —
Запиныысь хвыли!
Кругомъ хвыли, якъ ти горы:
Ни земли, ни неба.
Серце мліе, а козакамъ
Того тилько й треба,
Плывуть соби та спивають!
Рыбалка литае. ..
А попереду отаманъ
Веде, куды знае.
Похожае вздовжъ байдака,
Гасне люлька въ роти;
Поглядае сюды, туды —
Де-го буть роботи?
Закрутывшы чорни усы,
За ухо чупрыну,
Пиднявъ шапку, човны сталы.
„Нехай ворогъ гыне!
Не въ Сынопу, отаманы,
Панове-молодци,
А у Царьградъ, до султана
Пойидемо въ гости!“
— „Добре, батьку-отамане!“
Кругомъ заревило.

„Спасыби вамъ!“
  Надивъ шапку.
Знову закыпило
Сыне море; вздовжъ байдака
Знову похожае
Панъ отаманъ, та на хвылю
Мовчкы поглядае.

ТАРАСОВА НИЧЪ.

(П. П. Мартосу)

На роспутти кобзарь сыдыть
Та на кобзи грае;
Кругомъ хлопци та дивчата,
Якъ макъ процвитае.
Грае кобзарь, выспивуе,
Вымовля словамы,
Якъ москали, орда, ляхы
Былысь зъ козакамы;
Якъ збиралась громадонька
Въ недиленьку въ-ранци;
Якъ ховалы козаченька
Въ зеленимъ байраци.
Грае кобзарь, выспивуе —
Ажъ лыхо сміеться...

„Встае хмара зъ-за Лыману,
А другая зъ поля;
Зажурылась Украина —
Така іи доля!
Зажурылась, заплакала,
Якъ мала дытына.
Нихто іи не рятуе...
Козачество гыне;
Гыне слава, батькивщына;
Немае де дитысь;
Выростають нехрещени
Козацькыи диты;
Кохаються невинчани;
Безъ попа ховають;
Запродана жыдамъ вира,
Въ церкву не пускають!
Якъ та галичъ поле крые,

Ляхы, уніяты
Налитають, — нема кому
Порадоньки даты.
Обизвався Налывайко —
Не стало Крывчыны!
Обизвавсь козакъ Павлюга —
За нею полынувъ!
Обизвавсь Тарасъ Трясыло
Гиркымы слезамы:
„Бидна моя Украино,
Стоптана Ляхамы“!

Обизвавсь Тарасъ Трясыло
Виру рятоваты,
Обизвався, орелъ сызый,
Та й давъ ляхамъ знаты!
Обизвався панъ Трясыло:
„А годи журыться!
А ходимъ лышъ, паныбраты,
Зъ полякамы быться“!
Вже не тры дни, не тры ночи
Бьеться панъ Трясыло.
Одъ Лымана до Трубайла
Трупомъ поле крылось.
Изнемигся козаченько,
Тяжко зажурывся,
А поганый Конецьпольскый
Дуже звеселывся;
Зибравъ шляхту всю до-купы,
Та й ну частоваты.
Зибравъ Тарасъ козаченькивъ —
Порады прохаты:
„Отаманы, товарыши,
„Браты мои, диты!
Дайте мени порадоньку,
„Щò будемъ робыты?
„Бенкетують вражи ляхы
„Наше безголовье“.

— „Нехай соби бенкетують,
„Нехай на здоровье!
„Нехай кляти бенкетують,
„Покы сонце зайде,
„А ничъ-маты дасть пораду —
„Козакъ ляха знайде“.

„Лягло сонце за горою
Зиркы засіялы,
А козакы, якъ та хмара,
Ляхивъ обступалы.
Якъ ставъ мисяць середъ неба,
Ревнула гармата;
Прокынулысь ляшкы-панкы —
Никуды втикаты!
Прокынулысь ляшкы-панкы
Та й не повставалы:
Зійшло сонце — ляшкы-панкы
Покотомъ лежалы.

„Червоною гадюкою
Несе Альта висти,
Щобъ летилы крюкы зъ поля
Ляшкивъ-панкивъ йисты.
Налетилы чорни крюкы
Вельможныхъ будыты;
Зибралося козачество
Богу помолытысь.
Закрякалы чорни крюкы,
Выймаючы очи;
Заспивалы козаченькы
Писню тіи ночи,—
Тіи ночи кривавои,
Що славною стала
Тарасови, козачеству,
Ляхивъ що прыспала.

„Надъ ричкою, въ чыстимъ поли
Могыла чорніе;

Де кровъ текла козацькая,
Трава зеленіе
Сыдыть воронъ на могыли
Та зъ голоду кряче.
Згада козакъ Гетьманщину
Згада, та й заплаче:
Умовкъ кобзарь сумуючы:
Щось рукы не грають,
Кругомъ хлопци та дивчата
Слизонькы втырають.
Пишовъ кобзарь по улыци —
Зъ журбы якъ заграе! —
Кругомъ хлопци навпрысядькы,
А винъ вымовляе:
„Нехай буде оттакечкы!
Сыдить диты у запичку,
А я зъ журбы та до шынку
А тамъ найду свою жинку,
Найду жинку, почастую,
Зъ вороженькивъ покенкую“.

ТОПОЛЯ.

(П. С. Петровской).

По диброви витеръ вые,
Гуляе по полю,
Край дороги гне тополю
До самого долу.
Станъ высокый, лыстъ шырокый
На-що зеленіе?
Кругомъ поле, якъ те море
Шыроке, сыніе.
Чумакъ иде, подывыться,
Та й голову схылыть;
Чабанъ въ-ранця зъ сопилкою
Сяде на могыли,
Подывыться серце ные:
Кругомъ ни былыны!
Одна, одна, якъ сырога
На чужыни, гыне!

Хто жъ выкохавъ тонку, гнучку
Въ степу погыбаты?
Постривайте, все розскажу.
Слухайте жъ дивчата!
Полюбыла чорнобрыва
Козака дивчына,
Полюбыла не спынила,
Пишовъ, та й загынувъ.
Якъ-бы знала, що покыне,
Була бъ не любыла;
Якъ-бы знала, що загыне,
Була бъ не пустыла;
Якъ-бы знала, не ходыла бъ
Низко за водою,

Не стояла бъ до пивночи
Зъ мылымъ пидъ вербою;
Якъ-бы знала!...

И то лыхо —
Попереду знаты,
Що намъ въ свити зостринеться...
Не знайте, дивчата!
Не пытайте свою долю!...
Само серце знае,
Кого любыть... Нехай вьяне,
Покы закопають!
Бо не довго, чорнобрыви,
Кари оченята,
Биле лычко червоне,
Не довго, дивчата!
До полудня, та й завьяне,
Бровы полыняють...
Кохайтеся жъ, любитеся,
Якъ серденько знае

Защебече соловейко
Въ лузи на калыни, —
Заспивае козаченько,
Ходя по долыни.
Выспивуе, покы выйде
Чорнобрыва зъ хаты;
А винъ іи запытае:
„Чы не была маты?“
Стануть соби, обіймуться, —
Спива соловейко;
Послухають, розійдуться, —
Обое раденьки
Нихто того не побачыть,
Нихто не спытае:
„Де ты була, щò робыла?“
Сама соби знае.
Любылася, кохалася,

А серденько млило:
Воно чуло недоленьку,
А сказать не вмило.
Не сказало, — осталася,
День и ничъ воркуе,
Якъ голубка безъ голуба.
А нихто не чуе

Не щебече соловейко
Въ лузи надъ водою,
Не спивае чорнобрыва.
Стоя пидъ вербою;
Не спивае, — якъ сырота,
Билымъ свитомъ нудыть
Безъ мылого батько, маты —
Якъ чужыи люде;
Безъ мылого сонце свитыть —
Якъ ворогъ сметься;
Безъ мылого скризь могыла..
А серденько бьеться!
Мынувъ и рикъ, мынувъ другый —
Козака немае;
Сохне вона, якъ квиточка, —
Нихто не пытае.
„Чого вьянешъ, моя доню?“
Маты не спытала,
За старого, багатого
Ныщечкомъ еднала.
„Иды, доню!“ каже маты:
„Не викъ дивуваты.
Винъ багатый, одынокый —
Будешъ пануваты.“
— „Не хочу я пануваты.
Не пиду я, мамо!
Рушныкамы, що прыдбала,
Спусты мене въ яму.
Нехай попы заспивають,
А дружкы заплачуть:

Легше мени въ труни лежать,
А нижъ ёго бачыть.“

Не слухала стара маты,
Робыла, що знала,
Все бачыла чорнобрыва,
Сохла и мовчала.
Пишла въ ночи до ворожкы,
Щобъ поворожыты,
Чы довго ій на симъ свити
Безъ мылого жыты?
„Бабусенько, голубонько,
Серце мое, ненько!
Скажы мени щыру правду,
Де мылый серденько?
Чы жывъ, здоровъ, чы винъ любыть,
Чы забувъ, покынувъ?
Скажы жъ мени, де мій мылый?
Край свита полыну!
Бабусенько, голубонько,
Скажы, колы знаешъ!
Бо виддае мене маты
За старого замижъ
Любыть его, моя сыза, —
Серце не навчыты.
Пишла бъ же я утопылась —
Жаль душу згубыты.
Колы не жывъ чорнобрывый,
Зробы, моя пташко,
Щобъ до-дому не вернулась ..
Тяжко мени, тяжко!
Тамъ старый жде зъ старостамы...
Скажы жъ мою долю.“
— „Добре, доню; спочынь трошкы...
Чыны жъ мою волю.
Сама колысь дивувала,
Тее лыхо знаю;
Мынулося, навчылася —

Людямъ помогаю.
Твою долю, моя доню,
Позаторикъ знала,
Позаторикъ и зиллячка
Для того прыдбала."

Пишла стара, мовъ каламарь
Достала зъ полыци.
„Ось нà тоби сéго дыва!
Пиды до крыныци;
Покы пивни не спивалы,
Умыйся водою,
Выпый трошкы сéго зилля —
Все лыхо загоить.
Выпьешъ, — бижы, яко мога;
Що-бъ тамъ ни крычало,
Не оглянься, покы станешъ
Ажъ тамъ, де прощалась.
Одпочынешъ; а якъ стане
Мисяць середъ неба,
Выпый ще разъ; не прыйиде —
Въ-трете выпыть треба.
За першый разъ, якъ за той рикъ,
Будешъ ты такою;
А за другый — середъ степу
Тупне кинь ногою.
Колы жывый козаченько,
То заразъ прыбуде.
А за третій... моя доню,
Не пытай, щò буде.
Та ще, чуешъ, не хрестыся,
Бо все пиде въ воду.
Теперъ же йды, подывыся
На торишню вроду."

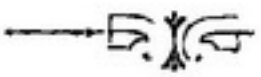
Взяла зилля, поклонылась:
„Спасыби, бабусю!"
Выйшла зъ хаты: „Чы йты, чы ни?

Ни, вже не вернуся!"
Пишла, вмылась, напылася —
Мовъ не своя стала;
Въ-друге, въ-трете, та, мовъ сонна,
Въ степу заспивала:

„Плавай, плавай, лебедонько,
По сынёму морю,
Росты, росты, тополенько,
Все вгору, та вгору!
Росты тонка та высока
До самои хмары,
Спытай Бога, чы дижду я,
Чы не дижду пары?
Росты, росты, подывыся
За сынее море.
По тимъ боци — моя доля,
По симъ боци — горе.
Тамъ десь мылый чорнобрывый
По полю гуляе,
А я плачу, лита трачу,
Его выглядаю
Скажы ёму, мое серце,
Що сміються люде;
Скажы ёму, що загыну,
Колы не прыбуде.
Сама хоче мене маты
Въ землю заховаты...
А хто жъ ти головоньку
Буде доглядаты?
Хто догляне, розпытае,
На старисть поможе?
Мамо моя, доле моя!
Боже мылый, Боже!
Подывыся, тополенько,
Якъ нема — заплачешъ
До схидъ сонця ранисинько,
Щобъ нихто не бачывъ.

Росты жъ, серце тополенько,
Все вгору, та вгору;
Плавай, плавай, лебедонько,
По сынёму морю!“

Таку писню чорнобрыва
Въ степу заспивала.
Зилля дыва наробыло —
Тополею стала.
Не вернулася до-дому,
Не диждала пары;
Тонка, тонка та высока —
До самои хмары.
  По диброви витеръ вые,
Гуляе по полю,
Край дорогы гне тополю
До самого долу.



ГАМАЛІЯ.

Ой нема, нема ни витру, ни хвыли
Изъ нашои Украины!
Чы тамъ раду радять, якъ на турка статы,—
Не чуемо на чужыни.“
„Ой повій, повій, витре, черезъ море
Та зъ Велыкого Лугу,
Сушы наши слезы, заглушы кайданы,
Розвій нашу тугу!“

„Ой заграй, заграй, сынесеньке море,
Та пидъ тымы байдакамы,
Що плывуть козакы, тилько мріють шапкы,
Та на сей бикъ за намы.“

„Ой Боже нашъ, Боже! хочъ и не за намы,
Несы Ты ихъ зъ Украины·
Почуемо славу, козацькую славу,
Почуемо, та й загынемъ “

Оттакъ у Скутари козакы спивалы
Спивалы, сердегы, а слезы, лылысь;
Лылыся козацьки, тугу домовлялы.
Босфоръ ажъ затрясся, бо зъ-роду не чувъ
Козацького плачу; застогнавъ, шырокый,
И шкурою, сирый бугай, стрепенувъ,
И хвылю, ревучы, далеко-далеко
У сынее море на ребрахъ пославъ.
И море ревнуло, Босфорову мову
У Лыманъ погнало, а Лыманъ Днипрови
Тую журбу-мову на хвыли подавъ.

Зареготався дидъ нашъ дужый,
Ажъ пина зъ уса потекла.

„Чы спышъ, чы чуешъ, брате Луже?
Хортыце сестро?“
Загула
Хортыця зъ Лугомъ: „Чую, чую!“
И Днипръ укрылы байдакы,
И заспивалы козакы:

„У туркени, по тимъ боци,
Хата на помости.
Гай, гай! море, грай!
Ревы, скели ламай!
Пойидемо въ гости.“

„У туркени у кышени
Таляры, дукаты,
Не кышени трусыть,
Йидемъ ризать, палыть,
Бративъ вызволяты!“

„У туркени янычары
И баша на лави.
Гой гы, ворогы!
Мы не маемъ вагы!
Наша воля й слава!“

Плывуть соби, спиваючы.
Море витеръ чуе.
Попереду Гамалія
Байдакомъ керуе.
Гамалію, серце мліе:
Сказылося море!
Не злякае! я сховалысь
За хвыли—за горы.

Дримае въ харемі въ раю Вызантія,
И Скутарь дримае; Босфоръ клыкотыть,
Неначе скаженый; то стогне, то выє:
Єму Вызантію хочеться збудыть.

„Не буды, Босфоре. буде тоби горе!
Твои били ребра писькомъ занесу,
У мулъ поховаю! (реве сыне море).
Хыба ты не знаешъ, я:ыхъ я несу
Гостей до султана?“

Такъ море спыняло
(Любыло завзятыхъ чубатыхъ славянъ)
Босфоръ схаменувся Туркеня дримала,
Дримавъ у хареми ледачый султанъ.
Тилько у Скутари, въ склепу, не дримають
Козакы сердегы. Чого воны ждуть?
По-своему Бога въ кайданахъ благають,
А хвыли на той бикъ идуть та ревуть.

„О, мылый Боже Украины!
Не дай пропасты на чужыни,
Въ неволи вольнымъ козакамъ!
И соромъ тутъ, и соромъ тамъ —
Вставать зъ чужои домовыны,
На судъ Твій праведный прыйты,
Вь зализахъ рукы прынесты,
И передъ всимы у кайданахъ
Стать козакови ..“

„Рижъ и бый!
Мордуй невиру бусурмана!“
Крычять за муромъ. Хто такый?...“
Гамалію, серце мліе·
Скутарь скаженіе!
„Ріжте, быйте!“ на фортеця
Крычыть Гамалія.

Реве гарматамы Скутара,
Ревуть, лютують ворогы;
Козацьство преться безъ вагы —
И покотылысь янычары.
Гамалія по Скутари —

По пеклу гуляе;
Самъ хурдыгу розбывае,
Кайданы ламае.

„Вылитайте, сири птахы,
На базаръ до паю!“
Стрепенулысь соколята,
Бо давно не чулы
Хрещенои тіи мовы.
И ничъ стрепенулась:
Не бачыла, стара маты,
Козацькои платы.
Не лякайся, подывыся
На бенкетъ козачый.
Темно всюды, якъ у будень,
А свято чымале.
Не злодіи зъ Гамаліемъ
Йидять мовчкы сало
Безъ шашлыка. „Засвитымо!“
До самои хмары
Зъ щоглыстымы кораблямы
Палае Скутара.
Вызантія пробуркалась,
Вытрыщае очи;
Переплыва на помогу,
Зубамы скрегоче.

Реве, лютуе Вызантія,
Рукамы берегъ достае;
Достала, зыкнула, встае —
И на ножахъ въ крови ниміе.
Скутарь, мовъ пекло те, палае;
Черезъ базары кровъ тече,
Босфоръ шырокый долывае.
Неначе птахы чорни въ гаи,
Козацьство смилыво литае.
Нихто на свити не втече!
Огонь запеклыхъ не пече:

Руйнують муры, сриблo-злото
Несуть шапкамы козакы
И насыпають байдакы.
Горыть Скутарь, стыха робота,
И хлопци сходяться; зійшлысь,
Люлькы зъ пожару закурылы,
На байдакы,—та й потяглы,
Рвучы червони горы-хвыли.
Плывуть соби, нибы зъ дому,
Такъ буцимъ гуляють,
Та, звычайне Запорозци,
Плывучы спиваютъ

„Нашъ отаманъ Гамалія,
Отаманъ завзятый,
Забравъ хлопцивъ та й пойихавъ
По морю гуляты, —
По морю гуляты,
Славы добуваты,
Изъ турецькои неволи
Бративъ вызволяты.
Ой прыйихавъ Гамалія
Ажъ у ту Скутару, —
Сыдять браты Запорозци,
Дожыдають кары.
Ой якъ крыкнувъ Гамалія:
„Браты, будемъ жыты, —
Будемъ жыты, выно пыты,
Янычара быты,
А курени кылымамы,
Оксамытомъ крыты!“
Вылиталы Запорозци
На ланъ жыто жаты;
Жыто жалы, въ копы клалы,
Гуртомъ заспивалы:
„Слава тоби, Гамаліе,
На весь свитъ велыкый, —
На весь свитъ велыкый,

На всю Украину,
Що не давъ ты товарыству
Згынуть на чужыни!“

Плывуть спиваючы; плыве
Позадъ завзятый Гамалія:
Орелъ орлятъ мовъ стереже;
Изъ Дарданеливъ витеръ віе,
А не женеться Вызантія:
Вона боиться, щобъ чернець
Не засвитывъ Галату знову,
Або гетьманъ Иванъ Пидкова
Не клыкнувъ въ море на ралець.
Плывуть соби, а изъ-за хвыли
Сонце хвылю червоныть;
Передъ нымы море мыле
Гомоныть и клыкотыть.

Гамаліе, витеръ віе ..
Ось-ось наше море!...
И сховалыся за хвыли —
За рожеви горы.

ПРЫЧЫННА.

Реве та стогне Днипръ шыроный,
Сердытый витеръ завыва,
До-долу вербы гне высоки,
Горамы хвылю пидйма
И блидный мисяць на ту пору
Изъ хмары де-де выглядавъ,
Неначе човенъ въ сынимъ мори,
То вырынавъ, то потопавъ.
Ще трети пивни не спивалы,
Нихто нигде не гомонивъ,
Сычи въ гаю переклыкалысь,
Та ясень разъ-у-разъ скрыпивъ.

Въ таку добу пидъ горою,
Биля того гаю,
Що чорніе надъ водою,
Щось биле блукае.
Може выйшла русалонька
Матери шукаты,
А може жде козаченька,
Щобъ залоскотаты.
Не русалонька блукае:
То дивчына ходыть,
Й сама не зна (бо прычынна),
Що такее робыть.
Такъ ворожка поробыла,
Щобъ менше скучала,
Щобъ, бачъ, ходя о-пивночи
Спала й выглядала
Козаченька молодого,
Що торикъ покынувъ.
Обищався вернутыся,
Та, мабуть, и згынувъ!

Не кытайкою покрылысь
Козацькыи очи,
Не вымылы биле лычко
Слизонькы дивочи:
Орелъ выйнявъ кари очи
На чужому поли,
Биле тило вовкы зьилы, —
Така ёго доля.
Дарма що ничъ, дивчынонька
Ёго выглядае.
Не вернеться чорнобрывый
Та й не прывитае,
Не розплете довгу косу,
Хустку не завьяже,
Не на лижко, въ домовыну
Сыротою ляже!

Така іи доля... О, Боже мій мылый!
За що жъ Ты караешъ іи молоду?
За те, що такъ щыро вона полюбыла
Козацькыи очи?... Просты сыроту!
Кого жъ ій любыты? ни батька, ни неньки;
Одна, якъ та пташка въ далекимъ краю.
Пошлы жъ Ты ій долю—вона молоденька—
Бо люде чужыи іи засміють.
Чы выина жъ голубка, що голуба любыть?
Чы выненъ той голубъ, що сокиль убывъ?
Сумуе, воркуе, билымъ свитомъ нудыть,
Литае, шукае, дума—заблудывъ.
Щаслыва голубка: высоко литае,
Полыне до Бога—мылого пытать.
Кого жъ сыротына, кого запытае,
И хто ій розскаже, и хто тее знае,
Де мылый ночуе: чы въ темному гаю,
Чы въ быстримъ Дунаю коня напува,
Чы, може, зъ другою, другую кохае
Іи чорнобрыву уже забува?
Якъ-бы то далыся орлыныи крыла,

За сынимъ бы моремъ мылого знайшла,
Жывого бъ любыла, другу бъ задушыла,
А до нежывого у яму бъ лягла!
Не такъ серце любыть, щобъ зъ кымъ подилыться,
Не такъ воно хоче, якъ Богъ намъ дае:
Воно жыть не хоче, не хоче журыться.
„Журысь!“ каже думка,—жалю завдае
О, Боже мій мылый! така Твоя воля,
Таке іи щастя, така іи доля!

Вона все ходыть, зъ устъ ни пары
Шырокый Днипръ не гомоныть;
Розбывшы витеръ чорни хмары,
Лигъ биля моря одпочыть,
А зъ неба мисяць такъ и сяе,
И надъ водою, и надъ гаемъ,
Кругомъ, якъ въ уси, все мовчыть...
Ажъ гулькъ—зъ Днипра повырыналы
Малыи диты сміючысь.
„Ходимо гриться!“ закрычалы.
„Зійшло вже сонце!“ (Голи скризь,
Зъ осокы косы, бо дивчата).
. . . . . .
„Чы вси вы тута?“ клыче маты:
„Ходимъ шукаты вечерять.
Пограемось, погуляймо,
Та писеньку заспиваймо.“

„Ухъ! ухъ!
Соломьяный духъ, духъ!
Мене маты породыла,
Нехрещену положыла.
Мисяченьку!
Нашъ голубоньку!
Ходы до насъ вечеряты:
У насъ козакъ въ очерети,
Въ очерети, въ осоци,
Срибный перстень на руци,

Молоденькый, чернобровый;
Знайшлы вчора у диброви.
Свиты довше въ чыстимъ поли,
Щобъ нагулятысь доволи.
Покы видьмы ще литають,
Покы пивни не спивають,
Посвиты намъ... Онъ щось ходыть!
Онъ пидъ дубомъ щось тамъ робыть.
Ухъ! ухъ!
Соломьяный духъ, духъ!
Мене маты породыла,
Нехрещену положыла."

Зареготалысь нехрещени...
Гай обизвався; галасъ, зыкъ,
Орда мовъ риже. Мовъ скажени,
Летять до дуба.. Ничычыркъ!..

Схаменулысь нехрещени...
Дывляться—мелькае,
Щось лизе вверхъ по стовбуру
До самого краю.
Отто-жъ тая дивчынонька,
Що сонна блудыла:
Оттаку-то ій прычыну
Ворожба зробыла!
На самый верхъ, на гилечци
Стала... въ серце коле!
Подывылась на вси бокы,
Та й лизе до-долу.
Кругомъ дуба русалонькы
Мовчкы дожыдалы;
Взялы іи, сердешную,
Та й залоскоталы.
Довго-довго дывувалысь
На іи уроду...
Трети пивни—„кукурику!" —
Шелеснулы въ воду.'

Защебетавъ жайворонокъ,
У гору летючы;
Закувала зозуленька,
На дубу сыдючы;
Защебетавъ соловейко —
Пишла луна гаемъ;
Червоніе за горою;
Плугатырь спивае.
Чорніе гай надъ водою,
Де ляхы ходылы;
Засынилы по-надъ Днипромъ
Высоки могылы;
Пишовъ шелестъ по диброви,
Шепчуть густи лозы...
А дивчына спыть пидъ дубомъ,
Пры бытій дорози.
Знать, добре спыть, що не чуе,
Якъ куе зозуля
Що не личыть, чы довго жить ..
Знать, добре заснула.

А тымъ часомъ изъ дибровы
Козакъ выйизжае;
Пидъ нымъ конькъ вороненькый
Насылу ступае.
„Изнемигся, товарышу!
Сегодни спочынемъ,
Блызько хата, де дивчына
Ворота одчынить.
А може вже одчынила
Не мени, другому...
Швыдче, коню, швыдче, коню,
Поспишай до-дому!“
Утомывся вороненькый,
Иде, спотыкнеться, —
Коло серця козацького
Якъ гадына вьеться.
„Ось и дубъ той кучерявый...

Вона! Боже мылый!
Бачъ, заснула выглядавшы
Моя сызокрыла!“
Кынувъ коня та до неи·
„Боже Ты мій, Боже!“
Клыче іи та цилуе...
Ни, вже не поможе!
„За що жъ воны розлучылы
Мене изъ тобою?“
Зареготавсь, розигнався,—
Та въ дубъ головою!

Идуть дивчата въ поле жаты
Та знай спивають идучы,
Якъ провожала сына маты,
Якъ бывсь татарынъ у-ночи.
Идуть — пидъ дубомъ зелененькымъ
Кинь замордованый стоить,
А биля его — молоденькый
Козакъ та дивчына лежыть
Цикави (нигде правды диты)
Пидкралыся, щобъ излякать;
Колы подывляться, що вбытый, —
Зъ переполоху ну втикать!

Збиралыся подруженькы, —
Слизонькы втырають;
Збиралыся товарыши, —
Та ямы копають;
Прыйшлы попы за корогвамы,
Задзвонылы дзвоны
Поховалы громадою,
Якъ слидъ, по закону
Насыпалы край дорогы
Дви могылы въ жыти.
Нема кому запытаты,
За що ихъ убыто?
Посадылы надъ козакомъ

а
тек
672-1

Явиръ та ялыну,
А въ головахъ у дивчыны
Червону калыну.
Прылитае зозуленька
Надъ нымы куваты;
Прылитае соловейко
Що-ничъ щебетаты;
Выспивуе та щебече,
Покы мисяць зійде,
Покы тыи русалонькы
Зъ Днипра гритысь выйдуть. —

ХУСТЫНА. *)

У недилю не гуляла —
На шовкъ заробляла,
Та хустыну вышывала,
Вышываючы спивала:

„Хустыночко мережаная,
Вышываная!
Выгаптую — подарую,
А винъ мене поцилуе...
Хустыно моя
Малеваная!...
А я косу розплитаю,
Зъ дружыною похожаю...
Доленько моя....
Здывуються въ-ранци люде,
Що въ сыроты хустка буде—
Мережаная,
Малеваная.“

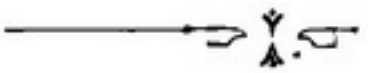
Оттакъ вона вышывала
И въ виконце поглядала,
Чы не ревуть круторогі,
Чы не йде чумакъ зъ дорогы?
Иде чумакъ зъ-за Лыману
Зъ чужымъ добромъ, безталанный,
Чужи волы поганяе,
Поганяючы спивае:

*) „Хустына“ знайшлась мижъ бумагамы Олександра Олексіевыча Корсуна, що въ 1840 р. выдавъ украинськый збирныкъ „Снпъ“ Вона мала друковатысь у другій книжці того-жъ збирныка. Биньшь якъ черезъ 40 литъ писля того, якъ ии написано, вона вперше була надрукована у київському збирныку „Луна“ 1881 р

Кобзарь

„Доле моя, доле!
Чомъ ты не такая,
Якъ доля чужая?
Чы я пью-гуляю,
Чы сылы не маю,
Чы до тебе дориженькы
У степу не знаю?
Чы до тебе свои дары
Я не посылаю?
Е у мене дары —
Очи мои кари;
Молодую мою сылу
Багачи купылы.....
Може й дивчыну безъ мене
Зъ иншымъ одружылы
Навчы-жъ мене, доле,
Гуляты навчы.“
Та й заплакавъ сиромаха,
Степомъ идучы.. ..
Ой заплакавъ сывый пугачъ
Въ степу на могыли —
Зажурылысь чумаченькы,
Тяжко зажурылысь:
„Благословы, отамане,
Коло села статы,
Та повезимъ товарыша
Въ село прычащаты.“
Сповидалы, прычащалы,
Й ворожокъ пыталы,
Не помогло!.. Зъ незциленнымъ
Въ дорогу рушалы.
Чы то нудьга невсыпуща
Его зъ нигъ звалыла?
Чы то люде наробылы
Ему молодому,
Що прывезлы ёго зъ Дону
На вози до дому?
Благавъ Бога, щобъ дивчыну

Хочъ свою побачыть,
Не доблагавъ!.. Поховалы,
Нихто й не заплаче ....
Поставылы громадою
Хрестъ надъ сыротою,
Та й розійшлысь... Якъ былына,
Якъ лыстъ за водою,
Пишовъ козакъ зъ сего свиту, —
Все забравъ зъ собою....
А де-жъ тая малевана —
Шытая хустына?
А де-жъ тая веселая
Дивчына-дытына?
На новому хрести хустку
Витеръ розвивае,
А дивчына у черныцяхъ
Косу розплитае....



КАТЕРЫНА.

(Василю Андреевичу Жуковскому на память 22-го Апрѣля 1838 года).

Кохайтеся, чернобрыви,
Та не зъ москалямы,
Бо москали — чужи люде,
Роблять лыхо зъ вамы.
Москаль любыть жартуючы,
Жартуючы кыне;
Пиде въ свою Московщыну,
А дивчына гыне. .
Якъ-бы сама, ще бъ ничого,
А то й стара маты,
Що родыла на свитъ Божый,
Мусыть погыбаты.
Серце вьяне спиваючы,
Колы знае за-що;
Люде серця не спытають,
А скажуть: „ледащо!“
Кохайтеся жъ, чернобрыви,
Та не зъ москалямы,
Бо москали — чужи люде,
Смiються надъ вамы.
Не слухала Катерына
Ни батька, ни ненькы,
Полюбыла москалыка,
Якъ знало серденько.
Полюбыла молодого,
Въ садочокъ ходыла,
Покы себе, свою долю
Тамъ занапастыла.
Клыче маты вечеряты,
А донька не чуе:

Де жартуе зъ москалыкомъ,
Тамъ и заночуе.
Не дви ночи кари очи
Любо цилувала,
Покы слава на все село
Недобрая стала.
Нехай соби тыи люде
Що хотять говорять:
Вона любыть, то й не чуе,
Що вкралося горе.
Прыйшлы висти недобрыи —
Въ походъ затрубылы;
Пишовъ москаль въ Туреччыну;
Катрусю накрылы.
Не счулася, та й байдуже,
Що коса покрыта·
За мылого, якъ спиваты,
Любо й потужыты.
Обищався чорнобрывый,
Колы не загыне,
Обищався вернутыся.
Тоди Катерына
Буде соби московкою,
Забудеться горе;
А покы-що, нехай люде
Що хотять говорять.
Не журыться Катерына —
Слизонькы втырае,
Що дивчата на улыци
Безъ неи спивають.
Не журыться Катерына —
Вмыеться слёзою,
Визьме видра, о-пивъ-ночи,
Пиде за водою,
Щобъ ворогы не бачылы;
Прыйде до крыныци,
Стане соби пидъ калыну,
Заспивае „Грыця“.

Выспивуе, вымовляе,
Ажъ калына плаче.
Вернулася — и раденька,
Що нихто не бачывъ.
Не журыться Катерына
И гадкы не мае —
У новенькій хустыночци
Въ викно выглядае.
Выглядае Катерына...
Мынуло пивъ року—
Занудыло коло серця,
Закололо въ боку.
Нездужае Катерына,
Ледве-ледве дыше...
Вычуняла, та въ запичку
Дытыну колыше.
А жиночкы лыхо дзвонять,
Матери глузують,
Що москали вертаються
Та въ неи ночують:
„Въ тебе дочка чорнобрыва,
Та ще й не едина,
А муштруе у запичку
Московського сына.
Чорнобрывого прыдбала. .
Мабуть, сама вчыла...“
Бодай же васъ, цокотухы,
Та злыдни побылы,
Якъ ту матиръ, що вамъ на смихъ
Сына породыла.

Катерыно, серце мое!
Лышенько зъ тобою!
Де ты въ свити подинешся
Зъ малымъ сыротою?
Хто спытае, прывитае,
Безъ мылого въ свити?

Батько, маты — чужи люде,
Тяжко зъ нымы жыты!

Вычуняла Катерына,
Одсуне кватырку,
Поглядае на улыцю,
Колыше дытынку;
Поглядае — нема, нема...
Чы то жъ и не буде?
Пишла бъ въ садокъ поплакаты,
Такъ дывляться люде.
Зайде сонце — Катерына
По садочку ходыть,
На рученькахъ носыть сына,
Очыци поводыть:
„Оттутъ зъ муштры выглядала,
Оттутъ розмовляла,
А тамъ... а тамъ... сыну, сыну!“
Та й не доказала

Зеленютъ по садочку
Черешни та вышни;
Якъ и перше выходыла,
Катерына выйшла.
Выйшла, та вже не спивае,
Якъ перше спивала,
Якъ москаля молодого
Въ вышныкъ дожыдала.
Не спивае чорнобрыва,
Кляне свою долю.
А тымъ часомъ вороженькы
Чынять свою волю —
Кують речи недобрыи.
Що мае робыты?
Якъ бы мылый чорнобрывый,
Умивъ бы спыныты...
Такъ далеко чорнобрывый,
Не чуе, не бачыть,

Якъ ворогы сміються ій,
Якъ Катруся плаче.
Може вбытый чорнобрывый
За тыхымъ Дунаемъ;
А може — вже въ Московщыни
Другую кохае! -
Ни, чорнявый не убытый,
Винъ жывый, здоровый...
А де жъ найде таки очи,
Таки чорни бровы?
На край свита, въ Московщыни,
По тимъ боци моря, —
Нема нигде Катерыны;
Та здалась на горе!...
Вмила маты бровы даты,
Кари оченята,
Та не вмила на симъ свити
Щастя-доли даты.
А безъ доли биле лычко —
Якъ квитка на поли:
Пече сонце, гойда витеръ,
Рве всякый по воли.
Умывай же биле лычко
Дрибнымы слёзамы,
Бо вернулысь москалыкы
Иншымы шляхамы.

II.

Сыдыть батько кинець стола,
На руку схылывся,
Не дывыться на свитъ Божый:
Тяжко зажурывся.
Коло ёго стара маты
Сыдыть на ослони,

За слёзамы ледве-ледве
Вымовляе дони:
„Що весилля, доню моя?
А де жъ твоя пара?
Де свитылкы зъ друженькамы,
Старосты, бояре?
Въ Московщыни, доню моя!
Иды жъ ихъ шукаты;
Та не кажы добрымъ людямъ,
Що е въ тебе маты.
Проклятый часъ-годыноньки,
Що ты народылась!
Якъ-бы знала, до схидъ сонця
Була бъ утопыла...
Здалась тоди бъ ты гадыни,
Теперъ — москалеви...
Доню моя, доню моя,
Цвите мій рожевый!
Якъ ягидку, якъ пташечку,
Кохала, ростыла
На лышенько... Доню моя,
Що ты наробыла?...
Оддячыла!... Иды жъ, шукай
У Москви свекрухы.
Не слухала моихъ ричей,
То іи послухай.
Иды, доню, найды іи,
Найды, прывитайся,
Будь щаслыва въ чужыхъ людяхъ,
До насъ не вертайся!
Не вертайся, дытя мое,
Зъ далекого краю...
А хто жъ мою головоньку
Безъ тебе сховае?
Хто заплаче надо мною,
Якъ ридна дытына?
Хто посадыть на могыли
Червону калыну?

Хто безъ тебе гришну душу
Помынаты буде?
Доню моя, доню моя,
Дытя мое любе!
Иды одъ насъ...“

Ледве-ледве
Поблагословыла:
„Богъ зъ тобою!“ та, якъ мертва,
На дилъ повалылась...

Обизвався старый батько:
„Чого ждешъ, небого?“
Зарыдала Катерына,
Та бухъ ёму въ ногы:
„Просты мени, мій батечку,
Що я наробыла!
Просты мени, мій голубе,
Мій соколе мылый!“
— „Нехай тебе Богъ прощае
Та добрыи люде;
Молысь Богу та йды соби, —
Мени легше буде.“

Ледве встала, поклонылась,
Выйшла мовчкы зъ хаты —
Осталыся сыротамы
Старый батько й маты.
Пишла въ садокъ у вышневый,
Богу помолылась,
Взяла земли пидъ вышнею,
На хрестъ почепыла;
Промовыла: „Не вернуся!
Въ далекому краю
Въ чужу землю чужи люде
Мене заховають;
А своеи ся крыхотка
Надо мною ляже

Та про долю, мое горе,
Чужымъ людямъ скаже...
Не розсказуй, голубонько,
Де бъ не заховалы,
Щобъ гришнои на симъ свити
Люде не займалы.
Ты не скажешъ... ось хто скаже,
Що я ёго маты!
Боже ты мій!... лыхо мое!
Де мени сховатысь?
Заховаюсь, дытя мое,
Сама пидъ водою,
А ты грихъ мій спокутуешъ
Въ людяхъ сыротою,
Безбатченкомъ!..."

Пишла селомъ,
Плаче Катерына;
На голови хустыночка,
На рукахъ дытына.
Выйшла зъ села — серце мліе;
Назадъ подывылась,
Покывала головою,
Та й заголосыла.
Якъ тополя, стала въ поли
Пры бытій дорози;
Якъ роса та до схидъ сонця,
Покапалы слёзы.
За слёзамы, за гиркымы
И свита не бачыть,
Тилько сына прыгортае,
Цилуе та плаче.
А воно, якъ янголятко,
Ничого не знае,
Маленькымы ручыцямы
Пазухы шукае.
Сило сонце, зъ-за дибровы
Небо червоніе;

Утерлася, повернулась,
Пишла... тилько мрie.
Въ сели довго говорылы
Де-чого багато,
Та не чулы вже тихъ ричей
Ни батько, ни маты...

Оттаке-то на симъ свити
Роблять людямъ люде!
Того вьяжуть, того рижуть,
Той самъ себе губыть...
А за-вищо? Святый знае!
Свитъ, бачться, шырокый,
Та нема де прыхылытысь
Въ свити одынокымъ.
Тому доля запродала
Одъ краю до краю,
А другому оставыла
Те, де заховають.
Де жъ ти люде, де жъ ти добри,
Що серце збиралось
Зъ нымы жыты, ихъ любыты?
Пропалы, пропалы!

Есть на свити доля,
А хто iи знае?
Есть на свити воля,
А хто iи мае?
Есть люде на свити —
Срибломъ-златомъ сяють,
Здаеться, панують,
А доли не знають, —
Ни доли, ни воли!
Зъ нудьгою та зъ горемъ
Жупанъ надивають,
А плакаты — соромъ.
Возьмить срибло-злото

Та будьте багати,
А я визьму слёзы —
Лыхо вылываты;
Затоплю недолю
Дрибнымы слёзамы,
Затопчу неволю
Босымы ногамы!
Тоди я веселый,
Тоди я багатый,
Якъ буде серденько
По воли гуляты!

III.

Крычять совы, спыть диброва,
Зиронькы сіяють,
По-надъ шляхомъ, щырыцею,
Ховрашкы гуляють.
Спочывають добри люде;
Що кого втомыло:
Кого — щастя, кого — слёзы, —
Все ничка покрыла.
Всихъ покрыла темнисинька,
Якъ диточокъ маты;
Де жъ Катрусю прыгорнула?
Чы въ лиси, чы въ хати?
Чы на поли, пидъ копою
Сына забавляе,
Чы въ диброви, зъ-пидъ колоды
Вовка выглядае?
Бодай же васъ, чорни бровы,
Никому не маты,
Колы за васъ таке лыхо
Треба одбуваты!
А що дальше спиткаеться?
Буде лыхо, буде!
Зостринуться жовти пискы

И чужыи люде;
Зостринеться зима люта...
А той чы зострине,
Що пизнае Катерыну,
Прывитае сына?
Зъ нымъ забула бъ чорнобрыва
Шляхы, пискы, горе:
Винъ, якъ маты, прывитае,
Якъ братъ, заговорыть...

Побачымо, почуемо...
А покы — спочыну,
Та тымъ часомъ розпытаю
Шляхъ на Московщыну.
Далекый шляхъ, паныбраты;
Знаю ёго, знаю!
Ажъ на серци похолоне,
Якъ ёго згадаю.
Попомирявъ и я колысь —
Щобъ его не мирять!...
Розсказавъ бы про те лыхо,
Та чы то жъ повирять!
„Бреше," скажуть, „сякый-такый!
(Звычайно, не въ очи),
А такъ тилько псуе мову
Та людей морочыть."
Правда ваша, правда, люде!
Та й на-що те знаты,
Що слёзамы передъ вамы
Буду вылываты?
На що воно? У всякого
И свого чымало...
Цуръ же ёму!.. А тымъ часомъ
Кете лышъ кресало
Та тютюну, щобъ, знаете,
Дома не журылысь.
А то лыхо розсказувать,
Щобъ брыдке прыснылось!

Нехай ёго лыхый визьме!
Лучче жъ помиркую,
Де-то моя Катерына
Зъ Ивасемъ мандруе.

За Кыивомъ, та за Днипромъ,
По-пидъ темнымъ гаемъ,
Идуть шляхомъ чумаченькы,
„Пугача“ спивають.
Иде шляхомъ молодыця,
Мусыть буты зъ прощи.
Чого жъ смутна, невесела,
Заплакани очи?
У латанiй свытыночци,
На плечахъ торбына,
Въ руци ципокъ, а на другiй
Заснула дытына.
Зострилася зъ чумакамы,
Закрыла дытыну,
Пытаеться: „Люде добри!
Де шляхъ въ Московщыну?“
— „Въ Московщыну? отце й самый.
Далеко, небого?“
— „Въ саму Москву. Хрыста рады,
Дайте на дорогу!“
Бере шага, ажъ трусыться:
Тяжко ёго браты!...
Та й на-вищо?... А дытына?
Вона жъ ёго маты!
Заплакала, пишла шляхомъ,
Въ Броварахъ спочыла,
Та сынови за гиркого
Медянькъ купыла.
Довго-довго, сердешная,
Все йшла та пытала;
Було й таке, що пидъ тыномъ
Зъ сыномъ ночувала...

Бачъ, на що здалыся кари оченята:
Щобъ підъ чужымъ тыномъ слезы вылывать!
Ото жъ то дывиться та кайтесь, дивчата,
Щобъ не довелося москаля шукать,
Щобъ не довелося, якъ Катря шукае...
Тоди не пытайте, за-що люде лають,
За-що не пускають въ хату ночувать

Не пытайте, чорнобрыви,
Бо люде не знають;
Кого Богъ кара на свити,
То й воны карають...
Люде гнуться, якъ ти лозы,
Куды витеръ віе.
Сыротыни сонце свитыть
(Свитыть, та не гріе) —
Люде бъ сонце заступылы,
Якъ-бы малы сылу,
Щобъ сыроти не свитыло,
Слезы не сушыло.
А за-вищо, Боже мылый!
За-що свитомъ нудыть?
Що зробыла вона людямъ,
Чого хотять люде?
Щобъ плакала!... Серце мое!
Не плачъ, Катерыно,
Не показуй людямъ слёзы,
Терпы до загыну!
А щобъ лычко не марнило
Зъ чорнымы бровамы —
До схидъ сонця, въ темнимъ лиси
Умыйся слёзамы.
Умыешся — не побачять,
То й не засміються;
А серденько одпочыне,
Покы слёзы льються.

Де жъ Катруся блудыть?
По-пидъ-тынню ночувала,

Раненько вставала,
Поспишала въ Московщыну;
Ажъ гулькъ — зима впала.
Свыще полемъ завирюха,
Иде Катерына
У лычакахъ — лыхо тяжке! —
И въ одній свытыни.
Иде Катря, шкандыбае;
Дывыться — щось мріе...
Лыбонь идуть москалыкы...
Лыхо!... серце мліе ..
Полетила, зострилася,
Пыта: „Чы немае
Мого Йвана чорнявого?“
А ти: „Мы не знаемъ.“
И, звычайно, якъ москали,
Сміються, жартують:
„Ай да баба! ай да наши!
Каво не надуютъ!“
Подывылась Катерына:
„И вы, бачу, люде!
Не плачъ, сыну, мое лыхо!
Що буде, то й буде.
Пиду дальше — бильшъ ходыла ..
А може й зострину;
Оддамъ тебе, мій голубе,
А сама — загыну!“
Реве, стогне хуртовына,
Котыть, верне полемъ;
Стоить Катря середъ поля,
Дала слёзамъ волю.
Утомылась завирюха,
Де-де позихае;
Ще бъ плакала Катерына,
Та слизъ бильшъ не мае.
Подывылась на дытыну:
Умыте слёзою,
Червоніе, якъ квиточка

Въ-ранци пидъ росою.
Усмихнулась Катерына,
Тяжко усмихнулась:
Коло серця — якъ гадына
Чорна повернулась.
Кругомъ мовчкы подывылась;
Бачыть — лисъ чорніе,
А пидъ лисомъ, край дорогы,
Лыбонь куринь мріе.
„Ходимъ, сыну, смеркаеться,
Колы пустять въ хату!
А не пустять, то й на-двори
Будемъ ночуваты.
Пидъ хатою заночуемъ,
Сыну мій Иване!
Де жъ ты будешъ ночуваты,
Якъ мене не стане?
Зъ собакамы, мій сыночку,
Кохайся на-двори!
Собакы зли, покусають,
Та не заговорять,
Не розскажуть смючыся...
Зъ псамы йисты й пыты!...
Бидна моя головонька,
Що мени робыты?“

IV.

. . . . . .
. . . . . .
Реве, свыще, завирюха.
По лису завыло;
Якъ те море, биле поле
Снигомъ покотылось.
Выйшовъ зъ хаты карбивнычый,

Щобъ лисъ оглядиты,
Та де тоби! таке лыхо,
Що не выдно й свита.
„Еге, бачу, яка фукга!
Цуръ же ёму зъ лисомъ!
Питы въ хату... Що тамъ таке?
Отъ ихъ до-сто-биса!
Недобра ихъ розносыла,
Мовъ справди за диломъ.
Нычыпоре! дывысь лышень,
Яки побилили!“
— „Що, москали?... Де москали?“
„Що ты? схаменыся!“
— „Де москали, лебедыкы?“
„Та онъ, подывыся.“
Полетила Катерына
И не одяглася.
„Мабуть, добре Московщына
Въ тямку ій далася!
Бо у-ночи тилько й знае,
Що москаля клыче.“
Черезъ пенькы, заметамы,
Летыть, ледве дыше.
Боса стала середъ шляху,
Втерлась рукавамы.
А москали ій назустричъ,
Якъ одынъ, верхамы.
„Лыхо мое! доле моя!“
До ихъ... колы гляне —
Попереду старшый йиде.
„Любый мій Иване!
Серце мое коханее!
Де ты такъ барывся?“
Та до ёго... за стремена...
А винъ — подывывся,
Та шпорамы коня въ бокы.
„Чого жъ утикаешъ?
Хыба забувъ Катерыну?

Хыба не пизнаешъ?
Подывыся, мій голубе,
Подывысь на мене:
Я Катруся твоя люба.
На-що рвешъ стремена?"
А винъ коня поганяе,
Нибы-то й не бачыть
„Постривай же, мій голубе!
Дывысь — я не плачу.
Ты не пизнавъ мене, Йване?
Серце, подывыся,
Ій же Богу, я Катруся!"
— „Дура, атвяжися!
Вазьмите прочь безумную!"
— „Боже мій! Иване!
И ты мене покыдаешъ!...
А ты жъ прысягався!"
— „Вазьмите прочь! Что жъ вы стали?"
— „Кого? мене взяты?
За-що жъ, скажы, мій голубе?
Кому хочъ оддаты
Свою Катрю, що до тебе
Въ садочокъ ходыла, —
Свою Катрю, що для тебе
Сына породыла?
Мій батечку, мій братику!
Хочъ ты не цурайся!
Наймычкою тоби стану...
Зъ другою кохайся...
Зъ цилымъ свитомъ... Я забуду,
Що колысь кохалась,
Що одъ тебе сына мала,
Покрыткою стала...
Покрыткою... якый соромъ!
И за-що я гыну!
Покынь мене, забудь мене,
Та не кыдай сына.
Не покынешь?... Серце мое,

Не втикай одъ мене...
Я вынесу тоби сына.“
Кынула стремена
Та въ хатыну. Вертаеться,
Несе ему сына.
Несповыта, заплакана
Сердешна дытына.
„Осъ-де воно, подывыся!
Де жъ ты? Заховався?
Утикъ!... нема!... Сына, сына
Батько одцурався!
Боже ты мій!... Дытя мое!
Де динусь зъ тобою?
Москалыкы! голубчыкы!
Возьмить за собою;
Не цурайтесь, лебедыкы:
Воно сыротына;
Возьмить ёго та оддайте
Старшому за сына.
Возьмить ёго... бо покыну,
Якъ батько покынувъ, —
Бодай ёго не кыдала
Лыхая годына!
Грихомъ тебе на свитъ Божый
Маты породыла;
Выростай же на смихъ людямъ!“
На шляхъ положыла:
„Оставайся шукать батька,
А я вже шукала.“
Та въ лисъ зъ шляху, якъ нависна!
А дытя осталось,
Плаче бидне... А москалямъ
Байдуже, — мынулы.
Воно й добре; та на лыхо
Лиснычи почулы.

Бига Катря боса лисомъ,
Бига та голосыть;

То проклына свого Ївана,
То плаче, то просыть.
Выбигае на возлисся;
Кругомъ подывылась,
Та въ яръ... бижыть... середъ ставу
Мовчкы опынылась.
„Прыймы, Боже, мою душу,
А ты — мое тило!“
Шубовсть въ воду!... По-пидъ лёдомъ
Геть загуркотило.
Чорнобрыва Катерына
Найшла, що шукала.
Дунувъ витеръ по-надъ ставомъ —
И слиду не стало.

———

То не витеръ, то не буйный,
Що дуба ламае;
То не лыхо, то не тяжке,
Що маты вмирае;
Не сыроты мали диты,
Що неньку сховалы:
Імъ зосталась добра слава,
Могыла зосталась.
Засміються злыи люде
Малій сыротыни;
Выльe слёзы на могылу —
Серденько спочыне,
А тому, тому на свити,
Щò ему зосталось,
Кого батько и не бачывъ,
Маты одцуралась?
Щò зосталось байстрюкови?
Хто зъ нымъ заговорыть?
Ни родыны, ни хатыны —
Шляхы, пискы, горе...
Панське лычко, чорни бровы...
На-що? Щобъ пизналы!

Змалювала, не сховала...
Бодай полыпялы!

V

Пшовъ кобзарь до Кыива
Та сивъ спочыватыи.
Торбынкамы обвинаный
Ёго повожатый.
Мале дытя коло ёго
На сонци купяе,
А тымъ часомъ старый кобзарь
„Исуса“ спивае.
Хто йде, йиде не мынае:
Хто бублыкъ, хто гроши;
Хто старому, а дивчата
Шажокъ михопоши.
Задывляться чорноброви
И босе, и голе:
„Дала,“ кажуть, „бровенята.
Та не дала доли!“

Йиде шляхомъ до Кыива
Берлынъ шестерпею,
А въ берлыни господыня
Зъ паномъ и семьею;
Опынився проты старцивъ
Курява лягае.
Побигъ Ивась, бо зъ виконця
Рукою махае.
Дае гроши Ивасеви,
Дывуеться пани.
А панъ глянувъ... одвернувся...
Пизнавъ, препоганый,
Пизнавъ тыи кари очи,

Чорни бровенята ..
Пизнавъ батьо свого сына,
Та не хоче взяты.
Пыта пани, якъ зоветься?
„Ивась.“ — „Какой милай!“
Берлынъ рушывъ, а Ивася
Курява покрыла...
Поличылы, що досталы,
Всталы сиромахы,
Помолылысь на схидъ сонця,
Пишлы по-надъ шляхомъ.

ЧЕРНЫЦЯ МАРЬЯНА.

(Частына поемы)

У недилю на выгони
Дивчата гулялы,
Жартувалы зъ парубкамы,
Де-яки спивалы
Про досвиткы, вечорныци,
Та якъ была маты,
Щобъ зъ козакомъ не стояла...
Звычайно — дивчата,
То про свое все й спивають,
Яка про що знае.
Ажъ ось, зъ хлопцемъ старый слипець
Въ село шкандыбае;
Въ рукахъ чоботы; на плечахъ
Латана торбына
У старого. А дытына,
Сердешна дытына,
Обидрана, ледве-ледве
Несе ноженята...
Безталанный сынъ Катруси!
„Дывиться, дивчата,
Кобзарь иде, кобзарь иде!“
Та вси, яко мога,
Хлопцивъ кынулы, — побиглы
Зостричать слипого.
„Диду-серце, голубчыку!
Заграй намъ що-небудь:
Я шага дамъ; я — черешень;
Я напою медомъ;
А тымъ часомъ одпочынешъ,
А мы потанцюемъ.

Заграй же намъ яку-небудь!
— „Чую, люби, чую!
Спасыби вамъ, мои квиты,
За слово ласкаве.
Загравъ бы вамъ, та бачыте —
Справы нема, справы.
Учора бувъ на базари —
Кобза зопсувалась,
Розвалылася...“
„А струны?“
— „Тилько тры осталось.“
„Та хочъ на трёхъ яку небудь!“
— „На трёхъ? Охъ, дивчата!
И на однiй колысь-то гравъ,
Та ба, вже не граты!
Постривайте жъ, мои люби.
Трошкы одпочыну...
Сядьмо, хлопче!“
Посидалы.
Розвязавъ торбыну;
Выйнявъ кобзу; разивъ зо-два
Ударывъ по рваныхъ...
„Що бъ вамъ заграть?... Постривайте...
Черныцю Марьяну...
Чы чувалы, чы не чулы?...
Слухайте жъ, дивчата,
Та кайтеся...

Давно колысь
Була соби маты;
Бувъ и батько, та не стало.
Осталась вдовою,
Та й не молодою, —
Изъ воламы, изъ возамы,
Зъ малою дочкою.
Росла дочка Марьяна,
А выросла, якъ панна, —

Чорнобрыва, уродлыва,
    Хочъ за пана гетьмана.
Стала маты гадаты
    Та зятя еднаты,
А Марьяна не до пана
    Выходыла стояты,—
Не до пана товстого,
    Усатого, старого,
До Петруся, въ гаю, въ лузи,
    Що-вечора святого.
Розмовляла, жартувала,
    Обнимала, млила,
Въ раю жыла... а иноди
    Плакала, нимила.
„Чого плачешь, моя пташко?“
    Петро запытае.
Вона гляне, усмихнеться:
    „И сама не знаю!“
— „Може, думаешъ, покыну?
    Ни, моя рыбчыно!
Буду ходыть, буду любыть,
    Покы не загыну.
Хыба було колы въ свити,
    Щобъ ти, що кохалысь,
Розійшлыся, не взялыся, —
    Жывымы осталысь?“
— „Ты жартуешъ, мій голубе!
    Ты чувъ, що спивають...
То кобзари выгадують;
    Бо слипи, не знають,
Бо не бачать, що е бровы,
    Чорни й кари очи,
И высокый станъ козачый,
    И гнучкый дивочый;
Що е косы, чорни косы,
    Козацька чупрына,
Що на мову на Петрову
    Въ глухій домовыни

Усмихнуся... скажу ёму:
— Орле сызокрылый!
Люблю тебе й на тимъ свити,
Якъ на симъ любыла.
Отакъ, сердце, обнимемось,
Отакъ поцилую!
Нехай вкупи заховають...
Умру — не почую...
Не почую...“
Обнялыся,
Обнялысь, зомлилы.
Отакъ воны любылыся,
Отакъ и хотилы,
Щобъ на той свитъ переступыть;
Та не по ихъ стало...
Що-вечора сходылыся,
II маты не знала,
Де Марьяна до пивночи,
Зъ кымъ вона гуляла.
„Воно мале, ще дытына,
Ничого не знае.“
Угадала стара маты,
Та не все вгадала:
Знать, забула, що мынуло,
Чы не дивувала?
Угадала маты... Марьяна — дытына,
Не знала, якъ треба на симъ свити жыть,
Думала, ни люде, а ни домовына
Зъ Петромъ не рознять — умила любыть.
Думала, що тилько кобзари спивають,
Бо, слипи, не бачять карыхъ оченятъ...
Що тилько лякають молодыхъ дивчатъ...
Лякають, дивчата, правдою лякають.
II я васъ лякаю, бо те лыхо знаю...
Бодай на симъ свити николы не знать
Того, що я знаю!... Мынуло, дивчата,—
Серце не заснуло — я васъ не забувъ;
Люблю васъ и доси, якъ диточокъ маты;

Буду вамъ спиваты, покы не загыну...
Тоди, мои люби, якъ мене не стане,
Згадайте про мене, про мою Марьяну,—
Я вамъ зъ того свита серцемъ усмихнусь...
Усмихнуся...“
Та й заплакавъ.
Дывылысь дивчата,
Не пыталы, чого плаче,
Та й на що пытаты?
Мынулося — помагало
Ласкаве дивоче
Щыре слово...
„Выбачайте... .
(Утеръ слипи очи)
Выбачайте, мои люби!
Нехотя журюся...
Такъ отъ, бачыте, Марьяна
Зъ убогымъ Петрусемъ
Що-вечора размовляла,
А маты не знала.
Дывувалась: „Що се таке
„Марьяну спиткало?
„Чы не прыстритъ? Сяде шыты —
„Не те вышывае;
„Замисть „Грыця“, задумавшысь,
„Петруся“ спивае;
„Часомъ сонна розмовляе,
„Подушку цилуе...“
Маты спершу сміялася:
Думала — жартуе;
Потимъ бачыть, що не жарты,
Та й каже Марьяни:
„Треба буде старостивъ ждаты,
„Та, може, й одъ пана.
„Ты вже выросла — нивроку,
„Уже й дивувала;
„Я, вже думаю, що... бачышъ,
(Насылу сказала)

„Що вже й замижъ, колы тее...“
— „А за кого, мамо?“
— „Хто вподоба, то й оддамъ.“

Спивае Марьяна:
„Мынулася твоя доля,
„На-викы мынула..,
„Чомъ ты вчора, якъ вернулась,
„На-викъ не заснула?
„Було бъ легче въ домовыни
„Одынокый спаты.
„Тоди, може бъ, надъ тобою
„Заплакала маты.
„Теперъ маты не заплаче,
„Та й не заспивае;
„А лиха ще буде, буде,
„Поки заховають!“

Отаке-то мои, люби,
Бува на симъ свити:
Одна дочка у матери,
Та й тій тяжко жыты...

По садочку похажае,
Слизонькы втырае;
Поглядае на сонечко —
Пече, а не сяе.
Стоить соби середъ неба,
Мовъ сметься зъ неи.
Воно не зна, що Марьяна
Рада бъ пидъ землею
Заховаться одъ матери,
Щобъ не почуть знову
Тіи мовы, що вже чула,

Проклятои мовы.
Воно не зна, що якъ зайде
Спочыты за гаемъ,
Петрусь выйде на долыну,
Петрусь заспивае,
Петрусь іи роспытае,
Якъ братъ заговорыть,
Поцилуе, роспытае
Про лютее горе.

Не знала Марьяна, чого серце мліе,
Чого плачуть очи... на що его знать?
Хылыться тополя, куды витеръ віе...
Тяжко одынокій на степу стоять.
Утомыться витеръ—тополя спочыне:
Отакъ и дивоча мыне хуртовына.
Тяжко одынокій въ степу зостричать,
А ще гирше любій попереду знать,
Де и якъ спиткае лыхая годына.

Несподивано Марьяна
Зострила недолю;
Спива було, а иноди
Дае слезамъ волю.
Сама не зна, чого плаче;
Може, серце й чуе,
Та не вміе розсказаты
Про те, що вищуе.
Разъ у-вечери Марьяна,
Якъ маты заснула,
Пишла слухать соловейка,
Мовъ зроду не чула.
Выйшла въ садокъ, послухала,
Сама заспивала,
Та й замовкла; пидъ яблуню
Тыхесенько стала,
Заплакала, якъ дытына
Безъ матери плаче...

Петро стоить передъ нею —
Ничого не бачыть.

„Оддай мене, моя мамо,
„Та не за старого;
„Оддай мене, мое серце,
„Та за молодого.
„Нехай старый бурлакуе,
„Гроши заробляе,
„А молодый мене любыть,
„Доли не шукае.
„Не шукае, не блукае
„Чужымы степамы.
„Свои волы, свои возы,
„А мижъ парубкамы,
„Якъ макивка на-въ городи,
„Цвите-процвитае.
„Мае поле, мае волю,
„Та доли не мае,
„Его доля — мои бровы,
„Мои кари очи;
„Мое слово — панство-царство,
„Ничого не схоче.
„У кайданахъ, моя сыза,
„Та не сыротою,
„Тилько, мамо, щобъ плакаты,
„Щобъ спивать зо мною.
„Оддай...“
— „Дочко моя, Марьяно!
„Оддамъ тебе за пана
„За старого, багатого
„За сотныка Йвана,
— „Умру, серце мамо,
„За сотныкомъ Йваномъ.“
— „Не вмрешъ, будешъ панувати
„Будешъ дитокъ годуваты.“

Маты галка, маты чорна
Литаючы кряче;
Чорнобрыва дивчынонька,
Ходя гаемъ, плаче.
Летыть галка черезъ балку,
Въ степу погуляты,
А дивчына нудыть свитомъ,—
Ни съ кымъ розмовляты.
Не пускае ии маты
Въ-ранци до крыныци,
Ни жыта жать, ни лену брать,
Ни на вечорныци,
Де дивчата зъ парубкамы
Жартують, спивають,
Та про мене, чорнобрыву,
Нышкомъ розмовляють:
„Багатого дочка батька,
„Шляхецького роду. .“
Тяжко, мамо, важко, мамо...
На-що дала вроду?
На-що бровы змалювала,
Дала кари очи?
Усе дала, тилько доли —
Доли дать не хочешъ.
На що мене годувала,
На-що доглядала?
Покы лыха я не знала,
Чомъ не заховала?

Не слухала стара маты,
Лягла спочываты;
А Марьяна заплакала,
Ледве пишла зъ хаты.
„Злякалася,“ дума маты:
„Нехай переплаче!“
А Марьяня за слезамы
И свиту не бачыть.
Пишла въ садокъ... серце мліе,

Якъ згадае пана.
Серце мое, рыбко моя!
Марьяно, Марьяно!
Постривайте... заспивала —
Пишла луна гаемъ, —
Не про „Грыця“, — про „Петруся“,
Такъ и вылывала.
Заспивае, опыныться,
Послуха, та знову, —
Ажъ голосокъ утомывся.
Петровои мовы
Не чуть, нема, не гукае,
Не клыче: „Марьяно!“
„Де ты, пташко? Вылынь, серце,
„Серденько кохане!“
Нема Петра, не чуть Петра ..
Не вже жъ то покынувъ
Сыротою чернобрыву
Пры лыхій годыни?
Побачымо.. А тымъ часомъ
По-надъ темнымъ гаемъ,
Якъ русалка жде мисяця,
Марьяна блукае
Не спивае чорнобрыва,
Тяжко-тяжко плаче...
Ой верныся, подывыся,
Зрадлывый козаче!
Утомылась бы Марьяна, —
Утомы не чуе;
Безъ Петруся въ гаю. въ лузи
Ходячы ночуе.
На схидъ сонця червоніе,
Ховаються зори;
Иде дивчына до хаты,
Несе свое горе
Прыйшла въ хату — спала маты;
Глянула на неи:
„Ой якъ-бы ты, мамо, знала

„Якою зміею
„Окрутыла мое серце,
„Ридной дытыны...“
Та й упала на постелю,
Якъ у домовыну!...

ГАЙДАМАКЫ.

Василію Ивановичу Григоровичу.

На память 22-го Апрѣля 1838 года.

Все йде, все мынае и краю немае...
Куды жъ воно дилось? видкиля взялось?
И дурень, и мудрый ничого не знае.
Жыве.:. умирае... одно зацвило,
А друге завьяло, на-викы завьяло...
И лыстя пожовкле витры рознеслы.
А сонечко встане, якъ перше вставало,
И зори червони, якъ перше плылы,
Поплывуть и потимъ, и ты, билолыцый,
По сынему небу выйдешъ погулять,
Выйдешъ подывыться въ жолобокъ, крыныцю
И въ море безкрае, и будешъ сіять,
Якъ надъ Вавылономъ, надъ его садамы
И надъ тымъ, що буде зъ нашымы сынамы.
Ты вичный безъ краю!... Люблю розмовлять,
Якъ зъ братомъ, зъ сестрою, розмовлять зъ тобою,
Спивать тоби думу, що ты жъ нашептавъ.
Порай мени ще разъ, де дитысь зъ журбою?
Я не одынокый, я не сырота:
Есть у мене диты, та де ихъ подиты?
Заховать зъ собою? Грихъ — душа жыва;
А може, ій легше буде на тимъ свити,
Якъ хто прочытае ти слезы-слова,
Що такъ вона щыро колысь вылывала,
Що такъ вона нышкомъ надъ нымы рыдала.
Ни, не заховаю — бо душа жыва!
Якъ небо блакитне — нема ему краю, —
Такъ души почыну и краю немае;
А де вона буде? хымерни слова!
Згадай же хто-небудь ıи на симъ свити —

Безславному тяжко сей свитъ покыдать.
Згадайте, дивчата,—вамъ треба згадать!
Вона васъ любыла, рожевыи квиты,
И про вашу долю любыла спивать.

Покы сонце встане, спочывайте, диты,
А я помиркую, ватажка де взять.

Сыны мои, гайдамакы!
Свитъ шырокый, воля —
Идить, сыны, погуляйте,
Пошукайте доли.
Сыны мои невелыки,
Нерозумни диты!
Хто васъ щыро безъ матери
Прывитае въ свити?
Сыны мои! орлы мои!
Летить въ Украину:
Хочъ и лыхо зостринеться,
Такъ не на чужыни.
Тамъ найдеться душа щыра,
Не дасть погыбаты;
А тутъ... а тутъ... тяжко, диты!
Колы пустять въ хату,
То зострившы насміються,—
Таки, бачте, люде:
Все письменни, друковани,
Сонце навить гудять.
„Не видтиля, каже, сходыть,
„Та не такъ и свитыть;
„Отакъ, каже, було-бъ треба...“
Що маешъ робыты?
Треба слухать, може й справди
Не такъ сонце сходыть,
Якъ письменни начыталы...
Розумни, та й годи!
А що жъ на васъ воны скажуть?
Знаю вашу славу!

Поглузують, покепкують,
Та й кынуть пидъ лаву.
„Нехай, скажуть, спочывають,
Покы батько встане,
Та розскаже по-нашому
Про свои гетьманы;
А то дурень розсказуе
Мертвымы словамы,
Та якогось-то Ярему
Веде передъ намы
У постолахъ. Дурень! дурень!
Былы, а не вчылы:
Одъ козацства, одъ гетьманства —
Высоки могылы,
Бильшъ ничого не осталось,
Та й ти розрывають;
А винъ хоче, щобъ слухалы,
Якъ старци спивають!
Дарма праця, пане-брате:
Колы хочешъ грошей,
Та ще й славы, того дыва,
Спивай про „Матрешу,“
Про „Парашу-радость нашу,“
Султанъ, паркетъ, шпоры,—
Огъ-де слава! А то спива:
„Грае сыне море!“
А самъ плаче; за тобою
И твоя громада
У сирякахъ!...“ — Правда, мудри!
Спасыби за раду!
Теплый кожухъ, тилько, шкода,
Не на мене шытый,
А розумне ваше слово
Брехнею пидбыте.
Выбачайте! Крычить соби —
Я слухать не буду,
Та й до себе не поклычу:
Вы розумни люде,

А я дурень, одынъ соби
У моій хатыни,
Заспиваю, зарыдаю,
Якъ мала дытына.
Заспиваю — море грае,
Витеръ повивае,
Степъ чорніе, и могыла
Зъ витромъ розмовляе.
Заспиваю — розвернулась
Высока могыла;
Ажъ до моря Запорозци
Степъ шырокый крылы;
Отаманы на вороныхъ
Передъ бунчукамы
Выгравають, а порогы
Межъ очеретамы
Ревуть, стогнуть, розсердылысь —
Щось страшне спивають.
Послухаю, пожурюся,
У старыхъ спытаю:
— „Чого, батькы, сумуете?“
— „Не весело, сыну, —
„Днипро на насъ розсердывся,
„Плаче Украина...“
И я плачу, а тымъ часомъ
Пышнымы рядамы
Выступають отаманы,
Сотныкы зъ панамы,
И гетьманы — вси въ золоти...
У мою хатыну
Прыйшлы, силы коло мене,
И про Украину
Розмовляють, розсказують:
Якъ Сичъ будувалы;
Якъ козакы на байдакахъ
Порогы мыналы;
Якъ гулялы по сынёму,
Грилыся въ Скутари,

Та якъ, люльки закурывшы
Въ Польши на пожари,
Въ Украину верталыся·
Якъ бенкетувалы:
„Грай, кобзарю! лый, шынкарю!“
Козакы гукалы.
Шынкарь знае — налывае
И не схаменеться;
Кобзарь вшкварывъ, а козакы,
Ажъ Хортыця гнеться,
Метелыци та гопака
Гуртомъ оддырають;
Кухоль ходыть, переходыть,
Такъ и высыхае.
— „Гуляй, пане безъ жупана!
Гуляй, витре, полемъ!
Грай, кобзарю, лый шынкарю,
Покы встане доля!“
Взявшысь въ бокы, навпрысядкы
Парубкы зъ дидамы:
„Оттакъ, диты! добре, диты!
Будете панамы!“
Отаманы на бенкети,
Неначе на ради,
Похожають, розмовляють...
Вельможна громада
Не втерпила, ударыла
Старымы ногамы;
И я дывлюсь, поглядаю,
Сміюся слезамы,
Дывлюся, смiюся, дрибни утыраю:
Я не одынокый — йе зъ кымъ въ свити жыть!
У моій хатыни, якъ въ степу безкраимъ,
Козацство гуляе, байракъ гомоныть;
У моій хатыни сыне море грае,
Могыла сумуе, тополя шумыть,
Тыхесенько „Грыця“ дивчына спивае, —
Я не одынокый — йе зъ кымъ викъ дожыть..

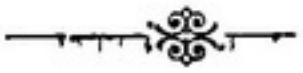
Отъ-де мое добро, гроши,
Отъ-де моя слава;
А за раду... спасыби вамъ
За раду лукаву.
Буде зъ мене, покы жыву,
И мертвого слова,
Щобъ вылывать журбу, слёзы.
Бувайте здорови!
Пиду сынивъ выпровожать
Въ далеку дорогу.
Нехай идуть, може найдуть
Козака старого,
Що прывита моихъ дитокъ
Старымы слезамы.
Буде зъ мене. Скажу ще разъ:
Панъ я надъ панамы!

О такъ, сыдя кинець стола,
Миркую, гадаю:
Кого просыть, хто поведе?
На двори свитае,
Погасъ мисяць, горыть сонце.
Гайдамакы всталы,
Помолылысь, одяглыся,
Кругомъ мене сталы.
Сумно, сумно, якъ сыроты,
Мовчкы похылылысь.
„Благословы, кажуть, батько,
Покы маешъ сылу,
Благословы шукать долю
На шырокимъ свити!“
— „Постривайте! свитъ не хата,
А вы мали диты,
Нерозумни. Хто ватажкомъ
Пиде передъ вами?
Хто проведе? Лыхо, диты,
Лыхо мени зъ вамы!
Выкохавъ васъ, выгодувавъ;

Выросли чымали,
Йдете въ люде, а тамъ теперъ
Все письменне стало.
Выбачайте, що не вывчывъ,
Бо й мене, хочъ былы,
Добре былы, а багато
Де-чому навчылы?
Тма, мна знаю, а оксію
Не втну такы й доси.
Що жъ вамъ скажуть? Ходимъ сыны,
Ходимо попросымъ.
Есть у мене щырый батько
(Ридного немае),
Дасть винъ мени раду зъ вамы,
Бо самъ, здоровъ, знае,
Якъ то тяжко блукать въ свити
Сыроти безъ роду.
А до того, душа щыра,
Козацького роду —
Не одцуравсь того слова,
Що маты спивала,
Якъ малого повывала,
Зъ малымъ розмовляла.
Не одцуравсь того слова,
Що про Украину
Слипый старець сумуючы
Спивае пидъ тыномъ.
Любить іи, думу правды,
Козацькую славу,
Любить іи! Ходимъ, сыны.
На раду ласкаву.
Якъ-бы не винъ спиткавъ мене
Пры лыхій годыни,
Давно бъ доси заховалы
Въ снигу на чужыни,
Заховалы бъ, та й сказалы:
„Такъ, якесь ледащо!“
Тяжко, важко нудыть свитомъ,

Не знаючы за-що.
Мынулося, щобъ не снылось!...
Ходимо, хлопьята!
Колы мени на чужыни
Не давъ погыбаты,
То й васъ прыйме, прывитае,
Якъ свою дытыну.
А одъ ёго, помолывшысь,
Гайда въ Украину!"

Добры-день же, тату, въ хату,
На твоимъ порогу!
Благословы моихъ дитокъ
Въ далеку дорогу.



ИНТРОДУКЦІЯ.

Була колысь шляхетчына,
Вельможная пани;
Мирялася зъ москалямы,
Зъ ордою, зъ султаномъ,
Зъ нимотою ... Було колысь...
Та що не мынае?
Було, шляхта знай чваныться,
День и ничъ гуляе
Та королемъ коверзуе...
Не кажу Степаномъ,
Або Яномъ Собіескымъ:
Ти два незвычайни,
А иншымы. Неборакы
Мовчкы панувалы.
Сеймы, сеймыкы ревилы,
Сусиде мовчалы,
Дывылыся, якъ короли

Изъ Польщи втикають,
Та слухалы, якъ шляхетство
Нависне гукае:
„Niepozwalam! niepozwalam!“
Шляхта репетуе,
А магнаты палять хаты,
Шабелькы гартують.
Довго таке творылося,
Покы не въ Варшави
Запанувавъ надъ ляхамы
Понятовськый жвавый.
Запанувавъ, та й думавъ шляхту
Прыборкать трошкы... не зумивъ!
Добра хотивъ, якъ дитямъ маты,
А, може, й ще чого хотивъ,—
Едыне слово „niepozwalam“
Хотивъ у шляхты одибрать,
А потимъ... Польща запалала,
Шляхта сказылася... крычять:
„Слово гонору, дарма праця!
Паганець, наймытъ москаля!“
На кгвалтъ Пулавськаго и Паца
Встае шляхетьская земля,
И — разомъ сто конфедерацій. [1])

Розбрелысь конфедераты
По Польщи, Волыни,
По Лытви, по Малдаванахъ
И по Украини;
Розбрелыся, та й забулы
Волю ратуваты,
Полыгалыся зъ жыдамы,
Та й ну руйнуваты.
Руйнувалы, мордувалы,
Церквамы топылы...
А тымъ часомъ гайдамакы
Ножи освятылы.

ГАЛАЙДА.

Яремо! гершъ-ту, хамивъ сыну?
Пиды кобылу прыведы,
Подай патынкы господыни
Та прынесы мени воды,
Выметы хату, внесы дрова,
Посыпъ индыкамъ, гусямъ дай,
Пиды до лѐху, до коровы,
Та швыдче, хаме!... Постривай!
Упоравшысь, бижы въ Вильшану: [2])
Имости треба. Не барысь!"
Пишовъ Ярема, похылывсь.

Оттакъ у-ранци жыдъ паганый
Надъ козакомъ коверзувавъ.
Ярема гнувся, бо не знавъ,
Не знавъ, сиромаха, що выросли крыла,
Що неба достане, колы полетыть,
Не знавъ, нагынався...

О, Боже мій мылый!
Тяжко жыть на свити; а хочеться жыть:
Хочеться дывытысь, якъ сонечко сяе,
Хочеться послухать, якъ море заграе,
Якъ пташка щебече, байракъ гомоныть,
Або чернобрыва въ гаю заспивае...
О, Боже мій мылый, якъ весело жыть!

Сырота Ярема, сырота убогый:
Ни сестры, ни брата, никого нема!
Попыхачъ жыдивськый, вырисъ у порогу;
А не клене доли, людей не займа.
Та й за-що ихъ лаять? хыба воны знають,
Кого треба гладыть, кого катувать?
Нехай бенкетують... У ихъ доля дбае,

А сыроти треба самому прыдбать.
Трапляеться, часомъ тыхенько заплаче,
Та й то не одъ того, що серце болыть:
Що-небудь згадае, або що побачыть...
Та й знову до праци. Оттакъ треба жыть!
На-що батько, маты, высоки палаты,
Колы нема серця зъ серцемъ розмовлять?
Сырота Ярема — сырота багатый,
Бо йе зъ кымъ заплакать, йе зъ кымъ заспивать:
Есть карыи очи — якъ зироньки сяють,
Били рученята — мліють-обнимають,
Есть серце едыне. серденько дивоче,
Що плаче, сміеться, якъ винъ того хоче.

Оттакый-то мій Ярема.
Сырота багатый.
Такымъ и я колысь-то бувъ!
Мынуло, дивчата...
Мынулося, розійшлося,
И слиду не стало.
Серце мліе, якъ згадаю...
Чому не осталось?
Чому не осталось, чому не витало?
Легше було бъ слёзы, журбу вылывать.
Люде одибралы, бо имъ було мало.
„На-що ему доля? треба закопать:
Винъ и такъ багатый...“
Багатый на латы
Та на дрибни слезы — бодай не втырать!
Доле моя, доле! де тебе шукать?
Верныся до мене, до моеи хаты,
Або хочъ прысныся... не хочеться спать!

Выбачайте, люде добри!
Може не до ладу;
Та прокляте лыхо-злыдни
Кому не завадыть?
Може, ще разъ зостринемось,

Покы шкандыбаю
За Яремою по свиту,
А може... й не знаю.
Лыхо, люде, всюды лыхо.
Нигде прыгорнуться:
Куды, каже, хылыть доля,
Туды й треба гнуться,—
Гнуться мовчкы, усмихаться,
Щобъ люде не зналы,
Що на серци заховано,
Щобъ не прывиталы.
Бо ихъ ласка... нехай сныться
Тому, въ кого доля,
А сыроти, щобъ не снылась,
Не снылась николы!
Тяжко, нудно розсказувать,
А мовчать не вмію.
Вылывайся жъ, слово-слезы:
Сонечко не гріе,
Не высушыть. Подилюся
Моимы слезамы...
Та не зъ братомъ, не зъ сестрою —
Зъ нимымы стинамы
На чужыни .. А покы-що —
До корчмы вернуся·
Що тамъ робыться?

Жыдюга

Дрижыть, изогнувшысь
Надъ каганцемъ: личыть гроши
Коло лижка, клятый.
А на лижку... охъ, ажъ душно!...
Били рученята
Розкыдала, розкрылася..!
Якъ квиточка въ гаю,
Червоніе; а пазуха...
Пазухы немае —
Розирвана... Мабуть, душно

На перыни спаты
Одынокій, молоденькій;
Ни зъ кымъ розмовляты,—
Одна шепче. Несказанно
Гарна нехрещена!
Отто дочка, а то батько —
Чортова кышеня.
Стара Хайка лежыть доли,
Въ перынахъ паганыхъ.
Де жъ Ярема? Взявши торбу,
Потягъ у Вильшану.

КОНФЕДЕРАТЫ.

Одчыняй, проклятый жыде!
Бо будешъ бытый... одчыняй!
Ламайте двери, покы выйде
Старый паскуда!"
— „Постривай!
Стривайте, заразъ!"
— „Нагаямы!
Свыняче ухо! Жартувать,
Чы що ты хочешъ?"
— „Я? зъ панамы?
Крый Боже! заразъ, дайте встать,
Ясновельможни (нышкомъ — свыни!)"
— „Пане полковныку, ламай!"
Упалы двери... а нагай
Малюе вдовжъ жыдивську спыну.
— „Здоровъ, свыне, здоровъ, жыде,
Здоровъ, чортивъ сыну!"
Та нагаемъ, та нагаемъ.
А жыдъ зогнувъ спыну:
— „Не жартуйте, мости-пане!
Добры-вечиръ, въ хату!"

— „Ще разъ шельму! ще разъ! годи!
Выбачай, проклятый!
Добры-вечиръ! а де дочка?“
— „Умерла, панове.“
— „Лжешъ, іудо! нагаямы!“
Посыпалысь знову.
— „Ой паночкы, голубчыкы,
„Ій-Богу, немае!“
— „Брешешъ, шельмо!“
— „Колы брешу,
Нехай Богъ карае!“
— „Не Богъ, а мы. Прызнавайся!“
— „На що бъ мавъ ховаты,
Якъ бы жыва? Нехай, Боже,
Щобъ я бувъ проклятый!...“
— „Ха, ха, ха, ха!... Чортъ, панове,
Литанью спивае.
Перехрестысь!“
— „Якъ же воно?
Далеби не знаю.“
— „Оттакъ, дывысь...“
Ляхъ хрестыться,
А за нымъ іуда.
— „Браво! браво! охрестылы!
Ну, за таке чудо
Могорычу, мости-пане!
Чуешъ, охрещенный?
Могорычу!“
— „Заразъ, заразъ!“
Ревутъ, мовъ скажени,
Ревуть ляхы, а поставець
По столу гуляе.
„Еще Польща не згынела!“
Хто куды гукае.
— „Давай, жыде!“
Охрещеный
Изъ лѐху та въ хату
Знай 'шмыгляе, налывае;

А конфедераты
Знай гукають: „жыде! меду!“
Жыдъ не схаменеться.
— „Де цымбалы? грай, псявиро!“
Ажъ корчма трясеться —
Краковяка оддырають,
Вальса та мазура.
И жыдъ гляне та ныщечкомъ:
— „Шляхетська натура!“
— „Добре, годи! теперъ спивай!“
— „Не вмію, ій-Богу!“
— „Не божысь, собача шкуро!“
— „Яку жъ вамъ? „Небогу?“

„Була колысь Гандзя,
„Калика небога.
„Божылася, молылася,
„Що болилы ногы;
„На панщыну не ходыла,
„А за паробкамы
„Тыхесенько, гарнесенько
„Помижъ бурьянамы“.

— „Годи! годи! це пагана:
Схызматы [3]) спивають“.
— „Якои жъ вамъ! хыба оцю?
Стривайте, згадаю...

„Передъ паномъ Хведоромъ
„Ходыть жыдъ ходоромъ.
„И задкомъ,
„И передкомъ
„Передъ паномъ Хведиркомъ...“
— „Добре, годи! теперъ платы!“.
— „Жартуете, пане:
За що платыть?“
— „Що слухалы.

Не крывысь, паганый!
Не жартуемъ. Давай гроши!“
— „Де мени ихъ взяты?
Ни шеляга; я панською
Ласкою багатый“.
— „Лжешъ, собако! прызнавайся!
А нуте, панове,
Батогамы!“
Засвыстилы,
Хрестять Лейбу знову.
Перищылы, перищылы,
Ажъ пирья летило...
— „Ій же Богу, ни шеляга!
Йижте мое тило!
Ни шеляга; кгвалтъ! рятуйте!“
— „Ось мы порятуемъ“.
— „Постривайте, я щось скажу“.
— „Почуемъ, почуемъ,
Та не брешы, бо, хочъ здохны,
Брехня не поможе“.
— „Ни, въ Вильшаній...“
— „Твои гроши?“
— „Мои!... ховай, Боже!
Ни, я кажу, що въ Вильшаній...
Вильшанськи схызматы...“
— „По тры семьи, по чотыри
Жывуть въ одній хати!“
Мы це знаемъ, бо мы самы
Ихъ такъ очухралы!
— „Та ни, не те... выбачайте...
Щобъ лыха не зналы,
Щобъ вамъ гроши прыснылыся...
Бачте, у Вильшаній
У костели... у тытаря...
А дочка Оксана!
Ховай, Боже! якъ панночка!
Що-то за хороше!
А червинцивъ, хочъ не его,

Такъ що? абы гроши".
— „Абы гроши, однаково!
Правду Лейба каже;
А щобъ певна була правда,
Нехай шляхъ покаже.
Одягайся!"
Пойихалы
Ляхы у Вильшану.
Одынъ тилько пидъ лавою
Конфедератъ пьяный
Нездужа встать, а курныка,
Пьяный и веселый:
. . . . . .
. . . . . .

ТЫТАРЬ.

Угаю, гаю,
Витру немае;
Мисяць высоко,
Зиронькы сяють.
Выйды, серденько,—
Я выглядаю;
Хочъ на годыну,
Моя рыбчыно!
Выглянь, голубко,
Та поворкуемъ,
Та посумуемъ;
Бо я далеко
Сю ничъ мандрую.
Выглянь же, пташко,
Мое серденько,
Покы блызенько,
Та поворкуемъ...
Охъ, тяжко, важко!"
Оттакъ, ходя по-пидъ гаемъ,

Ярема спивае;
Выглядае, а Оксаны
Немае, немае.
Зори сяють; середъ неба
Свитыть билолыцый;
Верба слуха соловейка,
Дывыться въ крыныцю;
На калыни, надъ водою,
Такъ и вылывае,
Неначе зна, що дивчыну
Козакъ выглядае.
А Ярема по долыни
Ледве, ледве ходыть,
Не дывыться, не слухае..
„На що мени врода,
Колы нема доли, нема талану?
Лита молодыи марно пропадуть.
Одынъ я на свити, безъ роду и доли
Стеблына—былына на чужому поли;
Стеблыну-былыну витры рознесуть,
Такъ и мене люде не знають, де діты.
За що жъ одцуралысь? що я сырота.
Одно було серце, одно на всимъ свити,
Одна душа щыра, та, бачу, що й та,
Що й та одцуралась.“
И хлынулы слёзы.
Поплакавъ сердега, утеръ рукавомъ.
„Оставайсь здорова! Въ далекій дорози
Найду або долю, або за Днипромъ
Ляжу головою... А ты не заплачешъ,
А ты не побачышъ, якъ воронъ клюе
Ти карыи очи, ти очи козачи,
Що ты цилувала, серденько мое!
Забудь мои слезы, забудь сыротыну,
Забудь, що клялася; другого шукай;
Я тоби не пара: я въ сирій свытыни,
А ты тытаривна. Кращого витай,—
Витай, кого знаешъ... така моя доля!

Забудь мене, пташьо, забудь, не журысь.
А колы почуешъ, що на чужимъ поли
Сховалы Ярему, нышкомъ помолысь.
Одна, серце, на всимъ свити
Хочъ ты помолыся!"
Та й заплакавъ сіромаха,
На кый похылывся.
Плаче соби тыхесенько...
Шелестъ!... колы гляне:
По-пидъ гаемъ, мовъ ласочка,
Крадеться Оксана.
Забувъ... побигъ... обнялыся...
„Серце!" та й зомлилы.
Довго, довго тилько — „серце!"
Та й знову нимилы
— „Годи, пташко!"
— „Ще трошечкы,
Ще... ще... сызокрылый!
Выймы душу!... ще разъ... ще разъ...
Охъ, якъ я втомылась!"
— „Одпочынь, моя ты зоре!
Ты зъ неба злетила!"
Пославъ свытку. Якъ ясочка,
Усмихнулась, сила.
— „Сидай же й ты коло мене,"
Сивъ, та й обнялыся.
„Серце мое, зоре моя,
Де це ты зорила?"
— „Я сегодня забарылась:
Батько занедужавъ;
Коло его все поралась..."
— „А мене й байдуже?"
— „Якый бо ты, ій же Богу!"
И слёзы блыснулы.
— „Не плачъ, серце, я жартую."
— „Жарты!"
Усмихнулась.
Прыхылылась головкою,

Та й нибы заснула.
„Бачъ, Оксано, я жартую,
А ты й справди плачешъ!
Ну, не плачъ же, глянь на мене:
Завтра не побачышъ.
Завтра буду я далеко,
Далеко, Оксано...
Завтра въ ночи у Чыгрыпи
Свяченый достану.
Дасть винъ мени сриблo-злото,
Дасть винъ мени славу;
Одягну тебе, обую,
Посажу, якъ паву,
На дзыкглыку, якъ гетьманшу,
Та й дывытысь буду;
Покы не вмру, дывытымусь.“
— „А може й забудешъ?
Розбагатіешъ, у Кыивъ
Пойидешъ зъ панамы,
Найдешъ соби шляхтяночку,
Забудешъ Оксану!“
— „Хыба краща йе за тебе?“
„Може й йе, не знаю.“
— „Гнивышъ Бога, мое серце:
Кращои немае!
Ни па неби, ни за небомъ,
Ни за сынимъ моремъ
Нема кращои одъ тебе!“
„Що се ты говорышъ?
Схаменыся.“

„Правду, рыбко!“
Та й знову, та й знову
Довго воны, якъ бачыте,
Велы таку мову;
Цилувалысь, обнималысь
Зъ усіеи сылы;
То плакалы, то божылысь,

То ще разъ божылысь.
Ій Ярема розсказувавъ,
Якъ жыть воны будуть,
Якъ окуе всю въ золото,
Якъ долю добуде,
Якъ вырижуть гайдамакы
Ляхивъ въ Украини,
Якъ винъ буде пануваты,
Колы не загыне.
Ажъ обрыдло слухаючы;
Далеби, дивчата!
„Отто якый! мовъ и справди
Обрыдло!“
А маты,
Або батько якъ побачять,
Що вы, мои люби,
Таке дыво чытаете,—
Гриха на всю губу!
Тоди, тоди — та цуръ ёму,
А дуже цикаве!
А надто вамъ розсказать бы,
Якъ козакъ чорнявый
Пидъ вербою, надъ водою
Обнявшысь сумуе;
А Оксана, якъ голубка,
Воркуе, цилуе;
То заплаче, то зомліе,
Головоньку схылыть:
„Серце мое, доле моя!
Соколе мій мылый!
Мій...“ ажъ вербы нагыналысь
Слухать тую мову.
Отто мова! Не розскажу,
Мои чорноброви,
Не розскажу протывъ ночи,
А то ще прысныться.
Нехай соби розійдуться—
Такъ якъ и зійшлыся, —

Тыхесенько, гарнесенько,
Щобъ нихто не бачывъ—
Ни дивочи дрибни слёзы,
Ни щыри козачи.
Нехай соби... може, ще разъ
Воны на симъ свити
Зостринуться... побачымо...

А тымъ часомъ свитыть
Зъ усихъ виконъ у тытаря.
Що то тамъ творыться?
Треба глянуть, та розсказать...
Бодай не дывыться!
Бодай не дывытысь, бодай не казаты!
Бо за людей соромъ, бо серце болыть.
Гляньте, подывиться: то конфедераты,
Люде, що зибралысь волю бороныть.
Боронять, прокляти!...) Будь проклята маты,
И день, и годына, колы понесла,
Колы породыла, на свитъ прывела!
Дывиться, що роблять у тытаря въ хати
Пекельныи диты.
У печи пала
Огонь и свитыть на всю хату,
Въ кутку собакою дрижыть
Проклятый жыдъ; конфедераты
Крычять до тытаря:—„Хочъ жыть?
Скажы, де гроши?“
Той мовчыть.
Налыгачемъ скрутылы рукы,
Объ землю вдарылы — нема,
Нема ни слова
— „Мало мукы!
Давайте прыску! де смола?
Кропы ёго! отакъ! холопе!
Мерщій же прыскомъ посыпай!
Що? скажешъ, шельмо?... И не стогне!
Завзята бестія! Стривай!“

Насыпалы въ халявы жару...
— „У тимья цвяшокъ заѣатай!“
Не вытерпивъ святои кары,
Упавъ сердега. Пропадай,
Душа, безъ сповиди святои!
— „Оксано, дочко!“ та й умеръ.
Ляхы задумалыся стоя,
Хочъ и запекли.
— „Що жъ теперъ,
Панове, рады? Помиркуемъ;
Теперъ зъ нымъ ничого робыть.
Запалымъ церкву!“
— „Кгвалтъ! рятуйте!
Хто въ Бога вируе!“
На двори голосъ, що йе сылы.
Ляхы зомлилы. „Хто такый?“
Оксана въ двери — „Вбылы! вбылы!“
Та й пада крыжемъ. А старшый
Махнувъ рукою на громаду.
Понура шляхта, мовъ хорты,
За двери выйшла. Самъ позаду
Бере зомлилую...

Де жъ ты,
Яремо, де ты? подывыся!
А винъ мандруючы спива,
Якъ Налывайко зъ ляхомъ бывся.
Ляхы пропалы; нежыва
Пропала зъ нымы и Оксана.

Собакы де-де по Вильшанiй,
Загавкають, та й замовчять.
Билiе мисяць; люде сплять
И тытарь спыть... Не рано встане:
На-викы, праведный, заснувъ.
Горило свитло, погасало,
Погасло... Мертвый мовъ здригнувъ,
И сумно, сумно въ хати стало [8]).

СВЯТО ВЪ ЧЫГЫРЫНИ.

Гетьманы, гетьманы! якъ-бы то вы всталы,
Всталы, подывылысь на той Чыгырынъ,
Що вы будувалы, де вы панувалы!
Заплакалы бъ тяжко, бо вы бъ не пизналы
Козацькои славы убогыхъ руинъ,
Базары, де військо, якъ море червоне,
Передъ бунчукамы, бувало, горыть,
А ясновельможный, на воронимъ кони,
Блысне булавою—море закыпыть...
Закыпыть, и разлылося
Степамы, ярамы;
Лыхо мліе передъ нымы...
А за козакамы...
Та що й казать?... мынулося;
А те, що мынуло,
Не згадуйте, паныбраты...
. . . . . .
Та й що зъ того, що згадаешъ?
Згадаешъ—заплачешъ.
Ну, хочъ глянемъ на Чыгырынъ,
Колысь-то козачый.

Изъ-за лису, зъ-за туману,
Мисяць выплывае,
Червоніе, круглолыцый,
Горыть. а не сяе,
Неначе зна, що не треба
Людямъ его свиту,
Що пожары Украину
Нагріють, освитять.
И смерклося, а въ Чыгрыни,
Якъ у домовыни,
Сумно, сумно. (Оттакъ було
По всій Украини

Протывъ ночи Маковія,
Якъ ножи святылы).
Людей не чуть; черезъ базаръ
Кажанъ костокрылый
Перелетыть; на выгони
Сова завывае.
А де жъ люде?... Надъ Тясмыномъ,
У темному гаю
Зибралыся; старый, малый,
Убогый, багатый
Поедналысь,—дожыдають
Велыкого свята.

У темному гаю, въ зеленій диброви,
На прыпони кони отаву скубуть;
Осидлани кони, ворони готови.
Куды-то пойидуть? Кого повезуть?
Онъ кого, дывиться. Ляглы по долыни,
Неначе побыти, ни слова не чуть.
Отто гайдамакы. На кгвалтъ Украины
Орлы налетилы; воны рознесуть
Ляхамъ, жыдамъ кару;
За кровъ и пожары
Пекломъ гайдамакы ляхамъ оддадуть.

По-пидъ дибровою стоять
Возы зализнои тарани:
То щедрои гостынець пани.
Умила що кому давать!
Нивроку ій, нехай царствуе;
Нехай не вадыть, якъ не чуе!
Помижъ возамы нигде стать:
Неначе въ ирій налетило
Зъ Смилянщыны, зъ Чыгырына,
Просте козацство, старшына;
На певне дило налетилы.
Козацьке панство похожае,
Въ кыреяхъ черныхъ, якъ одынъ,

Тыхенько ходя розмовляе
И поглядае на Чыгрынъ.

Старшына первый.

Старый Головатый щось дуже коверзуе.

Старшына другый.

Мудра голова! сыдыть соби въ хутори, нибы не знае ничого, а дывыпся — скризъ Головатый. „Колы самъ,“ каже, не повершу, то сынови передамъ“.

Старшына третій.

Та й сынъ же штука! Я вчора зострився зъ Зализнякомъ; таке розсказуе про его, що цуръ ёму! „Кошовымъ“, каже, „буде, та й годи; а може ще и гетьманомъ, колы тее...“

Старшына другый.

А Гонта на-що? а Зализнякъ? до Гонты сама... сама писала: „Колы, каже...“

Старшына первый.

Цытьте лышень, здаеться дзвонять!

Старшына другый.

Та ни, то люде гомонять.

Старшына первый.

Гомонять, поки ляхы почують. Охъ, стари головы та розумни; хымерять, хымерять, та й зроблять зъ лемеша швайку. Де можна лантухъ, тамъ торбы не треба. Купылы хрину, треба зъисты: плачте, очи, хочъ повылазьте: бачылы, що купувалы; грошамъ не пропадать! А то думають, думають, ни въ голосъ, ни мовчкы; а ляхы догадаються — отъ тоби й шыкъ! Що тамъ за рада? чомъ воны не дзвонять? Чымъ спынышъ народъ, щобъ не гомонивъ? Не десять душъ, а слава Богу вся Смилянщына, колы не вся Украина. Онъ, чуете? спивають.

Старшына третій.

Справди спива щось; иду спыню.

Старшына первый.

Не спыняй, нехай соби спивае, абы не голосно.

Старшына другый.

Отто, мабудь, волохъ! [6]) Не втерпивъ такы старый дурень; треба, та й годи.

Старшына третій.

А мудро спивае! колы не послухаешъ, усе иншу. Підкрадьмось, браци, та послухаемъ; а тымъ часомъ задзвонять.

Старшына первый и другый.

А що жъ? то й ходимо!

Старшына третій

Добре, ходимо.

(Старшыны вышкомъ стали за дубомъ, а видъ дубомъ сыдыть слепый кобзарь; кругомъ его запорозци и гайдамаки Кобзарь спивае зъ повагою и неголосно).

Кобзарь.

„Ой волохы, волохы!
Васъ осталося трохы;
II вы, молдаваны,
Теперъ вы не паны:
Ваши господари
Наймыты татарамъ,
Турецькымъ султанамъ,
Въ кайданахъ, въ кайданахъ!
Годи жъ, не журиться,
Гарно помолиться,
Братайтеся зъ намы,
Зъ намы козакамы;
Згадайте Богдана,
Старого гетьмана;

Будете панамы,
Та, якъ мы, зъ ножамы,
Зъ ножамы святымы,
Та зъ батькомъ Максымомъ
Сю ничъ погуляемъ,
Ляхивъ погойдаемъ,
Та такъ погуляемъ,
Що ажъ пекло засміеться,
Небо запалае...
Добре погуляемъ!"

Запорожець.

Добре погуляемъ! правду старый спива, якъ не бреше. А що бъ то зъ ёго за кобзарь бувъ, якъ бы не волохъ!

Кобзарь.

Та я й не волохъ; такъ тилько — бувъ колысь у Волощыни, а люде и зовуть волохомъ, самъ не знаю за що.

Запорожець.

Ну, та дарма; утны ще яку-небудь. А ну лышень, про батька Максыма ушкварь.

Гайдамака.

Та не голосно, щобъ не почула старшына.

Запорожець.

А що намъ ваша старшына? почуе, такъ послуха, колы мае чымъ слухаты, та й годи. У насъ одинъ старшый — батько Максымъ; а винъ, якъ почуе, то ще карбованця дасть. Спивай, старче Божый, не слухай ёго.

Гайдамака.

Та воно такъ, чоловиче; я це й самъ знаю, та ось що: не такъ паны, якъ пидпанкы! або покы сонце зійде, то роса очи выйисть.

Запорожець.

Брехня! спивай, старче Божый, яку знаешъ, а то й дзвона не диждемо—поснемо.

Гуртомъ.

Справди поснемо; спивай яку-небудь.

Кобзарь (спивае).

„Лита орелъ, лита сызый
По пидъ небесамы:
Гуля Максымъ, гуля батько
Степамы, лисамы.
Ой литае орелъ сызый,
А за нымъ орлята;
Гуля Максымъ, гуля батько,
А за нымъ хлопьята.
Запорозци — ти хлопьята,
Сыны его диты.
Помиркуе, загадае,
Чы быты, чы пыты,
Чы танцювать, — то й ушкварять,
Ажъ земля трясеться;
Заспивае — заспивають,
Ажъ лыхо сміеться.
Горилку, медъ не чаркою,
Поставцемъ черкае,
А ворога заплющывшысь
Ката, не мынае.
Оттакый-то нашъ отаманъ,
Орелъ сызокрылый!
И воюе, и гарцюе
Зъ усіеи сылы.
Нема въ ёго ни осели,
Ни саду, ни ставу...
Степъ и море—скризь бытый шляхъ,
Скризь золото, слава.
Шапуйтеся жъ, вражи ляхы.
Скажени собакы

Йде Зализнякъ Чорнымъ шляхомъ,
За нымъ гайдамакы.“

Запорожець.

Оце то такъ! вчыстывъ, ничого сказаты: и до ладу, и правда. Добре, далеби добре! Що хоче, то такъ и втне. Спасыби, спасыби.

Гайдамака.

Я щось не второпавъ, що винъ спивавъ про гайдамакивъ?

Запорожець.

Якый бо ты бевзь и справди! Бачышъ, ось що винъ спивавъ: щобъ ляхы погани, скажени собакы, каялысь, бо йде Зализнякъ Чорнымъ шляхомъ зъ гайдамакамы, щобъ ляхивъ, бачышъ, ризаты...

Гайдамака.

И вишаты, и мордоваты! Добре, ій-Богу, добре! Ну, це такъ! Далеби, давъ бы карбованця, якъ бы бувъ не пропывъ учора! Шкода! Ну, нехай стара вьязне, бильше мьяса буде. Поборгуй, будь ласкавъ, завтра оддамъ. Утны ще щонебудь про гайдамакивъ!

Кобзарь.

До грошей я не дуже ласый. Абы була ласка слухаты, покы не охрыпъ, спиватыму; а охрыпну — чарочку, другу тіи ледащици-жывыци, якъ то кажуть, та й знову. Слухайте жъ, панове громадо!

„Ночувалы гайдамакы
Въ зеленій диброви,
На прыпони паслы кони,
Сидлани, готови.
Ночувалы ляшкы-панкы
Въ будынкахъ зъ жыдамы,

Напылыся, простяглыся,
Та й...“

Громада

Цыть лышень! здаеться дзвонять. Чуешъ?... ще разъ... о!

Кобзарь

„Задзвонылы, задзвонылы!
Пишла луна гаемъ.
Идить же вы, та молитесь,
А я доспиваю.“

Повалылы гайдамакы,
Ажъ стогне диброва;
Не повезлы, а на плечахъ
Чумацьки волови
Несуть возы. А за нымы
Слипый волохъ знову:
„Ночувалы гайдамакы
Въ зеленій диброви“.
Шкандыбае, курнякае,
И тычъ не до речи.
— „Ну лышъ иншу, старче Божий!“
Зъ возамы на плечахъ
Крычять ёму гайдамакы.
— „Добре, хлопци, нате!
Оттакъ! оттакъ! добре, хлопци!
А нуте, хлопьята,
Ушкварымо!“
Земля гнеться,
А воны зъ возамы
Такъ и рижуть. Кобзарь грае,
Додае словамы:
„Ой гопъ, такы-такъ?
Клыче Гандзю козакъ:
— Ходы, Гандзю, пожартую,
Ходы, Гандзю, поцилую;
Ходимъ, Гандзю, до попа

Богу помолыться;
Нема жыта ни снопа,
Вары вареныци.
Оженывся, зажурывся —
Ничого немае;
У рядныни ростуть диты,
А козакъ спивае:
— И по хати ты-ны-ны,
И по синяхъ ты-ны-ны,
Вары, жинко, лыны,
Ты-ны-ны, ты-ны-ны!“

— „Добре! добре! ще разъ! ще разъ!“
Крычять гайдамакы.

„Ой гопъ того дыва!
Наварылы ляхы пыва,
А мы будемъ шынкувать,
Ляшкивъ-панкивъ частувать.
Ляшкивъ-панкивъ почастуемъ,
Зъ панянкамы пожартуемъ.
Ой гопъ, такы-такъ!
Клыче панну козакъ:
— Панно, пташко моя!
Панно, доле моя!
Не соромся, дай рученьку,
Ходимъ погуляймо;
Нехай людямъ лыхо сныться,
А мы заспиваймо.
А мы заспиваймо,
А мы посидаймо,
Панно, пташко моя,
Панно, доле моя!“

— „Ще разъ, ще разъ!“

„Якъ-бы такы, або такъ, або сякъ,
Якъ-бы такы запорозькый козакъ,

Якъ-бы такы молодый, молодый,
Хочъ по хати бъ поводывъ, поводывъ.
Страхъ мени не хочеться
Зъ старымъ дидомъ морочыться,
Якъ-бы такы...“

— „Цу-цу, скажени! схамениться!
Бачъ, разходылыся! А ты,
Стара собако, де бъ молыться,
Верзешъ тутъ погань. Отъ чорты!“
Крычыть отаманъ. Опынылысь;
Ажъ церковъ бачять. Дякъ спива,
Попы зъ кадыламы, зъ кропыломъ;
Громада — нибы нежыва,
А ни телень... Помижъ возамы
Попы зъ кропыламы пишлы;
За нымы корогвы неслы,
Якъ не велыкдень надъ паскамы.

„Молитесь, братія, молитесь!“
Такъ благочынный начына:
„Кругомъ святого Чыгрына
Сторожа стане зъ того свиту,
Не дасть святого роспынать.
А вы Украину ховайте:
Не дайте матери, не дайте
Въ рукахъ у ката пропадать.
Одъ Конашевыча и доси
Пожаръ не гасне, люде мруть,
Канають въ тюрмахъ, голи, боси...
Диты нехрещени ростуть,
Козацьки диты; а дивчата!...
Земли козацькои краса,
У ляха вьяне, якъ першъ маты,
И непокрытая коса
Стыдомъ сичеться; кари очи
Въ неволи гаснуть; росковать
Козакъ сестру свою не хоче,

Самъ не соромыться канать
Въ ярми у ляха... горе, горе!
Молитесь, диты! страшный судъ
Ляхы въ Украину несуть —
И зарыдають чорни горы.
Згадайте праведныхъ гетьманивъ:
Де ихъ могылы? Де лежыть
Останокъ славного Богдана?
Де Остряныцына стоить
Хочъ-бы убогая могыла?
Де Налывайкова? нема!
Жывого й мертвого спалылы. [7])
Де той Богунъ, де та зима?
Ингулъ, що зиму замерзае —
Богунъ не встане загатыть
Шляхетськымъ трупомъ. [8]) Ляхъ гуляе!
Нема Богдана червонытъ
И Жовти Воды й Рось зелену.
Сумуе Корсунь староденный:
Нема журбу въ кымъ подилыть.
И Альта плаче: „Тяжко жыты!
„Я сохну, сохну...“ де Тарасъ? [9])
Нема, не чуть .. не въ батька диты!
Не плачте, братія: за насъ
И души праведныхъ, и сыла
Архыстратыга Мыхаила.
Не за горамы кары часъ.
Молитесь, братія!“

Молылысь,
Молылысь щыро козакы,
Щыро, якъ диты; не журылысь,
Гадалы тее... а зробылось —
Надъ козакамы хусточкы!
Одно добро, одна слава —
Биліе хустына,
Та й ту знимуть...
А діяконъ:

„Нехай ворогъ гыне!
Берить ножи! освятылы“
Ударылы въ дзвоны,
Реве гаемъ: „освятылы!“
Ажъ серце холоне!
„Освятылы, освятылы!
Гыне шляхта, гыне!“
Розибралы, заблыщалы
По всій Украини. [10])

ТРЕТИ ПИВНИ. [11])

Ще день Украйну катувалы
Ляхы скажени; ще одынъ,
Одынъ останній сумувалы
И Украина, и Чыгрынъ.
И той мынувъ день Маковія,
Велыке свято въ Украини,
Мынувъ—и ляхъ, и жыдовынъ
Горилкы, крови упывалысь,
Клялы схызмата, роспыналы,
Клялы, що ничого вже взять.
А гайдамакы мовчкы ждалы
Покы паганци ляжуть спать.
Ляглы, и въ головы не клалы,
Що вже имъ завтра не вставать.
Ляхы заснулы, а іуды
Ще личять гроши у-ночи,
Безъ свитла личять барыши,
Щобъ не побачылы, бачъ, люде.
И ти на золото ляглы,
И сномъ нечыстымъ задрималы.
Дримають... на викы бодай задрималы!
А тымъ часомъ мисяць плыве оглядать
И небо, и зори, и землю, и море,

Та гляпуть на люде, що воны моторять,
Щобъ Богови въ-ранци про те розсказать.
Свитыть билолыцый на всю Украину,
Свитыть... а чи бачыть мою сыротыпу,
Оксапу зъ Вильшапы, мою сыроту?
Де іи мордують, де вона воркуе?
Чи знае Ярема? чи знае, чи чуе?
Побачымо потимъ, а теперъ не ту,
Не ту заспиваю, иншои заграю:
Лыхо — не дивчата — буде танцювать.
Недолю спиваю козацького краю;
Слухайте жъ, щобъ дитямъ потимъ розсказать,
Щобъ и диты знаны, внукамъ розсказалы,
Якъ козакы шляхту тяжко покаралы,
За те, що не вмила въ добри панувать.

Гомонила Украина,
Довго гомонила,
Довго, довго кровъ степамы
Текла, червонила.
Текла, текла, та й высохла,
Степы зеленіють;
Диды лежять, а надъ нымы
Могылы сыніють.
Та що зъ того, що высоки?
Нихто ихъ не знае,
Нихто щыро не заплаче,
Нихто не згадае.
Тилько витеръ тыхесенько
Повіе надъ нымы,
Тилько росы ранесенько
Слёзамы дрибнымы
Ихъ умыють. Зійде сонце,
Осушыть, прыгріе;
А унукы? имъ байдуже,
Жыто соби сіють,
Багато ихъ, а хто скаже,
Де Гонты могыла,—

Мученыка праведного
Де похоронылы?
Де Зализнякъ, душа щыра,
Де одпочывае?
Тяжко! важко!...
. . . . . .
Гомонила Украина,
Довго гомонила,
Довго, довго кровъ степамы
Текла, червонила.
И день, и ничъ кгвалтъ, гарматы;
Земля стогне, гнеться;
Сумно, страшно, а згадаешъ —
Серце усмихнеться.

Мисяцю мій ясный! зъ высокого неба
Сховайся за гору, бо свиту не треба;
Страшно тоби буде, хочъ ты й бачывъ Рось,
II Альту, и Сену: и тамъ розлылось,
Не знать за що, крови шырокее море.
А теперъ що буде! Сховайся жъ за гору;
Сховайся, мій друже, щобъ не довелось
На старисть заплакать...

Сумно, сумно середъ неба
Сяе билолыцый.
По-надъ Днипромъ козакъ иде,
Може, зъ вечорныци.
Иде смутный, невеселый,
Ледве несуть ногы.
Може, дивчына не любыть,
За те, що убогый?
II дивчына ёго любыть
Хочъ лата на лати.
Чорнобрывый, а не згыне,
То буде й багатый.
Чого жъ смутный чорнобрывый
Иде — чуть не плаче?

Якусь тяжку недоленьку
Вищуе козаче.
Чуе серце, та не скаже,
Яке лыхо буде.
Мыне лыхо... Кругомъ его
Мовъ вымерлы люде.
А ни пивня, ни собакы:
Тилько изъ-за гаю
Десь далеко сироманьци
Вовкы завывають.
Байдуже! иде Ярема,
Та не до Оксаны,
Не въ Вильшану на досвиткы,—
До ляхивъ паганыхъ
У Черкасы. А тамъ третій
Пивень заспивае...
А тамъ... а тамъ... Йде Ярема,
На Днипръ поглядае.

„Ой Днипре мій, Днипре шырокый та дужый!
Багато ты, батьку, у море носывъ
Козацькои крови; ще понесешъ, друже!
Червонывъ ты сыне, та не напоивъ;
А сю ничъ упьешся. Пекельнее свято
По всій Украини сю ничъ зареве;
Потече багато, багато, багато
Шляхетськои крови. Козакъ ожыве:
Ожывуть гетьманы въ золотимъ жупани;
Прокынеться доля; козакъ заспива:
„Ни жыда, ни ляха“, а въ степахъ Украйны—
Дай-то, Боже мылый—блысне булава!“

Такъ думавъ, идучы въ латаній свытыни,
Сердега Ярема зъ свяченымъ въ рукахъ.
А Днипръ, мовъ пидслухавъ: шюрокый та сыній,
Пиднявъ горы-хвыли; а въ очеретахъ
Реве, стогне, завывае,
Лозы нагынае;

Гримъ гогоче, а блыскавка
Хмару роздырае.
Иде соби нашъ Ярема,
Ничого не бачыть;
Одна думка усмихнеться,
А друга заплаче.
„Тамъ Оксана, тамъ весело
И въ сирій свытыни;
А тутъ... а тутъ... що ще буде?
Може ще загыну“.
А тимъ часомъ изъ байраку
Пивень „кукурику!“
„А, Черкасы!... Боже мылый!
Не вкороты вику!“

ЧЕРВОНЫЙ БЕНКЕТЪ.

Задзвонылы въ уси дзвоны
По всій Украини;
Закрычалы гайдамакы:
„Гыне шляхта, гыне!
Гыне шляхта! погуляемъ
Та хмару нагріемъ!“
Занялася Смилянщына, —
Хмара червоніе;
А найперша Медведивка
Хмары нагривае.
Горыть Смила, Смилянщына
Кровъю пидплывае.
Горыть Корсунь, горыть Канивъ,
Чыгырынъ, Черкасы;
Чорнымъ шляхомъ [12]) запалало,
И кровъ полылася
Ажъ у Волынь. По Полисси

Гонта бенкетуе,
А Зализнякъ въ Смилянщыни
Дамаску гартуе
У Черкасахъ, де й Ярема
Пробуе свяченый.
— „Оттакъ, оттакъ! добре, диты!
Мордуйте скаженыхъ!
Добре, хлопци!“ на базари
Зализнякъ гукае,
Кругомъ пекло; гайдамакы
По пеклу гуляють.
А Ярема — страшно глянуть —
По тры, по чотыри
Такъ и кладе „Добре, сыну,
Матери ихъ хыря!
Мордуй, мордуй: въ раю будешъ,
Або есауломъ,
Гуляй, сыну! Нуте, диты!“
И диты майнулы
По горыщахъ, по коморахъ,
По лёхахъ, — усюды;
Всихъ уклалы, все забралы.
— „Теперь, хлопци, буде!
Утомылысь, одпочыньте“.
Улыци, базары
Крылысь трупомъ, плылы кровъю.
— „Мало клятымъ кары!
Ще разъ треба перемучыть,
Щобъ не повставалы
Нехрещени, кляти души“.
На базаръ збиралысь
Гайдамакы. Йде Ярема,
Зализнякъ гукае:
— „Чуешъ, хлопче? ходы сюды:
Не бійсь, не злякаю“.
— „Не боюся!“ Знявшы шапку,
Ставъ, мовъ передъ паномъ,
„Видкиля ты? хто ты такый?

— „Я, пане, зъ Вильшаны“.
— „Зъ Вильшанои де тытаря
Псы замордувалы?“
— „Де? якого?“
— У Вильшанiй;
И кажуть, що вкралы
Дочку его, колы знаешъ,“
— „Дочку у Вильшанiй?“
— „У тытаря, колы знававъ.“
— „Оксано, Оксано!“
Ледве вымовывъ Ярема
Та й упавъ до-долу.
„Еге! ось що... Шкода хлопця;
Провитры, Мыколо!“
Провитрывся.— „Батьку! брате!
Чомъ я не сторукый?
Дайте ножа, дайте сылу,
Мукы ляхамъ, мукы!
Мукы страшнои, щобъ пекло
Тряслося та млило!“
— „Добре, сыну! ножи будуть
На святее дило.
Ходимъ зъ намы у Лысянку
Ножи гартуваты!“
— „Ходимъ, ходимъ, отамане,
Батьку ты мiй, брате,
Мiй едыный! На край свита
Полечу, достану,
Зъ пекла вырву, отамане ..
На край свита, пане...
На край свита, та не найду,
Не найду Оксаны!“
— „Може й найдешъ. А якъ тебе
Зовуть? я не знаю“.
— „Яремою“.
— „А прызвище?“
— „Прызвища немае!“
— „Хиба байстрюкъ? Безъ прызвища —

Запышы, Мыколо,
У реестеръ. Нехай буде...
Нехай буде Голый,
Такъ и пышы!“
— „Ни, пагано!“
— „Ну, хиба, Бидою?
— „И це не такъ“.
— „Стривай лышень,
Пышы Галайдою!“
Запысалы.
— „Ну, Галайдо,
Пойидемъ гуляты.
Найдешъ долю... а не найдешъ...
Рушайте, хлопьята“.
И Яреми далы коня
Зайвого зъ обозу.
Усмихнувся на воронимъ,
Та й знову у слезы
Выйихалы за царыну;
Палають Черкасы...
— „Чи вси, диты?“
— „Уси, батьку!“
— „Гайда!“
Простяглася
По диброви по-надъ Днипромъ
Козацька ватага.
А за нымы кобзарь волохъ
Перевагы-вагы
Шкандыбае на коныку,
Козакамъ спивае:
„Гайдамакы, гайдамакы!
Зализнякъ гуляе“.

Пойихали... а Черкасы
Палають, палають
Байдуже, нихто й не гляне!
Смиються та лають
Кляту шляхту; хто балака.

Хто кобзаря слуха.
А Зализнякъ попереду
Нашорошывъ уха,
Иде соби, люльку курыть,
Никому ни слова;
А за нымъ нимый Ярема.
Зелена диброва
И темный гай, и Днипръ дужый,
И высоки горы,
Небо, зори, добро, люде
И лютее горе —
Все пропало, все! Ничого
Не знае, не бачить,
Якъ убытый. Тяжко ёму,
Тяжко, а не плаче.
Ни, не плаче: змія люта
Жадно выпывае
Его слезы, давыть душу,
Серце роздырае.
„Ой вы, слёзы, дрибни слезы!
Вы змыете горе.
Змыйте его! тяжко! нудно!
И сынёго моря,
И Днипра, щобъ вылыть люте,
И Днипра не стане.
Занапастыть хиба душу?
Оксано, Оксано!
Де ты, де ты? Подывыся,
Моя ты едына,
Подывыся на Ярему!
Де ты? Може, гыне,
Може, тяжко клене долю,
Клене, умирае,
Або въ пана у кайданахъ
У склепу канае.
Може, згадуе Ярему,
Згадуе Вильшану,
Клыче его. Серце мое,

Обнимы Оксану!
„Обнимемось, мій соколе!
„На викы зомліемъ.
„Нехай ляхы згнущаються —
„Не почуемъ!...“ Віе,
Віе витеръ зъ-за Лыману,
Гне тополю въ поли,
И дивчына похылыться,
Куды гне недоля.
Посумуе, пожурыться,
Забуде... и може...
У жупани сама пани;
А ляхъ... Боже, Боже!
Карай пекломъ мою душу,
Вылый мукы море,
Розбый кару надо мною,
Та не такымъ горемъ
Карай серце: розирветься,
Хочъ-бы було каминь.
Доле моя! Серце мое!
Оксано, Оксано!
Де ты дилася, подилась?“
И хлынулы слёзы;
Дрибни, дрибни полылыся.
Де воны взялыся!
А Зализнякъ гайдамакамъ
Каже опынытысь:
— „У лисъ, хлопци! вже свитае,
И кони прысталы:
Попасемо“,— и тыхенько
У лиси сховались.

ГУПАЛИВЩЫНА.

Зійшло сонце; Украина—
Де палала, тлила,
А де шляхта, запершыся,
У будынкахъ млила.
Скризь по селахъ шыбеныци;
Навишано трупу —
Тилько старшихъ, а такъ шляхта —
Купою на купи.
На улыцяхъ, на розпуттяхъ
Собакы, вороны
Йидять шляхту, клюють очи;
Нихто не бороныть.
Та й никому: осталыся
Диты та собакы;
Жинкы навить зъ рогачамы
Пишлы въ гайдамакы.

Оттаке-то було лыхо
По всій Украини!
Гирше пекла... А за вищо,
За що люде гынуть?
Того жъ батька, таки жъ диты,—
Жыты бъ та брататься,
Ни, не вмилы, не хотилы,
Треба розъеднаться!
Треба крови, брата крови,
Бо заздро, що въ брата
Йе въ комори и на двори,
И весело въ хати!
„Убьемъ брата! спалымъ хату!“
Сказалы, и сталось.
Все бъ, здаеться; ни, на кару
Сыроты осталысь.
Въ слёзахъ рослы, та й выросли;

Замучени рукы
Розвязалысь, — и кровь за кровъ,
И мукы за мукы!
Болыть серце, якъ згадаешъ:
Старыхъ славянъ диты
Впылысь кровью, а хто выненъ?
Ксёндзы, іезуиты [14]),

Мандрувалы гайдамакы
Лисамы, ярамы,
А за нымы и Галайда
Зъ дрибнымы слёзами.
Вже мынулы Воронивку,
Вербивку; въ Вильшану
Прыйихали. „Хиба спытать,
Спытать про Оксану?
Не спытаю, щобъ не зналы,
За що пропадаю“.
А тымъ часомъ гайдамакы
Й Вильшану мынають.
Пытаеться у хлопчыка:
„Що, тытаря вбылы?“
— „Ба ни, дядьку: батько казавъ,
Що ёго спалылы
Отти ляхы, що тамъ лежать,
И Оксану вкралы;
А тытаря на цвынтари
Вчора поховалы.“
Не дослухавъ... „Несы, коню!“
И поводы кынувъ.
„Чомъ я вчора, покы не знавъ,
Вчора не загынувъ!
А сёгодня, колы й умру,
Зъ домовыны встану
Ляхивъ мучыть. Серце мое!
Оксано! Оксано!
Де ты?“

Замовкъ, зажурывся,
Пойихавъ ходою.
Тяжко, важко сиромаси
Бороться зъ нудьгою.
Догнавъ своихъ. Боровыкивъ
Вже хутиръ мынають.
Корчма тлие зъ стодолою,
А Лейбы немае.
Усмихнувся мій Ярема,
Тяжко усмихнувся.
Оттутъ, оттутъ позавчора
Передъ жыдомъ гнувся,
А сёгодня... та й жаль стало,
Що лыхо мынуло.
Гайдамакы по-надъ яромъ
Зъ шляху повернулы.
Наганяють пившаробка.
Хлопець у свытыни
Полатаній, у постолахъ,
На плечахъ торбына.
„Гей, старченя! стривай лышень!"
— „Я не старець, пане!
Я, якъ бачте, гайдамака."
— „Якый же паганый!
Видкиля ты?"
— „Зъ Кереливкы." [14])
— „А Будыща [15]) знаешъ?
И озеро коло Будыщъ?"
— „И озеро знаю,
Оттамъ воно; оцимъ яромъ
Втрапыте до ёго."
— „Що, сёгодня ляхивъ бачывъ?"
— „Нигде ни одного;
А вчора було багато.
Винкы не святылы:
Не далы ляхы прокляти.
За те жъ ихъ и былы!
И я, й батько святымъ ножемъ;

А маты нездужа,
А то й вона бъ."
— „Добре, хлопче.
Ось на жъ тоби, друже,
Цей дукачыкъ, та не згубы."
Узявъ золотого,
Подывыся: „Спасыби вамъ!"
— „Ну, хлопци, въ дорогу!
Та чуете? безъ гомону.
Галайдо, за мною!
Въ оцимъ яру йе озеро
Й лисъ по-пидъ горою,
А въ лиси скарбъ. Якъ прыйидемъ,
То щобъ кругомъ сталы,
Скажы хлопцямъ. Може, лехы
Стерегты осталась
Яка погань."
Прыйихали,
Сталы кругомъ лиса;
Дывляться — нема никого...
„Ту ихъ до-сто-биса!
Яки груши уродылы!
Збывайте, хлопьята!
Швыдче! швыдче! Оттакъ! оттакъ!"
И конфедераты
Посыпалыся до-долу—
Груши гнылобоки.
Позбывалы, упоралысь,
Козакамъ ниврокy.
Найшлы лéхы, скарбъ забралы,
У ляхивъ кышени
Потрусылы, та й потяглы
Караты мерзеныхъ
У Лысянку. [16])

БЕНКЕТЪ У ЛЫСЯНЦИ.

Смеркалося. Изъ Лысянкы
Кругомъ засвитыло:
Отто Гонта зъ Зализнякомъ
Люлькы закурылы.
Страшно, страшно закурылы!
И въ пекли не вміють
Оттакъ курыть. Гнылый Тыкычъ
Кровъю червоніе
Шляхетською, жыдивською;
А надъ нымъ палають
И хатына, и будынокъ;
Мовъ доля карае
Вельможного й неможного.
А середъ базару
Стоить Гонта зъ Зализнякомъ,
Крычять: „ляхамъ кары!
Кары ляхамъ, щобъ каялысь!“
И диты карають.
Стогнуть, плачуть; одынъ просыть,
Другый проклынае;
Той молыться, сповидае
Грихы передъ братомъ,
Уже вбытымъ. Не мылують,
Карають завзяти.
Якъ смерть люта, не вважають
На лита, на вроду:
Шляхтяночкы й жыдивочкы
Тече кровъ у воду.
Ни калика, а ни старый,
Ни мала дытына
Не осталысь,—не вблагалы
Лыхои годыны.
Вси поляглы, вси покотомъ;
Ни души живои

Шляхетськои й жыдивськои.
А пожаръ удвое
Разгорився, роспалався
До самои хмары.

А Галайда знай гукае:
„Кары ляхамъ, кары!“
Мовъ скаженый, мертвыхъ риже,
Мертвыхъ виша, палыть.
„Дайте ляха, дайте жыда!
Мало мени, мало!
Дайте ляха, дайте крови
Наточыть зъ паганыхъ!
Крови море... мало моря...
Оксано! Оксано!
Де ты?“ Крыкне й сховаеться
Въ поломьи, въ пожари.
А тымъ часомъ гайдамакы
Столы вздовжъ базару
Поставылы, несуть страву,
Де що запопалы,
Щобъ засвитла повечерять.
„Гуляй!“ загукалы.
Вечеряють, а кругомъ ихъ
Пекло червоніе.
У поломьи повишани
На кроквахъ чорніють
Панськи трупы. Горять кроквы
И падають зъ нымы.
„Пыйте, диты! пыйте, лыйте!
Зъ панами такымы,
Може, ще разъ зостринемось,
Ще разъ погуляемъ.“
И поставець однымъ духомъ
Зализнякъ черкае.
„За прокляти ваши трупы,
За души прокляти
Ще разъ выпью! Пыйте, диты!

Выпьемъ, Гонто, брате!“
— „Постривай, я дожыдаю,
Що ляхы прокляти...“
Ярема вставъ:—„Яки ляхы?“
— „Отто бо завзятый!
Пый горилку, мій голубе!“
Яки ляхы, брате?“
— „По тимъ боци, у будынку
Заперлысь прокляти!“
— „Розвіемо!“—„Шкода муру,
Старосвитська штука!
А ще гирше: Богдановы
Мурувалы рукы!“
— „Богдановы? шкода, шкода
Гетьманськои праци.“
— „Я пославъ сказать проклятымъ,
Щобъ выдалы Паца.
Помылую! Не выдадуть —
Порохъ засыпаю...
Потайныкы вже зроблени...“
— „И ляхы гуляють?
Личать зори? Добре, брате!
А покы що буде,
Выпьемъ чарку!“—„Добре, выпьемъ!
— „Пыйте, добри люде,
Та не дуже, бо ще може
Не кончылы кары!“
— „Не кончылы!... Пыйте, быйте!
Грай, спивай, кобзарю!
Не про дидивъ, бо не згирше
Й мы ляхивъ караемъ;
Не про лыхо, бо мы ёго
Не зналы й не знаемъ.
Веселои утны, старче,
Щобъ земля ломылась,—
Про вдовыцю-молодыцю
Якъ вона журылась “

(Кобзарь грае прысипуе)

„Одъ села до села
Танци та музыкы:
Курку, яйця продала—
Маю черевыкы.
Одъ села до села
Буду танцюваты:
Ни коровы, ни вола—
Осталася хата.
Я оддамъ, я продамъ
Кумови хатыну,
Я куплю, я зроблю
Яточку пидъ тыномъ;
Торгувать, шынкувать
Буду чарочкамы,
Танцювать та гулять
Такы зъ паробкамы.
Охъ вы, диткы мои,
Мои голубята,
Не журиться, подывиться,
Якъ танцюе маты.
Сама въ наймы піду,
Дитокъ въ школу оддамъ,
А червонымъ черевычкамъ
Такы дамъ, такы дамъ!“

— „Добре! добре! Ну, до танцивъ,
До танцивъ, кобзарю!“
Слипый вшкварывъ—навпрысядкы
Пишлы по базару,
Земля гнеться. „Нумо, Гонто!“
— „Нумъ, брате Максыме!
Ушкварымо, мій голубе,
Покы не загынемъ!“

„Не дывуйтеся, дивчата,
Що я обидрався;

Бо мій батько робывъ гладко,
То й я въ ёго вдався.“

— „Добре, брате, ій же Богу!“
— „А ну, ты, Максыме!“
— „Постриґвай лышъ!“

„Оттакъ чыны, якъ я чыню,
Любы дочку абы-чыю.
Хочъ попову, хочъ дякову,
Хочъ хорошу мужыкову.“

Вси танцюють, а Галайда
Не чуе, не бачыть.
Сыдыть соби кинець стола,
Тяжко, важко плаче,
Якъ дытына. Чого бъ бачться?
Въ червонимъ жупани,
И золото, и слава йе...
Та нема Оксаны;
Ни зъ кымъ долю подилыты,
Ни зъ кымъ заспиваты;
Одынъ, одынъ сыротою
Мусыть пропадаты.
А того, того й не знае,
Що его Оксана
По тимъ боци за Тыкычемъ
Въ будынку зъ панамы,
Съ тымы самымы ляхамы,
Що замордувалы
Ии батька. Недолюды!
Теперъ заховалысь
За мурамы, та дывытесь,
Якъ жыды канають,
Браты ваши! А Оксана
Въ викно поглядае
На Лысянку засвичену.
„Де-то мій Ярема?“

Сама думае. Не знае,
Що винъ коло неи,
У Лысянци, не въ свытыни —
Въ червонимъ жупани,
Сыдыть одынъ та думае:
„Дс моя Оксана!
Де вона, моя голубка
Прыборкана, плаче?“
Тяжко ему.
А изъ яру
Въ кыреи козачій
Хтось крадеться.
— „Хто ты такый?“
Галайда пытае.
„Я посланець пана Гонты.
Нехай погуляе,
Я пидожду.“
— „Ни, не диждешъ,
Жыдивська собако!“
— „Ховай Боже, якый я жыдъ!
Бачышъ? гайдамака!
Ось копійка... подывыся...
Хиба ты не знаешъ?
— „Знаю, знаю,“ и свяченый
Зъ халявы выймае.
„Прызнавайсь, проклятый жыде,
Де моя Оксана?“
Та й замахнувсь.
— „Ховай, Боже!...
Въ будынку... зъ панамы...
Вся въ золоти...“
— „Выручай же!
Выручай! проклятый!“
— „Добре, добре... Яки жъ бо вы,
Яремо, завзяти!
Иду заразъ и выручу:
Гроши муръ ламають,—
Скажу ляхамъ — замисть Паца...“

— „Добре, добре! знаю.
Иды швыдче!“
— „Заразъ, заразъ,
Гонту забавляйте
Съ пивъ-упруга, а тамъ нехай.
Идить же гуляйте...
Куды везты?“
— „У Лебедынъ!
У Лебедынъ, чуешъ?“
— „Чую, чую.“
И Галайда
Зъ Гонтою танцюе.
А Зализнякъ бере кобзу:
— „Потанцюй, кобзарю,
Я заграю“.
Навпрысядкы
Слипый по базару
Оддырае постоламы,
Додае словамы:
„На городи пустырнакъ, пустырнакъ;
Чы я жъ тоби не козакъ, не козакъ?
Чы я жъ тебе не люблю, не люблю?
Чы я жъ тоби черевычкивъ не куплю?
Куплю, куплю, чорнобрыва,
Куплю, куплю того дыва.
Буду, серце, ходыть,
Буду, серце, любыть.“

„Ой гопъ, гопака!
Полюбыла козака,
Та рудого, та старого —
Лыха доля така.
Иды жъ, доле, за журбою,
А ты, старый, за водою,
А я — такъ до шынку.
Выпью чарку, выпью другу,
Выпью третю на потугу,
Пьяту, шосту, та й кинець.

Пишла баба у танець,
А за нею горобець,
Выкрутасомъ, выхылясомъ.
Молоцець горобець!
Старый рудый бабу клыче,
А та ёму дули тыче:
„Оженывся, сатано,—
„Заробляй же на пшоно:
„Треба дитокъ годувать,
„Треба дитокъ одягать;
„А я буду добувать;
А ты, старый, не гришы,
„Та въ запичку колышы,
„Та мовчы, не дышы!“

„Якъ була я молодою преподобныцею,
Повисыла хвартушыну надъ виконыцею,
Хто йде — не мыне,
То кывне, то моргне.
А я шовкомъ вышываю,
Въ кватырочку выглядаю:
Семены, Иваны!
Надивайте жупаны,
Та ходимо погуляймо,
Та сядемо заспиваймо.“

„Заганяйте квочку въ бочку,
А курчята въ вершу.“
. . . . . .
. . . . . .
„И... гу!
Загнувъ батько дугу,
Тягне маты супоню,
А ты завьяжы, доню.“

— „Чы ще? чы годи?
— „Ще, ще,
Хочъ пагану! самы ногы носять“.

„Ой сыпъ сыривець
Та крышы опенькы:
Дидъ та баба, то й до ладу,—
Обое раденьки.

Ой сыпъ сыривець
Та крышы петрушку:
. . . . . .
. . . . . .

„Ой сыпъ сыривець
Та накрышы хрину:
. . . . . .
. . . . . .

„Ой сыпъ воду, воду
Та пошукай броду, броду...“

— „Годи! годи!“ крычыть Гонта:
Годи, погасае.
Свитла, диты! .. А де Лейба?
Що его немае?
Найты его та повисыть.
Петелька свынячa!
Гайда, диты! погасае
Каганець козачый!“
А Галайда:—„Отамане!
Погуляймо, батьку!
Дывысь — горыть; на базари
II выдко, и гладко.
Потанцюемъ. Грай, кобзарю!
— „Не хочу гуляты!
Огню, диты! дегтю, клоччя!
Давайте гарматы;
Въ потайныкы пустить огонь!
Думають, жартую!“
Заревилы гайдамакы:
„Добре, батьку! чуемъ!“

Черезъ греблю повалылы,
Гукають, спивають.
А Галайда крычыть: — „Батьку!
Стійте!... пропадаю!
Постривайте, не вбывайте:
Тамъ моя Оксана.
Годыночку, батькы мои:
Я іи достану!“
— „Добре, добре!... Зализняче,
Гукны, щобъ палылы.
Преподобыться зъ ляхамы!...
А ты, сызокрылый,
Найдешъ иншу.“
Оглянувся —
Галайды немае.
Ревуть горы, и будынокъ
Зъ ляхамы гуляе
Коло хмары. Що осталось,
Пекломъ запалало...
— „Де Галайда?“ Максымъ клыче.
И слиду не стало...
Покы хлопьята танцювалы,
Ярема зъ Лейбою прокралысь
Ажъ у будынокъ, въ самый лёхъ;
Оксану выхопывъ чуть жыву
Ярема зъ лёху, та й полынувъ
У Лебедынъ...

ЛЕБЕДЫНЪ.

Я сырота зъ Вильшанои,
Сырота, бабусю.
Батька ляхы замучылы,
А мене... боюся,
Боюсь згадать, моя сыза...

Узялы зъ собою.
Не роспытуй, бабусенько,
Що було зо мною.
Я молылась, я плакала,
Серце розрывалось,
Слёзы сохлы, душа мерла. .
Охъ, яхъ бы я знала,
Що побачу знову,—
Вдвое, втрое бъ вытерпила
За едыне слово!
Выбачай, моя голубко;
Може, я гришыла,
Може, Богъ за те й карае,
Що я полюбыла —
Полюбыла станъ высокый
И карыи очи —
Полюбыла, якъ умила,
Якъ сердёнько хоче.
Не за себе, не за батька
Молылась въ неволи,—
Ни, бабусю, а за ёго,
За мылого долю.
Карай, Боже! Твою правду
Я вытерпить мушу.
Страшно сказать: я думала
Занапастыть душу.
Якъ-бы не винъ, може бъ... може
И занапастыла.
Тяжко було! я думала:
„О, Боже мій мылый!
„Вынъ сырота,—хто безъ мене
„Его прывитае?
„Хто про долю, про недолю,
„Якъ я, роспытае?
„Хто обійме, якъ я ёго?
„Хто душу покаже?
„Хто сыроти убогому
„Добре слово скаже?“

Я такъ думала, бабусю,
И серце сміялось:
„Я сырота: безъ матери,
„Безъ батька осталась,
„И винъ одынъ на всимъ свити
„Мене вирно любыть;
„А почуе, що я вбылась,
„То й себе погубыть“.
Такъ я думала, молылась,
Ждала, выглядала:
Нема ёго, не прыбуде,—
Одна я осталась...“
Та й заплакала. Черныця,
Стоя коло неи,
Зажурылась.
„Бабусенько!
Скажи мени, де я!“
— „Въ Лебедыни, моя пташко;
Не вставай: ты хвора“.
— „Въ Лебедыни! чи давно я?“
— „Ба ни, позавчора“.
— „Позавчора?... Стривай, стривай...
Пожаръ надъ водою...
Жыдъ, будынокъ, Майданивка... [17])
Зовуть Галайдою...“
— „Галайдою Яремою
Себе называе,
Той, що прывизъ...“
— „Де винъ, де винъ?
Теперъ же я знаю!...“
— „Черезъ тыждень обицявся
Прыйты за тобою“.
— „Черезъ тыждень! черезъ тыждень!
Раю мій, покою!
Бабусенько, мынулася
Лыхая годына!
Той Галайда — мій Ярема!...

По всій Украини
Его знають. Я бачыла,
Якъ села горилы;
Я бачыла — каты-ляхы
Трусылыся, млилы,
Якъ хто скаже про Галайду.
Знають воны, знають,
Хто такый и видкиля винъ,
II кого шукае!...
Мене шукавъ, мене найшовъ,
Орелъ сызокрылый!
Прылитай же, мій соколе,
Мій голубе сызый!
Охъ, якъ весело на свити,
Якъ весело стало!
Черезъ тыждень, бабусенько...
Ще тры дни осталось.
Охъ, якъ довго!...

„Загрибай, мамо, жаръ, жаръ,
„Буде тоби дочкы жаль, жаль
Охъ, якъ весело на свити!
А тоби, бабусю,
Чи весело?“
— „Я тобою,
Пташко, веселюся!“
— „А чомъ же ты не спиваешъ!“
— „Я вже одспивала...“
Задзвонылы до вечерни;
Оксана осталась,
А черныця, помолывшысь,
Въ храмъ пошкандыбала.
Черезъ тыждень въ Лебедыни [18])
У церкви спивалы:
„Исаія ликуй!“ Въ-ранци
Ярему винчалы;
А въ-вечери мій Ярема

(Отъ хлопець звычайный!)
Щобъ не сердыть отамана,
Покынувъ Оксану:
Ляхивъ кинча; зъ Зализнякомъ
Весилля справляе
Въ Уманщыни на пожарахъ.
Вона выглядае,
Выглядае, чи не йиде
Зъ боярамы въ гости —
Перевезты изъ келіи
Въ хату на помости.

Не журыся, сподивайся
Та Богу молыся.
А мени теперъ на Умань [19])
Треба подывытысь.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Хвалылыся гайдамакы,
На Умань идучы.
„Будемъ драты, паны-браты,
Зъ кытайкы онучи!“

Мынають дни, мынае лито,
А Украина знай горыть;
По селамъ плачуть мали диты —
Батькивъ немае. Шелестыть
Пожовкле лыстя; по диброви;
Гуляють хмары сонце спыть;
Нигде не чуть людськои мовы;
Звиръ тилько вые, йде въ село,
Де чуе трупы: не ховалы,
Вовкивъ ляхамы годувалы,
Покы ихъ снигомъ занесло.
Не спынила хуртовына

Пекельнои кары:
Лихы мерзлы, а козакы
Грилысь на пожари.
Встала й весна, чорну землю
Сонну розбудыла,
Уквитчала іи рястомъ,
Барвинкомъ покрыла;
И на поли жайворонокъ,
Соловейко въ гаи
Землю, убрану весною,
Въ-ранци зостричають...
Рай та й годи! А для кого?
Для людей. А люде?
Не хотять на ёго й глянуть,
А глянуть —огудять:
Треба кровъю домалювать,
Освитыть пожаромъ;
Сонця мало, рясту мало
И багато хмары.
Пекла мало!... Люде, люде!
Колы-то зъ васъ буде
Того добра, що маете?
Чудни, чудни люде!

Не спынила весна крови,
Ни злости людськои.
Тяжко глянуть; а згадаемъ —
Такъ було и въ Трои,
Такъ и буде.
Гайдамакы
Гуляють, карають;
Де пройидуть — земля горыть,
Кровъю пидплывае.
Прыдбавъ Максымъ соби сына
На всю Украину.
Хочъ не рідный сынъ Ярема,
А щыра дытына.
Максымъ риже, а Ярема

Не риже лютуе:
Зъ ножемъ въ рукахъ, на пожарахъ
И днюе й почуе.
Не мылуе, не мынае
Нигде ни одного;
За тытаря ляхамъ платыть,
За батька святого;
За Оксапу... та й зомліе,
Згадавшы Оксапу.
А Зализнякъ: „Гуляй, сыну!
Покы доля встане,
Погуляемъ!“
Погулялы:
Купою на купи
Одъ Кыива до Умани
Ляглы ляхы трупомъ.
Якъ та хмара, гайдамакы
Умань обступылы
О-пивночи; до схидъ сонця
Умань затопылы,
Затопылы, закрычалы:
„Карай ляха знову!“
Покотылысь по базару
Кипни Narodowi; [90])
Покотылысь мали диты
И каликы хвори.
Гвалтъ и галасъ. Па базари,
Якъ посередъ моря
Кровавого, стоить Гонта
Зъ Максымомъ завзятымъ.
Крычять у-двохъ: „Добре-диты!
Оттакъ ихъ проклятыхъ!“
Ажъ ось ведуть гайдамакы
Ксёндза-іезуита
И двохъ хлопцивъ.—„Гонто, Гонто!
Оце твои диты.
Ты насъ рижешъ—зарижъ и ихъ:
Воны католыкы.

Чого жъ ты ставъ? чомъ не рижешъ?
Покы не велыки,
Зарижъ и ихъ, бо выростуть,
То тебе зарижуть...“
— „Убыйте пса! а собачятъ
Своею зарижу.
Клычъ громаду! Прызнавайтесь,
Що вы католыкы?“
— „Католыкы... бо насъ маты...“
— „Боже мій велыкый!
Мовчить, мовчитъ! знаю, знаю!“
Зибралась громада.
„Мои диты католыкы ..
Щобъ не було зрады,
Щобъ не було поговору,
Панове громадо...
Я прысягавъ, бравъ свяченый
Ризать католыка...
Сыны мои; сыны мои!
Чомъ вы не велыки?
Чомъ вы ляха не рижете?. .“
— „Будемъ ризать, тату!“
— „Не будете! не будете!
Будь проклята маты,
Та проклята католычка,
Що васъ породыла!
Чомъ вона васъ до схидъ сонця
Була не втопыла?
Менше бъ гриха: вы бъ умерлы
Не католыкамы:
А сегодня, сыны мои,
Горе мени зъ вамы!
Поцилуйте мене, диты,
Бо не я вбываю,
А прысяга...“
Махнувъ ножемъ —
И дитей немае!
Попадалы заризани.

„Тату!“ белькоталы,
„Тату, тату... мы не ляхы!
„Мы...“ та й замовчалы.
— „Поховать хыба?“
— „Не треба!
Воны католыкы.
Сыны мои, сыны мои!
Чомъ вы не велыки?
Чомъ ворога не ризалы?
Чомъ матиръ не вбылы,
Ту прокляту католычку,
Що васъ породыла?... “[1])
— Ходимъ, брате!“
Взявъ Максыма,
Пишлы вздовжъ базару,
И обыдва закрычалы:
— „Кары ляхамъ, кары!“
И каралы: страшно, страшно
Умань запалала.
Ни въ будынку, ни въ костѐли,
Нигде не осталось,—
Вси поляглы. Того лыха
Не було николы,
Що въ Умани робылося.
Базыліянъ школу,
Де учылысь Гонты диты,
Самъ Гонта руйнуе:
— „Ты пойила моихъ дитокъ!“
Гукае, лютуе:
„Ты пойила невелыкыхъ,
Добру не навчыла!...
Валить стины!“
Гайдамакы
Стины розвалылы,—
Розвалылы, объ каминня
Ксендзивъ розбывалы,
А школяривъ у крыныци
Жывыхъ поховалы.

До самои ночи ляхивъ мордувалы;
Души не осталось. А Гонта крычыть:
„Де вы, людойиды? де вы поховалысь?
Зъилы моихъ дитокъ,— тяжко мени жыть!
Тяжко мени плакать! ни съ кымъ говорыть!
Сыны мои люби, мои чорноброви!
Де вы поховалысь? Крови мени, крови!
Шляхетськои крови, бо хочеться пыть,
Хочеться дывытысь, якъ вона чорніе,
Хочеться напытысь... Чомъ витеръ не віе,
Ляхивъ не навіе?... Тяжко мени жыть!
Тяжко мени плакать! Праведныи зори!
Сховайтесь за хмару; я васъ не займавъ,
Я дитей заризавъ!... Горе мени, горе!
Де я прыхылюся?“
Такъ Гонта крычавъ;
По Умани бигавъ. А середъ базару,
Въ крови, гайдамакы ставылы столы;
Де що запопалы, стравы нанеслы,
И силы вечерять. Остатняя кара,
Остатня вечеря!
— „Гуляйте, сыны!
Пыйте покы пьеться, быйте, покы бьеться!
Зализнякъ гукае. „А ну, нависный,
Ушкварь намъ що небудь, нехай земля гнеться,
Нехай погуляють мои козакы!“
И кобзарь ушкварывъ:
„А мій батько орандарь,
Чоботарь;
Моя маты пряха
Та сваха;
Браты мои, соколы,
Прывелы
И корову изъ дибровы,
И намыста нанеслы.
А я соби Хрыстя
Въ намысти;
А на лыштви лыстя

Та лыстя,
И чоботы, и пидковы.
Выйду въ-ранци до коровы,
Я корову напою,
Подою,
Зъ паробкамы постою,
Постою".

„Ой гопъ по вечери,
Замыкайте, диты, двери,
А ты, стара, не журысь,
Та до мене прыгорнысь!"

Вси гуляють. А де жъ Гонта?
Чомъ винъ не гуляе!
Чому не пье зъ козаками?
Чому не спивае?
Нема его; теперъ ёму,
Мабудь, не до неи,
Не до спивы.
А хто такый
У чорній кыреи
Черезъ базаръ переходыть?
Ставъ; розрыва купу
Ляхивъ мертвыхъ; шука когось
Нагнувся, два трупы
Невелыкыхъ взявъ на плечи
И, позадъ базару,
Черезъ мертвыхъ переступа,
Крыеться въ пожари
За костёломъ. Хто жъ це такый?
Гонта, горемъ бытый,
Несе дитей поховаты,
Землею накрыты,
Щобъ козацьке мале тило
Собакы не йилы.
И темнымы улыцямы,

Де менше горило,
Понисъ Гонта дитей своихъ,
Щобъ нихто не бачывъ,
Де винъ сынивъ поховае,
И якъ Гонта плаче.
Вынисъ въ поле, геть одъ шляху;
Свяченый выймае,
И свяченымъ копа яму.
А Умань палае,
Свитыть Гонти до роботы
И на дитей свитыть.
Неначе сплять одягнени.
Чого-жъ страшни диты?
Чого Гонта нибы краде,
Або скарбъ ховае?
Ажъ трусыться. Изъ Умани
Де-де чуть—гукають
Товарыши гайдамакы;
Гонта мовъ не чуе.
Сынамъ хату середъ степу
Глыбоку будуе.
Та й збудувавъ. Бере сынивъ,
Кладе въ темну хату,
Й не дывыться, нибы чуе:
„Мы не ляхы, тату!"
Поклавъ обохъ, изъ кышени
Кытайку выймае;
Поцилувавъ мертвыхъ въ очи,
Хрыстыть, накрывае
Червоною кытайкою
Головы козачи.
Роскрывъ, ще разъ подывывся...
Тяжко, важко плаче:
„Сыны мои, сыны мои!
На ту Украину
Подывиться: вы за неи
Й я за неи гыну.
А хто мене поховае?

На чужому поли
Хто заплаче надо мною?
Доле моя, доле!
Доле моя нещаслыва!
Що ты наробыла?
На-що мени дитей дала?
Чомъ мене не вбыла?
Нехай воны бъ поховалы,
А то я ховаю".
Поцилувавъ, перехрыстывъ,
Покрывъ, засыпае:
— „Спочывайте, сыны мои,
Въ глыбокій осели!
Сука маты не прыдбала
Новои постели.
Безъ васылькивъ и безъ руты
Спочывайте, диты,
Та благайте, просить Бога,
Нехай на симъ свити
Мене за васъ покарае,
За грихъ сей велыкый.
Простить, сыны! я прощаю,
Що вы католыкы.
Зривнявъ землю, покрывъ дерномъ,
Щобъ нихто не бачывъ,
Де поляглы Гонты диты,
Головы козачи.
„Спочывайте, выглядайте,
Я швыдко прыбуду.
Укоротывъ я вамъ вику,
И мени те буде.
И мене вбьють... колы бъ швыдче!
Та хто поховае?
Гайдамакы!... Пиду ще разъ,
Ще разъ погуляю!..."

Пишовъ Гонта похылывшысь;
Иде, спотыкнеться.

Пожаръ свитыть; Гонта гляне,
Гляне — усмихнеться.
Страшно, страшно усмихався.
На степъ оглядався.
Утеръ очи... тилько мріе
Въ дыму, та й сховався.

- - -- -

ЕПИЛОГЪ.

Давно те мынуло, якъ—мала дытына,
Сырота въ рядныни—я колысь блукавъ,
Безъ свыты, безъ хлиба, по тій Украини,
Де Зализнякъ, Гонта зъ свяченымъ гулявъ.
Давно те мынуло, якъ тымы шляхамы,
Де йшлы гайдамакы,—малымы ногамы
Ходывъ я, та плакавъ, та людей шукавъ,
Щобъ добру навчылы. Я теперъ згадавъ,
Згадавъ, та й жаль стало, що лыхо мынуло.
Молодее лыхо! якъ-бы ты вернулось,
Проминявъ бы долю, що маю теперъ.
Згадаю те лыхо, степы ти безкраи,
И батька, и дида старого згадаю...
Дидусь ще гуляе, а батько вже вмеръ.
Бувало, въ недилю, закрывшы Мынею,
По чарци зъ сусидомъ выпывшы тыеи,
Батько дида просыть, щобъ той розсказавъ
Про Коливщыну, якъ колысь бувало,
Якъ Зализнякъ, Гонта ляхивъ покаравъ.
Столитнии очи, якъ зори, сіялы,
А слово за словомъ сміялось, лылось·
Якъ ляхы каналы, якъ Смила горила,
Сусиде одъ страху, одъ жалю нимилы.
И мени, малому, не разъ довелось
За тытаря плакать. И нихто не бачывъ,
Що мала дытына у куточку плаче.

Спасыби, дидусю, що ты заховавъ
Въ голови столитній ту славу козачу:
Я іи онукамъ теперъ розсказавъ.

Выбачайте, люде добри,
Що козацьку славу
Такъ навманя розсказую,
Безъ кныжнои справы.
Такъ дидъ колысь розсказувавъ,
Нехай здоровъ буде!
А я за нымъ. Не знавъ, старый,
Що письменни люде
Тыи речи прочытають.
Выбачай, дидусю,—
Нехай лають; а я покы
До своихъ вернуся,
Та доведу вже до краю,
Доведу — спочыну,
Та хочъ кризь сонъ подывлюся
На ту Украину,
Де ходылы гайдамакы
Зъ святымы ножамы —
На ти шляхы, що я мирявъ
Малымы ногамы.

Погулялы гайдамакы,
Добре погулялы:
Трохы не рикъ шляхетською
Кровъю наповалы
Украину, та й замовклы —
Ножи пощербылы.
Нема Гонты; нема ему
Хреста, ни могылы.
Буйни витры розмахалы
Попилъ гайдамакы,
И никому помолытысь,
Никому заплакать.
Одынъ тилько братъ названый

Оставсь на всимъ свити;
Та й той почувъ, що такъ страшно
Пекельныи диты
Его брата замучылы,
Зализнякъ заплакавъ
Въ перше зроду; слёзы не втеръ,
Умеръ неборака.
Нудьга его задавыла
На чужому поли,
Въ чужу землю положыла: [22])
Така ёго доля!
Сумно, сумно гайдамакы
Зализную сылу
Поховалы; насыпалы
Высоку могылу;
Заплакалы, розійшлыся,
Видкиля взялыся.
Одынъ тилько мій Ярема
На кый похылывся,
Стоявъ довго.—„Спочынь, батьку,
На чужому поли,
Бо на своимъ нема миста,
. . . . . .
Спы козаче, душа щыра!
Хто-небудь згадае.“
Пишовъ степомъ сиромаха,
Слезы утырае.
Довго, довго оглядався,
Та й не выдко стало.
Одна чорна середъ степу
Могыла осталась.

Посіялы гайдамакы
Въ Украини жыто,
Та не воны его жалы.
Що мусымъ робыты?
Нема правды, не выросла;
Крывда повивае...

Розійшлыся гайдамакы,
Куды якый знае;
Хто до-дому, хто въ диброву,
Зъ ножемъ у халяви
Жыдивъ кинчать. Така й доси
Осталася слава. [21])
А тымъ часомъ стародавню
Сичъ розруйнувалы:
Хто на Кубань, хто за Дунай;
Тилько и осталысь,
Що порогы середъ степу,
Ревуть, завывають:
„Поховалы дитей нашыхъ,
И насъ розрывають“.
Ревуть соби й ревитымуть —
Ихъ люде мынулы;
А Украина на-викы,
На-викы заснула.

Съ того часу въ Украини
Жыто зеленіе;
Не чуть плачу, ни гарматы,
Тилько витеръ віе,
Нагынае вербы въ гаи,
А тырсу на поли.
Все замовкло. Нехай мовчыть:
Така Божа воля.

Тилько часомъ у-вечери,
По-надъ Днипромъ, гаемъ,
Идуть стари гайдамакы,
Идучы спивають:

„А въ нашого Галайды хата на помости!
Грай, море! добре, море!
Добре буде, Галайда!“

ПРЫПЫСЫ.

[1] „Энциклопедический лексиконъ“, томъ 5, Барская конфедерация и „Historia królewstwa Polskiego“ g s. Bandke. tom 2.

[2] Вильшана або Ольшана—мистечко Кыивсьыои губерни Звенигородського повиту; мижъ Звенигородкою и Вильшаною, по старому шляху, Боровыкивь хутиръ и корчма, де-бъ то Ярема Байстрюкъ, а потимь Галайда, бувъ у жыда наймытомъ. (Одъ старыхъ людей).

[3] Неунытивъ ляхы называлы схызматамы

[4] Про конфедеративъ такъ розсказуюсь люде, которы ихъ бачылы. и не дыво, бо то була все шляхта z honorem, безь дисциплыны· робыть не хочеться, а йисти треба

[5] Анахронизмъ· тытаря ляхы замучылы зимою, а не литомъ

[6] За гайдамакамы ходывь кобзарь, его называлы слипымъ Волохомъ (Дидъ розсказувавъ)

[7] Павла Налывайка жывого спалылы въ Варшави, Ивана Остряныцю и грыдцять старшынъ козацьыхъ, писля страшнои мукы, розчетвертувалы и розвезлы ихъ тила по всій Украини Зиновій-Богданъ и сынъ его Тымофій булы поховани въ Суботови, коло Чыгрына, Чарнецькый, коронный гетьманъ, не доставшы Чыгрына, отъ злости спалывъ ихъ мертвыхъ. (Георгій Конискій)

[8] Полковныкъ Богунъ потопывъ ляхивъ въ Ингули Зиновій-Богданъ выризавь 40 зъ чымъ-то тысячъ ляхивь надъ Росью въ Корсуни Тарасъ Трясыло выризавъ ляхивъ надъ Альтою И та ничъ. въ котору те трапылось, зоветься Тарасова, або кровава (Бантышь Каменский)

[9] Тарасова и Варфоломеева ночи одна другои вартъ на сгыдъ рымськои татры.

[10] Такъ про Чыгрынське свято розсказуюсь стари люде.

[11] Трети пивни—сигналь Розсказуюсь, що Зализняка есаулъ, не диждавшы третихъ пивнивъ, запалывъ Медведивку, мистечко межъ Чыгрыномъ и Звенигородкою

[12] Чорный шляхъ выходывъ одъ Днипра мижъ устямы ричокъ Сокоривкы и Носачивкы и бигъ черезъ степы запорозськи, черезъ воеводства Кыивське, Подольске и Волынське — на Червону Русь до Львова. Чорнымъ названый, що по ему татары ходылы въ Польшу и своимы табунамы выбывалы траву

[13] До Уни козакы зъ ляхамы мырылыся и якъ-бы не Іезуиты, то може-бъ и не ризалыся. Іезуитъ Посевынъ, легатъ панськый, першый, начавъ унію въ Украини.

[14] Кереливка, або Кариловка — село Звенигородського повиту Червонець, що давъ Зализнякъ хлопцеви, и доси есть у сына того хлопця, которому бувъ даный, я самъ его бачывъ.

[15] Село Будыща — недалеко одъ Кереливкы, въ яру озеро и надъ озеромъ лисъ невелыкый, зоветься Гупалувщыною, за те, що тамъ Зализнякъ збывавъ ляхивъ зъ дерева. Лехы, де бувъ захованый шляхетськый скарбъ, и доси выдко, тилько вже розруйновани

[16] Лысянка—мистечко Звенигородського повиту—надъ ричкою Гнылымъ Тыкычемъ Тутъ зійшлыся Гонта зъ Зализнякомъ и розруйнувалы старосвитськый будынокъ, Богданомъ ниби-то будованый.

[17] Майданивка—село, недалеко одъ Лысянкы.

[18] Лебедынъ—дивочый монастыръ межъ Чыгрыномъ и Звенигородкою.

[19] Умань—городъ повитовый, губерни Кыивськои.

[20] Kawaleria Narodowa,—такъ звалысь польськи драгуны; ихъ тоди було въ Умани 3000, и вси булы побыти гайдамаками

[21] Въ Умани Гонта убывъ дитей своихъ, за те, що ихъ маты-католычка помогла іезуитамъ перевесты ихъ у католыкы Младановычъ, товарышъ сынивъ Гонты, бачывъ зъ дзвиныци, якъ воны умерлы, и якъ школяривъ базыліянськои школы потопывъ Гонта въ крыныци. Винъ багато напысавъ объ гайдаматчыни, але надрукованого нема ничого.

[22] Зрадою взялы ляхы Гонту и страшно замучылы Прывезлы его въ кайданахъ у польськый лагерь, недалеко Балты, зъ одризанымъ языкомъ и правою рукою; Б., польськый генералъ, такъ веливъ зробыть, щобъ винъ чого-небудь не сказавъ на его Потимъ каты роздяглы его, якъ маты родыла, и посадылы на гарячи штабы зализа; потымъ знялы дванадцять пасъ зъ спыны шкуры. Гонта повивъ очыма и страшно глянувъ на Б; той махнувъ рукою,—и рознялы Гонту на четверо, розвезлы тило и порыбывалы на середохрестныхъ шляхахъ Зализнякъ, почувшы, що такъ страшно ляхы замучылы Гонту, заплакавъ, занедужавъ, та й умеръ его гайдамакы поховалы въ степу надъ Днистромъ та й розійшлыся

[23] Злодій, розбійныкъ, або гайдамака—такымы осталыся гайдамакы по Колывщыни. Такымы ихъ знаютъ и доси.

ПЕРЕДМОВА.

(До Гайдамакивъ).

По мови, передмова,—можна-бъ и безъ неи. Такъ ось, бачте, що: все, що я бачивъ надрукованого, (тилько бачывъ, а прочытавъ дуже небагато),—всюды йе передслово, а въ мене нема. Якъ-бы я не друкуковавъ своихъ „Гайдамакивъ,“ то воно-бъ не треба й передмовы, а колы вже пускаю въ люде, то треба й зъ чымъ, щобъ не сміялысь на обирванцивъ, щобъ не сказалы: „Отъ якый! хиба диды та батькы дурнійши булы, що не пускалы въ люде навить граматкы безъ предисловія!“ Такъ, далеби такъ, выбачайте! Треба предисловіе. Такъ якъ же ёго скомпонувать, щобъ, знаете, не було и крывды, щобъ не було и правды, а такъ якъ вси предисловія компонуються? Хочъ убый, не вмію: треба-бъ хвалыть,—такъ соромъ, а гудыть не хочеться. *Начнемъ же уже начало кныгы сице:* Весело подывыться на слипого кобзаря, якъ винъ соби сыдыть зъ хлопцемъ, слипый, пидъ тыномъ, и весело послухать ёго, якъ винъ заспивае думу про те, що давно діялось.... якъ боролыся ляхы зъ козакамы... Весело.... а все-такы скажешъ: „слава

Богу, що мынуло!“ А надто якъ загадаешъ, що мы одной матери диты, що вси мы славяне. Серце болыть, а розсказувать треба: нехай бачать сыны и внукы, що батькы ихъ помылялысь, нехай братаються знову зъ своимы ворогамы, нехай жытомъ-пшеныцею, якъ золотомъ покрыта, нерозмежованою останеться на викы одъ моря и до моря славянская земля. Про те, що діялось на Украини 1768 року, розсказую такъ, якъ чувъ одъ старыхъ людей: надрукованого и критикованого ничого не читавъ, бо здаеться и нема ничого. Галайда въ половыну выдуманый, а смерть вильшаньского тытаря—правдыва, бо ще йе люде, котори ёго зналы. Гонта и Зализнякъ—отаманы того кривавого дила, може выведени въ мене не такъ, якъ воны булы,—за се не ручаюсь. Дидъ мій, нехай здоровъ буде, колы зачына розсказувать що-небудь таке, що не самъ бачывъ, а чувъ, то спершу скаже: „колы стари люде брешуть, то й я зъ нымы“.

1844.

НАЙМЫЧКА.

Прологъ.

У недилю въ ранци рано
Поле крылося туманомъ;
У тумани на могыли,
Якъ тополя, похылылась
Молодыця молодая.
Щось до лоня прыгортае
Та зъ туманомъ розмовляе:

Ой, тумане, тумане —
Мій латаный талане!
Чому мене не сховаешъ
Оттутъ середъ лану?
Чому мене не задавышъ,
У землю не вдавышъ?
Чому мени злои доли,
Чомъ вику не збавышъ?
Ни, не давы, туманочку!
Сховай тилько въ поли,
Щобъ нихто не знавъ, не бачывъ
Моеи недоли!...
Я не одна,—есть у мене
И батько, и маты...
Есть у мене... туманочку,
Туманочку, брате!...

Дытя мое, мій сыночку,
Нехрыщеный сыну!
Не я тебе хрыстытыму
На лыху годыну;
Чужи люде хрыстытымуть,
Я не буду знаты,
Якъ и зовуть... Дытя мое!
Я була багата...
Не лай мене, молытымусь,
Изъ самаго неба
Долю выплачу слезамы
II пошлю до тебе".

Пишла полемъ рыдаючы,
Въ тумани ховалась,
Та кризь слезы тыхесенько
Про вдову спивала,
Якъ удова въ Дунаеви
Сынивъ поховала:

„Ой у поли могыла;
Тамъ удова ходыла,
Тамъ ходыла-гуляла,
Труты-зилля шукала.
Труты-зилля не найшла,
Та сынивъ двохъ прывела,
Въ кытаечку повыла
И на Дунай однесла:
„Тыхый, тыхый Дунай!
„Моихъ дитокъ забавляй.
„Ты, жовтенькый писокъ!
„Нагодуй моихъ дитокъ;
„Искупай, исповый,
„II собою укрый!"

I.

Бувъ соби дидъ да баба!
Зъ давняго давна, у гаи надъ ставомъ,
У-двохъ соби на хутори жылы,
Якъ диточокъ двое, —
Усюды обое.
Ще зъ малечку у-двохъ ягнята паслы,
А потимъ побралыся,
Худобы диждалыся, —
Прыдбалы хутиръ, ставъ и млынъ,
Садокъ у гаи розвелы
И пасику чымалу, —
Всего надбалы.
Та диточокъ у ихъ Бигъ-ма,
А смерть зъ косою за плечыма.

Хто жъ ихъ старисть прывитае,
За дытыну стане?
Хто заплаче, поховае?
Хто душу спомяне?
Хто пожыве добро честно,
Въ добрую годыну.
И згадае дякуючы,
Якъ своя дытына?...
Тяжко дитей годуваты
У безверхій хати,
А ще гирше старитыся
У билыхъ палатахъ —
Старитыся, умираты,
Добро покыдаты
Чужимъ людямъ, чужимъ дитямъ
На смихъ, на рострату!

II.

И дидъ, и баба у недилю
На прыспи въ-двохъ соби сыдилы
Гарненько, въ билыхъ сорочкахъ.
Сіяло сонце въ небесахъ;
А ни хмарыночкы, та тыхо,
Та любо, якъ у раи.
Сховалося у серци лыхо,
Якъ звирь ý темнимъ гаи.

Въ такимъ раи, чого бъ, бачться,
Старымъ сумоваты?
Чи то давне яке лыхо
Прокынулось въ хати?
Чи вчерашне, задавлене
Зновъ заворушылось,
Чи ще тилько заклюнулось —
И рай запалыло?

Не знаю, що и писля чого
Стари сумують. Може, вже
Отсе збираються до Бога;
Та хто въ далекую дорогу
Имъ добре коней запряже?
—„А хто насъ, Насте, поховае,
Якъ помремо?“
—„Сама не знаю!
Я все отсе миркувала,
Та ажъ сумно стало:
Одыноки зостарилысь...
Кому понадбалы
Добра сего?“...
— „Стривай лышень!
Чи чуешъ? щось плаче
За воритьмы... мовъ дытына!
Побижимъ лышъ!... Бачышъ?
Я вгадувавъ, що щось буде!“

И разомъ схопылысь
Та до воритъ... Прыбигаютъ.
Мовчкы зупынылысь:
Передъ самымъ перелазомъ—
Дытына сповыта,
Та й не туго, й новенькою
Свытыною вкрыта,
Бо то маты сповывала—
И литомъ укрыла
Останнёю свытыною!...
Дывылысь, молылысь
Стари мои. А сердешне
Неначе благае:
Выпручало рученята
Й до ихъ простягае
Манюсиньки,.. и замовкло,
Неначе не плаче,
Тилько пхыка.
—„А що, Насте?
Я й казавъ! Отъ бачышъ?
Отъ и таланъ, отъ и доля,
И не одыноки!
Беры-жъ лышень та сповывай...
Ачъ яке, нивроку!
Несы-жъ въ хату, а я верхы
Кынусь за кумамы
Въ Городыще“.
Чудно якось
Діеться мижъ намы!
Одынъ сына проклынае,
Зъ хаты выганяе;
Другый свичечку, сердешный,
Потомъ заробляе
Та рыдаючи становыть
Передъ образамы:
Нема дитей!... Чудно якось
Діеться мижъ намы!

III.

Ажъ тры пары на радощахъ
Кумивъ назбиралы,
Та въ-вечери й охрыстылы
И Маркомъ назвалы
Росте Марко. Стари мои
Не знають, де диты,
Де посадыть, де положыть
И що съ нымъ робыты
Мынае рикъ. Росте Марко—
И дійна корова
У роскоши купаеться.
Ажъ ось чорноброва
Та молода, билолыця
Прыйшла молодыця
На той хутиръ благодатный
У наймы просыться.

„А що жъ?“ каже, „возьмимъ, Насте“.
— „Возьмимо, Трохыме,
Бо мы стари, нездужаемъ;
Та такы й дытына,
Хоча воно вже й пидросло,
Та все жъ такы треба
Коло ёго пиклуватысь“.
— „Та воно-то треба.
Бо й я свою вже часточку
Прожывъ, слава Богу,—
Пидтоптався.—Такъ що жъ теперъ,
Що визьмешъ, небого?
За рикъ, чи якъ?“
— „А що дасте“.
— „Е, ни! треба знаты.
Треба, дочко, личыть плату,
Зароблену плату;
Бо сказано: хто не личыть,

То той и не мае.
Такъ оттакъ хиба, небого?
Ни ты насъ не знаешъ,
Ни мы тебе. А пожывешъ,
Роздывышся въ хати,
Та й мы тебе побачымо,—
Оттоди й за плату.
Чи такъ, дочко?"
— „Добре, дядьку".
— „Просымо-жъ у хату".

Поеднались. Молодыця
Рада та весела,
Нибы зъ паномъ повинчалась,
Закупыла села.
И у хати, и на двори,
И коло скотыны
У-вечери и въ-досвита;
А коло дытыны
Такъ и пада, нибы маты:
Въ буддень и въ недилю
Головоньку ёму змые,
Й сорочечку билу
Що-день Божый надивае
Граеться, спивае,
Робыть возыкы, а въ свято,
То й зъ рукъ не спускае.
Дывуються стари мои
Та моляться Богу.
А наймычка невсыпуща
Що-вечиръ, небога,
Свою долю проклынае,
Тяжко, важко плаче;
И нихто того не чуе,
Не знае й не бачыть,
Опричъ Марка малёнького.
Такъ воно не знае,
Чого наймычка слёзамы

Его умывае.
Не зна Марко, чого вона
Такъ его цилуе, —
Сама не зъйисть и не допье,
Его нагодуе.
Не зна Марко, якъ въ колысци
Часомъ середъ ночи
Прокынеться, ворухнеться, —
То вона вже скочыть,
И укрые й перехрестыть,
Тыхо заколыше:
Вона чуе зъ тіи хаты,
Якъ дытына дыше.
Въ-ранци Марко до наймычкы
Ручкы простягае
И мамою невсыпущу
Ганну велычае...
На зна Марко, росте соби,
Росте, выростае.

IV.

Чимало литъ перевернулось,
Воды чимало утекло;
И въ хутиръ лыхо завернуло,
И слизъ чимало прынесло.
Бабусю Настю поховалы
И ледве, ледве одволалы
Трохыма дида. Прогуло
Прокляте лыхо, та й заснуло.
На хутиръ знову благодать
Зъ-за гаю темного вернулась
До дида въ хату спочывать.

Уже Марко чумакуе
И въ-осени не ночуе,
Ни пидъ хатою, ни въ хати,..
Кого-небудь треба сватать.
„Кого-жъ бы тутъ?„ старый дума
И просыть порады
У наймычкы. А наймычка
До царивны бъ рада
Слать старосты:—„Треба Марка
Самого спытаты.“
—„Добре, дочко, спытаемо,
Та й будемо сватать“
Роспыталы, порадылысь,
Та й за старостамы
Пишовъ Марко. Вернулыся
Люде зъ рушныкамы,
Зь святымъ хлибомъ обминенымъ.
Панну у жупани,
Таку кралю высваталы,
Що хочъ за гетьмана,
То не соромъ. Оттаке-то
Дыво запопалы!

„Спасыби вамъ!“ старый каже.
„Теперъ, щобъ вы зналы,
Треба краю доводыты,
Колы й де винчаты,
Та й весилля. Та ще ось-що:
Хто въ насъ буде маты?
Не дожыла моя Настя!...
Та й залывсь слёзамы.
А наймычка, у порогу,
Вхопылась рукамы
За одвирокъ, та й зомлила.
Тыхо стало въ хати;
Тилько наймычка шептала:
„Маты... маты... маты!“

V.

Черезъ тыждень молодыци
Коровай мисылы
На хутори. Старый батько
Зъ усеи сылы
Зъ молодыцямы танцюе
Та двиръ вымитае,
Та прохожыхъ, пройижжачыхъ
У двиръ заклыкае,
Та вареною частуе,
На весилля просыть
Знай бигае, а самого
Ледве ногы носять.
Скризь гармыдеръ та реготня
Въ хати и на двори,
И жолобы выкотылы
Зъ новои коморы.
Скризь порання печуть, варять,
Вымитаютъ, мыють...
Та все чужи Де жъ наймычка?
На прощу у Кыивъ
Пишла Ганна Благавъ старый,
А Марко ажъ плакавъ,
Щобъ була вона за матиръ.
— „Ни, Марку, ніяко
Мени матиръю сыдиты:
То багати люде,
А я наймычка.. ще й зъ тебе
Сміятыся будуть.
Нехай Богъ вамъ помагае!
Пійду помолюся
Усимъ святымъ у Кыиви,
Та й знову вернуся
Въ вашу хату, якъ прыймете.
Покы маю сылы,
Трудытымусь...“

Чыстымъ серцемъ
Поблагословыла
Свого Марка... заплакала
Й пишла за ворота.

Розвернулося весилля
Музыкамъ робота
И пидковамъ. Вареною
Столы й лавы мыють.
А наймычка шкандыбае,
Поспишае въ Кыивъ.
Прыйшла въ Кыивъ—не спочыла:
У мищанкы стала,
Нанялася носыть воду,
Бо грошей не стало
На акафыстъ у Варвары.
Носыла, носыла,
Кипъ изъ висимъ заробыла,—
Й Маркови купыла
Святу шапочку въ пещерахъ
У Йвана святого,
Щобъ голова не болила
Въ Марка молодого;
И перстенькъ у Варвары
Невистци достала,
И, всимъ святымъ поклонывшысь,
До-дому верталась.

Вернулася. Катерына
И Марко зострилы
За воритьмы, ввелы въ хату
Й за стилъ посадылы;
Напувалы й годувалы,
Про Кыивъ пыталы,
И въ кимнàти Катерына
Одпочыть послала.

„За що воны мене люблять?
За що поважають?

О, Боже мій мылосердный!
Може, воны знають...
Може, воны догадалысь...
Ни, не догадалысь;
Воны добри...“
И наймычка
Тяжко зарыдала.

VI.

Трычи крыга замерзала,
Трычи роставала,
Трычи наймычку у Кыивъ
Катря проважала,
Такъ якъ матиръ; и въ четвертый
Провела небогу
Ажъ у поле, до могылы.
И молыла Бога,
Щобъ швыденько верталася,
Бо безъ неи въ хати
Якось сумно, нибы маты
Покынула хату.

Писля Пречыстои въ недилю,
Та писля Першои, Трохымъ
Старый сыдивъ въ сорочци билій,
Въ брыли на прыспи. Передъ нымъ
Зъ собакою унучокъ грався,
А внучка въ юпку одяглась
У Катрыну и нибы йшла
До дида въ гости. Засміявсь
Старый и внучку прывитавъ,
Неначе справди молодыцю.
— „А де жъ ты дила паляныцю?
Чы, може, въ лиси хто однявъ?

Чи по-просту—забула взяты?..
Чи, може, ще й не напекла?
Е, соромъ, соромъ, лепська маты!“
Ажъ зыркъ,—и наймычка ввійшла
На двиръ. Побигъ стричаты
Зъ онукамы свою Ганну.
— „А Марко въ дорози?
Ганна дида пыталася.
— „Въ дорози ще й доси.“
— „А я ледве додыбала
До вашои хаты,
Не хотилось на чужыни
Одній умираты!
Колыбъ Марка диждатыся,..
Такъ щось тяжко стало!„
И внучяткамъ изъ клуночка
Гостынци выймала:
И хрестыкы, й дукачыкы,
Й намыста разочокъ
Орыночци, и червоный
Зъ хвольгы образочокъ;
А Карпови соловейка
Та коныкивъ пару;
И четвертый уже перстень
Святои Варвары
Катерыни; а дидови
Изъ воску святого
Тры свичечкы; а Маркови
И соби ничого
Не прынесла: не купыла,
Бо грошей не стало,
А заробыть нездужала.
— „А ось ще осталось
Пивъ-бублычка!„
Й по шматочку
Дитямъ роздилыла.

VII

Ввійшла въ хату. Катерына
Ій ногы умыла,
Й полудновать посадыла.
Не пыла й не йила
Стара Ганна.
— „Катерыно!
Колы въ насъ недиля?“
— „Писля-завтра“-
— „Треба буде
Акафыстъ наняты
Мыколаеви святому
Й на часточку даты;
Бо щось Марко забарывся...
Може, де въ дорози
Занедужавъ, сохрань Боже!
Й покапалы слёзы
Зъ старыхъ очей замученыхъ.
Ледве, ледве встала
Изъ-за стола.
— „Катерыно!
Не та вже я стала:
Зледащила, нездужаю
И на ногы встаты.
Тяжко, Катре, умираты
Въ чужій теплій хати!“

Занедужала небога.
Уже й прычащалы,
И маслосвятіе служылы,—
Ни, не помагало.
Старый Трохымъ по надвирью,
Мовъ убытый, ходыть.
Катерына зъ болящои
И очей не зводыть;
Катерына коло неи

И днюе, й ночуе.
А тымъ часомъ, сычи въ-ночи
Недобре вищують
На комори. Болящая
Що-день, що годына,
Ледве чуты, пытаеться:
„Доню, Катерыно!
Чи ще Марко не прыйихавъ?
Охъ, якъ-бы я знала,
Що дождуся, що побачу,
То ще бъ пидождала!“

VIII.

Иде Марко зъ чумакамы,
Идучы спивае,
Не посиша до господы —
Волы попасае.
Везе Марко Катерыни
Сукна дорогого,
А батьковы шытый поясъ
Шовку червоного,
А наймычци на очипокъ
Парчи золотои
И червону добру хустку
Зъ бялою габою,
А дыточьамъ черевычкы,
Хвыгъ та выноградy,
А всимъ вкупи червоного
Вына зъ Царигграду
Видеръ зъ трое у барыли,
И кавыру зъ Дону.
Всёго везе, та не знае,
Що деться дома!

Иде Марко, не журыться.
Прыйшовъ—слава Богу!
И ворота одчыняе,
И молыться Богу.
— „Чи чуешъ ты, Катерыно?
Бижы зостричаты?
Уже прыйшовъ! бижы швыдче!
Швыдче веды въ хату!
Слава Тоби, Хрысте-Боже!
Насылу диждала!“
II „Отче нашъ“ тыхо, тыхо,
Мовъ кризь сонъ, чытала.

Старый волы выпрягае,
Занозы ховае
Мережани, а Катруся
Марка оглядае.
— „А де жъ Ганна, Катерыно?
Я пакъ и байдуже!
Чи не вмерла?“
— „Ни, не вмерла,
А дуже нездужа.
Ходимъ лышень въ малу хату,
Покы выпрягае
Волы батько: вона тебе,
Марку, дожыдае.“

Ввійшовъ Марко въ малу хату
И ставъ у порогу...
Ажъ злякався. Ганна шепче:
— „Слава... слава Богу!
Ходы сюды, не лякайся...
Выйды, Катре, зъ хаты:
Я щось маю роспытаты,
Де-що розсказаты.“

Выйшла зъ хаты Катерына,
А Марко схылывся

До наймычкы у головы.
—„Марку! Подывыся,
Подывыся ты на мене:
Бачъ, якъ я змарнила?
Я не Ганна, не наймычка,
Я...“
Та й занимила.
Марко плакавъ, дывувався.
Зновъ очи одкрыла,
Пыльно, пыльно подывылась —
Слѐзы покотылысь,
— „Просты мене! Я каралась
Весь викъ въ чужій хати...
Просты мене, мій сыночку!
Я .. я твоя маты.“
Та й замовкла...
Зомливъ Марко,
Й земля задрижала.
Прокынувся... до матери —
А маты вже спала!

СОНЪ.

(Частына зъ поемы)

Прощай, свите, прощай, земле,
Непрыязный краю!
Свои мукы, свои люти
Въ хмари заховаю.
А ты, моя Украино,
Безталанна вдово!
Я до тебе литатыму
Зъ хмары на розмову;
На розмову тыху, сумну,
На раду зъ тобою,
О-пивночи падатыму
Чыстою росою.
Порадымось, посумуємъ,
Покы сонце встане,
Покы твои мали диты
На ворога станутъ...
Прощай же, ты, моя нене,
Удово небого!
Годуй дитокъ! Жыва правда
У Господа Бога.

Лечу... дывлюся: ажъ свитае,
Край неба палае;
Соловейко въ темнимъ гаи
Сонце зостричае;
Тыхесенько витеръ віе,
Степы, ланы мрiють,
Мижъ ярамы надъ ставамы
Вербы зеленiють..,
Сады рясны похылылысь,
Тополи по воли

Стоять соби, мовъ сторожи
Розмовляють въ поли.
И все то-те... вся краина
Повыта красою,
Зеленіе, вмываеться
Раннёю росою;
Вмываеться, красуеться,
Сонце зостричае,—
И нема ему почыну,
И краю немае.
Нихто его не додбае,
А ни розруйнуе.
Душе моя убогая!
Чого ты сумуешъ?
Душе моя убогая!

Чого тоби шкода? Хиба ты не бачышъ,
Хиба ты не чуешъ людського плачу?
Онъ, глянь... подывыся, а я полечу
Высоко, высоко за сыніи хмары:
Немае тамъ власти, немае тамъ кары,
Тамъ смиху людського и плачу не чуть!
Онъ, глянь, у тимъ раю, що ты покыдаешъ,
Латану свытыну зъ каликы здіймаютъ,
Зъ шкурою здіймають, бо ничымъ обуть
Панятъ недорослыхъ...
А тамъ по-пидъ-тынню
Опухла дытына голодная мре,
А маты пшеныцю на панщыни жне...
А тамъ... а тамъ... очи, очи!
На-що вы здалыся?
Чомъ вы змалку не высохлы,
Слизмы не злылыся?
Тамъ покрытка по-пидъ-тынню
Зъ байстрямъ шкандыбае:
Батько й матиръ одцуралысь,
Чужи не прыймають;
Старци навить цураються...

А панычъ не знае!
Зъ двадцятою, недолитокъ,
Души пропывае...
Душе моя убогая!
Лышенько зъ тобою!

ЧЫГЫРЫНЪ.

Чыгрыне, Чыгрыне!
Все на свити гыне,
И святая твоя слава,
Якъ пылына, лыне
Зъ витрамы холоднымы,
Въ хмари пропадае.
Надъ землею летять лита,
Днипро высыхае,
Розсыпаються могылы,
Высоки могылы —
Твоя слава; и про тебе,
Старче малосылый,
Нихто й слова не промовыть,
Нихто й не покаже,
Де ты стоявъ, чого стоявъ.....
И на смихъ не скаже.
За що-жъ боролысь мы зъ ляхамы!
За що-жъ мы ризалысь зъ панами!
За що скородылы спысамы
Татарськи ребра!.. Засивалы,
И рудою полывалы,
И шаблямы скородылы.
Що-жъ на ныви уродыло?
Уродыла рута, рута —
Воли нашои отрута.

А я, юродывый, на твоихъ руинахъ
Марно слезы трачу. Заснула Вкраина,
Бурьяномъ укрылась, цвиллю зацвила,
Въ калюжи, въ болоти, серце прогноила
И въ дупло холодне гадюкъ напустыла,
А дитямъ надію въ степу оддала.

А надію
Витеръ по полю розвіявъ,
Хвыля моремъ рознесла.
Нехай же витеръ все розносыть
На неокраенимъ крыли,
Нехай же серце плаче, просыть
Святои правды на земли.

Чыгрыне, Чыгрыне,
Мій друже едыный!
Проспавъ есы степы, лисы
И всю Украину!
Спы-жъ повытый жыдовою,
Покы сонце встане!
Покы нтйн недолюдки.
Поростуть. тенькмоне
Помолывшысь, и я бъ заснувъ.....
Такъ думы прокляти
Рвуться душу запалыты,
Серце розирваты.
Не рвить, думы, не палите!
Може, верну знову
Мою правду безталанну,
Мое тыхе слово.
Може, выкую я зъ ёго
До старого плуга
Новый лемишъ и чересло,
И въ тяжки упругы,
Може, зъорю перелигъ той,
А на перелози
Я посію мои слезы,
Мои щыри слезы;
Може, зійдуть и выростуть
Ножи обоюдни;
Роспанахають пагане,
Гныле серце, трудне;
И выцидять сукровату,
И наллють жывои

Козацькои тіи крови,
Чыстои, святои.
Може, може... а мижъ тымы,
Мижъ ножамы рута
И барвинокъ розивьеться;
И слово забуте,
Мое слово тыхе, сумне,
Богобоязлыве
Згадаеться, — и дивоче
Серце боязлыве
Стрепенеться, якъ рыбонька,
И мене згадае...
Слово мое, слёзы мои
Раю ты мій, раю!
Сны, чыгрыне, нехай госнуть
Уворога. Дитны,
Сны. чемыланне, поки встане
Правда на-сынъ вити!

Москва 1 февраля 1844 года.

1845.

ДО ОСНОВЬЯНЕНКА.

Бьють порогы; мисяцъ сходыть,
Якъ и перше сходывъ...
Нема Сичи, пропавъ и той,
Хто всимъ верховодывъ!
Нема Сичи; очереты
У Днипра пытають:
„Де-то наши диты дилысь,
Де воны гуляють?“
Чайка скиглыть литаючы,
Мовъ за дитьмы плаче;
Сонце гріе, витеръ віе
На степу козачимъ.
На тимъ степу скризь могылы
Стоять та сумують;
Пытаються у буйного;
„Де наши панують?
Де панують, бенкетують?
Де вы забарылысь?
Вернитеся!... Дывитеся —
Жыта похылылысь,
Де паслыся ваши кони
Де тырса шумила,
Де кровъ ляха, татарына
Моремъ червонила...
Вернитеся!“...

. . . . . .
. . . . . .

Слава не поляже;
Не поляже, а розскаже,
Що діялось въ свити,
Чія правда, чія крывда
И чіи мы диты.
Наша дума, наша писня
Не вмре, не загыне..,
Отъ де, люде, наша слава
Слава Украины!
Безъ золота, безъ каменю,
Безъ хытрои мовы,
А голосна та правдыва,
Якъ Господа слово.
Чи такъ, батьку, отамане?
Чи правду спиваю?
Эхъ, якъ-бы то!., Та що й казать,
Кебеты не маю!
А до того въ Московизмѣ
Кругомъ чужеи люде
„Не потурай!“ може, скажешъ.
Та що зъ того буде?
Насміються на псаломъ той,
Що выллю слезамы;
Насміються! Тяжко, батьку!
Лишь зъ ворогамы
Поборовся бъ. зъ Кацапыми,
Якъ бы малось сылы;
Заспивавъ бы, — бувъ голосокъ,
Та позычкы зъйилы...
Оттаке-то лыхо тяжке,
Батьку ты мій, друже!
Блужу въ снигахъ та тамъ соби:
„Ой не шумы, луже!“
Не втну бильше. А ты, батьку,
Якъ самъ здоровъ знаешъ;
Тебе люде поважають,
Добрый голосъ маешъ,
Спивай же имъ, мій голубе,

Про Сичъ, про могылы,
Колы яку насыпалы,
Кого положылы.
Про старыну, про те дыво,
Що було, мынуло,..
Утны, батьку, щобъ нехотя
На ввесь свитъ почулы,
Що діялось въ Украини,
За що погыбала,
За що слава козацькая
На всимъ свити стала!
Утны, батьку, орле сызый!
Нехай я заплачу,
Нехай свою Украину
Я ще разъ побачу;
Нехай ще разъ послухаю
Якъ те море грае,
Якъ дивчына пидъ вербою
Грыця заспивае;
Нехай ще разъ усмихнеться
Серце на чужыни,
Покы ляже въ чужу землю,
Въ чужій домовыни.

ДО МЕРТВЫХЪ и ЖЫВЫХЪ И НЕНАРОЖДЕННЫХЪ ЗЕМЛЯКИВЪ МОИХЪ, ВЪ УКРАИНИ И НЕ ВЪ УКРАИНИ СУЩЫХЪ, МОЕ ДРУЖЕЕ ПОСЛАНІЕ.

„Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть".

И свитае, и смеркае,
День Божый мынае,
И знову людъ потомленый
И все спочывае...
Тилькы я, мовъ окаянный,
И день, и ничъ плачу
На распуттяхъ велелюдныхъ,
А нихто не бачыть;
И не бачыть, и не знае...
Оглухлы, не чують...
Кайданамы миняються,
Правдою торгують,
И Господа зневажають —
Людей запрягають
Въ тяжки ярма, орыть лыхо,
Лыхомъ засивають...
А що вродыть? Побачыте,
Яки будуть жныва...
Схамениться, недолюдкы,
Диты юродыви!
Подывитесь на рай тыхый—
На свою Вкраину;
Полюбите щырымъ сердцемъ
Велыку руину;

Розкуйтеся, братайтеся
У чужому краю,
Не шукайте, не пытайте
Того, що немае
И на неби, а не тилькы
На чужому поли...
Въ своій хати—своя й правда,
И сыла и воля!
Нема на свити Украины,
Немае другого Днипра —
А вы претеся на чужыну
Шукаты доброго добра,
Добра святого, воли, воли,
Братерства братнего... Найшлы,
Неслы, неслы зъ чужого поля
И въ Украину прынеслы
Велыкыхъ словъ велыку сылу,
Та й більшъ ничого .. Крычыте. .
Що Богу сказовъ вахоня на ти
щобъ вы направо поклонялись
А хылились, а хылились

И знову шкуру дерете
Зъ бративъ незрячыхъ гречкосіивъ,
И сонця правды дозривать
Въ нимецьки земли, у чужыи
Претеся знову. Якъ бы взять
И всю мызерію зъ собою,
Дидамы крадене добро,
Тоди бъ зостався сыротою
Зъ святымы горамы Днипро!

Охъ якъ бы то сталось, щобъ вы не верталысь,
Щобъ тамъ и здыхалы, де вы поросли:
Не плакалы бъ диты, маты бъ не рыдала;
Не чулы бъ у Бога вашои хулы;
И сонце не грило бъ смердячого гною
На чыстій, шырокій, на вольній земли,
И люде бъ не зналы, що вы за орлы,
И не покывалы бъ на васъ головою...

Схамениться! будьте люде,
Бо лыхо вамъ буде:
Розкуються незабаромъ
Заковани люде;
Настане судъ, заговорятъ
И Днипро и горы,
И потече сторикамы
Кровъ у сыне море
Дитей вашыхъ; и не буде
Кому помогаты, —
Одцураеться братъ брата
И дытыны маты;
И дымъ хмарою заступыть
Сонце передъ вамы,
И на-викы проклынетесь
Своимы сынамы.
Умыйтеся, образъ Божый
Багномъ не скверните;
Не дурите дитей вашыхъ,
Що воны на свити
На те тилькы, щобъ панувать;
Бо невчене око
Загляне имъ въ саму душу
Глыбоко, глыбоко...
Дознаються небожята,
Чія на васъ шкура,
Та й засудять, и премудрыхъ
Немудри одурять.
Якъ бы вы вчылысь такъ якъ треба,
То й мудрость бы була своя;
А то зализете на небо:
„И мы — не мы, и я — не я
И все те бачывъ, все те знаю:
Нема ни пекла, а ни раю,
Немае й Бога, тилькы я,
Та куцый нимець узлуватый,
Та й бильшъ никого...“ — „Добре, брате!
Що-жъ ты таке?“

—„Нехай нимець
Скаже,—мы не знаемъ!“
Оттакъ то вы навчаетесь
У чужому краю!
Нимець скаже: „Вы моголы!“
—„Моголы, моголы,
Золотого Тамерлана
Онучята голи!“
Нимець скаже: „Вы славяне!“
—„Славяне, славяне,
Славныхъ прадидивъ, велыкыхъ
Правнукы погани!„—
И Коляра чытаете
Зъ усіеи сылы,
И Шафарыка, и Ганку,
II въ славянофылы
Такъ и претесь, и вси мовы
Славянського люду,
Вси знаете, а своеи
Дасть-Бигъ... „Колысь будемъ
И по своему глаголать,
Якъ нимець покаже,
А до того й историю
Намъ нашу розскаже.
Отоди мы заходымось!
Добре заходылысь
По нимецькому показу,
Та й заговорылы
Такъ, що й нимець не второпа,
Учытель велыкый,
А не то, щобъ прости люде!
А гвалту! а крыку!
„И гармонія, и сыла,
Музыка, та й годи!
А исторія? Поема
Вольного народу!
Що ти рымляне убоги!
Чортъ-зна що не Бруты...

У насъ Бруты и Коклесы,
Славни, незабути!
У насъ воля выростала,
Днипромъ умывалась,
У головы горы клала,
Степомъ укрывалась!“
—Кровъю вона умывалась,
А спала на купахъ,
На козацькыхъ вольныхъ трупахъ,
Окраденыхъ трупахъ!...
Подывиться лишень добре,
Прочытайте знову
Тую Славу, та чытайте
Одъ слова до слова;
Не мынайте а ни тытлы,
Ниже тыи комы;
Все розберить, та й спытайте
Тоди себе: що мы?
Чіи сыны? якыхъ батькивъ?
Кыимъ, за що закуты?
Та й по бачыте, що ось що
Ваши славны Бруты
Рабы, підныченкы, грязь Москвы,
Варшавське смитте ваши паны
Ясновельможныи гетьманы!
Чого жъ вы чванытеся, вы,
Сыны сердешнои Украйны?
Що добре ходите объ арыи
Ще лучче, ніжь батькы ходыли?
Не чванытесь: въ васъ дерутъ ремыни
А зъ ёгиръ зувоня и ми тыпоны
Доборолась Украина
До самого краю:
Гирше ляха свои диты
Іи роспынають;
Такъ якъ пыво, праведную
Кровъ изъ реберъ точуть;
Просвитыты, бачышъ, хочуть

Матерыны очи
Современнымы огнямы,
Повесты за викомъ,
За нимцямы, недорику,
Слипую калику.
Добре, ведить, показуйте.
За науку буде
Матерына добра плата:
Роспадеться луда
На очахъ вашыхъ несытыхъ;
Побачыте славу,
Жыву славу дидивъ своихъ
И батькивъ лукавыхъ...

Учитеся, браты мои,
Учитесь, чытайте,
И чужому научайтесь
И свого не цурайтесь:
Бо хто матиръ забувае,
Того Богъ карае,
Чужи люде цураються,
Въ хату не пускають,
Свои диты — мовъ чужыи,
И немае злому
На всій земли безконешній
Веселого дому.

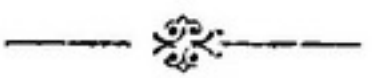
Я рыдаю, якъ згадаю
Дила незабутни
Дидивъ нашихъ: тяжки дила!
Якъ бы ихъ забуты,
Я оддавъ бы веселого
Вику половыну!
Оттака-то наша слава,
Слава Украины!...
Оттакъ и вы прочытайте,
Щобъ несоннымъ снылысь
Вси неправды, щобъ роскрылысь

Высоки могылы
Передъ вашымы очыма,
Щобъ вы роспыталы
Мученыкивъ: кого, колы
Й за що роспыналы?
. . . . . .

Обнимите жъ, браты мои,
Найменьшого брата,—
Нехай маты усмихнеться,
Заплакана маты;
Благословить дитей своихъ
Твердымы рукамы
И обмытыхъ поцилуйте
Вольнымы устамы!
И забудеться срамотня
Давняя годына,
И ожыве добра слава,
Слава Украины,
И свитъ ясный не вечерній
Тыхенько засяе...

Обниметься жъ, браты мои,
Молю васъ, благаю!

1845 г. 14 Декабря.
Вьюнище, Полтав. губ Переяславск уѣзда, недалеко видъ Канева.



НЕВОЛЬНЫКЪ.

Посвященіе

Думы мои молодыи,
Понурыи диты!
И вы мене покынулы!. .
Пустку натопыты
Нема кому... Остався я,
Та не сыротою,
А зъ тобою, молодою,
Раю мій, покою,
Моя зоре досвитняя,
Едыная думо
Пречыстая!... Ты витаешъ...
Якъ у того Нумы
Тая нимфа Егерія,—
Такъ ты, моя зоре,
Просіяешъ надо мною,
Нибы заговорышъ,
Усмихнешся... Дывлюся я —
Ничого не бачу...
Прокынуся — серце плаче,
И очи заплачуть.
Спасыби, зиронько!
Мынае
Неясный день мій; вже смеркае;
Надъ головою вже несе
Свою неклепаную косу
Косарь непевный... мовчкы скосыть;
А тамъ — и слидъ мій занесе
Холодный витеръ... Все мынае!...
Згадаешъ, може, молодая,
Вылыту слезамы

Мою думу,— и тыхымы,
Тыхымы ричамы
Проговорышъ: „я любыла
Ёго на симъ свити,
Й на тимъ свити любытыму...
О, мій тыхый свите,
Моя зоре вечирняя!
Я буду витаты
Коло тебе, и за тебе
Господа благаты!

Той блукае за морямы,
Свитъ перехожае,
Доли, доленькы шукае...
Немае, немае,—
Мовъ умерла! А той рветься
Зъ усіеи сылы
За долею... отъ-отъ догнавъ!
И — бебехъ въ могылу!
А въ иншого сиромахы
Ни хаты, ни поля,
Тилькы торба; а зъ торбыны
Выглядае доля,
Мовъ дытынка; а винъ іи
Лае, проклынае
И за чвертку закладае,—
Ни, не покыдае,—
Якъ репьяхъ той, учепыться
За латани полы,
Та й збирае колосочкы
На чужому поли;
А тамъ снопы, а тамъ — скырты,
А тамъ у палатахъ
Сыдыть соби сиромаха,
Мовъ у своій хати.

Такая-то доля тая,—
Хочъ и не шукайте:
Кого схоче — сама найде,
У колысци найде.

Ще на Украини весели
И вольныи пышалысь села
Тоди, якъ праведно жылы
Старый козакъ и дитокъ двое. .
Ще за' гетьманщыны старои,
Давно се діялось колысь.
Такъ коло полудня, въ недилю,
Та на зеленыхъ ще й святкахъ,
Пидъ хатою въ сорочци билій
Сыдивъ, зъ бандурою въ рукахъ.
Старый козакъ.
— „И такъ, и сякъ!“
Старый миркуе, розмовляе
„И треба бъ“, каже, „й трохы шкода.
А треба буде; два-тры годы
Нехай по свиту погуляе
Та самъ *своеи* пошукае,
Якъ я шукавъ колысь... Ярыно!
А де Степанъ?“ — . А онъ пидъ тыномъ,
Неначе вкопаный, стоить“,
— „А я й не бачу! А йдить
Лышень сюды, та йдить обое...
А нуте, диты, оттакои!“ —
И вшкварывъ по струнахъ.
Старый грае, а Ярына
Зъ Степаномъ танцюе!
Старый грае, промовляе,
Ногамы тупцюе:
„Якъ-бы мени лыха, та лыха,
Якъ-бы мени свекривонька тыха.
Якъ-бы мени чоловикъ молодый,
До другои не ходывъ, не любывъ!

Ой гопъ, чыкы-чыкы! —
Та червони черевыкы,
Та тронсти музыкы,
Одъ вику до вику
Я любыла бъ чоловика!
Ой гопъ! Заходывсь,
Зробывъ хату, оженывсь,
И пичъ затопывъ,
И вечерять наварывъ".
— „А нуте, диты, оттакои!" —
И старый пиднявся;
Якъ ударыть, якъ ушкварыть, —
Ажъ у бокы взявся.
„Чи такъ, чи не такъ, —
Уродывъ постернакъ,
А петрушку
Крышы въ юшку, —
Буде смакъ, буде смакъ!
Ой такъ такы-такъ,
Оженывся козакъ:
Кынувъ хату
И кимнату,
Та й потягъ у байракъ".
— „Ни, не така вже, пидтопталась
Стара моя сыла,
Утомывся... А все це вы
Такъ розворушылы.
О, бодай васъ! Що-то лита!
Ни вже, не доладу...
Мынулося. Иды лышень
Полуднувать лагодь;
Гуляючы, якъ той казавъ,
Шматокъ хлиба зъисты.
Иды жъ, доню... А ты, сыну,
Послухаешъ висты.
Сидай лышень. Якъ убылы
Твого батька Йвана
Въ Шляхетчыни, то ты ще бувъ

Маленькымъ, Степане,—
Ще й не лазывъ".—„То я не сынъ,
А чужый вамъ, тату?"—
— „Та не чужый! стривай лышень.
Отъ, умерла й маты,
Такы твоя, а я й кажу,
Покійній Марыни —
Моій жинци: а що, кажу,
Визьмемъ за дытыну,
Тебе бъ оце?—Добре, каже
Покійна Марына,
Чому не взять?—Взялы тебе
Мы, та й спарувалы
Зъ Ярыночкою до-купы...
А теперъ осталось
Ось-що робыть: ты на лиги,
И Ярына зріе; —
Треба буде людей шукать
Та що-небудь діять.
Якъ ты скажешъ?"—„Я не знаю,
Бо я думавъ... тее..."
— „Що Ярына сестра тоби?
А воно — не тее;
Воно просто: любитеся,
Та й зъ Богомъ до шлюбу.
А покы-що, треба буде
И на чужи люде
Подывытысь, якъ тамъ жывуть:
Чи орють,
Чи не на орапому сіють,
А просто — жнуть
И немолоченее віють;
Та якъ и мелють и йидять —
Все треба знать.
Такъ отъ-якъ, друже: треба въ люде
На рикъ, на два питы
У наймыты;
Тоди й побачымо, що буде.

Бо хто не вміє заробыть,
То той не вмитыме й пожыть.
А ты якъ думаешъ, небоже?..
Не думай: колы хочешъ знать,
Де лучче лыхомъ торгувать,
Иды ты въ Сичъ. Якъ Богъ поможе,—
Тамъ найисыся всихъ хлибивъ;
Я ихъ чимало попойивъ:
И доси нудно, якъ згадаю!
Колы здобудешъ — прынесешъ;
А колы згубышъ — пожывешъ
Мое добро! то хочъ звычаю
Козацького наберешся,
Та побачышъ свита,
Не такого, якъ у бурси,
А жыви мыслите
Зъ товарыствомъ прочытаешъ,
Та по-молодечы
Будешъ Богу молытыся,
А не по-чернечы
Харамаркать. Отакъ, сыну! —
Помолывшысь Богу,
Осидлаемъ буланого,
Та й гайда въ дорогу!
Ходимъ лышень полуднувать.
Чы ты вже, Ярыно,
Змайструвала намъ що-небудь?
Оттаке-то, сыну!.. "—
— „Уже таточку!" озвалась
Изъ хаты Ярына.

Не йисться, не пьеться и серце не бьеться,
И очи не бачять, не чуть головы!
Замисть шматка хлиба — за кухоль береться.
Дывыться Ярына та нышкомъ сміеться.
— „Що се ёму стало? Ни йисты, ни пыть,—
Ничого не хоче! Чи не занедужавъ?
Братику Степане, що въ тебе болыть?"—

Ярына пытае. Старому байдуже,
Нибы-то й не чуе.—„Чи жать, чи не жать,
А сіяты треба!“— старый промовляе
Нибы-то до себе.—„А нумо вставать!
До вечерни, може, ще пошкандыбаю.
А ты, Степане, ляжешъ спать,
Бо завтра рано треба встать
Та коня сидлать“.

— „Степаночку, голубчыку!
Чого се ты плачешъ?
Усмихныся, подывыся:
Хиба ты не бачышъ,
Що й я плачу? Разсердывся
Богъ знае на кого,
Та й зо мною не говорыть.
Утечу, ій-Богу,
Та й сховаюсь у бурьяни. .
Скажы бо, Степане,
Може, й справди нездужаешъ?
Я зилля достану,
Я побижу за бабою.,.
Може, це зъ прыстриту?“
— „Ни, Ярыно, мое серце,
Мій рожевый квите!...
Я не братъ тоби, Ярыно!
Я завтра покыну
Тебе й батька,— на чужыни
Де-небудь загыну;
А ты мене й не згадаешъ,—
Забудешъ, Ярыно,
Свого брата“...—„Схаменыся!
Ій-Богу зъ прыстриту!
Я не сестра?... хто жъ оце я?
О, Боже мій свите!
Що тутъ діять? Батька нема,
А винъ занедужавъ
Та ще й умре. О, Боже мій!

А ему й байдуже,
Мовъ сміється. Степаночку!
Хиба ты не знаешъ,
Що безъ тебе и таточка
И мене не стане?“—
— „Ни, Ярыно, я не кыну,
А тилькы пойиду
Недалеко. А на той рикъ
Я до васъ прыйиду
Зъ старостамы — за тобою
Та за рушныкамы...
Чи подаешъ?“ — „Та цуръ тоби
Зъ тымы старостамы!
Ще й жартуе!“ — „Не жартую,
Ій-Богу, Ярыно,
Не жартую!...“ — „Та це й справди
Ты завтра покынешъ
Мене й батька? Не жартуешъ?
Скажы бо, Степане,
Хиба й справди не сестра я?“—
— „Ни, мое кохання,
Мое серце!“ — „Боже жъ ты мій!
Чому я не знала?
Була бъ тебе не любыла
И не цилувала...
Ой, ой, соромъ! Геть одъ мене!
Пусты мене! Бачыпъ,
Якый добрый! Та пусты бо!
Ій-Богу, заплачу“.—
И заплакала Ярына,
Якъ тая дытына.
И кризь слёзы промовляла:
„Покыне! покыне!“
Якъ той явиръ надъ водою,
Степанъ похылывся,
Щыри слёзы козацькыи
Въ серци запеклыся,
Мовъ у пекли. А Ярына

То клене, то просыть,
То замовкне, подывыться,
И зновъ заголосыть.
Не счулыся, якъ смерклося;
И сестру, и брата,
Нибы скованыхъ до-купы,
Заставъ батько въ хати.

И свитъ наставъ, а Ярыни
Не спыться, — рыдае.
Уже Степанъ изъ крыныци
Коня напувае.
Й вона зъ видрамы побигла
Нибы за водою
До крыныци. А тымъ часомъ
Запорозську зброю
Старый вынисъ изъ коморы.
Дывыться, радіе,
Прымиряе, нибы знову
Старый молоде.
Та й заплакавъ. — „Зброе моя,
Зброе золотая!...
Лита мои молодыи,
Сыло молодая!
Послужы, моя ты зброе,
Молодій ще сыли,
Послужы ему такъ щыро,
Якъ мени служыла!“ —
Вернулыся одъ крыныци,
И Степанъ сидлае
Коня, свого товарыша,
Й жупанъ надивае.
А Ярына дае зброю,
На порози стоя;
Степанъ іи надивае,
Та плачуть обое.
И шаблюка, мовъ гадюка,
Й ратыще-дрючына,

Й самопалъ семыпьяденный
Повысъ за плечыма.
Ажъ зомлила, якъ узрила.
И старый заплакавъ,
Якъ побачывъ на коневи
Такого юнака.
Веде коня за поводы
Та плаче Ярына;
Старый батько иде рядомъ,
Научае сына:
Якъ у війську пробуваты,
Старшынъ шануваты,
Товарыство поважаты,
Въ таборъ не ховатысь.
— „Нехай тебе Богъ заступыть'"
Якъ за селомъ сталы,
Сказавъ батько,— та вси трое
Разомъ зарыдалы.
Степанъ гукнувъ, и курява
Шляхомъ пиднялася.
— „Не барыся, мій сыночку,
Швыдче повертайся'"
Сказавъ старый. А Ярына,
Мовъ тая ялына
Пры долыни, похылылась
Мовчала Ярына,
Тилькы слезы утырае,
На шляхъ поглядае.
Изъ курявы щось выгляне
И зновъ пропадае;
Нибы шапка черезъ поле
Котыться, чорне,
Пропадае, мошечкою
Тилькы-тилькы мріе,
Та й пропало. Довго, довго
Стояла Ярына
Та дывылась, чи не вырне
Знову комашына

Изъ курявы. Не вырнула —
Пропала! И знову
Заплакала Ярыночка
Та й пишла до-дому

Мынають дни; мынае лито;
Настала осинь, шелестыть
Пожовкле лыстя; мовъ убытый
Старый пидъ хатою сыдыть:
Дочка нездужае Ярына!
Его едыная дытына
Покынуть хоче. Зъ кымъ дожыть,
Добыты вику викового?
Згадавъ Степана молодого,
Згадавъ свои благи лита,
Згадавъ — та й заплакавъ
Багатый сывый сырота. —

— „Въ Твоихъ рукахъ все на свити,
Твоя всюды воля!
Нехай буде такъ, якъ хочешъ, —
Така моя доля!...“
Старый вымовывъ, и нышкомъ
Богу помолывся;
Та й пишовъ соби зъ-пидъ хаты
Въ садокъ походыты.
И барвинкомъ, и рутою,
И рястомъ квитчае
Весна землю, мовъ дивчыну
Въ зеленому гаи!
И сонечко середъ неба
Опынылось — стало,
Мовъ женыхъ той, молодую,
Землю оглядало.
И Ярына выйшла зъ хаты
На свитъ Божый глянуть,
Ледве выйшла; усмихнеться,
То пиде, то стане,

Розглядае, дывуеться,
Та любо, та тыхо,
Нибы вчора народылась,
А лютее лыхо
Въ самимъ серци ворухнулось
И свитъ запалыло.
Якъ былына пидкошена,
Ярына схылылась;
Якъ зъ квиточки роса въ-ранци —
Слезы полылыся...
Старый батько коло неи
Якъ дубъ похылывся.

Одужала Ярыночка.
Идуть люде въ Кыивъ
Та въ Почаивъ помолытыся,
И вона йде зъ нымы.
У Кыиви велыкому
Всихъ святыхъ благала,
У Межыгорського Спаса
Трычи прычащалась;
У Почаиви святому
Рыдала-молылась
Щобъ Степанъ той, доля тая,
Ій хоча прыснылась.
Не прыснылась!... Вернулася ..
Знову забилила
Зима била. За зимою
Зновъ зазеленила
Весна Божа. Выйшла зъ хаты
На свитъ дывуватысь
Ярыночка, та не Бога
Святого благаты,
А ныщечкомъ у ворожкы
Про ёго спытаты...

И ворожка ворожыла,
Прыстритъ замовляла,

Таланъ, долю та весилля
Зъ воску вылывала.
— „Онъ, бачышъ: кинь осидланый
Тупае ногою
Пидъ козакомъ; а онъ-де йде
Дидусь зъ бородою
Ажъ до колинъ. Отто гроши;
Якъ бы догадався
Козакъ оттой злякать дида...
Злякавъ! — та й сховався
За могылу, лячыть гроши...
А онъ знову шляхомъ
Козакъ иде, нибы старець,
То, бачъ, рады страху,
Щобъ ляхы, або татары
Часомъ не спиткалы.“
И радесенька Ярына
До-дому верталась.

Уже третій и четвертый
И пьятый мынае
Немалый рикъ, а Степана
Немае, немае!
И стежечка, дорижечка,
Яромъ та горою
Утоптана до ворожкы,
Поросла травою,—
Нема его!... У черныци
Косу росплитае
Безталанна; коло неи
Падае-благае
Старый батько,—хочъ литечко,
Хочъ Петра диждаты,
Хочъ зеленои недили...

Диждалысь, и хату
Уквитчалы гарнесенько,
И въ сорочкахъ билыхъ

Невесели, мовъ сыроты,
Пидъ хатою силы.
Сыдять соби та сумують.
Слухають.,. щось грае
Мовъ на кобзи, на улыци,
И нибы спивае...

ДУМА.

У недилю въ-ранци рано
Сыне море грало:
Товарыство кошового
На ради прохало:
„Благословы, отамане,
Байдакы спускаты,
Та за Тендеръ погуляты,
Турка пошукаты“.
Чайкы й байдакы спускалы,
Гарматамы рештувалы,
Зъ Днипрового гирла шырокого выплывалы,
Середъ ночи темнои
На мори сынёму,
За островомъ Тендеромъ потопалы, пропадалы...
Одынъ потопае,
Другый вырынае,
Козацьству-товарыству изъ сынеи хвыли рукою махае
И зычно гукае.
„Нехай вамъ, панове товарыство, Богъ допомогае!“
И въ сынiй хвыли потопае, пропадае...
Тилькы тры чайкы, слава Богу,
Отамана куринного,
Сыроты Степана молодого,
Сыне море не втопыло,
А въ турецьку землю Агарянську
Безъ кормылъ прыбыло.

Тоди сыроту Степана,
Козака лейстрованого,
Отамана молодого,
Турки-янычары ловылы,
Зъ гарматы грымалы,
Въ кайданы кувалы,
Въ тяжкую неволю завдавалы...
Ой Спасе нашъ Межыгорсьный,
Чудотворный Спасе!
И лютому ворогови
Не допусты впасты
Въ турецькую землю, въ тяжкую неволю!
Тамъ кайданы по тры пуды,
Отаманамъ—по чотыри...
И свита Божого не бачять, не знають,
Пидъ землею каминь ламають,
Безъ сповиди святои умирають,
Якъ собакы здыхають.

И згадавъ сырота Степанъ въ неволи
Свою далеку Украйну,
Нерідного батька старого,
И коныка вороного,
И неридну сестру Ярыну ..
Плаче, рыдае,
До Бога рукы здіймае,
Кайданы ламае,
Утикае на вольную волю...
Уже на третему поли
Туркы-янычары догналы,
До стовпа вьязалы,
Очи выймалы,
Гарячымъ зализомъ выпикалы,
Въ кайданы кувалы,
Въ тюрму посадылы
Та й замурувалы...“

Оттакъ на улыци, пидъ тыномъ,
Ще молодый кобзарь стоявъ

И про невольныка спивавъ.
За тыномъ слухала Ярына,
И не дослухала — упала.
„Степаночку! Степаночку!“
Крычала, рыдала.
Степаночку, мое серце!
Де жъ це ты барывся?
Тату! тату! идить сюды,
Идить, подывигесь!„—
Прыйшовъ старый, розглядае.
И свого Степана
Не пизнае. Таке зъ его
Зробылы кайданы.
— „Сыну ты мій безталанный!
Моя ты дытыно!
Де ты въ свити погыбаешъ,
Сыну мій едыный?“—

Плаче старый та рыдае,
Й Степанъ слипый плаче,
Невыдющымы очыма
Мовъ сонце побачывъ.
И беруть ёго пидъ рукы
И ведуть у хату;
И витае Ярыночка,
Мовъ ридного брата:
И голову ёму змыла,
И ногы умыла,
И въ сорочци тонкій, билій
За стилъ посадыла;
Годувала, напувала,
Положыла спаты
У кимнати, — и тыхенько
Выйшла зъ батькомъ зъ хаты.
Черезъ тыждень безъ старостивъ
За Степана свата
Старый свою Ярыночку, —
И Ярына въ хахи...

„Ни, не треба, мій таточку,
Не треба, Ярыно!“ —
Степанъ каже — „я загынувъ,
На — викы загынувъ!
За що жъ свои молодыи
Ты лита погубышъ
За каликою, Ярыно?. .
Насміються люде,
И Богъ святый покарае,
И прожене долю
Зъ ціи хаты веселои
На чужее поле...
Ни, Ярыно! Богъ не кыне
И знайде дружыну;
А я пиду въ Запорожжя:
Тамъ я не загыну,—
Нагодують.“ — „Ни, Степане,
Моя ты дытыно!
И Господь тебе покыне,
Якъ ты насъ покынешъ.
Оставайся, Степаночку;
Колы не хочъ братысь,
То такъ будемъ: я — сестрою,
А ты будешъ братомъ,
И дитьмы ёму обое,
Батькови старому.
Не йды одъ насъ, Степаночку,
Не кыдай насъ знову!...
Не покынешъ?...“ — „Ни, Ярыно!“ —
И Степанъ остався.
Зрадивъ старый, мовъ маленькый,
Ажъ за кобзу взявся,
Хотивъ вшкварыть метелыцю
Зъ усіеи сылы
Та не вшкварывъ...
Пидъ хатою
Уси трое силы.
— „Розскажы жъ ты намъ, Степане,

Про свою недолю;
Бо й я такы гулявъ колысь
Въ турецькій неволи".
— „Отто жъ мене, вже слипого
На свитъ выпускалы
Зъ товарыствомъ. Товарыство
На Сичъ прямувало
И мене взяло зъ собою,
И черезъ Балканы
Просталы мы въ Украину
Вольнымы ногамы;
А на тыхому Дунаю
Насъ перебигають
Сичовыкы-запорозци
И въ Сичъ завертають...
И розсказують, и плачуть:
Якъ Січъ руйновалы,
Якъ москали срибло, злото
И свичи забралы
У Покрови, якъ козакы
Въ-ночи утикалы
И на тыхому Дунаю
Новымъ Кошемъ сталы;
Якъ царыця по Кыиву
Зъ Нечосомъ ходыла

. . . . . .

И якъ степы запорозськи
Тоди подилылы
И панамъ на Украини
Людъ закрипостылы...

. . . . . .

Оттакъ, тату! Я щаслывый,
Що очей не маю,
Що ничого того въ свити
Не бачу й не знаю.

. . . . . .

Оттаке-то! тяжко, тату,
Изъ своеи хаты

До турчына паганого
Въ сусиды прохатысь.
Теперъ, кажуть, въ Слободзеи
Останкы збирае
Головатый, та на Кубань
Хлопцивъ пидмовляе...
Нехай ёму Богъ поможе!
А що зъ того буде —
Святый знае: почуемо,
Що розскажуть люде".

Оттакъ воны, що-день Божый,
У двохъ розмовлялы
До пивночи, а Ярына
Господарювала,
Та святыхъ оттихъ благала ..
Такы жъ ублагала·
На всейидній у недилю
Вона спарувалась
Зъ слипымъ своимъ...

Такее-то
Скоилось на свити,
Мои люби дивчаточка
Рожевыи квиты!
Такее-то. Одружылысь
Мои молодыи.
Може воно й не до-ладу.
Та що маю діять,
Колы таке сподіялось.

Рикъ уже мынае,
Уже й другый. Зъ дружыною
Ярына гуляе
По садочку. Старый батько
Сыдыть коло хаты,
Та вчыть внука пузанчыка
Чоломъ оддаваты...

— — —

ЕПИЛОГЪ.

Оце и вся моя дума...
Не здывуйте, люде!
Те, що було, мынулося
И знову не буде.
Мынулыся мои слёзы,
Не рветься, не плаче
Поточене старе серце,
И очи не бачять
Ни тыхои хатыночкы
Въ забутому краю,
Ни тыхои долыночкы,
Ни темного гаю;
Ни дивчыны молодои
Й малои дытыны
Я не бачу щаслывои ...
Все плаче, все гыне!
И радъ бы я сховатыся,
Але де? — не знаю.
Скризь неправда, де не гляну,
Скризь Господа лають!..
Серце вьяне, засыхае,
Замерзають слезы...
И втомывсь я, одынокый,
На самій дорози..,
Оттаке-то... не здывуйте,
Що ворономъ крячу:
Хмара сонце заступыла —
Я свита не бачу!...
Ледви, ледви о-пивночи
Серцемъ прозыраю
И немощну мою душу
За свитъ посылаю
Сцилющои й жывущои

Воды пошукаты
Якъ иньолы, той й прынесе
И покропыть въ хати, —
И засвитыть огонь чыстый,
И сумно, и тыхо
Розсказуе про весилля.
Звертае на лыхо,

Теперъ мени про слипого
Сыроту кинчае,
Але якъ довесты краю —
И сама не знае:
Бо не було того дыва
Може споконъ-вику,
Щобъ щаслыва була жинка
Зъ слипымъ чоловикомъ.
Отъ же сталось таке дыво!
Годъ, другый мынае,
Якъ побралысь; а дывышся —
Въ-купочци гуляють
По садочку... Старый батько
Сыдыть коло хаты,
Та вчыть внука маленького
Чоломъ оддаваты.

16 Октября 1845. *С. Марьинское.*

ПОСЛАНІЕ СЛАВНОМУ П. І. ШАФАРЫКОВИ.

Пры поеми «Иванъ Гусъ», або «Эретыкъ».

Запалылы у сусида
Нову добру хату
Сусиды зли; нагрилыся
Та й поляглы спаты,
И забулы теплый попилъ
По полю розвіять...
Лежыть попилъ на роспутти,
А въ попели тліе
Огню искра велыкого.
Тліе, не вгасае,
Пидпалу жде, якъ той местныкъ
Часу дожыдае,
Злого часу. Тлила искра,
Тыхо дотливала
На розпутти шырокому,
Та й гаснуты стала.

Оттакъ нимота запалыла
Велыку хату, и симью —
Симью славянъ розъедыпыла,
И нышкомъ тыхо упустыла
Усобыць лютую змію.
Полылыся рикы крови,
Пожаръ погасылы,
А нимчыкы пожарыще
Й сыритъ подилылы;
Выросталы у кайданахъ
Славянськыи диты,
И забулы, невольныкы,
Чіи воны диты.

А на давнимъ пожарыщи
Искра братства тлила, —
Дотливала, дожыдала
Рукъ твердыхъ та смилыхъ...
И дождалась. Прозривъ есы
Въ попели, глыбоко
Огонь добрый, смилымъ серцемъ,
Смилымъ орлимъ окомъ!
И засвитывъ, любомудре,
Свиточъ правды, воли...
И славянъ симью велыку,
Во тьми и неволи,
Переличывъ до одного,
Переличывъ трупы,
А не славянъ — и ставъ есы
На велыкыхъ купахъ —
На розпутти всесвитнéму —
Іезекилемъ.
И, о дыво! трупы всталы
И очи роскрылы!
И братъ зъ братомъ обнялыся
И проговорылы
Слово тыхои любови
На викы и викы! —
И потеклы въ одно море
Славяньскыи рикы!
Слава тоби, любомудре,
Чеху-славяныне,
Що не давъ ты потонуты
Въ нимецькій пучыни
Нашій правди! Твое море
Славянськее, нове,
Затòго вже буде повне,
И поплыве човенъ
Зъ шырокымы витрыламы
И добрымъ кормыломъ, —
Поплыве на вольнимъ мори,
На шырокыхъ хвыляхъ!

Слава жъ тоби, Шафарыку,
Во викы и викы,
Що звивъ есы въ одно море
Славянськыи рикы!

Прывитай же въ своій слави
И мою убогу
Лепту — думу немудрую
Про чеха святого,
Велыкого мученыка,
Про славного Гуса!
Прыймы, отче! а я нышкомъ
Богу помолюся,
Щобъ уси славяне сталы
Добрыми братамы,
И сынами сонця правды
И еретыкамы
Оттакымы, якъ констанськый
Еретыкъ велыкый!...
Мыръ мырови подарують
И славу во викы!

22 Ноября 1845. *Переяславъ.*

ДВИ ЧАСТЫНЫ ЗЪ ПОЕМЫ „ИВАНЪ ГУСЪ“ *).

I.

Камень, его же небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла, отъ господа бысть сей и есть дивенъ во всѣхъ нашихъ

Псаломъ CXVII, ст 22

Кругомъ неправда и неволя,
Народъ замученый мовчыть,
А на апостольскимъ престоли
Чернець годованый сыдыть,
Людською кровію торгуе
И рай у наймы оддае.
О, Боже! судъ твій правый всуе

*) Урывокъ зъ поемы „Иванъ Гусъ“ бувъ першый разъ надрукованый въ статти редактора „Домашней Бесѣды“—„И мои воспоминанія о Т. Г Шевченкѣ (Дом Бес. 1861 г., вып 33). Зъ неи видко, що поема „Иванъ Гусъ' була Т. Г. Шевченкомъ зовсимъ выроблена и читана автору тыи статти ще 26 мая 1846 року.—Це свидчання сочасныка Шевченкового, а особлыве одповидь намъ шанов добр. Д Г Лебединцева о де-якыхъ рукопысяхъ Шевченка, данныхъ имъ для перепысу чиновныку П-чу не задовго до арешту его въ Кыеви (1847 року), въ решти одкыдее думку, що Тарасъ Грыгоровичъ Шевченко, напысавъ тилько „Посланіе славному П І. Шафарыку при поеми „Иванъ Гусъ або Еретыкъ“ Доброд. Д Г Лебединцевъ повидавъ намъ, що авторъ піесы, вернувшысь зъ высылкы въ Петербургъ, зап внявъ его, що ця поема була имъ зовсимъ выкончена и винъ памятае, що въ Кыеви, въ 1847 роци, винъ зоставывъ іи комусь цилкомъ. Шевченьо прохавъ д Лебединцева роспытатысь про неи у Кыеви, и винъ дознавсь, що Шевченко давъ цю поему зъ иншимы своими творамы для перепысу чыновныку Кыевскои консисторіи, П-чу; цей же, писля того, якъ Шевченко бувъ арештованый, зъ переляку, спалывъ уси рукопысы покійного, яки було дано ему для перепысу. Усю оцю исторію зъ рукопысами добр. Лебединцевъ переказавъ Шевченкови, который зразу жъ згадавъ, кому и для чого винъ давъ свои рукопысы, мижъ которымы була и выкончена поема „Иванъ Гусъ“. Думка, що поема була тилько задумана одкыдаеться такожъ ще й тымъ, що въ бумагахъ, котри зосталысь писля покійного П І. Шафарыка у его сына, знайшовся Урывокъ зъ цеи жъ поемы, названый—„Папська Булла“; але цилои поемы- мижъ рукопысамы П. І Шафарыка—такъ-такы й не розшукано. Такымъ робомъ, поема „Иванъ Гусъ, або Еретыкъ“ не дійшла до насъ цилкомъ и мы друкуемо ныни урывки зъ неи, яки булы вже надруковани въ часопыси „Правда“ 1873 р.

И всуе царствіе твое!
Розбійныкы, людойиды
Правду поборолы,
Осміялы твою славу
И сылу и волю.
Люде стогнуть у кайданахъ,
Немае зъ кымъ взятысь,
Роскуватысь, одностайне,
Односердне статы
За евангелію правды
За темныи люде.
Нема кому!... Боже, Боже!
Чи то жъ и не буде?
Чи настане велыкый часъ
Небеснои кары?
Чи розломымъ тры короны
На гордій тіари?
Розломымо!.,. Благословы —
Не на месть и мукы —
Благословы мои, Боже,
Нетвердыи руки
И слово тыхее .. О, Боже!
Чи воны жъ почують!.,.

. . . . . .

Оттакъ
У келіи своій правдывый
Иванъ Гусъ думавъ роскувать
Народъ замученый, и дыво,
Святее дыво, показать
Очамъ незрячымъ...
„Поборюсь!..
За правду Богъ!.. Да совершыться!..
И въ Выфліемськую каплыцю
Пишовъ молыться вирный Гусъ.

II.

ПАПСЬКА БУЛЛА.

„Во имя Господа Хрыста,
За насъ роспьятого на древи,
И всихъ апостоливъ святыхъ,
Петра и Павла особлыве,
Мы розришаемо грихы
Святою буллою сією
Рабыни божый оттій,
Що водылы по улыцяхъ
Въ Прази позавчора,
Що хылылась...
По шынкахъ, по станахъ,
По чернечыхъ переходахъ,
По келіяхъ пьяна.
Отта сама заробыла
Та буллу купыла:
Теперъ свята...“
—„Боже, Боже,
Велыкая сыло!
Велыкая славо! зглянься на людей,
Одпочынь одъ кары у святому раи!
За що пропадають, за що Ты караешъ
Своихъ и покирныхъ, и добрыхъ дитей?
За що закрывъ ихъ добри очи
И вильныхъ розумъ окувавъ
Кайданамы лыхои ночи?!
Прозрите, люде! день наставъ!
Проснитьcя, чехы, змыйте луду
... будьте дюде,
А не посмишыще ченцямъ!
Розбійныкы, каты въ тіарахъ,
Все потопылы, все взялы,
Мовъ у Москви татары,

До 1847 року.

УТОПЛЕНА.

Витеръ въ гаи не гуляе —
Въ ночи спочывае;
Прокынеться, — тыхесенько
Въ осокы пытае:
„Хто се, хто се по симъ боци,
Чеше косу? хто се?...
Хто се, хто се по тимъ боци
Рве на соби косы?...
Хто се, хто се?“ тыхесенько
Спытае-повіе,
Та й задрима, покы неба
Край зачервоніе.

„Хто се, хто се?“ спытаете,
Цикави дивчата.
Отто дочка по симъ боци,
По тимъ боци — маты

Давно колысь те діялось
У насъ на Вкраини...
Середъ села вдова жыла
У новій хатыни;
Билолыця, кароока
И станомъ высока,
У жупани, — кругомъ пани,
И спереду, й збоку.

И молода — ниврoку ій, —
А за молодою,
А надто ще за вдовою,
Козакы ордою
Такъ и ходять. И за нею
Козакы ходылы,
Покы вдова безъ сорома
Дочку породыла;
Породыла, та й байдуже;
Людямъ годуваты
Въ чужимъ сели покынула:
Оттака-то маты!...
Постривайте, що ще буде!
Годувалы люде
Малу дочку, а вдовыця,
Въ недилю и въ будденъ,
Зъ жонатымы, зъ парубкамы,
Пыла та гуляла,
Покы лыхо не спиткало,
Покы не та стала:
Не счулася, якъ мынулы
Лита молодыи...
Лыхо, лыхо! маты вьяне,
Дочка червоніе,
Выростае... Та й выросла
Ганна кароока,
Якъ тополя, середъ поля,
Гнучка та высока.
„Я Ганнуси не боюся!“
Спивае матуся;
А козакы, якъ хмиль оттой,
Вьються кругъ Ганнуси.
А надто той рыбалонька,
Жвавый, кучерявый,
Мліе, вьяне, якъ зострине
Ганнусю чорняву.
Побачыла стара маты,
Сказылася люта:

„Чи бачъ, погань росхрыстáна,
Байстря необуте!
Ты вже выросла, дивуешъ,
Зъ хлопцямы гуляешъ...
Постривай же, ось я тоби!...
Мене зневажаешъ?
Ни, голубко!“

И одъ злости
Зубамы скрегоче.
Оттака-то була маты!...
Де жъ сердце жиноче?
Серце матери?... Охъ, лыхо,
Лышенько, дивчата!
Маты станъ гнучкый, высокый,
А серця — не маты.
Изогнеться станъ высокый,
Бровы полыняють,
И не счуетесь; а люде
Смiючысь згадають
Ваши лита молодыи,
Та й скажуть: ледащо!
Тяжко плакала Ганнуся,
И не знала за що,
За що маты знущается,
Лае, проклынае,
Свое дытя безъ сорома
Байстрямъ нарыьае.
Катувала, мордувала,
Та не помагало:
Якъ макивка на городи,
Ганна розцвитала;
Якъ калына пры долыни
Въ-ранци пидъ росою.
Такъ Ганнуся червонила,
Мылася слёзою
„Заворожена!.. стривай же!“
Шепче люта маты!

„Треба труты роздобуты,
Треба йты шукаты
Стару видьму!“

Найшла видьму
И труты достала,
И трутою до схидъ сонця
Дочку наповала.
Не помогло.,. Кляне маты
Той часъ и годыну,
Колы на свитъ породыла
Нелюбу дытыну.
„Душно мени; ходимъ, дочко,
До ставка купатысь“
— „Ходимъ, мамо‘.

На берези
Ганна роздяглася,
Роздяглася, роскынулась
На билій сорочци.
Рыбалонька кучерявый
Мліе на тимъ боци ..
И я колысь... Та цуръ ему!
Соромъ — не згадаю.
Якъ дытына калыною
Себе забавляе,
Гне станъ гнучкый, розгынае,
На сонечку гріе.
Маты дывыться на неи —
Одъ злости ниміе;
То жовтіе, то сыніе;
Росхрыстана, боса,
Зъ роту пина; мовъ скажена,
Рве на соби косы.
Кынулася до Ганнуси
И въ косы впылася
„Мамо! мамо! що ты робышъ?“
Хвыля роздалася,
Закыпила, застогнала,

И обохъ покрыла.
Рыбалонька кучеравый
Зъ усіеи силы
Кынувсь въ воду; плыве, сыню
Хвылю роздырае,
Плыве, плыве... отъ-отъ доплывъ!
Пурнувъ, вырынае —
И утоплену Ганнусю
На берегъ выносыть,
Изъ рукъ матери заклятыхъ
Вырывае косы.
„Серце мое! доле моя!
Роскрый кари очи!
Подывыся, усмихныся!
Не хочешъ? не хочешъ!“
Плаче, пада коло неи,
Роскрыва, цилуе
Мертви очи, „Подывыся!...
Не чуе, не чуе!“
Лежыть соби на писочку,
Били рученята
Роскыдала; а за нею
Стара люта маты
Очи вывело изъ лоба
Одъ страшнои мукы!
Втеребыла въ писокъ жовтый
Стари сыни рукы.
Довго плакавъ рыбалонька
„Нема въ мене роду,
“Нема доли на симъ свити, —
Ходимъ жыты въ воду!“ —
Пиднявъ іи, поцилувавъ...
Хвыля застогнала,
Роскрылася, закрылася,
И слиду не стало...

Зъ того часу ставокъ чыстый
Зарисъ осокою;

Не купаються дивчата,
Обходять горою;
Якъ углядять, то хрестяться,
И зовуть заклятымъ...
Сумно, сумно кругомъ его...
А въ-ночи, дивчата,
Выплывае зъ воды маты,
Сяде по тимъ боци;
Страшна, сыня, росхрыстана,
И въ мокрій сорочци;
Мовчкы дывыться на сей бикъ,
Рве на соби косы...
А тымъ часомъ сыня хвыля
Ганнусю выносыть,
Голисинька, стрепенеться,
Сяде на писочку...
И рыбалка выплывае,
Несе на сорочку
Баговиння зеленого;
Поцилуе въ очи —
Та и въ воду: соромыться
На гнучкый дивочый,
На станъ голый подывыться...
И нихто не знае
Того дыва, що творыться
Середъ ночи въ гаи:
Тилько витеръ зъ осокою
Шепче· „Хто се, хто се
Сыдыть сумно надъ водою,
Чеше довги косы?“

Н. МАРКЕВИЧУ

Бандурысте, орле сызый!
Добре тоби, брате!
Маешъ крыла, маешъ сылу;
Е-колы литаты.
Теперъ летышъ въ Украину
Тебе выглядають;
Полетивъ бы за тобою,
Та хто прывитае?
Я й тутъ чужый, одынокый,
И на Украини
Я сырота, мій голубе,
Якъ и на чужыни!
Чого жъ серце бьеться, рветься?
Я тамъ одынокый...
Одынокый!.. а Вкраина!
А степы шыроки!
Тамъ повіе буйнесенькый,
Якъ братъ заговорыть;
Тамъ въ шырокимъ поли воля!
Тамъ сыніе море,
Выгравае, хвалыть Бога,
Тугу розганяе:
Тамъ могылы зъ буйнымъ витромъ
Въ степу розмовляють, —
Розмовляють, сумуючы;
Оттака ихъ мова:
„Було колысь, мынулося, —
Не вернеться знову?“
Полетивъ бы, послухавъ бы,
Заплакавъ бы зъ нымы...
Та ба, — доля прыборкала
Мижъ людьмы чужымы

НА ВИЧНУ ПАМЬЯТЬ КОТЛЯРЕВСЬКОМУ

Сонце гріе, витеръ віе
Зъ поля на долыну;
Надъ водою гне зъ вербою
Червону калыну;
На калыни одыноке
Гниздечко гойдае.
А де жъ дився соловейко?
Не пытай, — не знае!
Згадай лыхо — то й байдуже:
Мынулось, пропало;
Згадай добре — серце вьяне:
Чому не осталось?

Отто жъ гляну, та й згадаю:
Було, якъ смеркае,
Защебече на калыни, —
Нихто не мынае:
Чи багатый, кого доля,
Якъ маты дытыну,
Убирае, доглядае, —
Не мыне калыну;
Чи сырота, що до-свита
Мусыть уставаты,
Опыныться, послухае, —
Мовъ батько та маты,
Роспытують, розмовляють:
Серце бьеться любо,
И свитъ Божый, якъ велыкъ-день,
И люде, якъ люде!
Чи дивчына, що мылого
Що-день выглядае,
Вьяне сохне сыротою,
Де дитысь не знае, —

Пиде на шляхъ подывыться,
Поплакаты въ лозы;
Защебече соловейко —
Сохнуть дрибни слезы;
Послухае, усмихнеться,
Пиде темнымъ гаемъ...
Нибы зъ мылымъ розмовляла.
А винъ знай спивае,
Та дрибно, та ривно, якъ Бога благае —
Покы выйде злодій на шляхъ погулять
Зъ ножемъ у халяви — пиде луна гаемъ,
Пиде та й замовкне: на-що щебетать?
Запеклую душу злодія не спынуть,
Тилькы стратыть голосъ, добру не навчыть;
Нехай винъ лютуе, покы самъ загыне,
Покы безголовъя воронъ прокрычыть.

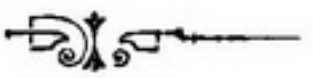
Засне долына, — на калыни
И соловейко задрима.
Повіе витеръ по долыни,
Пишла дибровою луна,
Луна гуляе — божа мова —
Встануть сердегы працювать,
Пійдуть коровы на дибровы,
Выйдуть дивчата воду брать,
Выгляне сонце. Рай та й годы!
Верба сміеться, — свято скризь!
Злодій заплаче, дарма що злодій.

Такъ було першъ; теперъ дывысь:
Сонце гріе, витеръ віе
Зъ поля на долыну;
Надъ водою гне зъ вербою
Червону калыну;
На калыни одыноке
Гниздечко гойдае.
А де дився соловейко? —
Не пытай, не знае!

Недавно, недавно у насъ въ Украини
Старый Котляревськый отакъ щебетавъ;
Замовкъ, неборока, сыротамы кынувъ
И горы, и море, де перше витавъ.
Де ватагу пройдысвита
Водывъ за собою.
Все осталось, все сумуе,
Якъ руины Трои;
Все сумуе, тилькы слава
Сонцемъ засіяла:
Не вмре кобзарь, бо на-викы
Его прывитала.
Будешъ, батьку, пануваты,
Покы жывуть люде;
Покы сонце зъ неба сяе,
Тебе не забудуть.

Праведная душе! прыймы жъ мою мову,
Немудру та щыру, прыймы, прывитай;
Не кынь сыротою, якъ кынувъ дибровы,
Прылыны до мене хочъ на одно слово,
Та про Украину мени заспивай.
Нехай усмихнеться душа на чужыни,
Хочъ разъ усмихнеться, дывлючысь, якъ ты
Всю славу козацьку за словомъ едынымъ
Перенисъ въ убогу хату сыроты.
Прылынь, сызый орле, бо я одынокый
Сырота на свити въ чужому краю;
Дывлюся на море шыроке, глыбоке,
Поплывъ бы на той бикъ — човна не дають!
Згадаю Енея, згадаю родыну,
Згадаю — заплачу, якъ тая дытына;
А хвыли на той бикъ идуть та ревуть.
А може я й темный, ничого не бачу,
Може моя доля на тимъ боци плаче,
Бо сыроту всюды люде осміють; ...
Нехай бы сміялысь, та тамъ море грае,
Тамъ мисяць, тамъ сонце яснійше сія,

И въ витромъ могыла въ степу розмовляе,
Тамъ неодынокый зъ нею бувъ бы я.
Праведная душе! прыймы мою мову,
Немудру та щыру, прыймы, прывитай,
Не кынь сыротою, якъ кынувъ дибровы,
Прылыны до мене, хочъ на одно слово,
Та про Украину мени заспивай.



ДУМКЫ.

Тече вода въ сыне море,
Та не вытикае,
Шука козакъ свою долю,
А доли немае.
Пишовъ козакъ свитъ за очи;
Грае сыне море,
Грае серце козацькее,
А думка говорыть:
„Куды ты йдешъ, не спытавшысь?
На кого покынувъ
Батька, неньку старенькую,
Молоду дивчыну!
На чужыни не ти люде, —
Тяжко зъ нымы жыты!
Ни съ кымъ буде поплакаты,
Ни поговорыты“.
Сыдыть козакъ на тимъ боци, —
Грае сыне море.
Думавъ, доля зостринеться, —
Спиткалося горе.
А журавли летять соби
До-дому ключамы.
Плаче козакъ — шляхы быти
Зарослы тернамы,

Витре буйный, витре буйный!
Ты зъ моремъ говорышъ, —
Збуды его, заграй ты зъ нымъ,
Спытай сыне море:

Воно знае, де мій мылый,
Бо его носыло;
Воно скаже, сыне море,
Де ёго подило.
Колы мылого втопыло,
Розбый сыне море;
Пиду шукать мыленького,
Втоплю свое горе,
Втоплю свою недоленьку,..
Найду ёго, прыгорнуся,
На серци зомлію.
Тогди, хвыле, несы зъ мылымъ,
Куды витеръ віе!
Колы жъ мылый на тимъ боци,—
Буйнесенькый, знаешъ,
Де винъ ходыть, що винъ робыть:
Ты зъ нымъ розмовляешъ.
Колы плаче, то й я плачу,
Колы ни — спиваю;
Колы жъ згынувъ чорнобрывый,
То й я погыбаю.
Тогди несы мою душу
Туды, де мій мылый;
Червоною калыною
Поставъ на могыли.
Буде легше въ чужимъ поли
Сыроти лежаты:
Буде надъ нымъ его мыла
Квиткою стояты.
И квиткою й калыною
Цвисты надъ нымъ буду,
Щобъ не пекло чуже сонце,
Не топталы люде.
Я въ вечери посумую,
А въ-ранци поплачу;
Зійде сонце — утру слезы,
Нихто й не побачыть!
Витре буйный, витре буйный!

Ты зъ моремъ говорышъ, —
Збуды ёго, заграй ты зъ нымъ,
Спытай сыне море...

На що мени чорни бровы,
На що кари очи,
На що лита молодыи.
Весели дивочи?
Лита мои молодыи.
Марно пропадають,
Очи плачуть, чорни бровы
Одъ витру лыняють.
Серце вьяне, нудыть свитомъ,
Якъ пташка безъ воли
На що жъ мени краса моя,
Колы нема доли?
Тяжко мени сыротою
На симъ свити жыты:
Свои люде—якъ чужыи,
Ни съ кымъ говорыты;
Нема кому роспытаты,
Чого плачуть очи;
Нема кому розсказаты,
Чого серце-хоче,
Чого серце, якъ голубка,
День и ничъ воркуе;
Нихто его не пытае,
Не знае, не чуе.
Чужи люде не спытають,
Та й на-що пытаты?
Нехай плаче сыротына,
Нехай лита тратытъ!
Плачъ же, серце, плачте, очи,
Покы не заснулы,

Голоснійше, жалибнійше,
Щобъ витры почулы,
Щобъ понеслы буйнесеньки
За сынее море,
Чорнявому зрадлывому
На лютее горе!

Тяжко, важко въ свити жыты
Сыроти безъ роду:
Нема куды прыхылыться,
Хочъ зъ горы та въ воду!
Утопывся бъ молоденькый,
Щобъ не нудыть свитомъ;
Утопывся бъ — тяжко жыты.
И нема, де дитысь.
Въ того доля ходыть полемъ —
Колоскы збирае;
А моя десь, ледащыця,
За моремъ блукае.
Добре тому багатому:
Ёго люде знають;
А зо мною зостринуться —
Мовъ не добачають.
Багатого губатого
Дивчына шануе;
Надо мною, сыротою,
Сміеться, кепкуе.
„Чи я жъ тоби не вродлывый,
Чи не въ тебе вдався,
Чи не люблю тебе щыро,
Чи зъ тебе сміявся?
Любы жъ соби, мое серце,
Любы, кого знаешъ,

Та не смійся надо мною,
Якъ колы згадаешъ.
А я пиду на край свита...
На чужій сторонци
Найду кращу, або згыну,
Якъ той лыстъ на сонци"

Пишовъ козакъ сумуючы —
Никого не кынувъ;
Шукавъ доли въ чужимъ поли,
Та тамъ и загынувъ.
Умираючы дывывся,
Де сонечко сяе...
Тяжко, важко умираты
У чужому краю!

За думою дума роемъ вылитае.
Одна давыть серце, друга роздырае,
А третяя тыхо, тыхесенько плаче
У самому серци — и нихто не бачыть.

Кому жъ іи покажу я?
И хто тую мову
Прывитае, угадае
Велыкее слово?
Вси оглухлы, похылылысь
Въ кайданахъ — байдуже...
Ты сміешся; а я плачу,
Велыкый мій друже.
А що вродыть зъ того плачу?
Болыголовъ, брате...
. . . . . .
Нехай, брате! а мы будемъ
Смятысь та плакать.

Чого мени тяжко? чого мени нудно?
Чого серце плаче, рыдае, крычыть,
Мовъ дытя голодне?... Серце мое трудне,
Чого ты бажаешъ? що въ тебе болыть?
Чи пыты, чи йисты, чи спатонькы хочешъ?
Засны, мое серце, на-викы засны,
Невкрыте, голодне... а людъ нависный
Нехай скаженіе... закрый, серце, очи!...

Мынаютъ дни, мынаютъ ночи;
Мынае лито; шелестыть
Пожовкле лыстя... гаснуть очи;
Заснулы думы, серце спыть;
И все заснуло, — и не знаю,
Чи я жыву, чи дожываю,
Чи такъ по свиту волочусь,
Бо вже й не плачу, й не сміюсь...

Доле, де ты? доле, де ты?
Нема ніякои!
Колы доброи жаль, Боже,
То дай злои, злои?
Не дай спаты ходячому,
Серцемъ замираты,
И гнылою колодою
По свиту валятысь;
А дай жыты — серцемъ жыты
И Тебе хвалыты,
И Твій свитъ нерукотворный
И людей любыты...

Страшно впасты у кайданы,
Умирать въ неволи;

А ще гирше — спаты, спаты,
И спаты на воли,
И заснуты на викъ-викы,
И слиду не кынуть
Ніякого!... однаково —
Чи жывъ, чи загынувъ.

Доле, де ты? доле, де ты?
Нема ніякои!
Колы доброи жаль, Боже,
То дай злои, злои!

Витеръ въ гаи нагынае
Лозу и тополю,
Лама дуба, котыть полемъ
Перекотыполе...
Такъ и доля: того лама,
Того нагынае,
Мене котыть — и де спынуть,
И сама не знае!..

У якому краи мене заховають,
Де я прыхылюся — на-викы засну?
Колы нема доли, нема талану,
То никого й кынуть... Нихто не згадае,
Не скаже хоть на смихъ: „нехай спочывае, —
Тилькы его й доли, що рано заснувъ!...“

Не хочу я женытыся,
Не хочу я братысь:
Не хочу я у запичку
Дитей годуваты.

Не хочу я, моя маты,
За плугомъ ходыты:
Оксамытови жупаны
На рилли носыты.
А пиду я одружуся
Зъ моимъ вирнымъ другомъ —
Зъ славнымъ батькомъ запорожськымъ
Та зъ Велыкымъ Лугомъ.
На Хортыци у матери
Буду добре жыты,
У оксамыти ходыты.
Меды, вына пыты".

Пишовъ козакъ нерозумный
Славы добуваты...
Осталася сыротою
Старенькая маты
Ой згадала въ недиленьку,
Сидаючы йисты:
„Нема мого сына Йвана
И немае висты!"

Не черезъ два, не тры лита,
Не черезъ чотыри
Вернувся нашъ запорожець.
Якъ та хыря-хыря,
Обидраный, облатаный,
Каликою въ хату.
Оце тоби Запорожжя!
И сердешна маты:
Нема кому прывитаты,
Ни съ кымъ пожурытысь
Треба було бъ молодому,
Треба бъ одружытысь.
Мынулыся молодыи
Веселыи лита;
Немае съ кымъ остылого
Серденька нагриты,

Нема кому зостринуты,
Затопыты хату,
Нема кому воды тыи
Калици податы.

Не женыся на багатій, бо выжене съ хаты;
Не женыся на убогій, бо не будешъ спаты.
Оженысь на вольній воли, на козацькій доли;
Яка буде, така й буде, — чи гола, то й гола! —
Та нихто не розважае, нихто не пытае:
Чого болыть? и де болыть? — самъ про тее знаешъ.
У-двохъ, кажуть, и плакаты—мовъ—легше неначе...
Брешуть люде: легше плакать, якъ нихто не бачыть.

Не завыдуй багатому: багатый не мае
Ни прыязни, ни любови,—винъ все те наймае;
Не завыдуй могучому, бо той заставляе;
Не завыдуй и славному: славный добре знае,
Що не его люде люблять, а ту тяжку славу,
Що винъ кровъю та слёзамы выльe на забаву.
И молоди, якъ зійдуться, то любо та тыхо,
Якъ у раю, — а дывышся: ворушыться лыхо,..
Не завыдуй же никому, — дывысь кругомъ себе:
Нема раю на всимъ свити, — хиба-що на неби?

***

У Вильни, городи преславнимъ,
Оце случилося недавно,
Ще бувъ тоди... (отъ якъ на те
Не вбгаю въ виршу сего слова)...

Тоди здоровый, прездоровый
Зробылы съ ѐго лазаретъ,
А бакаляривъ розигналы
За те, що шапкы не ламалы
У Острій Брами... дурня знать
По пôходу. Отъ же назвать,
Ій-Богу, я ёго не вмію
Того студента, що жъ намъ діять?...
То сынокъ бувъ лытовськои
Гордои графыни:
И хороше, и багате,
И одна дытына,
И учылась не панычемъ
И шапку знимало
Въ Острій Брами. Добре було,
Та лыхо спиткало:
Улюбылося сердешне
(Було молодее)
У жыдивку молодую,
Та й думало зъ нею,
Щобъ сёго не знала маты,
Звычайне побратысь,
Бо не можно рады даты.
Що то за проклята!
Мовъ змалёвана сыдила
До самои ночи
Передъ викномъ и втырала
Заплакани очи:
Бо й вона такы любыла,
И страхъ якъ любыла!
Та на бульваръ выходыла
И въ школу ходыла
Усе зъ батькомъ, то й не можно
Було рады даты;
И банкыръ якыйсь изъ Любська
Жыдивочку сватавъ.
Що тутъ на свити робыты?
Хочъ иты топытысь

До Закрету: не хочеться
Безъ жыдивкы жыты
Студентови. А жыдъ старый, —
Нибы тее знае,
Дочку свою одыноку
Въ хати замыкае,
Якъ иде до лавокъ въ-ранци,
И найма сторожу —
Стару Рухлю. Ни, небоже.
Рухля не поможе!
Уже де вона на свити
Романъ сей читала
Зъ шовковою драбынкою? —
И Рухля не знала, —
Може сама догадалась;
Тилько заходылась
Та сплела й соби такую,
И въ ночи спустылась
До студента на улыцю.
И де бъ утикаты,
А воны (звычайне, диты)
Любо цилуватысь
Коло воритъ заходылысь.
А жыдъ изъ на-двору,
Мовъ скаженый, выбига
Зъ сокырою. Горе!
Горе тоби, стара маты!
Нема твого сына:
На улыци валяеться
Убыта дытына,
Убытая жыдовыномъ,
Горе тоби, маты!
Жыдивочка... (де та сыла
Взялася въ дытяты?!)
Выхватыла ту сокыру
И батькови въ груды
Ажъ по обухъ вгородыла!

Оттаке-то чудо
У тимъ мисти преславному,
У тій Вильни сталось.
Дывувалысь довго люде,
Де вона сховалась,
Жыдивочка та гадюча,
Що батька убыла?
А вона въ ночи любенько
Въ Виліи втопылась,
Бо найшли іи въ Закрети,
Тамъ и поховалы.
А графыня безъ дытыны
Сердешна осталась.
Пойихала у Рымъ, кажуть.
Та десь опынылась,
Та зъ маркызомъ якимсь голымъ,
Кажуть, одружылась.
Може й брешуть, бо, звычайне,
На те воны люде:
И вдовыцю не забудуть
И тую осудять.

1847.

(Перше пивроччя)

РУСАЛКА.

Породыла мене маты
Въ высокыхъ палатахъ,
Та й понесла середъ-ночи
У Днипри скупаты.
Купаючы, розмовляла
Зо мною, малою:
— „Плывы, плывы, моя доню,
Днипромъ за водою,
Та выплывы русалкою
Завтра середъ ночи;
А я выйду гуляты зъ нымъ,
А ты й залоскочешъ.
Залоскочы, мое серце,
Нехай не сміеться
Надо мною, молодою;
Нехай пье, упьеться
Не моимы кровъ-слезамы —
Сынею водою
Днипровою. Нехай соби
Гуляе съ дочкою.
Плывы жъ, моя сдыная!
Хвыли мои, хвыли,
Прывитайте русалоньку!. .“—
Та й заголосыла,
Та й побигла. А я соби

Плыла за водою,
Покы сестры не зострилы,
Не взялы съ собою.
Уже зъ тыждень, якъ росту я,
Зъ сестрамы гуляю
О-пивночи, та зъ будынку
Батька выглядаю.
А може, вже поедналась
Зъ паномъ у палатахъ;
Може, знову роскошуе
Моя гришна маты.
Та й замовкла русалочка,
Въ Днипро порынула,
Мовъ пляточка, а лозына
Тыхо похытнулась.
Выйшла маты погуляты —
Не спыться въ палатахъ;
Пана Яна нема дома,
Ни зъ кымъ розмовляты.
А якъ прыйшла до берега,
То й дочку згадала,
И згадала, якъ купала
И якъ прымовляла;
Та й байдуже... Пишла соби
У палаты спаты;
Та не дійшла: довелося
Въ Днипри ночуваты.
И не счулась, якъ зуспилы
Днипрови дивчата,
Та до неи: ухопылы,
Та й ну зъ нею гратысь.
Радисиньки, що піймалы, —
Гралысь, лоскоталы,
Покы въ вершу не запхалы;
Та й зареготалысь.
Одна тилько русалонька
Не зареготалась.

ЛИЛЕЯ.

За що мене, якъ росла я,
Люде не любылы?
За що мене, якъ выросла,
Молодую вбылы?
За що воны теперъ мене
Въ палатахъ витають,
Царивною называють,
Очей не спускають
Зъ мого цвиту, дывуються,
Не знають, де диты?
Скажы мени, мій братику,
Королевый цвите".
— „Я не знаю, моя сестро".—
И цвитъ королевый
Схылывъ свою головоньку
Червоно-рожеву
До билого поныклого
Лыченька лилеи.
И заплакала лилея
Росою-слезою,
Заплакала и сказала:
— „Брате мій' зъ тобою
Мы давно вже кохаемось,
А я й не сказала,
Якъ була я людыною,
Якъ я мордувалась.
Моя маты... чого вона,
Вона все журылась,
И на мене, на дытыну,
Дывылась, дывылась
И плакала? Я не знаю,
Мій брате едыный,
Хто ій лыхо заподіявъ.
Я була дытына:

Я гралася, забавлялась;
А вона все вьяла,
Та нашого злого пана
Кляла, проклынала.
Та й умерла. А мене панъ
Взявъ догодуваты.
Я выросла, выкохалась
У билыхъ палатахъ;
Я не знала, що байстря я,
Що ёго дытына.
Панъ пойихавъ десь далеко,
А мене покынувъ.
И проклялы его люде,
Будынокъ спалылы;
А мене, не знаю за що,
Убылы — не вбылы.
Тилько мои довги косы
Острыглы; накрылы
Острыжену ганчиркою
Та ще й реготалысь;
Жыды навить нечыстыи
На мене плювалы.
Оттаке-то, мій братику,
Було мени въ свити'
Молодого короткого.
Не далы дожыты
Люде вику. Я умерла
Зимою пидъ тыномъ,
А весною процвила я
Цвитомъ пры долыни,
Цвитомъ билымъ, якъ снигъ билымъ,
Ажъ гай звеселыла.
Зимою люде, Боже мій,
Въ хату не пустылы;
А весною, мовъ на дыво,
На мене дывылысь.
А дивчата заквитчалысь
И почалы зваты

Лилеею-снигоцвитомъ;
И я процвитаты
Стала въ гаи, и въ теплыци,
И въ билыхъ палатахъ.
Скажи жъ мени, мій братику,
Королевый цвите:
На-що мене Богъ поставывъ
Цвитомъ на симъ свити?
Щобъ людей я веселыла,
Тыхъ самыхъ, що вбылы
Мене й матиръ?... Мылосердый,
Святый, Боже мылый!"—
И заплакала лилея. .
А цвитъ королевый
Схылывъ свою головоньку
Червоно-рожеву
На билее поныклее
Лыченько лилеи.

КАЛЫНА.

Чого ты ходышъ на могылу?“
На-сылу маты говорыла:
„Чого ты плачешъ идучы,
Чого воркуешъ у-ночи,
Моя голубка сызокрыла?“
— „Такъ, мамо, такъ!“
И зновъ ходыла,
А маты плакала ждучы.

Не сонъ-трава на могыли
Въ ночи процвитае:
То дивчына заручена
Калыну сажае,
И слезамы полывае,
И Господа просыть:
„Пошлы, Боже, дощи въ ночи
И дрибныи росы,
Щобъ калына прыйнялася,
Роспустыла виты:
Може, пташкою прылыне
Мылый, зъ того свита.
Зовью ёму кубелечко
И сама прылыну,
И будемо щебетаты
Въ-купци на калыни.
Будемъ плакать, щебетаты,
Тыхо розмовляты,
Будемъ въ купочци у-ранци
На той свитъ литаты“.

И калына прыйнялася,
Виты роспустыла,

И тры лита на могылу
Дивчына ходыла.
На четверте — не сонъ-трава
Въ-ночи процвитае:
То дивчына съ калыною
Плаче-розмовляе:

„Шырокая, высокая
Калыно моя!
Не водою до схидъ сонця
Полыванная!
Шырокыи слёзы-рикы
Тебе полылы
Ихъ славою лукавою
Люде понеслы.
Зневажають подруженькы
Подругу свою,
Зневажають червоную
Калыну мою;
Повый мою головоньку,
Росою умый
И витамы шырокымы
Одъ сонця закрый.
Мене знайдуть — поховають,
Мене осміють,
Шырокыи твои виты
Диты обирвуть“

Въ-ранци рано на калыни
Пташка щебетала;
Пидъ калыною дивчына
Спала, не вставала:
Утомылось молодее,
На викы спочыло.
Вставало сонце зъ-за могылы,

Радилы люде встаючи;
А маты й спаты не лягала,
Вечерять доню дожыдала
И тяжко плакала ждучы.

1847, Петербургъ.

ТРЫ ШЛЯХЫ.

Ой тры шляхы шырокыи
До-купы зійшлыся;
На чужыну зъ Украины
Браты розійшлыся;
Покынулы стару матиръ;
Той жинку покынувь,
А той сестру, а найменьшый—
Молоду дивчыну.
Посадыла стара маты
Тры ясены въ поли,
А невистка посадыла
Высоку тополю;
Тры яворы посадыла
Сестра пры долыни,
А дивчына заручена—
Червону калыну.

Не прыйнялысь тры ясены,
Тополя всыхала,
Повсыхалы тры яворы,
Калына зивьяла—
Не вертаються тры браты.
Плаче стара маты,
Плаче жинка зъ диточкамы
Въ нетопленій хати;
Сестра плаче—йде шукаты
Братывъ на чужыну,
А дивчыну заручену
Кладуть въ домовыну...

Не вертаються тры браты,—
По свиту блукають,
И тры шляхы шырокыи
Терномъ заростають.

1847, Петербургъ.

ПУСТКА.

Рано въ-ранци новобранци
Выходылы изъ села,
А за нымы молодымы
Одна дивчына пишла.
Подыбала стара маты
Дочку зъ мылымъ розлучаты.
Розлучыла та вмовляла,
Покы въ землю закопала,
А сама въ старци пишла.

Стоить село—не выросло,
Не переминылось,
Тилько пустка на край села
На бикъ похылылась.
Коло пусткы на мылыци
Москаль шкандыбае,
На садочокъ позырае,
Въ викно заглядае.
Заглядае,—не выгляне
Чорнобрыва зъ хаты,
Не поклыче стара маты
Вечеряты въ хату.
А винъ колысь бувъ клыканый,
Рушныкы вже ткалысь,
И хустына мережалась,
Шовкомъ вышывалась:
Думавъ жыты, любытыся,
Весь викъ веселытысь,
А довелось, мій голубе,
Слезамы умытысь!

Сыдыть москаль пидъ хатою,
На двори смеркае,
А въ викно, неначе баба
Сова выглядае.

1847, Петербургъ

ХУСТЫНА.

Чи то на те Божа воля,
Чи такая іи доля?..
Росла въ наймахъ, выростала,
Зъ сыротою покохалась.
Неборакъ, якъ голубъ, зъ нею,
Зъ безталанною своею,
Одъ зиронькы до зиронькы
Сыдять соби у вдивонькы,
Сыдять соби, розмовляють,
Пречыстои дожыдають.
Дождалыся...
Зъ Чыгырыну
По всій славній Украини
Заревлы велыки дзвоны,
Щобъ сидлалы хлопци кони,
Щобъ мечи, шабли гострылы
Та збиралысь на весилля,
На веселе погуляння,
На криваве залыцяння ..

У недиленьку та ранесенько
Сурмы трубы выйгравалы·
Въ походъ у дорогу славни компанійци
До схидъ сонечка рушалы.
Выпровожала вдова свого сына,
Ту едыную дытыну,
Выпровожала сестра свого брата,
А сирому—сыротына.
Выпровожала, коня напувала,
До зирныци изъ крыныци
Выносыла збрую: шаблю золотую
И рушныцю-гакивныцю.
Выпровожала тры поля, тры мыли,
Прощалася при долыни

Дарувала шыту шовками хустыну,
Щобъ згадувавъ на чужыни.

Ой хустыно, хустыночко,
Мережана шыта!
Тилько й славы козацькои—
Сиделечко вкрыты.

Вернулася, журылася,
На шляхъ бытый дывылася,
Квитчалася, прыбиралась
Що-день Божый сподивалась,
А въ недиленьку ходыла
Выглядаты на могылу.

Мынае лито, мына й друге,
А на третте лынуть
Преславныи компанійци
Въ свою Украину.
Иде війско, иде й друге,
А за треттимъ стыха...!
Не дывыся, безталанна
Везуть тоби лыхо:
Везуть труну малёвану,
Кытайкою крыту;
А за нею зъ старшыною
Иде, въ чорній свыти,
Самъ полковныкъ компанійськый
Характерныкъ зъ Сичи.
За нымъ идутъ есаулы,
Та плачуть идучы.
Несуть паны есаулы
Козацькую збрую:
Лытый панцырь порубаный,
Шаблю золотую,
Тры рушныцы-гакивныци
И тры самопалы;
А на збруи козацькая

Кровь позасыхала.
Ведуть коня вороного—
Розбыти копыта,
А на ѐму сиделечко,
Хустыною вкрыте.

ВЕЧИРЪ.

(Аф Ал. Лазаревський).

Садокъ вышневый коло хаты;
Хрущи надъ вышнями гудуть;
Плугатари зъ плугамы йдуть;
Спивають идучы дивчата,
А матери вечерять ждуть.

Семья вечеря коло хаты;
Вечирня зиронька встае;
Дочка вечерять подае;
А маты хоче научаты,—
Такъ соловейко не дае.

Поклала маты коло хаты
Маленькыхъ диточокъ своихъ,
Сама заснула коло ихъ;
Затыхло все... тилько дивчата
Та соловейко не затыхъ.

За байракомъ байракъ,
А тамъ степъ та могыла.
Изъ могылы козакъ
Встае сывый, похылый.
Встае самъ у-ночи,
Иде въ степъ, а йдучы
Спива, сумно спивае:
—„Наносылы земли,
Та й до-дому пишлы,
И нихто не згадае...
Насъ тутъ трыста, якъ скло,

Товарыства лягло,
И земля не прыймае.
Якъ запродавъ гетьманъ
У ярмо хрыстіянъ,
Насъ пославъ погоняты,—
По своій по земли
Свою кровъ розлылы
И заризалы брата;
Крови брата впылысь,
И оттутъ поляглы
У могыли заклятій".—
Та й замовкъ, зажурывсь
И на спысъ похылывсь,
Ставъ на самій могыли
На Днипро позыравъ;
Тяжко плакавъ, рыдавъ;
Сыни хвыли голосылы...
Зъ-за Днипра, изъ села
Луна гаемъ гула,
Трети пивни спивалы.
Провалывся козакъ,
Стрепенувся байракъ,
А могыла застогнала.

Ой стричечка до стричечкы
Мережаю тры ничечкы,
Мережаю вышиваю,—
У недилю погуляю!

Ой плахотка-червчаточка,—
Дывуйтеся, дивчаточка,—
Дывуйтеся парубкы,
Запорозськи козакы.

Ой дывуйтесь, лыцяйтеся,
А зъ иншымы винчайтеся:
Подавани рушныкы..
Оттаке-то, козакы!

Ой одна я, одна,
Якъ былынонька въ поли,
Та не давъ мени Богъ
А ни щастя, ни доли.

Тилькы давъ мени Богъ
Красу, карыи очи.—
Та й ти выплакала
Въ самотыни дивочій.

А ни братика я,
Ни сестрычкы не знала,
Мижъ чужымы зросла.
Та вже й вьянуты стала...

Де жъ дружына моя,
Де вы, добрыи люде?!
Ихъ нема,—я сама,
А дружыны—й небуде!..

Не кыдай матери!“ казалы;
А ты покынула, втекла.
Шукала маты, не найшла,
Та вже й шукаты перестала;
Умерла плачучы. Давно
Не чуть никого, де ты гралась;
Собака десь помандрувала,
И въ хати выбыто викно;

Въ садочку темному ягнята
У-день пасуться, а въ-ночи
Вищують совы та сычи
И не дають сусидямъ спаты;
И твій барвиночокъ хрещатый
Зарисъ богылою, ждучы
Тебе, неквитчану; и въ гаи
Ставочокъ чистый высыхае,
Де ты купалася колысь;
И гай сумуе, похылывсь;
У гаи пташка не спивае—
Й ти зъ собою занесла;
Въ яру крыныця завалылась,
Верба усохла, похылылась,
И стежечка, де ты ходыла,
Колючымъ терномъ поросла.
Куды полынула, де дилась,
До кого ты перелетила?
Въ чужій земли, въ чужій семьи
Кого ты радуешъ? до кого,
До кого рукы прырослы?
Вищуе серце, що въ палатахъ
Ты роскошуешъ, и не жаль
Тоби покынутои хаты
Благаю Бога, щобъ печаль
Тебе до вику не збудыла,
Щобъ у палатахъ не найшла;
Щобъ Бога ты не осудыла,
И матери не прокляла.

По надъ полемъ иде,
Не покосы кладе,
Не покосы кладе—горы:
Стогне земля, стогне море,
Стогне та гуде.

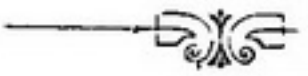
Косаря у ночи
Зостричають сычи;
Тне косарь, не спочывае;
Ни на кого не вважае,—
Хочъ и не просы.

Не крычы й не просы;
Не клепае косы;
Чи то городъ, чи то поле,
Якъ брытвою, старый голыть
Усе, що дасы:

Мужыка й шынкаря,
Сыроту кобзаря;
Прыспивуе старый, косыть,
Кладе горамы покосы,
Не мыне й царя.

И мене не мыне,
На чужыни зотне—
За решоткою задавыть.
И хреста нихто не поставыть
И не помьяне!

30 Мая 1847,



1847

(Друге пиврочча).

Думы мои, думы мои!
Вы мои едыни!
Не кыдайте хочь вы мене
Пры лыхій годыни!
Прылитайте, сызокрыли
Мои голубьята,
Изъ-за Днипра шырокого
У степъ погуляты
Съ кыргызамы убогымы!
Воны вже убоги,
Уже голи... Та на воли
Ще моляться Богу.
Прылитайте жъ, мои люби!
Тыхымы речамы
Прывитаю васъ, якъ дитокъ,
И заплачу зъ вамы.

МОИМЪ СОУЗНЫКАМЪ.

Згадайте, братія моя,
(Бодай те лыхо не верталось!)
Якъ вы гарнесенько и я
Изъ-за решоткы вызыралы
И, певне, думалы: „колы—
На раду тыху, на розмову—
Колы мы зійдемося знову
На сій зъубоженій земли?“
Николы, братія, николы!...
Зъ Днипра у-купи не пьемо,
Розійдемось, рознесемо
Въ степы, въ лисы свою недолю,
Повируемъ ще трохы въ волю,
А потимъ жыты почнемо
Мижъ людьмы, якъ люде.

А покы те буде,
Любитеся, браты мои,
Украйну любите,
И за неи безталанну
Господа молите.
И ѐго забудьте, другы
И не проклынайте,
И мене въ неволи лютій
Инколы згадайте ..

Въ неволи тяжко, хоча й воли—
Сказать по-правди—не було;
Та все-такы якось жылось—
Хоть на чужому, та на поли...

Теперъ же злои тіи доли,
Якъ Бога, ждаты довелось.
И жду іи, и выглядаю,
Дурный свій розумъ проклынаю,
Що дався дурнямъ одурыть,
Въ калюжи волю утопыть.
Холоне сердце, якъ згадаю,
Що не въ Украйни поховають,
Що не въ Украйни буду жыть,
Людей и Господа хвалыть.

Не спалося; а ничъ, якъ море,—
Хочь діялось не въ- осены,
Такъ у неволи. До стины
Не заговорышъ ни про горе,
„Ни про младенческіе сны".
Верчуся, свиту дожыдаю;
А за дверыма про свое
Солдатское нежытіе
Два часовыи розмовляють.

Перший

Така ухабиста собой,
И меньше бѣлой не дарила;
А баринъ бѣдненькой такой.
Меня-то, слышь, и подсмотрили;
Свезли въ Калугу и забрили
Такъ вотъ-тѣ случай-то какой!

Другый.

А я... ажъ страшно, якъ згадаю...
Я самъ пишовъ у москали.
Такы жъ у нашому сели

Назнавъ я дивчыну. Вчащаю
И матиръ удову еднаю;
Такъ панъ заклятый не дае.
Мала, каже,—нехай диждуся.
Я, знай, вчащаю до Ганнуси.
На той рикъ знову за свое:
Пишовъ я зъ матирью просыты.
„Шкода, каже, и не просы!
Пятьсотъ, каже, колы дасы,
Беры хочъ заразъ". Що робыты?
Головко бидна! Позычать?
Та хто таку позычыть сылу!
Пишовъ я, брате, зароблять.
И де вже ногы не носылы!.
Покы ти грошы заробывъ,
Я годивъ зо-два проходывъ
По Чорноморіи, по Дону;
И подарункивъ накупывъ
Найдорогійшыхъ. Отъ, вертаюсь
Въ село до дивчыны въ-ночи;
Ажъ тилько маты на печи,
Та й та сердешна умирае,
А хата пусткою гные.
Я выкресавъ огню; до неи—
Одъ неи пахне вже землею,
Уже й мене не пизнае.
Я до попа та до сусиды:
Прывивъ попа, та не заставъ—
Вона вже вмерла Нема й слиду
Моеи Ганны. Я спытавъ
Такы сусиду про Ганнусю.
„Хиба ты й доси ще не знаешъ?
Ганнуся на Сибиръ пишла.
До паныча, бачышъ, ходыла,
Покы дытыну прывела,
Та у крыныци й затопыла".
Неначе згага запекла...
Я ледве, ледве выйшовъ зъ хаты.

Ще не свитало. Я въ палаты
Пишовъ зъ ножемъ—не чувъ земли.
Ажъ паныча вже одвезлы
У школу въ Кыивъ. Отъ якъ, брате!
Осталыся и батько, й маты,
А я пишовъ у москали.
И доси страшно, якъ згадаю:
Хотивъ палаты запалыть,
Або себе занапастыть.
Та Богъ помылувавъ. А знаешъ,
Его до насъ перевелы
Изъ арми, чи що?

Перший.

Такъ-что-же?
Ну, вотъ теперь и приколи!

Другий.

Нехай соби... а Богъ поможе.
И такъ забудеться колысь.

Воны ще довго говорылы;
Я ставъ передъ-свитомъ дримать,
И панычи мени прыснылысь,
И не далы, пагани, спать.

Одынъ у другого пытаемъ:
На що насъ маты прывела —
Чи для добра, чи то для зла?
На-що жывемъ? Чого бажаемъ?
И не дознавшысь, умираемъ,
А покыдаемо дила.

Яки жъ мене, мій Боже мылый,
Дила осудять на земли?

Бодай ти диты не рослы,
Тебе святого не гнивылы.
Що у неволи народылысь
И стыдъ на тебе понеслы.

Самому чудно. А де-жъ дитысь,
Що дяты и що почать?
Людей и долю проклынать
Не вартъ, ій-Богу! Якъ же жыты
На чужыни, на самоти,
И що робыты взаперти?
Якъ-бы кайданы перегрызты,
То грызъ по троху бъ.. Такъ не ти,
Не ти ихъ ковали кувалы,
Не такъ зализо гартувалы,
Щобъ перегрызты. Горе намъ,
Невольныкамъ и сыротамъ,
Въ степу безкраимъ за Ураломъ!

Сонце заходыть; горы чорнють;
Пташечка тыхне; поле нимiе;
Радють люде, що одпочынуть;
А я дывлюся, и серцемъ лыну
Въ темный садочекъ на Украину;
Лыну я, лыну, думу гадаю,
И нибы серце одпочывае.
Чорнiе поле, и гай, и горы,
На сыне небо выходыть зоря.
Ой зоре, зоре!—и слёзы кануть—
Чи ты зiйшла вже и на Украйни?

Чи очи кари тебе шукають
На неби сынимъ, чи забувають?
Колы забулы — бодай заснулы,
Про мою доленьку щобъ и не чулы.

Привыкне, кажуть, собака за возомъ
бигты, то бижыть и за саньмы —

То такъ и я теперъ пышу:
Папиръ тилько, черныло трачу.
А першъ (ій-Богу, не брешу!)
Згадаю що, чи що побачу,
То такъ утну, що ажъ заплачу;
И нибы самъ перелечу
Хочъ на годыну на Вкраину;
На неи гляну, подывлюсь,
И мовъ добро кому зроблю—
Такъ любо серце одпочыне.
Якъ бы сказать, що не люблю,
Що я Украйну забуваю,
Або лукавыхъ проклынаю
За те, що я теперъ терплю.—
Ій-Богу, братія, прощаю
И Мылосердому молюсь,
Щобъ вы лыхымъ чымъ не згадалы.
Хочъ я вамъ крывды не робывъ,
Та все такы мижъ вамы жывъ,
То може де-що и осталось.—

Чи мы ще зійдемося знову,
Чи вже на-викы розійшлысь,
И слово правды и любови
Въ степы, вертепы понеслы?
Нехай и такъ!... Не наша маты,
А довелося поважаты.
То — воля Господа!... Годить,
Смыритеся, молитесь Богу
И згадуйте одынъ другого,
Свою Украину любить;
Любить іи, бо время люте...
Въ останню, тяжкую мынуту
За неи Господа молить!

КНЯЖНА

Зоре моя вечирняя,
Зійды надъ горою,
Поговорымъ тыхесенько
Въ неволи съ тобою.
Розскажы, якъ за горою
Сонечко сидае;
Якъ у Днипра веселочка
Воду позычае;
Якъ шырока сокорына
Виты роспустыла,
А надъ самою водою
Верба похылылась—
Ажъ по води розистлала
Зеленыи виты,
А на витахъ гойдаються
Нехрещени диты;
Якъ у поли на могыли
Вовкулакъ ночуе,
А сычъ въ лиси, та на стриси
Недолю вищуе;
Якъ сонъ-трава пры долыни
Въ-ночи росцвитае...
А про людей .. та нехай имъ!
Я ихъ, добрыхъ, знаю,
Добре знаю!... Зоре моя.
Мій друже едыный
Ты не знаешъ, що діеться
Въ насъ на Украини,
А я знаю и розскажу
Тоби — й спать не ляжу,
А ты завтра тыхесенько
Богови розскажешъ

Село! и серце одпочыне.
Село на нашій Украини—
Неначе пысанка. Село
Зеленымъ гаемъ поросло;
Цвитутъ сады; билють хаты,
А на гори стоять палаты,
Неначе дыво; а кругомъ
Шыроколыстыи тополи,
А тамъ и лисъ, и лисъ, и поле,
И сыни горы за Днипромъ...
Самъ Богъ витае надъ селомъ!

Село! село! Весели хаты!
Весели здалека палаты —
Бодай вы терномъ порослы!
Щобъ люды й слиду не найшлы,
Щобъ и не зналы, де й шукаты!

Въ тому господнёму сели,
На нашій славній Украини,
Не знаю де воны взялысь,
Прыблуда князь, була й княгыня.
Ще молоди соби булы,
Жылы сами; булы багати·
Высоки на гори палаты,
Чималый у яру ставокъ,
Зеленый на гори садокъ.
И вербы, и тополи,
И витрякы на поли,
И доломъ геть — соби село
По надъ водою простяглось.

Колысь тамъ весело було:
Бувало литомъ и зимою
Музыка тне; выно рикою
Гостей несытыхъ налыва;
А князь ажъ сынїй похожае,
Та самъ несмилымъ налывае,

Та ще й покрыкуе: „виватъ!“
Гуляе князь, гуляють гости—
И покотылысь на помости...
А завтра знову ожыва,
И знову пье, и зновъ гуляе..
И такъ за днямы день мынае.
Мужыцькы души ажъ пыщать:
Судовыкы благають Бога...
Пьяныцѝ, знай соби, крычать:
— „И патріотъ' и братъ убогыхъ'
Нашъ славный князь! Виватъ! Виватъ!
А патріотъ, убогыхъ братъ,
Дочку й телычку однимае
У мужыка...— и Богъ не знае
А може знае та мовчыть!
Княгыня взаперти сыдыть
Іи и въ сины не пускае
Убогыхъ братъ. А що-жъ робыть?
Сама втекла и повинчалась,
И батько, й маты не пускалы,
Казалы: „въ гору не залазь!“
Такъ ни—за князя! Отъ и князь!
Отъ и пышайсь теперъ, княгыне!
Загынешъ, серденько, загынешъ,
Мовъ рястъ весною у ночи;
Засхнешъ, не знатымешъ ничого;
Не знатымешъ, якъ хвалять Бога,
Якъ люде люблять жывучы.
А жыть такъ, Господы, хотилось!
Хотилось любыты,
Хоть годочокъ, хоть часочокъ,
На свитъ подывытысь.
Не довелось. — а все було,
Всего понадбала
Стара маты. Саму тебе
Мовъ намалювала:
Хочъ молысь передъ тобою,
Мовъ передъ святою.

Красо моя молодая,
Горенько съ тобою!
Жыть бы, жыть, та славыть Бога
И добро творыты,
Та Божою красотою
Людей веселыты —
Такъ-же ни! А молодыи
Та карыи очи,
Щобъ марнилы въ самотыни...
Може, Богъ такъ хоче?
Боже! Боже! даешъ волю
И розумъ на свити,
Красу даешъ, серце чысте,
Та не даешъ жыты...
Не даешъ на рай веселый,
На свитъ твій велыкый
Надывытысь, намолытысь
И заснуть на викы.

Не весело на свити жыть,
Колы нема кого любыть,
Оттакъ и ій, одній, едыній,
Ще молодій моій княгыни,
Красу и сердце засуныть
И марно сгынуть въ самотыни —
Ажъ страшно. А вона молылась
И жыть у Господа просылась,
Бо буде вже кого любыть.
Вона вже матирью ходыла,
Уже пышалась и любыла
Свое дытя; и давъ дожыть
Господь ій радости на свити —
Узрить его, поцилувать
Свое едынее дытя,
И першый крыкъ ёго почуты...
Охъ! диты! диты! диты!
Велыка Божа благодать!

Слезы высохлы, пропалы,
Сонце просіяло,
И княгиня зъ дытыною
Не тіею стала:
Нибы на свитъ народилась,
Гралась, веселылась,
И княжни своій маленькій
Сорочечкы шыла,
И маленьки рукавчята
Шовкомъ вышывала,
И купала, й колыхала,
Сама й годувала:
Бо княгыни тилькы вміють
Прывесты дытыну,
А годувать, та доглядать
Не вміють княгыни;
А потимъ оха: „забувае
Мене мій Поль, або Филатъ“
За що-жъ воно тебе згадае —
За те хиба, що прывела?
А моя свою дытыну
Сама доглядала,
А пьяного свого князя
И не допускала
Мовъ яблучко у садочку,
Кохалась дытына;
И говорыть уже стала,
И вчыла княгыня
Тилько „мамо“ вымовляты,
А „тато“ не вчыла...
И кныжечокъ зъ куштыкамы
Въ Ромни накупыла,
Забавляла, розмовляла,
И Богу молытысь
И азбуку по куштыкахъ
Заходылась вчыты;
И що Божый день купалась,
Рано спаты клала

А жабы крякають, гудуть.
Дывитесь очи, молодыи,
Якъ зори Божыи встають,
Якъ сходыть мисяцъ, червоніе,
Дывитеся, покы васъ гріе,
А зори спаты не дають.
Головою молодою
На руку схылылась,
До-пивночи невесела
На зори дывылась
Княжна моя. Дывылася,
Та й плакаты стала.
Може, серце яке лыхо
Тыхо прошептало...
Та байдуже; поплакала
Трошкы, усмихнулась,
Помолылась, та й спать лягла,
И тыхо заснула.

Въ гаю все покотомъ лежало—
Пляшкы и гости: де що впало,
Тамъ и осталось. Самъ не впавъ,
Остатню каплю допывавъ;
Та й ту допывъ. Встае, не пада!
Иде въ покои.
Скверный гаде,
Куды ты лизешъ? Схаменысь!
Не схаменувся Ключъ выймае,
Прыйшовъ и двери одмыкае,
И лизе до дочкы. Прокыньсь,
Прокыньсь, чыстая! Схопысь,
Убый гадюку — покусае!
Убый—и Богъ не покарае.
Якъ тая Ченчю колысь
Убыла батька кардынала...
Ни, не прокынулася — спыть.
А Богъ, хочъ бачыть, та мовчыть,
Грихамъ велыкымъ потурае...

Не чуть ничого. Часъ мынае,
А потимъ крыкъ, а потимъ гвалтъ,
И плачъ почулы изъ палатъ.
Почулы совы; потимъ знову
Не чуть ничого.
И въ той часъ
Скырты и клуня зайнялысь
И зори зныклы. Хочъ бы слово,
Хочъ бы де голосъ обизвавсь.
Паны въ гаю не ворушылысь,
А люде сбиглысь, та дывылысь,
Якъ дымъ до неба пидіймавсь

Прокынулысь въ-ранци гости;
Ажъ бачять що лыхо —
Покынулы свого князя,
Та любо, та тыхо.
Такъ и мы его покынемъ,
Такъ и Богъ покыне.
Тебе тилько не покыне
Лыхая годына,
Княжно моя безталанна,
Знивеченый цвите.
Ты ще будешъ покутоватъ
Грихы на симъ свити,
Грихы батьковы. О, доле,
Лукавая доле!
Покынь ім хоть на старисть
Хоть на чужимъ поли,
На безлюдди Не покынешъ,
Поведешъ до краю,
До самои домовыны,
Сама й поховаешъ.

Въ сели не бачылы й не чулы
Де вона подилась.
Думалы — на пожарыщи
Небога сгорила

Стоить село. Невесело
На гори палаты
Почорнилы. Князь хыріе,
Нездужае встаты;
А пидвесты нема кому—
Нихто й не загляне
До грешного болящого
Въ будынкы пагани.
Люде трохы очунялы;
Господа благають,
Щобъ княжна до ихъ вернулась,
А іи немае
И не буде вже, святои.
Дежъ вона подилась?
У Кыевы пресвятому
Въ черныци пострыглась.
Родылась на свитъ жыть, любыть,
Сіять Господнею красою
Витать надъ грешнымы святою,
И всякому добро творыть,—
А сталось ось якъ: у черныцяхъ
Занапастылося добро.

Блукаючы по Украини,
Прыбывсь якось я въ Чыгырынъ
г ырь отой дивочый,
Що за пискамы, на болоти,
У лозахъ, самотный стоить.
Отамъ мени и розсказала
Стара черныця новыну,
Що въ манастырь до ихъ зайшла
Княжна якась изъ-за Днипра
Позаторикъ. Одпочывала,
Та й Богу душу оддала.
Вона була ще молодою
И прехорошая собою;
На сонци дуже запеклась,
Та й занедужала. Лежала

Недовго щось, седьмыци зъ тры,
И все до крыхты розсказала
Мени и Ксеніи сестри,
И вмерла въ пасъ. И де ходыла,
Въ якыхъ то праведныхъ мистахъ,
А въ насъ сердешна опочыла...
Оце іи свята могыла...
Ще не поставылы хреста.

Колыжъ яке поквапыться,
То ныщечкомъ, брате,
Нехай соби у куточку
И виршуе, й плаче
Тыхесенько, щобъ Богъ не чувъ,
Щобъ и ты не бачывъ,
Щобъ не довелося, брате,
И ему каратысь,
Якъ я теперь у неволи
Караюся, брате ..
Неначе злодій, по за валамы
Въ недилю крадуся я въ поле,
Таламы выйду по-надъ Ураломъ
На степъ шырокый, мовъ на волю.
И болящее, побыте
Серце стрепенеться,
Мовъ рыбонька надъ водою;
Тыхо усмихнеться
И полыне голубкою
По надъ чужымъ полемъ.—
И я нибы ожываю
На поли, на воли...
И на гору высокую
Выхожу, дывлюся—
И згадую Украину—
И згадать боюся...
И тамъ степы, и тутъ степы,
Та тутъ не такыи—
Руди, руди ажъ червони,
А тамъ голубыи,
Зеленыи, мережани
Нывамы, ланамы,
Высокымы могыламы,
Темнымы лугамы...
А тутъ бурьянъ, пискы, талы,
И хочъ бы на-смихъ де могыла
О давнимъ давни говорыла.
Неначе люде не жылы.

Одъ споконъ-вику и до ныни
Ховалась одъ людей пустыня,
А мы такы іи знайшлы...
Уже й твердыни поробылы,
Затого будуть и могылы—
Всего наробымо колысь!...
О моя доле! моя Краино!...
Чи я то вырвусь зъ ціи пустыни?...
Чи може (крый, Боже!)
Тутъ и загыну...
И почорніе червоне поле...
Айда въ казармы, айда въ неволю!
Неначе крыкне хто надо мною,—
И я прокынусь. По за горою
Вертаюсь, крадуся, по надъ Ураломъ
Неначе злодій той по за валамы.
Оттакъ я, друже мій, святкую
Оттутъ недиленьку святую!
А понедилокъ! Друже-брате!
Прыходыть ничъ въ смердячу хату,
Осядутъ думы; розибьють
На сто кратъ серце и надію,
И те, що вымовыть не вмію—
И все на свити проженуть,
И спынять ничъ: часы—литамы,
Викамы глухо потечуть...
И я кровавымы слёзамы
Не разъ постелю омочу.
Переличу и дни, и лита,
Кого я, де, колы любывъ;
Кому яке добро зробывъ?
Никого въ свити, никому въ свити!
Неначе по лису ходывъ.
А малась воля, малась сыла!
Та сылу позычкы зносылы,
А воля въ гостяхъ упылась,
Въ степу, небога, заблудыла
Та й упываться зареклась.

Не поможе, мылый Боже!
Якъ то кажутъ люде:
„Буде каяття на свити
Вороття не буде“.,
Благаю Бога, щобъ свитало;
Мовъ воли, сонця, свиту жду ..
Цвиркунъ замовкне; зорю бьють—
Благаю Бога, щобъ смеркало!
Бо на позорыще ведуть
Старого дурня муштруваты,
Щобъ знавъ, якъ волю шануваты,
Щобъ знавъ, що дурня всюды бьють...
Мынають лита молодыи,
Мынула доля, а надія
Въ неволи знову за свое,
Зо мною знову лыхо діе
И серцю жалю завдае:
А може, ще добро побачу,
А можѐ лыхо переплачу,
Воды Днипровои напьюсь,
На тебе, друже, подывлюсь?
И, може, въ тыхій твоій хати
Я буду знову розмовляты
Зъ тобою, друже мій... Боюсь!..
Боюся самъ себе спытаты,
Чи се колы сподіеться?
Чи може вже зъ неба
Подывлюсь на Украину,
Подывлюсь на тебе...
А иноди такъ бувае,
Що й слезы не стане—
П благавъ бы я о смерти —
Такъ тая Украйна
И Днипро крутоберегый
И ты, друже—брате,
Не даете мени Бога
О смерти благаты!

Мени однаково, чи буду
Я жыть въ Украини, чи ни
Чи хто згадае, чи забуде
Мене въ снигу, на чужыни—
Однаковисенько мени.
Въ неволи вырисъ мижъ чужымы,
И, не оплаканый своимы,
Въ неволи, плачучы умру
И все зъ собою заберу,
Малого слиду не покыну
На нашій славній Украини,
На нашій не своій земли.
И не помьяне батько зъ сыномъ,
Не скаже сынови: „молысь..,
Молыся сыну! За Вкраину
Его замучоныи колысь".
Мени однаково, чи буде
Той сынъ молытыся, чи ни..
Та не однаково мени,
Якъ Украину злыи люде
Прысплять, лукави; и вь огни
Іи окраденную збудять...
Охъ, неоднаково мени!

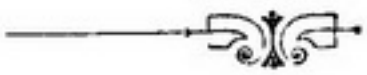
— — —

Мени трынадцятый мынавъ.
Я пасъ ягнята за селомъ.
Чи то такъ сонечко сіяло,
Чи такъ мени чого було —
Мени такъ любо, любо стало,
Неначе въ Бога .
Уже проклыкалы до паю,
А я соби у бурьяни

Молюся Богу; и не знаю,
Чого маленькому мени
Тоди такъ прыязно молылось,
Чого такъ весело було.
Господне небо и село,
Ягня, здається, веселылось.
И сонце грило—не пекло.

Та недовго сонце грило,
Недовго молылось:
Запекло, почервонило
И рай запалыло.
Мовъ прокынувся! Дывлюся:
Село почорнило,
Боже небо голубее
И те помарнило.
Поглянувъ я на ягнята—
Не мои ягнята;
Обернувся я на хаты —
Нема въ мене хаты.
Не давъ мени Богъ ничого!
II хнынулы слезы,
Тяжки слезы... А дивчына,
Пры самій дорози,
Недалеко коло мене,
Плоскинь выбирала,
Та й почула, що я плачу.
Прыйшла, прывитала,
Утырала мои слёзы
И поцилувала.,.
Неначе сонце засіяло,
Неначе все на свити стало
Мое—ланы, гаи, сады...
И мы, жартуючы, погналы
Чужи ягната до воды.
Брыдьня!... а й доси, якъ згадаю,
То сердце плаче, та болыть.
Чому Господь не давъ дожыть

Малого вику у тимъ раю!
Умеръ бы, орючы на ныви,
Ничого бъ на свити не знавъ,
Не бувъ бы въ свити юродывымъ
Людей ~~бы~~ и вогда бъ не проклявъ.



СОНЪ.

Горы мои высокыи!
Не такъ высокыи,
Якъ хороши, хорошыи,
Блакытни здалека—
Зъ Переяслова старого,
Зъ *Выблои-могылы*,
Ще старшои, мовъ ти хмары,
Що за Днипромъ силы.
Иду я тыхою ходою,
Дывлюсь—ажъ онъ передо мною,
Неначе дыва, вырынають
Обрывъ высокый, гай, байракъ;
Хаткы биленьки выглядають,
Мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ
У пижмуркы въ яру гуляють;
А доли сывый нашъ козакъ—
Днипро зъ лугамы выгравае,
А онъ-де, онъ-де за Днипромъ,
На прыгори, нибы каплычка,
Козацька церква невелычка
Стоить зъ похыленымъ хрестомъ.
Давно стоить: выглядае
Запорожця зъ Лугу;
Зъ Днипромъ своимъ розмовляе,
Розважае тугу.
Оболонкамы старымы,
Мовъ мертвець очыма
Зеленымы, позырае
На свитъ зъ домовыны.
Може, чаешь оновлення?
Не жды тіи славы:
Твои люде окрадени.
А панамъ лукавымъ

На що здалась козацькая
Великая слава?..
И Трахтемыривъ геть горою
Печепурни свои хатки
Роскыдавъ зъ долею лыхою,
Мовъ пьяный старець торбынки.
А онъ—старе Манастырыще,
Колысь козацькее село.
Чи те воно тоди було?
Та все пошло . . . на грыще:
И запорожже, и село,
И манастырь святый, скарбныця—
Все, все несыти рознеслы.
А вы, вы, горы, отдалы...
Бодай николы не дывыться,
На васъ, проклятыи..;. Ни, ни!
Не вы прокляти, а гетьманы,
Усобныкы ляхы погани...
Простить, высокыи, мени
Высокыи и голубыи,
Найкращи въ свити, найсвятыи!
Простить!.. Я Богу помолюсь...
Я такъ іи, я такъ люблю,
Мою Украину убогу...
. . . . . .
За неи душу погублю!

Надъ Трахтемыровымъ высоко
На кручи, нибы сырота
Прыйшла топытыся въ глыбокимъ
Въ Днипри шырокому,—оттакъ
Стоить одныимъ-одна хатына.
Зъ хатыны выдно Украину
И всю Гетьманщыну кругомъ.
Пидъ хатою дидусь сывенькый
Сыдыть; и сонечко нызенько
Уже спустылось надъ Днипромъ.
Сыдыть, и дывыться, и дума,

А слезы капають. „Гай-гай!“
Старый промовывъ: „недоумы!
Занапастылы Божый рай!

Гетьманщына!.. „И думнее
Чоло похмарнило:
Мабудь, щось тяжке, тяжкее
Вымовыть хотилось,
Та не вымовывъ...

Блукаръ я по свиту, чи мало
Насавъ и святу и мунаръ
На що вче мало? За Уралъ
Оттымъ Кыргызамъ, отъ-чсь й далъ.
Ий же бо, лучше чекать,
Ничечь нам на Вкраїни!
А менше тамъ що Кыргызы
Ще не християне?
Народнеъ то, Христе, мимо,
А перемначоеъ.
Людей вочежъ?

. . . . Котылыся
И наши козачи
Дурни головы за правду,
За виру Хрыстову,
Упывалыся й чужои
И своеи крови;
А получчалы? Ба! де то,—
Ще гиршымы сталы!
Безъ ножа и авто-да-фе
Людей закувалы,
Та й мордують... Ой, ой, паны,
Паны-хрыстіяне.
Затыхъ мій сывый, бытый тугою,
Поныкъ старою буй-головою.
Вечерне сонечко гай золотыло,
Днипро и поле золотомъ крыло;
Соборъ Мазепынъ сяе-биліе,
Батька Богдана могыла мріе;

Кыевськымъ шляхомъ вербы похыли;
Требратни давни могылы вкрылы;
Зъ Трубайломъ Альта мижъ осокою
Зійшлысь, зъеднались, мовъ братъ зъ сестрою.
И все те, все те радуе очи,
А серце плаче — глянуть не хоче!

Попрощалось ясне сонце
Зъ чорною землею;
Выступае круглый мисяць
Зъ сестрою зарею,
Выступають изъ за хмары, —
Хмары звеселылы,
А старый мій подывывся —
Слёзы покотылысь.
„Молюсь Тоби, Боже мылый,
Господе велыкый,
Що не давъ мени загынуть,
Небесный владыко!
Що давъ мени добру сылу
Пересылыть горе,
И прывивъ мене, старого,
На си святи горы
Одынокый викъ дожыты,
Тебе восхвалыты,
И Твосю красотою
Серце веселыты,
И поховать побытее
Грихамы людськымы,
На горахъ оцихъ высокыхъ,
И витать надъ нымы“.
Утеръ слёзы нехолодни,
Хочъ немолодыи,
И згадувавъ лита свои,
Давніи благіи:
Де, якъ, колы и що робылось;
Було що справди, а що снылось;
Яки моря переплывавъ;

И темный гаекъ зелененькый,
И чорнобривка молоденька,
И мисяць зъ зорямы сіявъ,
И соловейко на калыни
То затыхавъ, то щебетавъ,
Святого Бога выхвалявъ.
И все то, все то въ Украини!
И усмихнувся сывый дидъ:
Бо, може, — нигде правды дить —
Було таке, що й женыхалысь,
Та розійшлыся, не побралысь:
Покынула самого жыть,
Въ хатыни вику дожыватъ.
Старый мій знову зажурывсь;
Ходывъ довгенько коло хаты,
А потимъ Богу помолывсь,
Пишовъ у хату ночуватъ,
А мисяць хмарою повывсь.
Оттакый то на чужыни
Сонъ мени прыснывся, —
Нибы знову я на волю,
На свитъ народывся.
Дай-же, Боже, колы-небудь,
Хочъ на старисть, статы
На тыхъ горахъ окраденыхъ,
У маленьый хати;
Хоча серце замучене,
Поточене горемъ,
Прынесты и положыты
На Днипровыхъ горахъ,

Н. И. КОСТОМАРОВУ *)

Веселе сонечко ховалось
Въ веселыхъ хмарахъ весняныхъ;
Гостей закованыхъ своихъ
Сердешнымъ чаемъ напувалы
И часовыхъ переминялы —
Сынемундырныхъ часовыхъ...
И до дверей, на ключъ замкнутыхъ,
И до решоткы на викни
Прывыкъ я трохы, и мени
Не жаль було давно одбутыхъ,
Давно похованыхъ, забутыхъ,
Моихъ тяжкыхъ, кривавыхъ слёзъ;
А ихъ чимало розлылось
На марне поле. Хочъ бы рута,
А то ничого не зійшло!
И я згадавъ свое село,
Кого я тамъ, колы покынувъ?
И батько, й маты въ домовыни!
И жалемъ серце запеклось,
Що никому мене згадаты!
Дывлюсь... твоя, мій брате, маты
Чорнійше чорнои земли
Иде, зъ хреста неначе знята...
Молюся!.. Господы, молюсь!
Хвалыть тебе не перестану,
Що я ни зъ кымъ не подилю
Мою тюрму, мои кайданы!..

*) Надруковано у Р. Стар. 1880 р № 3.

1848.

А нумо знову виршувать,
Звычайне нышкомъ. Шумо знову,
Покы новынка на основи,
Старынку Божу лыцювать,
А сиричъ... якъ бы вамъ сказать,
Щобъ не збрехавшы... Нумо знову
Людей и долю проклынать.
Людей за те, щобъ насъ зналы,
Та насъ шанувалы;
Долю за те, щобъ не спала,
Та насъ доглядала.
А то, бачъ, що наробыла:
Кынула малого
На роспутти, та й байдуже,
А воно убоге,
Молодее, сывоусе —
Звычайне дытына —
И подыбало тыхенько
По-пидъ чужымъ тыномь
Ажъ за Уралъ... Опынылось
Въ пустыни, въ неволи...
Якъ же тебе не проклынать,
Лукавая доле?
Не прокляну жъ, тебе доле.
А буду ховатысь
За валамы, та ныщечкомъ
Буду виршуваты,

Нудыть свитомъ, сподиватысь
У-гости въ неволю
Изъ-за Днипра шырокого
Тебе, моя доле!

Та не дай, Господы, никому,
Якъ мени теперъ старому,
У неволи пропадаты,
Марне лита коротаты.

Ой пиду я степомъ, лугомъ
Та розважу свою тугу!
— „Не йды, кажуть, зъ цiи хаты!“
Не пускають погуляты!

Огни горять, музыка грае,
Музыка плаче, завывае!
Алмазомъ добрымъ, дорогымъ
Сiяють очи молодыи,
Витае радость и надiя
Въ очахъ веселыхъ. Любо имъ,
Очамъ негришнымъ, молодымъ!
И вси регочуться, смiються,
И вси танцюють. Тилько я,
Неначе заклятый, дывлюся
И нышкомъ плачу, плачу я.
Чого жъ я плачу? Мабудь шкода,
Що безъ прыгоды, мовъ негода,
Мынула молодость моя.

Не для людей и не для славы,
Мережани та кучеряви
Оци вирши виршую я —
Для себе, братія моя.
Мени легше въ неволи,
Якъ я ихъ складаю:
Зъ-за Днипра, мовъ, далекого
Слова прылитають
И стелються на папери,
Плачучы, сміючысь,
Мовъ ти диты, и радують
Мою сиру душу,
Убогую... Любо мени,
Любо мени зъ нымы,
Мовъ батькови багатому
Зъ диткамы малымы.
И радый я, и веселый,
И Бога благаю,
Щобъ не прыспавъ моихъ дитокъ
Въ далекому краю:
Нехай летять додомоньку
Легенькыи диты,
Та розскажуть — якъ то тяжко
Було имъ на свити...
И въ семьи веселій, тыхій
Дитей прывитають,
И сывою головою
Батько покывае;
Маты скаже: бодай тыи
Диты не родылысь;
А дивчына подумае:
Я ихъ полюбыла.

Орская крѣпость,
1848 г.

ВАРНАКЪ.

Тыняючысь на чужыни
По надъ Элекомъ, стривъ я дида
Вельмы старого. Нашъ землякъ
И недомученый варнакъ
Старый той бувъ. Та у недилю,
Якось у поли мы зострилысь,
Та й забалакалысь. Старый
Згадавъ свою Волынь святую
И волю — долю молодую,
Свою бувальщыну. И мы
Въ трави за валомъ посидалы
И розмовлялы, сповидалысь
Одынъ другому: „Довгый викъ!“
Старый промовывъ, „Все отъ Бога.
Одъ Бога все! А самъ ничого
Дурный не вдіе чоловикъ!
Я самъ, якъ бачышъ, марно, всуе...
Я самъ занивечывъ свій викъ!
И ни на кого не жалкую,
И ни у кого не прошу я,
Ничого не прошу. Оттакъ,
Мій сыну, друже мій едыный,
Такъ и загыну на чужыни,
Въ неволи. И старый варнакъ
Заплакавъ нышкомъ.—Сывый брате!
Покы жыве надія въ хати,
Нехай жыве, не выганяй!
Нехай пустку нетоплену
Иноди нагріе;
И потечуть зъ очей старыхъ
Слезы молодыи;
И, умытее слезамы,
Серце одпочыне

И полыне изъ чужыны
На свою краину.

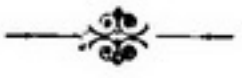
„Багато де чого не стало,“
Сказавъ старый: „Воды чимало
Изъ Ивкы въ море утекло...
Надъ Ивкою було село.
У тимъ сели на безталання
Та на погыбель вырисъ я...
Лыхая доленько моя!
У нашои старои пани
Малыи паничи булы,
Такы однолиткы зо мною.
Вона й бере мене въ покои
Сынкамъ на выграшку. Рослы,
Рослы панята, выросталы.
Якъ ти щенята, покусалы
Не одного мене, мали.
Оттожъ и вчыты почалы
Письму панятъ. На безголовье
И я учуся. Слизьмы, кровъю
Письмо те полылося! Насъ,
Дешевшыхъ панськои собакы,
Письму учыты!?
Молытыся Богу
Та за раломъ спотыкатысь,
А бильше ничого
Неповыненъ знать невольныкъ,—
Така ёго доля!
Оттожъ и вывчывся я, вырисъ,
Прошу соби воли —
Не дае, и въ москали,
Проклята, не голыть!
Що тутъ на свити робыты?
Пишовъ я до рала,
А паничивъ у гвардію
Поопредилялы...

Годына тяжкая настала,
Насталы тяжкыи лита!
Оттожъ працюю я за раломъ.
Я бувъ убогый сырота,
А у сусиды выростала
У наймахъ дивчына, И я ..
О, доле, доленько моя!
О Боже мій! О мій едыный!
Воно тоди було дытына,
Воно... Не намъ твои дила
Судыть, о, Боже нашъ велыкый!
Оттожъ вона, мени на лыхо
Та на погыбель, пидросла.
Не довелося й подывытысь...
А я вже думавъ одружытысь,
И веселытыся, и жыть,
Людей и Господа хвалыть...
А довелося...
Накупылы
И краму, й пыва наварылы —
Не довелося тилько пыть.
Старои пани бахуръ сывый
Окравъ той крамъ, розлывъ те пыво,
Пустывъ покрыткою... Дарма!
Мынуло... годи!... Не до ладу
Теперъ и згадувать! Нема,
Нема, мынулося, пропало...
Покынувъ ныву я и рало,
Покынувъ хату и городъ —
Усе покынувъ. Чортъ нарадывъ,
Пишовъ я въ пысари въ громаду.
То сякъ, то такъ мынае годъ...
Пышу соби, зъ людьмы братаюсь
Та добрыхъ хлопцивъ добираю.
Мынувъ и другый. Панычи
На третте лито позъизжалысь,
Уже засватани. Жылы,
Въ двори гулялы, въ карты гралы,

Та молодыхъ дивчатъ въ сели,
Мовъ бугаи, перебиралы,—
Звычайне панычи. Ждемо.
И мы ждемо весилля.
Оттожъ у клеччану недилю
Ихъ и повинчано обохъ,
Такы въ домашнему костели,—
Воны ляхы булы. Николы
Ничого кращаго самъ Богъ
Не бачывъ на земли велыкій,
Якъ молодіц ти булы...
Заграла весело музыка—
Ихъ изъ костелу повелы
Въ возобновленныи покои...
А мы й зострилы ихъ и всихъ
Княжатъ, панятъ и молодыхъ—
Всихъ переризалы. Рудою
Весилля вмылося. Не втикъ
Ниже едыный католыкъ—
Вси поляглы, мовъ поросята
Въ багни смердячому. А мы,
Упоравшысь, пишлы шукаты
Новои хаты; и найшлы
Зелену хату и кимнату
У гаи темному. Въ лугахъ,
Въ степахъ шырокыхъ въ байракахъ
Крутыхъ, глыбокыхъ — всюды хата!
Було де въ хати погуляты
И одпочыты де було.
Мене господаромъ обралы.
Семъя моя що-день росла
И вже до сотни доростала.
Мовъ поросяча кровъ лылась!
Я ризавъ все, що паномъ звалось,
Безъ мылосердія и зла,
А ризавъ такъ. И самъ не знаю,
Чого хотилося мени?
Ходывъ тры годы я зъ ножамы,

Неначе пьяный той ризныкъ
До слезъ, до крови, до пожару —
До всего, всего я прывыкъ.
Було, мовъ жабу, ту на спыси,
Спряжешъ дытыну на огни,
Або панянку билолыцю
Розипнешъ голу на кони,
Та й пустышъ въ степъ'.
Всего, всего тоди бувало —
И все докучыло мени...
Одуривъ я, тяжко стало
У вертепахъ жыты.
Думавъ самъ себе заризать,
Щобъ не нудыть свитомъ.
И заризавъ-бы, та дыво,
Дыво дывне сталось
Надо мною, недолюдомъ.
Вже на свитъ займалось...
Выйшовъ я зъ ножемъ въ халяви
Зъ броварського лису,
Щобъ заризаться. Дывлюся,
Мовъ на неби высыть
Святый Кыевъ нашъ велыкый'
Святымъ дывомъ сяють
Храмы Божи, нибы зъ самымъ
Богомъ розмовляють.
Дывлюся я, а самъ млію.
Тыхо задзвонылы
У Кыеви, неначе на неби...
О, Боже мій мылый'
Якый дывный Ты! Я плакавъ,
До полудня плакавъ...
Та такъ мени любо стало!
И малого знаку
Нудыгы тыи не осталось,
Мовъ переродывся ..
Подывывся кругомъ себе
И, перехрестывшысь,

Пишовъ соби тыхо въ Кыевъ
Святымъ помолытысь,
Та суда, суда людського
У людей просыты.



ЧЕРНЕЦЬ.

(*П. А. Кулишу*)

У Кыиви, на Подоли,
Було колысь, и николы
Не вернеться, що дялось,
Не вернеться сподиване...
Не вернеться... А я, брате,
Такы буду сподиватысь,
Такы буду выглядаты,
Серцю жалю завдаваты.

У Кыиви, на Подоли,
Братерськая наша воля,
Безъ холопа и безъ пана,
Сама соби у жупани,
Розвернулася весела:
Оксамытомъ шляхы стеле,
И едвабомъ застилае,
И никому не звертае.

У Кыиви, на Подоли,
Козакы гуляють:
Якъ ту воду, видромъ-цебромъ
Выно розлывають;
Лѐхы, шынкы зъ шынкаркамы,
Зъ вынамы, медамы
Закупылы Запорожци
Та й тнуть корякамы!
А музыка реве, грае,
Людей звеселяе,
А изъ Братства те бурсацьство
Мовчкы выглядае;
Нема голій школи воли,
А то бъ догодыла!..

Кого жъ то тамъ зъ музыкамы
Люде обступылы?

Въ червоныхъ штаняхъ оксамытныхъ
Матнею улыцю мете —
Иде козакъ... Охъ, лита, лита!
Що вы творыте? На то те жъ
Старый ударывъ въ закаблукы,
Ажъ встала курява. Оттакъ!
Та ще й прыспивуе козакъ:
„По дорози ракъ, ракъ,
Нехай буде такъ!
Якъ бы такы молодыци
Посіяты макъ, макъ!
Дамъ лыха закаблукамъ,
Закаблукамъ лыха дамъ,
Достанеться й передамъ!
А вже жъ тыи закаблукы
Набралыся лыха, мукы...
Дамъ лыха закаблукамъ,
Дамъ лыха закабламъ,
Достанеться й передамъ!"

Ажъ до Межыгорського Спаса
Протанцювавъ сывый,
А зъ нымъ и товарыство
И ввесь святый Кыивъ.
Дотанцювавъ ажъ до брамы
Крыкнувъ: „пугу пугу!
Прывитайте, святи ченци,
Товарыша зъ Лугу!"
Свята брама одчынылась
Козака впустылы;
И зновъ брама зачынылась,
На викъ зачынылась
Козакови.
Хто жъ цей сывый
Попрощався зъ свитомъ?

Семенъ Палій запорожець,
Лыхомъ недобытый.

Ой высоко сонце сходыть,
Нызенько заходыть.
Въ довгій ряси по келіи
Старый чернець ходыть.
Иде чернець у Вышгородъ
На Кыивъ дывытысь,
Та посыдить на прыгори,
Та хочъ пожурытысь;
Иде чернець дзвонковую [1])
У яръ воду пыты,
Та згадуе, якъ-то тяжко
Було въ свити жыты;
Иде чернець у келію
Мижъ стины нимыи,
Та згадуе лита свои —
Лита молодыи;
Бере пысьмо святе въ рукы,
Голосно чытае,
А думкою старый чернець
Далеко литае...
И тыхнуть Божыи слова...
И въ келіи, неначе въ Сичи,
Братерство славне ожыва,
А сывый гетьманъ, мовъ сова,
Ченцеви зазырае въ вичи!
Музыкы... танци... и Бердычивъ...
Кайданы брязкають... Москва...
Боры, снигы и... Енысей...
И покотылысь изъ очей
На рясу слёзы...

*) Дзвонковою крыцыня прозывається недалеко одъ манастыря.
Прим автора.

„Бый поклоны
И плоть старечу усмыряй,
Святе пысаніе чытай!
Чытай, чытай, та слухай дзвона, —
А серцеви не потурай:
Воно тебе въ Сибиръ водыло,
Воно тебе ввесь викъ дурыло,
Прыспы жъ ёго, и занехай
Свою Борзну и Хвастовщыну:
Загыне все, ты самъ загынешъ,
И не згадають щобъ ты знавъ...“

И старець тяжко зарыдавъ,
Чытать пысаніе покынувъ,
Ходывъ по келіи, ходывъ,
А потимь сивъ и зажурывся:
„Для чого жъ я на свитъ родывся,
Свою Украину любывъ?“

До утрени завывъ зъ дзвиныци
Велыкый дзвинъ; чернець мій вставъ,
Надивъ клобукъ, взявъ патырыцю,
Перехрестывся, чоткы взявъ...
И за Украину молытысь
Палій-Чернець пошкандыбавъ.

1848 Орская крѣпость.

На батька бисового трачу
И дни, и пера, и паперъ.
А иноди то ще й заплачу,
Такы ажъ надто. Не на мыръ
И на дила его дывывшысь,
А такъ, мовъ иноди упывшысь,
Дидусь сывесенькый рыда
Того, бачте, що сырота

Ой гляну я, подывлюся
На той степъ, на поле,
Чи не дасть Богъ мылосердый,
Хочъ на старисть, воли?
Пишовъ бы я въ Украину
Пишовъ бы до-дому —
Тамъ бы мене прывиталы,
Зрадилы бъ старому,
Тамъ бы я спочывъ хочъ мало,
Молывшыся Богу.
Тамъ бы я... та шкода й гадкы:
Не буде ничого!
Якъ же его у неволи
Жыты безъ надіи?
Навчить мене, люде добри,
А то одурію!

Бувае, иноди старый,
Не знае самъ того, зрадіе,
Неначе стане молодый
И заспивае, якъ уміе.
И стане ясно передъ нымъ
Надія ангеломъ святымъ
И зоря, молодость его,
Витае весело надъ нымъ.
Що жъ се зробылося зъ старымъ,
Чого зрадивъ оце? Того,
Що, бачыте, старый подумавъ
Добро якесь комусь зробыть.
А що жъ якъ зробыть! Добре жыть
Тому, чыя душа и дума
Добро навчылася любыть:

Не разъ такому любо стане,
Не разъ барвинкомъ зацвите.
Оттакъ, бувае, въ темну яму
Святее сонечко загляне,
И въ темній ями, якъ на те,
Зелена травка поросте.

Чи то недоля та неволя,
Чи то лита ти летячи,
Розбылы душу? Чи николы
Й не жывъ я зъ нею? Жывучы
Зъ людьмы въ паскуди опаскудывъ
И душу чыстую!... А люде
(Звычайне люде), смюючысь,
Зовуть іи и молодою,
И непорочною, святою,
И ще якоюсь... Ворогы!
И люти, люти!.. Вы жъ укралы,
Въ багно пагане заховалы
Алмазъ мій чыстый, дорогый—
Мою, колысь святую, душу;
Та й смієтесь!.. Нехрыстіяне!
Чи не мижъ вамы жъ я, пагани,
Такъ опаганывсь, що й не знать,
Чи й бувъ я чыстымъ колы-небудь!
Бо вы мене зъ святого неба
Взялы мижъ себе, и пысать
Пагани вирши научылы
Вы тяжкый камень положылы
По-середъ шляху и розбылы
О его, Бога боячысь,
Мое малее та убоге
Те серце, праведне колысь...
Теперъ иду я безъ дорогы.

Безъ шляху бытого... А вы
Дывуетесь, що спотыкаюсь,
Що васъ и долю проклынаю,
И плачу тяжко, и, якъ вы,
Души убогои цураюсь —
Своеи грешнои души.

Добро, у кого йе господа,
А въ тій господи йе сестра,
Чи маты добрая! Добра,
Добра такого такы зъ роду
У мене. правда, не було,
А такъ соби якось жылось...
. . . . . .
И довелось колысь мени,
Въ чужій далекій сторони
Заплакать, що немае роду,
Нема прыстаныща, господы...
. . . . . .
Мы довго въ мори пропадалы;
Прыйшлы въ Дарью, на якорь сталы;
Зъ „Ватагы“ пысьма прынеслы,
И вси тыхенько зачыталы.
А мы зъ..... ляглы,
То щось такее розмовлялы.
Я думавъ: де-бъ того добра,
Пысьмо чи матиръ, взять на свити?
А въ тебе есть?“ — „Жона и диты.
И домъ, и маты, и сестра...
А пысьма нема. .“
. . . . . .

Хиба самому написать
Такы посланіе до себе
Та все до-чыста розсказать.
Усе, що треба, що й не треба?
А то не дижденся ёго,
Того пысанія святого,
Святои правды ни одъ кого.
Та й ждать не маю одъ кого.
Бо вже бъ, здавалося, пора:
Лыбонь уже десяте лито,
Якъ людямъ давъ я „Кобваря".
А имъ неначе ротъ зашыто:
Нихто й не гавкне, не лайне,
Неначе й не було мене!
Не похвалы соби, громадо,—
Безъ неи може обійдусь —
А рады жду соби, порады;
Та мабудь въ яму перейду
Изъ москаливъ, а не диждусь...
Мени було, ажъ серце млило,
Мій Боже мылый, якъ хотилось,
Щобъ хто-небудь мени сказавъ
Хочъ слово мудре; щобъ я знавъ,
Для кого я пышу, для чого,
За-що я Вкраину люблю,
Чи вартъ вона огня святого?
Бо хочъ зостаріюсь за-того,
А ще не знаю, що роблю.
Пышу соби, щобъ не миняты
Часа святого такъ на такъ,
Та иноди старый козакъ
Верзеться гришному,—усатый,
Зъ своею волею мени
На чорнимъ ворони-кони.

А бильшъ ничого я не знаю,
Хочъ я за це и пропадаю
Теперъ въ далекій сторони...
Чи доля такъ оце зробыла,
Чи маты Богу не молылась,
Якъ понесла мене,—що я,
Неначе лютая змія
Ростоптана въ степу здыхае,
Захода сонця дожыдае.
Оттакъ-то я теперъ терплю,
Та смерть изъ степу выглядаю!.
А за що?—ій-Богу, не знаю!
А все такы ім люблю,
Мою Украину шыроку,
Хочъ я по ій и одынокый,
(Бо, бачте, пары не найшовъ),
Ажъ до погыбели дійшовъ.

Ничого, друже, не журыся:
Въ дулевыну (?) себе закуй,
Гарненько Богу помолыся,
А на громаду хочъ наплюй —
Вона капуста головата
А въ тимъ, якъ знаешъ, панебрате:
Не дурень — самъ соби миркуй.

И золотои, й дорогои
Мени, щобъ зналы вы, не жаль
Моеи доли молодои.
А иноди така печаль
Оступыть душу, ажъ заплачу!..
А ще — до того, якъ побачу
Малого хлопчыка въ сели:
Мовъ одирвалось одъ гилли,

Одно, однисеньке пидъ тыномъ
Сыдыть соби въ старій рядныни.
Мени здаеться, що се я,
Що це-жъ та молодость моя.
Мени здаеться, що николы
Воно не бачытыме воли,
Святои воленькы; що такъ
Даремне, марне пролетять
Ёго найкращыи лита;
Що винъ не знатыме, де дитысь
На симъ шырокимъ вольнимъ свити,
А пиде въ наймы; и колысь,
Щобъ винъ не плакавъ, не журывсь,
Щобъ винъ де-небудь прыхылывсь,
То отдадуть у москали.

И доси сныться: пидъ горою,
Мижъ вербамы, та надъ водою,
Биленька хаточка; сыдыть,
Неначе й доси, сывый дидъ
Коло хатыночкы, и бавыть
Хорошее та кучеряве,
Свое маленькее внучя.
И доси сныться: выйшла за хаты
Веселая сміючысь маты,
Цилуе дида и дытя —
Ажъ трычи весело цилуе,
Прыйма на рукы и годуе,
И спать несе; а дидъ сыдить
И усмихаеться, — и стыха
Промовыть нышкомъ: „де жъ те лыхо?
Печали тіи, ворогы?...“
И нышечкомъ старый чытае
Перехрестывшысь „Отче-нашъ“

Кризь вербы сонечко сяе
И тыхо гасне... День погасъ. —
И все почыю... Сывый въ хату
И самъ пишовъ опочываты.

Мы въ купочци колысь рослы,
Маленькымы соби любылысь;
А матери на насъ дывылысь
И говорылы, що колысь
Одружымо ихъ. Не вгадалы.
Стари зарання повмиралы,
А мы малымы розійшлысь,
Та вже й не сходылысь николы.
Мене, по воли и неволи,
Носыло всюды. Прынесло
На старисть ледве и до-дому.
Веселее колысь село
Чомусь теперъ мени старому
Здавалось темнымъ и нимымъ,
Такымъ, якъ и теперъ старымъ;
И, бачыться, въ сели убогимъ —
Мени такъ бачыться — ничого
Не выросло и не згныло —
Таке соби, якъ и було:
И яръ, и поле, и тополя,
И надъ крыныцею верба
Нагнулася, якъ та журба
Далеко въ самотній неволи,
Ставокъ, гребелька и витрякъ
Зъ-за гаю крылами махае,
И дубъ зеленый, мовъ козакъ
Изъ гаю выйшовъ та й гуляе
По-пидъ горою; по гори

Садочокъ темный, а въ садочку
Лежять соби у холодочку,
Мовъ у раю, мои стари.
Хресты дубови посхылялысь,
Слова дощемъ позалывалысь...
И не дощемъ, и не слова
Гладесенько Сатурнъ стырае....
Нехай святыми спочывають
Мои старыи!.. „Чи жыва
Отта Оксаночка?“ пытаю
У брата тыхо я. — „Яка?“
„Отта маленька, кучерява,
Що зъ намы гралася колысь“.
— „Чого жъ ты, брате, зажурывсь?“
„Я не журюсь“. — „Помандрувала
Отта Оксаночка въ походъ
За москалямы, та й пропала...
Вернулась, правда, черезъ годъ,
Та що зъ того! Зъ байстрямъ вернулась
Острыжена. Бувало, въ-ночи
Сыдыть пидъ тыномъ, мовъ зозуля,
Та кукае, або крычыть,
Або тыхесенько спивае,
Та нибы косы росплитае.
А потимъ зновъ кудысь пишла,
Нихто не знае, де подилась.
Занапастылась, одурила...
А що за дивчына була,
Такъ-такъ що краля! И не вбога,
Та талану Господь не давъ...
А може й давъ, та хтось укравъ...

И станомъ гнучымъ и красою,
Пренепорочно молодою,
Старыи очи веселю.
Дывлюся иноди, дывлюсь...
И чудно... мовъ передъ святою,
Передъ тобою помолюсь.
И жаль мени старому стане
Твоеи божои красы.
Де зъ нею динешся еси?
Хто коло тебе въ свити стане
Святымъ хранытелемъ твоимъ,
И хто заступыть? Хто укрые
Одъ зла людьского въ часъ лыхый?
Хто серце чыстее нагріе
Огнемъ любовы, хто такый?
Ты сырота — нема никого.
Опричe праведного Бога.
Молысь же, серце! Помолюсь
И я зъ тобою.
Щось пророче
Мени вже зазырае въ очи—
И я вже Богу не молюсь,
Уже й на тебе не дывлюсь.
Мени прыснылось — ты вже маты.
Не въ оксамытахъ, не въ палатахъ
Твое голоднее дытя...
И вьянешъ ты. А дни летять,
Несуть все добре за собою,
Уже й надію понеслы,
А ты осталась на земли,
Одна, однисенька. Зъ тобою
Едынее добро було —
Твое дытя — покы росло,
Въ колодочкы покы вбывалось.
Оперылось, а ты осталась

Стара и немощна Людей,
Людей непріязныхъ благаешъ
И, Христа-рады, простягаешъ,
Коло зачыненыхъ дверей
Старыи рукы.

Оттакъ я иноди тобою,
Тобою, серце, молодою
Старыи очи веселю.
Дывлюся иноди, дывлюсь
На станъ твій гнучый, и за тебе
Тыхенько Богу помолюсь.
Молыся й ты, щобъ и на тебе
Зъ святого неба низійшла
Твоя и доля, и недоля.

Мы въ-осены такы похожи
Хочъ капельку на образъ Божый,—
Звычайне, що не вси, а такъ,
Хочъ де-яки.
Крутый байракъ,
Неначе цыганъ чорный, голый,
Въ диброви вбытый, або спыть;
А по долыни, по роздолли
Изъ степу перекотыполе
Рудымъ ягняточкомъ бижыть
До ричечкы соби напытысь.
А ричечка ёго взяла
Та въ Днипръ шырокый понесла,
А Днипръ — у море; на край свита
Былыну море покотыло,
Та й кынуло на чужыни.

И жаль тобы ія стане,
Малои былыны.

Пидешъ соби зажурывшысь
Гаемъ по долыни...
Гай шепоче, гнуться лозы
Въ яру пры дорози...
И хочеться сповидатысь,
Серце росповыты!
И хочеться... Боже мылый!
Якъ хочеться жыты
И любыты твою правду,
И весь свитъ обняты!

Благо тоби, друже, брате,
Якъ йе въ тебе хата;
Благо тоби, якъ у хати
Йе зъ кымъ розмовляты...
Хочъ дытына немовляща:
И воно вгадае
Твои думы веселыи! —
Самъ Богъ розмовляе
Непорочнымы устамы.

А тоби, мій одынокый,
Мій друже едыный,
Горе тоби на чужыни
Та на самотыни!
Хто зъ тобою заговорыть,
Прывитае, гляне?..
Кругомъ тебе простягнулась
Трупомъ бездыханнымъ
Помарнилая пустыня,
Кынутая Богомъ.

Готово! Парусъ роспустылы;
Посунулы по сыній хвыли,
По-мижъ кугою, въ Сыръ-Дарью,

Байдару та баркасъ чималый.
Прощай. убогый Косъ-Арале!
Нудьгу заклятую мою
Ты розважавъ такы два лита.
Спасыби, друже! Похвалысь,
Що люде и тебе знайшлы
И зналы, що зъ тебе зробыть...
Прощай же, друже! Ни хвалы,
А ни ганьбы я не сплитаю
Твоій пустыни; въ иншимъ краю,
Не знаю, може й нагадаю
Нудьгу колышнюю, колысь...

У Бога за дверьмы лежала сокыра.
А Богъ тоди зъ Петромъ ходывъ
По свиту, та дыва творывъ.
А кайзакъ на хырю,
Та на тяжке лыхо
Любенько та тыхо
И вкравъ ту сокыру;
Та й потягъ по дрова
Въ зелену диброву;
Древыну выбравшы, та й цюкъ!
Якъ вырветься сокыра зъ рукъ,—
Пишла по лису косовыця!
Ажъ страхъ, ажъ жаль було дывыться!
Дубы и всяки дерева
Велыколитни, мовъ трава,
Въ покосы стелеться; а зъ яру
Встае пожаръ и дыму хмара
Святее сонце покрыва.
И стала тьма, и одъ Уралу
Та до Тынгыза, до Аралу [1])

---

[1]) Аральское море.

Кыпила въ озерахъ вода;
Палають села, города;
Рыдають люде; выють звиры
И за Гоболомъ у Сибири
Вь снигахъ ховаються. Симъ лит.
Сокыра Божа лисъ стынала,
И пожарыще не вгасало
И меркъ за дымомъ божый свитъ
. . . . . .
На восьме лито у недилю,
Неначе ляля въ лели билій,
Святее сонечно зійшло.
Пустыня цыганомъ чорнила
Де городъ бувъ, або село,—
И головня уже не тлила.
И попилъ витромъ рознесло,
Былыны навить не осталось.
Тилько однымъ одно хыталось
Зелене дерево въ степу.
Червоніе по пустыни
Червона глына, та тычына,
Буръянъ колючый, та будякъ,
Та инде тырса зъ осокою
Въ яру чорніе пидъ горою.
Та дыкый инколы кайзакъ
Тыхенько выйиде на гору
На тимъ захылимъ верблюди.
Непевне діеться тоди
Мовъ степъ до Бога заговорыть,
Верблюдъ заплаче, и кайзакъ
Понурыть голову и гляне
На степъ и на Кара-бутакъ, [1])
Сынгичъ-агачъ [2]). Кайзакъ вспомьяне,
Тыхенько спустыться зъ горы

---

[1]) Невелычка ричка.
[2]) Одно дерево.

И згыне въ глыняній пустыни.
Однымъ едыне пры долыни,
Въ степу край дорогы,
Стоитъ дерево высоке,
Покынуте Богомъ;
Покынуте сокырою,
Огнемъ не палыме,
Шепочеться зъ долыною
О давній годыни.
И кайзакы не мынають
Дерева святого,
На долыну зайижжають,
Дывуються зъ его,
И моляться и жертвамы
Дерево благають.
Щобъ паросты роспустыло
У ихъ биднимъ краи.

Не знаю, якъ теперъ ляхы жывуть
Зъ своимы вольнымы братамы.
А мы браталыся зъ ляхамы,
Ажъ покы третій Сыгызмондъ
Зъ проклятымы ёго ксёндзамы,
Не розъедналы насъ. Оттакъ
Те лыхо діялося зъ намы.

Во имя Господа Хрыста
И матери Ёго Святои,
Ляхы прыйшлы на насъ войною.
Святыи Божыи миста
Ксёндзы скажени осквернылы.
Земля козача зайнялась,
И кровъю, сыну, полылась,
И за могылою могыла,

Неначе горы, порослы
На нашій, сыночку, земли.
Я жывъ на хутори,
Я старъ бувъ, немощенъ. Пославъ
Съ табунъ я коней до обозу,
Гармату, гаківныць два возы,
Пшона, пшеныци, що прыдбавъ,
Я всю мызерію оддавъ
Моій Украини небози
И трéхъ сынивъ своихъ. Нехай,
Я думавъ, гришный, передъ Богомъ
Нехай хоть часточка убога
За мене пиде, за нашъ край,
За церковь Божую, за люде.
А я молытысь въ хати буду.
Бо вже нездужавъ, сыну, встать
Рукы на ворога пиднятъ.

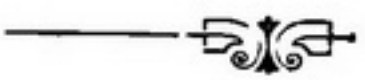
Зо мною, слухай же, осталысь,
Даныло, чура мій, та я,
Та Прися, донечка моя.
Воно ще тилько выростало,
Ще тилько, тилько налывалось,
Мовъ та черешенька. За грихъ,
За тяжкый, мабудь, грихъ, велыкый
Не давъ мени Святый Владыка
Очей нарадувать старыхъ
Моимъ дытяткомъ.

Не ходылы
Ксёндзы по селахъ, а возылы
На людяхъ ихъ зъ села въ село.
Такее то у насъ було!
Якось ихъ, клятыхъ, и до мене
Въ-ночи на хутиръ занесло;
А зъ нымы челядь ихъ скажена,
Та ще драгуны. Дай мени
Хочъ колы-небудь, Боже мылый,

На свитъ твій выглянуть зъ могылы—
Спряжу всю шляхту на огни!
Воны, воны — не бійся, сыну—
Воны, ксендзы, мою дытыну
Зъ собою въ хату завелы,
Замкнулысь пьяныи, я бачывъ;
А челядь пьяна полягала
У клуни на соломи спать;
Драгуны тежъ. А мы зъ Даныломъ
Соломы въ сины наносылы,
А клуню просто запалылы.
Не встануть, прокляти, опять
Дитей козачыхъ мордувать!
Уси до одного згорилы.
И Прися бидная моя
Згорила зъ клятымы. А я
На пожарыщи хрестъ зъ Даныломъ
Поставылы, та помолылысь,
Заплакалы, та й потяглы,
На коней сившы, до обозу.
Сынивъ всихъ трёхъ моихъ найшлы,
Та въ добрый часъ и поляглы
Оттутъ у-куни...

. . . . . .

А якъ мы былысь, умиралы!
За що мы головы складалы
Въ оци могылы? Будешъ жыть,
То може й знатымешъ, небоже;
Бо слава здорово крычыть
За наши головы. А може,
И про могылы, и про насъ
Зъ старцями божымы по селахъ
Правдыва дума невесела
Мижъ людьмы ходыть...



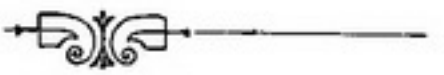
НА РИЗДВО.

(Ѳ. М. Лазаревскому).

Не до-дому въ-ночи йдучы
Зъ кумынои хаты,
И не спаты лягаючы,
Згадай мене, брате,—
А якъ прыйде нудьга въ гости,
Та й на ничъ засяде.,.
Отоди мене, мій друже,
Зовы на пораду!
Отоди згадай — въ пустыни,
Далеко, надъ моремъ,
Свого друга веселого,
Якъ винъ горе боре;
Якъ винъ, свои думы тыи
И серце убоге
Заховавшы, ходыть соби
Та молыться Богу,
Та згадуе Украину
И тебе, мій друже;
Та иноди й пожурыться...
Звычайне — не дуже;
А такъ-тилькы.. На-двори, бачъ.
Наступае свято...
Тяжко его, друже-брате,
Самому стричаты
У пустыни!.. Завтра рано
Заревуть дзвиныци
Въ Украини, завтра рано
До церквы молытысь
Пійдуть люде... Завтра жъ рано
Завые голодный
Звиръ въ пустыни, и повіе

Ураганъ холодный,
И занесе пискомъ, снигомъ
Куринь — мою хату.
Отакъ мени доведеться
Свято зостричаты!..
Що жъ діяты?.. На те й лыхо,
Щобъ зъ тымъ лыхомъ бытысь..
А ты, друже мій едыный,
Якъ маешъ журытысь,
Прочытай оцю цидулу
И знай, що на свити
Тилькы й тяжко, що въ пустыни
У неволи жыты...
Та й тамъ жывуть, хочъ пагано...
Що жъ діяты маю!...
Треба бъ вмерты,—такъ надія,
Брате, не вмірае!

Косъ Аралъ, на Аральскому мори, 24 Декабря 1848.



1849.

Неначе степомъ чумакы
У-осены верству проходять. —
Такъ и мене мынають годы;
А я й байдуже. Кныжечкы
Мережаю, та начыняю
Такы виршамы, — розважаю
Дурную голову свою
Та кайданы соби кую....
Якъ ци добродіи дознають!...
Та вже жъ нехай хочъ розипнуть,
А я безъ вирши не улежу:
Уже два годы промережавъ
И третій въ добрый часъ почну.

За сонцемъ хмаронька плыве,
Червони полы розстилае,
И сонце спатонькы зове
У сыне море: покрывае
Рожевою пеленою,
Мовъ маты дытыну...
Очамъ любо... годыночку,
Малую годыну
Нибы серце одпочыне,

Зъ Богомъ заговорыть...
А туманъ — неначе ворогъ —
Закрывае море
И хмароньку рожевую;
И тьму за собою
Розстилае туманъ сывый,
И тьмою нимою
Оповые тоби душу,
Й не знаешъ, де дитысь.
И ждешъ ёго, того свиту,
Мовъ матери диты...

И небо невмыте, и заспани хвыли
И по-надъ берегомъ геть-геть,
Неначе пьяный, очеретъ
Безъ витру гнеться. Боже мылый!
Чи довго буде ще мени
Въ оцій незамкнутій тюрми,
По-надъ оцимъ никчемнымъ моремъ,
Нудыты свитомъ?.. Не говорыть —
Мовчыть и гнеться, мовъ жыва,
Въ степу пожовклая трава;
Не хоче правдоньки сказать,
А бильше ни въ кого спытать...

Мовъ за подушне, оступылы
Оце мене на чужыни
Нудьга и осинь... Боже мылый!
Де жъ заховатыся мени?
Що діяты? Уже й гуляю

По цимъ Аралу, и пышу —
Вирщую — нищечкомъ гришу —
Богъ-зна-колышнія случаи
Въ души своїй перебираю
Та сныcую, щобъ та печаль
Не перлася, якъ той москаль,
Въ самотню душу... Лютый злодій
Впираеться такы та й годи...

И зновъ мени не прывезла
Ничого почта зъ Украины!
За гришныи, мабудь, дила
Караюсь я въ оцій пустыни
Сердытымъ Богомъ. Не мени
Про тее знать, за що караюсь;
Та й знать не хочеться мени ..
А серце плаче, якъ згадаю
Хочъ невеселыи случаи
И невеселыи ти дни,
Що пронеслыся надо мною
Въ моїй Украини колысь.
Колысь божылысь та клялысь,
Браталысь, сестрылысь зо мною,
Покы, мовъ хмара, розійшлысь —
Безъ слёзъ — росы тіи святои.
И довелося зновъ мени
Людей на старости... Ни, ни!
Воны зъ холеры повмиралы —
А то бъ хочъ клаптыкъ переслалы
Того паперу...

Ой изъ журбы та изъ жалю,
Щобъ не бачыть, якъ чытають
Лысты тыи, — погуляю,

Погуляю по-надъ моремъ,
Та розважу свое горе,
Та Украину згадаю.
Та писеньку заспиваю.
Люде скажуть, люде зрадять,
А вона мене порадыть,
И порадыть и розважыть,
И правдоньку мени скаже.

НА ВКРАИНУ.

Немае гирше, якъ въ неволи
Про волю згадувать. А я
Про тебе, воленько моя,
Оце нагадую. Николы
Ты не здавалася мени
Такою свиже-молодою
И прехорошою такою,
Якъ на далекій чужыни,
Та ще й въ неволи. Доле! доле!
Моя проспиванная воле!
Хочъ глянь на мене зъ-за Днипра,
Хочъ усмихныся зъ-за...

И ты, моя едыная,
Встаешъ изъ-за моря,
Зъ-за туману, слухняная
Рожевая зоре!
И ты, моя едыная,
Ведешъ за собою
Лита мои молодыи,
И передо мною,
Нибы море, выступають
Шырокыи села
Зъ вышневымы садочкамы,
И люде весели;
И ти люде, и сѐло те,
Де колысь, мовъ брата,
Прывиталы мене. Маты,
Старесенька маты!
Чи збираються ще й доси
Веселыи гости
Погуляты у старои,

Погуляты просто
По давнёму, по-старому —
Одъ свиту до свиту?
А вы, мои молодыи,
Чорнявыи диты.
Веселыи дивчаточка!
И доси въ старои
Танцюете? А ты, доле,
А ты, мій покою,
Мое свято чернобрыве!
И доси мижъ нымы
Тыхо, пышно похожаешъ?
И тымы очыма
Ажъ чорнымы голубымы
И доси чаруешъ
Людськи души? Чи ще й доси
Дывуються всуе
На станъ гнучкый? Свято мое,
Едынее свято!
Якъ оступлять тебе, доле,
Диточкы-дивчата
Й защебечуть по своему
Доброму звычаю,
Може й мене ненарокомъ
Диточки згадають;
Може, яка и про мене
Скаже яке лыхо.
Усмихныся, мое серце,
Тыхесенько, тыхо,
Щобъ нихто̀ и не побачывъ,
Та й бильше ничого.
А я, доленько, въ неволи
Помолюся Богу.

1849, Надъ Араломъ

И тырокую долыну,
И высокую могылу,
И вечирпюю годыну,
И що снылось, говорылось —
Не забуду я.
Та що зъ того?.. не побралысь: —
Розійшлыся, мовъ не зналысь...
А тымъ часомъ дорогыи
Лита наши молодыи
Марне пронеслысь.
Помарнилы мы обое,
Я — въ неволи, ты — вдовою.
Не жывемъ, а тилькы ходымъ
Та згадуемъ тыи годы,
Якъ жылы колысь.

Якъ-бы зострилыся мы знову,
Чи ты злякалася бъ, чи ни?
Якее тыхее ты слово
Тоди бъ промовыла мени?
Ніякого! и не пизнала бъ!
А може бъ потимъ нагадала,
Сказавшы: снылося дурній...
А я зрадивъ бы, мое дыво,
Моя ты доле чернобрыва,
Якъ бы побачывъ, нагадавъ
Веселее, та молодее
Колышне лишенько лыхее.
Я зарыдавъ бы, зарыдавъ

И помолывсь, що не правдывымъ,
А сномъ лукавымъ розійшлось.
Слизьмы-водою розлылось
Колышнее святее дыво.

Якъ маю я журытыся —
Докучаты людямъ:
Пійду соби свитъ-за-очи!
Що буде, те й буде!
Найду долю — одружуся,
Не найду — втоплюся,
Та не продамсь я никому,
Въ наймы не наймуся.

Пишовъ же я свитъ-за-очи...
Доля заховалась,
А воленьку люде добри
И не торгувалы,
А безъ торгу закынулы
Въ далеку неволю,
Щобъ не росло таке зілля
На нашому поли...

КОЗАЦЬКАЯ ДОЛЯ.

На що мени женытыся?
На що мени братысь?
Будуть зъ мене молодого
Козакы смiятысь.
„Оженывся“, воны скажуть,
„Голодный и голый,
Занапастывъ, нерозумный,
Молодую волю!“
Воно й правда. Що жъ дяты?
Навчить мене, люде.
Иты хиба до васъ въ наймы?
Чи до ладу буде?
Ни, не буду чужи волы
Пасты, заганяты;
Не буду я въ чужiй хати
Тещу поважаты;
А буду я красуватысь
Въ голубимъ жупани
На коныку вороному
Передъ козакамы.
Найду соби чорнобрыву
Въ степу пры долыни —
Высокую могылоньку
На тiй Украини.
На весилля товарыство
Выйде погуляты,
Та вынесе самопалы,
Выкотыть гармату,
Якъ понесуть товарыша
Въ новую свитлыцю,
Загомонять самопалы,
Гукнуть гакивныци.

Якъ положять отамана
Въ новій хати спаты —
Загомоныть, якъ та маты,
Голосна гармата.
Гукатыме, крычатыме
Не одну годыну,
И рознесе тую славу
По всій Украини.

1849 р. Пидъ Араломъ.

Якъ бы тоби довелося
Въ насъ попануваты,
То знавъ бы ты, пане брате,
Якъ ихъ называты,
Оттыхъ твоихъ безталанныхъ
Дивчатокъ покрытыхъ;
А то верзе бисы-зна-що,
Та й думае: мы-то,
Мы то людямъ покажемо
Оцыхъ безталанныхъ,
Та навчымо шануватысь
Панычивъ паганыхъ.
Шкода й праци! Покы села,
Покы паны въ селахъ —
Будутъ соби тынятыся
Покрыткы весели
По шыночкахъ зъ москалямы,
И не турбуйсь, брате!
— Добре, кажу. А все такы
Невелычку нате
Оцю одну останнюю.
Слухайте жъ, панята!

Дивчата на луци греблы,
А парубкы, копыци клалы,
Та и знай на сонце позыралы,
Та нисенитныцю верзлы;
Звычайне, хлопци; а дивчата,
Мовъ ти сорокы цокоталы,
Та до крыныци учащалы —
У яръ погуляты.
Найкращая зъ всего села
Давненько вже у яръ пишла,
Узявшы глечыкъ, та й немае;
А лановый и не шукае,
Мовъ и не бачыть. Не новый
Оцей лукавый лановый —
Стара собака, та ще й быта.
У бальци стало щось крычать.
Побиглы хлопци рятовать.
А тамъ панычъ несамовытый,
Недолигокъ таке творыть —
Сердешну дивчыну мордуе;
Сердешна дивчына крычыть..
Прыбиглы хлопци не рятують —
Бояться пана. А одынъ,
Що наймолодшый, озырнувшысь,
Та выламы пана
И просадывъ, мовъ ту жабу...
Застогнавъ поганець
Та й... Порадылысь,
Далы въ городъ знаты.
Судъ найихавъ; подывылысь,
Попылысь завзято
Судовыкы. Закувалы
Хлопця молодого,
Та въ тюрму заквасувалы.
Та й бильше ничого.

На верстовімъ шляху въ поли,
Корчма пидъ вербою
Стоить соби въ холодочку;
А по-пидъ корчмою
Сыдять въ путахъ арестанты.
Трохы одпочыты
Позволено бидолахамъ,
Та воды напытысь.
Сыдять соби розмовляють,
А де-хто й куняе.
А зъ-за горы пойизжане
На шляхъ выйизжають,
Ажъ тры тройкы. И звычайне,
Коло корчмы сталы:
Даты конямъ одпочыты,
Та й дружкы прысталы,
Спиваючы. Оттожъ сталы.
Молодая встала,
Взяла кварту оковыты.
Та й почастувала
Сердешного невольныка
И ёго сторожу. ....
Колы дывыться, погляне —
Боже,. мылый Боже!
Мижъ невольныкамы въ путахъ
Той самый едыный,
Іи местникъ безталанный,
Несе зъ Украины
Ажъ у Сибиръ ланцюгъ, пута.
А ты будешъ тута
У роскоши и не будешъ
Ни знаты, ни чуты
Ёго плачу вседневного.
Не почастувала
Свого местныка святого
И не прывитала;
Тилько глянула на ёго
Та й більше ничого.

По переду пойизжане
Рушылы въ дорогу,
А за нымы й невольныкы
Побрязкалы путомъ
По-надъ шляхомъ. И никого
Не выдно, не чуты
Коло корчмы; одна соби
Покы-що осталась
Зъ шынкаркою. Кругомъ неи
Дымомъ розстилалась
Въ поли курява.
И смерклося.
И викъ невелыкый,
Не тилько день. На хутори
Танци та музыкы
Ажъ до пивночи. Прыдане
Постиль пишлы стлаты
У комору; а молода
Выйшла мовчкы зъ хаты,
Та й пропала. Скризь шукалы,
До свиту шукалы,
Та не найшлы. Де-жъ подилась?
Де? Помандрувала
За невольныкомъ убогымъ
У Сибиръ... Та й годи.

МАТЫ ПОКРЫТКА.

У нашимъ раи, на земли,
Ничого кращого немае,
Якъ тая маты молодая
Зъ своимъ дытяточкомъ малымъ.
Бувае, иноди дывлюся,
Дывуюсь дывомъ — и печаль
Охватыть душу, стане жаль
Мени іи... и зажурюся,
И передъ нею помолюся,
Мовъ передъ образомъ святымъ
Тіеи матери святои,
Що въ миръ нашъ Бога прынесла.
Я мыслювала нашъ и кажа' Дарма, що Богъ, що мене стоить
И заслужа одного, — Такое повнесла его.
Теперъ ій любо, любо жыты!
Вона середъ ночи встае,
И стереже добро свое,
И дожыдае того свиту,
Щобъ зновъ на его подывытысь, —
Наговорытысь... „Це мое,
Мое...“ — и дывыться на его,
И молыться за его Богу,
И йде на улыцю гулять
Гордише самои царыци,
Щобъ людямъ, бачте, показать
Свое добро... „А подывиться —
Мое найкраще надъ всима!“
И ненарокомъ иншый гляне, —
Весела, рада, — Боже мій!
Несе до дому свого Йвана,
И ій здаеться все село
Весь день дывылося на его,
Що тилькы й дыва тамъ було,

А бильше не було ничого...
Щаслывая!...
Лита мынають;
По троху диты выростають;
И вырослы и розійшлысь
На заробиткы, въ москали...
А ты осталася, небого,
И не осталося никого
Съ тобою дома.,. Наготы
Старои ничымъ одягты
И вытопыть зимою хату;
А ты нездужаешъ и встаты,
Щобъ хочъ огонь той розвесты...
Въ холодній молышся осели
За ихъ, за диточокъ...
А ты,
Велыкомученныце! села
Мынаешъ, плачучы, въ-ночи;
И полемъ, степомъ идучы,
Свого ты сына закрываешъ,
Бо й пташка иноди пизнае
И защебече:—онъ, байстря
Несе покрытка на базаръ.—
Безталанная!. де дилась
Краса твоя тая,
Що вси люды дывовалысь?
Пропала, немае!..
Все забрала дытыночка...
И выгнала зъ хаты;
И выйшла ты за царыну,
Зъ хреста нибы знята;
Старци тебе цураються,
Мовъ тыи проказы;
А воно таке маленьке —
Воно ще й не лазыть,
И колы то воно буде
Гратысь — и промовыть
Слово: „мамо“ — велыкее,

Найкращее слово!....
Ты зрадіешъ — и розскажешъ
Дытыни правдыво
Про паныча лукавого, —
И будешъ щаслыва...
Та недовго: бо не дійде
До-зросту дытына, —
Пійде соби слипця водыть,
А тебе покыне
Каликою на роспутти,
Щобъ собакъ дражныла,
Та ще й вылае... за те, бачъ,
Що на свитъ родыла,
И за те ще, що такъ тяжко
Дытыну любыла...
И любытыменъ, небого,
Покы не загынешъ
Межы псамы на морози,
Де-небудь пидъ тыномъ...
Отъ тымъ мени и жаль стане
Матери небогы
Що вона ёго такъ любыть
Такъ гыне за ёго;
За те чадо поганее
Занапастыть въ свити
Найкращее добро свое —
Молодыи лита.
А воно, — бувае зъ ёго
Не выйде ничого,
Або выйде недолюдокъ
Сатана безрога!
И николы изъ байстряты
Не матыме маты
Соби доброи дытыны,
Хочъ вона й багата.
Добре оттамъ панамъ жыты —
Ничого не знають!

И не знають, якъ ихъ диты
У ихъ выростають?
Бо матери тамъ не мають,
А мамку наймають.

Зацвила въ долыни
Червона калына,
Нибы засмялась
Дивчына-дытына.
Любо-любо стало,—
Пташечка зрадила
И защебетала...
Почула дивчына
И, въ билій свытыни,
Зъ биленькои хаты
Выйшла погуляты
У гай на долыну.
И выйшовъ до неи
Зъ зеленого гаю
Козакъ молоденькый.
Цилуе, витае, —
И йдуть по долыни
И йдучы спивають,
Якъ диточокъ двое;
Пидъ тую калыну
Прыйшлы, посидалы,
И поцилувалысь...
Якого жъ мы раю
У Бога благаемъ!

И самые знаемъ!
Бачу вина лизе,
А мы въ серцу глядемъ
Затиснувши очи:
Такого не можемъ!
Сказать бы я правду,
Что що зъ неи буде?
Самому завадить
А нашъ на людямъ
Однаково буде!

Не такъ тіи ворогы,
Якъ добрыи люде —
И окрадуть жалкуючы,
Плачучы осудять,
И попросять тебе въ хату,
И будуть витаты,
И пытать тебе про тебе,
Щобъ потимъ сміятысь,
Щобъ зъ тебе сміятысь,
Щобъ тебе добыты.

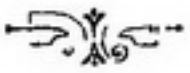
Безъ ворогивъ можно въ свити
Якъ-небудь прожыты;
А си добри люде
Найдуть тебе всюды,
И на тимъ свити, добрягы,
Тебе не забудуть.

II. С.

Не жаль на злого, коло ёго
И слава сторожемъ стоить;
А жаль на доброго такого,
Що й славу вміе одурыть.

И доси нудно, якъ згадаю:
Готычесьный зъ часамы домъ,
Село обидране кругомъ,
И шапочку мужыкъ знимае,
Якъ флагъ побачыть: значыть панъ
У себе зъ прычетомъ гуляють.
Оцей годованый кабанъ,
Оце ледащо — щырый панъ,
Потомокъ гетьмана дурного
И презавзятый патріотъ,
Та й хрыстіянынъ ще до того!
У Кыивъ йиздыть всякый годъ;
У свыти ходыть міжъ панамы
И пье горилку зъ мужыкамы,
И вольнодумствуе въ шынку.
Отутъ винъ ввесь, хочъ надрукуй!
Та ще въ сели своихъ дивчатокъ
Перебирае; та спроста
Такы своихъ байстрягъ зъ десятокъ
У годъ подержыть до хреста.
Та й тилько-жъ то..- Кругомъ паскуда!
Чому жъ ёго не такъ зовуть?
Чому на его не плюють?
Чому не топчуть? Люде, люде!
За шматъ гнылои ковбасы
У васъ хочъ матиръ попросы,

То оддасте... Не жаль на ёго,
На пьяного Петра крывого,
А жаль велыкый на людей,
На тыхъ юродывыхъ дитей.



МАРЫНА.

Неначе цвяшокъ въ серце вбытый
Оцю „Марыну“ я ношу.
Давно бъ спысать несамовыту,
Такъ що жъ? сказалы бъ, що брешу;
Що на панивъ, бачышъ, сердытый,
То все такее и пышу
Про ихъ собачыи звычаи.
Сказалы бъ просто: дурень лае
За те, що самъ крипакъ,
Неодукованый сирякъ.
Не правда — ій-Богу, не лаю!
Мени не жаль, що я не панъ,
А жаль мени, и жаль велыкый,
На просвищенныхъ хрыстіянъ.
И звиръ того не зробыть дыкый,
Що вы, бьючы поклоны,
Зъ братамы діете. Законы...
. . . . пысани за васъ,
То вамъ байдуже — въ добрый часъ!
У Кыивъ йиздыте що-року.
Та сповидаетесь, ниврoку,
У схымныка.
Та й те сказать,
Чого я турбуюсь;
А ни злого, ни доброго
Я вже не почую.
А якъ, кажу, хто не чуе,
То тому й байдуже.
Прылитай же зъ Украины,
Едыный мій друже,
Моя думо пречыстая,
Вирная дружыно!

Та розскажы, моя зоре,
Про тую Марыну:
Якъ вона у пана злого
И за що страдала;
Та ныщечкомъ, щобъ не чулы,
Або не дозналысь;
А то скажуть, що по шляхахъ
Чынемо розбои,
Та ще дальше заправторять;—
Пропадемъ обое.

. . . . . .
. . . . . .
.... Недавно се було.
Черезъ село весилля йшло,
А панъ зъ костёлу йихавъ,
Чи управытель, а не панъ.
За выхылясамы прыданъ,
За зыкомъ, та за смихомъ,
Нихто й не бачывъ, якъ пройихавъ
Той управитель, ляхъ ледачый!
А винъ такъ добре бачывъ,
А надто молодую.
За що пакъ мылуе Господь
Лыхую тварь такую,
Якъ сей правытель? Другый годъ,
Якъ винъ зъ нимецькымы плугамы
Забрався голый въ цей кутокъ,—
А що тыхъ бидныхъ покрытокъ
Пустывъ по свиту съ байстрюкамы!
Отъ-же й ничого! А жонатый,
И мае двое диточокъ,
Якъ янголяточокъ.
Дывитесь—выйшла погуляты,
Мовъ краля, пани молодая,
Зъ двома маленькымы дитьмы.
Изъ коча панъ мій вылизае
И посыла за молодымъ.

А потимъ диточокъ витае
И жинку, кралю молодую,
Ажъ трычи бидную цилуе.
И розмовляючы, пишлы
Соби въ покои. Незабаромъ
И молодого прывелы.
На завтра въ городъ одвезлы,
Та й заголылы въ москали.
Отакъ, по нашому звычаю,
Не думавшы кончають!

А молода? Мабуть безъ пары
Судылось Господомъ зносыть
Красу и молодость. Мовъ чары,
Розсыпалось та розлылось...
П знову въ люде довелось
Просытысь въ наймы? Ни, не знову:
Вона вже панна покоёва,
Уже Марысею зовуть,
А не Марыною. Найпаче
Сердешній плакать не дають;
Вона жъ сховаеться, та й плаче,
Дурна! Ій шкода мужыка,
Та жаль святого сиряка.—
А глянь лышъ гарно кругомъ себе:
И раю кращого не треба!
Чого ты хочешъ—забажай,
Всего дадуть, та ще й багато.
Не треба, кажешъ, дайте хату!
Сего вже лучче й не благай,
Бо це,.. сама, здорова, знаешъ...
Дывыся, огеремъ якымъ
Самъ панъ кругъ тебе похожае,—
Уже чи добрымъ чи лыхымъ,
А будешъ панською риднею,
Хиба повисышся... За нею
Прыходыла маты
У пана просыты;

Звеливъ не пускаты,
А якъ прыйде — быты.
Що тутъ ій робыты?
Пишла рыдаючы въ село, —
Однымъ одно дытя було,
Та й тѐ пропало...
Неначе воронъ той, летячы,
Про непогоду людямъ кряче:
Такъ я про слёзы, та печаль,
Та про байстрятъ отыхъ ледачыхъ
Хоть и никому ихъ не жаль,
Розсказую, та плачу.
Мени ихъ жаль!.. Мій Боже мылый!
Даруй словамъ святую сылу—
Людськее сердце пробывать,
Людськыи слёзы пролывать, —
Щобъ мылость душу осиныла,
Щобъ спала тыхая печаль
На очи ихъ, щобъ стало жаль
Моихъ дивчатокъ, щобъ навчылысь
Путямы добрымы ходыть,
Святого Господа любыть
И брата мыловать.

Насылу

Прыйшла до-дому. Подывылась—
Цвиты за образомъ святымъ,
И на викни стоять цвиты;
На стинахъ хварбамы хресты,
Неначе добрая картына,
Понамалёвани... Марына,
И все Марына, все сама...
Тилько Марыночкы нема...
И ледве, ледве выйшла зъ хаты.
Пишла на гору—на прокляти
Палаты глянуть; та й пишла
Ажъ до палатъ. Пидъ тыномъ сила
И ничъ цилисиньку сыдила

Та плакала. Уже зъ села
Ватажныкы ватагу гналы,
А маты плакала, рыдала.
Уже и сонечко зійшло,
Уже й зайшло—смеркаты стало,
Не йде, сердешная, въ село—
Сыдыть пидъ тыномъ. Проганялы,
Уже й собакамы цькувалы—
Не йде, та й годи.

А Марына въ сукни билій,
Неначе билыця,
Богу молыться, та плаче,
Замкнута въ свитлыци.
Опричъ пана, у свитлыцю
Нихто не вступае:
Самъ и йисты ій прыносыть,
И просыть, благае,
Щобъ на его подывылась,
Щобъ утерла очи.
И дывытыся не хоче,
И йисты не хоче. .
Мордуеться ляхъ паганый,—
Не зна що й початы.
А Марына вьяне, сохне
У билыхъ палатахъ.
Уже й лито мынулося,
Зима вже на двори;
А Марына сыдыть соби,
Уже й не говорыть
И не плаче. Отакъ іи
Доканавъ, небогу,
Той правытель! А все-такы
Не вдіе ничого...
Хочъ зарижъ іи та й годи!
Така вже вродылась.

Разъ у-вечери зимою
Марына дывылась

На лисъ чорный; а зъ-за лису
Червоный дижою
Мисяцъ сходывъ.—„И я колысь
Була молодою! .....“—
Прошептала, задумалась,
Потимъ заспивала:

„Хата на помости!
Найихалы гости.
Росплиталы косы,
Та стричкы знималы.
А панъ просыть сала,
А чортъ йисты просыть.
Гусы, гусы били
Въ ирій полетилы,
А сири—на море.

Завылы псы на двори,
Зареготалыся псари.
А панъ, червоный ажъ горыть,
Иде въ свитлыцю до Марыны,
Якъ Кырыкъ пьяный...
Нибы въ хати,
На холоди сердешна маты
Пидъ тыномъ, знай соби, сыдыть.
Стара неначе одурила.
Морозъ лютуе, ажъ скрыпыть,
Луна червона побилила,
И сторожъ боязно крычыть,
Щобъ злого пана не збудыть.
Ажъ глядь — палаты зайнялыся.
Пожаръ! пожаръ!... И де взялыся
Ти люде въ Бога! Мовъ зъ земли
Родылыся и тутъ рослы,
Неначе хвыли наплывалы,
Та на пожаръ той дывувалысь.
Та й дыво тамъ такы було!
Марына гола-на-голо

Передъ будынкомъ танцювала
У-пари зъ матирью. и — страхъ! —
Зъ ножемъ окровленнымъ въ рукахъ,
И прыспивувала:

„Чи не це-жъ та кумася,
Що пидтыкалася'..
Якъ була я пани
Въ новому жупани. —
Паныч лыцялысь,
Руку цилувалы". (До матери)
— А вы до мене на весилля
Зъ того свиту прыйшлы?
Мени вже й косу росплелы,
Та панъ прыйихавъ. Гыля' гыля!
Чи то не гусы, то паны!
Дывыся — въ ирій полетилы.,.
Агу' гыля до сатаны,
До чорта въ гости .. Чуешъ! чуешъ!
У Кыиви вси дзвоны дзвонять.
Чи бачышъ — онъ огонь горыть,
А панъ лежыть соби, чытае
И просыть пыты,.. А ты знаешъ,
Що я зарізала его?..
Дывыся — онъ-де головнею
Стоить на комини.., Чого,
Чого ты дывышся на неи?
Це маты, маты! не дывысь!
А то зъйисы. Ось на, дывысь!
(Дае дули и сиивае),
„Полюбыла москаля.
Та ще й зубы выскаля!
Москали, москали
Запасокъ навезлы;
Панычи —
Дукачивъ;
А поповычи зъ миста
Навезлы намыста.

Бый, дзвоне, бый —
Хмару розбый?
Нехай хмара
На татары;
А сонечко на хрыстяне!
Бый, дзвоне, бый!“

Маты.

Марыночко! Ходимо спать!

Марына.

Ходимо спать, бо завтра рано
До церквы пидемо. Паганый —
Дывыся — лизе цилувать.
Ось тоби, на!

Маты.

Ходимо спать! (До людей).
Хрыщени люде, поможите!

Марына.

Берить мене! берить, вьяжите,
Ведить до пана у свитлыцю!
А ты чи пидешъ подывыться,
Якою панною Марына
У пана взаперти сыдыть
И вьяне, сохне, гыне, гыне
Твоя едыная дытына,
Твоя Марыночка? (Спивае)
„Ой гыля, гыля, сирыи гусы,
Гыля на Дунай!
Завьязала головоньку —
Теперъ сыды, та думай!“
И пташкамъ воля въ чыстимъ поли,
И пташкамъ весело литать ..
А я зовьянула въ неволи... (Плаче).
Хоча-бъ намысто було взять,—
Оце бъ повисылась... отъ бачышъ,

Теперъ и шкода! . Хочъ топысь!
Чого жъ ты, мамо моя, плачешъ?
Не плачъ, голубочко, дывысь:
Це я—Марыночка твоя.
Дывыся—чорная змія
По снигу лизе... Утечу!
У ирій знову полечу!
Бо я зозулею вже стала...
Чи винъ у гости не прыходывъ?
Убылы, мабудь, на войни...
А знаешъ—снылося мени:
У-день неначе мисяць сходывъ;
А мы гуляемъ по-надъ моремъ
У-двохъ соби. Дывлюся—зори
Попадалы, неначе въ воду;
Тилько осталася одна,
Одна, однисенька на неби.
А я, неначе нависна,
Въ Дунаеви шукаю броду;
Зъ байстрямъ розхристана бреду.
Сміються люде надо мною,
Зовуть покрыткою, дурною;
И ты сміешся, а я плачу.
Ба ни! не плачу—регочусь,..
Дывыся—якъ я полечу.
Бо я—сова...“

Та й замахала,
Неначе крыламы, рукамы
И пострыбала черезъ двиръ
У поле, выючы, мовъ звиръ.
Пошкандыбала стара маты
Свою Марыну доганяты.
Паны до одного спеклысь,
Неначе добри поросята;
Згорилы билыи палаты;
А люде тыхо розійшлысь.

Марыны й матери не стало...
Уже весною, якъ оралы,
Два трупы на поли найшлы
И на могыли поховалы.

СОТНЫКЪ.

У Оглави... Чи по знаку
Кому цей Оглавъ билохатый?
Троха лышъ! Треба розсказаты,
Щобъ зъ жалю не зробыть смиху.

Одъ Борысполя недалеко,
А буде такъ, якъ Борысполь,
И доси ще стоить любенько
Рядокъ на выгони тополь;
Неначе зъ Оглава дивчата
Ватагу выйшлы выглядаты,
Та й сталы.

Буде вже давно—
Оттутъ, бувало, изъ-за тыну
Вылась квасоля по тычыни;
И зъ оболонкамы викно
Въ садочокъ литомъ одчынялось,
И хата, бачыте, була
За тыномъ — сотныкова хата.
А сотныкъ бувъ соби багатый,
То въ его знаете, росло
На Божій харчи, за дытыну,
Чіесь байстря. А може, й такъ
Узявъ соби старый козакъ
Чію сыритку за дытыну,
То й доглядае въ-затышку
Якъ квиточку, чужу дочку
А сына — (Сотныкъ бувъ жонатый,
Та жинка вмерла) сына ддавъ
У бурсу въ Кыивъ обучатысь.
А самъ Настусю пиджыдавъ,

Такы годованку, щобъ зъ нею
Соби зробытыся риднею:
Не сына зъ нею поеднать,
А забандюрылось старому
Самому въ дурняхъ побувать.
А щобъ не знать було никому,
То ще й не радывся ни зъ кымъ,
А тилько самъ соби гадае;
А жиночкы... лыхый ихъ знае!
Уже сміялыся надъ нымъ,—
Воны цю страву носомъ чують.
. . . . . .

Сыдыть сотныкъ —
Та думку гадае:
А Настуся по садочку
Пташкою литае.
То посыдыть коло ёго,
Руку поцилуе;
То усамы страшеннымы
Сывымы пустуе.
Ну — звычайне, якъ дытына —
Пестуе старого.
А старому не до того:
Иншого якогось,
Гриховного пестування
Старе тило просыть.
И пальцямы старый сотныкъ
Настусыны косы,
Мовъ дви гадыны велыки,
До-купы сплитае;
То росплете, та кругъ шыи
Трычи обмотае.
А вона, моя голубка,
Ничого не знае;
Мовъ кошеня на прыпичку
Зъ старымъ котомъ грае.

Сотныкъ

Та одчепысь, божевильна!
Дывысь лышень — косы,
Мовъ русалка, розтрипала.
А чому ты й доси
Николы не вплетешъ кисныкы, —
Отти що титка прывезла?

Настя.

Якъ-бы пустылы на музыкы,
То я бъ кисныкы заплела,
Надила бъ жовти черевыкы,
Червону бъ юпку одягла.
Заквитчала бъ барвинкомъ косы.

Сотныкъ

Стривай, стривай, простоволоса!
Дурненька: де бъ же ты взяла
Того барвинку заквитчатысь?

Настя

А коло тыну. Тамъ такый
Порисъ зеленый, та хрещатый,
Та сыній, сыне-голубый,
Зацвивъ. . . .

Сотныкъ.

Не будешъ дивуваты!

Настя.

А що жъ, умру хиба?

Сотныкъ.

Ба ни!
А снылось въ-осены мени.
Тоди якъ щепы мы щепылы,
Якъ прыймуться,.. мени прыснылось.
Якъ прыймуться, то въ-осены
Ты выйдешъ замижъ.

Настя

Схаменысь!
И щепы ваши поламаю.

Сотныкъ

И якъ барвинокъ зацвите...

Настя

То я й барвинокъ позрываю.

Сотныкъ

А одъ весилля не втечешъ!

Настя.

Ба ни, втечу, та ще й заплачу. (Плаче).

Сотныкъ.

Дурна ты, Насте, якъ я бачу,—
И посміяться не дасы!
Хиба не бачышъ, я жартую.
Пиды лышъ скрыпку прынесы:
Та зъ лыха гарно потанцюешъ,
А я заграю.

Настя.

Добре, тату!
(И веселенька шасть у хату).

Сотныкъ

Ни, трохы треба пидождать.
Воно-бъ то такъ, та отъ що, брате:
Лита не ждуть, лита летять;
А думка проклята марою
До серця такъ и прыросла.
— А ты вже й скрыпку прынесла!
Яку жъ мы вчыстымо зъ тобою?

Настя.

Е, ни, стривайте, цуръ не грать!
А то не буду й танцювать,
Покы барвинку не нарву,
Та не уквитчаюсь. Я заразъ!

(Иде недалечко, рве барвинокъ, квитчается и спивае. Сотныкъ налагожуе скрыпку).

Сотныкъ.

Отъ же одна вже й увирвалась;
Стривай, и другу увирву.

Настя.

(Вертается заквитчана, спиваючи)

Якъ-бы мени крыла
Соколыныи,
Полетила бъ я за мылымъ
За дружыною.
Полетила бъ у диброву,
У зеленый гай,
Полетила бъ чорноброва
За тыхый Дунай!

(Тымъ часомъ, якъ вона спивае, у садочокъ входыть молодый хлопець въ соломьяному брыли, въ короткому сынему жупанку, въ зеленыхъ шараварахъ, зъ торбыною за плечыма и зъ пагаемъ)

Петро.

Зъ тымъ днемъ, що сёгодня,
Боже, помогай!

Настя.

Тату? тату! Петро, Петро
Изъ Кыива прыйшовъ!

Сотныкъ.

А, выдомъ выдаты, слыхомъ слыхаты! Чи по воли, чи по неволи?

Петро.

По воли, тату, та ще й богословомъ.

Сотникъ

Овъ!

Настя.

Богословомъ! Ажъ страшно!

Сотникъ.

Дурна, чого ты боишся! (Пидходыть до сына, хрестыть его и цилуе). Боже, тебе благословы, моя дытыно. Настусю, поведы ёго въ покои, та нагодуй: бо винъ ще, може, й не обидавъ.

Петро

Та такы й такъ. (Йде въ свитлыцю зъ Настею).

Сотникъ (Самъ).

И дарувавъ же мени Богъ
Таке дытя, такого сына!
И богословъ уже... прычына,
Прычына мудрая. (Задумуеться). Чого,
Чого я думаю? Въ попы!
А якъ не схоче, то на Сичъ —
И тамъ не згыне, вражый хлопець.
Итты лышъ въ хату. Отъ ще ричъ:
Заставыть треба богослова,
Щобъ дома байдыкивъ не бывъ,
Щобъ винъ гуляючы навчывъ
Настусю заповидь. Щобъ знову
Не довелось дяка наймать,
Якъ для покойнои. А знаю,
Безъ сёго вже не повинчае
Отець Хома... Питты сказать,
А то забуду. (Йде въ Хату)

Жыть бы, жыть, хвалыты Бога,
Кохатыся въ дитяхъ;
Такъ же ни, самому треба
Себе одурыты.
Оженытыся старому
На такій дытыни!
Схаменыся, не женыся·
И вона загыне,
И самъ сывымъ посмишыщемъ
Будешъ въ своій хати.
Будешъ самъ отте весилля
По-викъ проплынаты;
Будешъ плакать, и никому
Ти слезы старечи
Буде втерты. Не женыся,
И гычъ не до речи!
Дывыся — рай кругомъ тебе
И диты, якъ квиты.
За що жъ ты ихъ, молоденькыхъ,
Думаешъ убыты?
Ни! старый мій чепурыться,
Ажъ брыдко дывыться.
А Настуся зъ богословомъ
Заповиди вчыться.
Онъ дывиться· у садочокъ
Выйшлы погуляты,
У-двохъ соби похожають,
Мовъ ти голубята.
А старого нема дома,
То имъ своя воля
Награтыся. Дывитеся —
Тамъ коло тополи
Сталы соби, та й дывляться
Одно на другого.
Оттакъ ангелы святыи
Дывляться на Бога,
Яьъ воны одно на друге.
И Петрусь пытае:

Петро

Чомъ же ты оце, Настусю,
Справди не чытаешъ?

Настя.

А хиба я школяръ, чи що? Не хочу, та й годи!

Петро

Хочъ одну невелычку заповидь сегодня вывчы, хоть пъяту.

Настя.

И пьятои, и шостои, ніякои не хочу.

Петро

То пипъ и не винчатыме николы, якъ не вмитымешъ.

Настя

Байдуже, нехай соби не винчае.

Петро

А зо мною?

Настя

И зъ тобою нехай соби... Е, ни, нехай повинчае!

Петро.

Та чытай же, а то...

Настя.

А то що ты зробышъ?

Петро.

Поцилую. Ось побачышъ!

Настя.

Хочъ якъ хочешъ, цилуй соби, а я такы не чытатыму.

Петро. (Цилуе ія и промовляе).

Оце тоби разъ, оце тоби два.

(А сотныкъ выглядае зъ-за тыну и входыть въ хату, не давшы знаку).

Настя. (Пручаеться).

Годи бо вже, годи! Назабаромъ батько прыйде: треба справди чытать.

Петро

А, теперъ и чытать!

Сотныкъ (Выходыть зъ хаты).

Диты! годи вже вамъ учыться. Чи не часъ обидать?

(Петро и Настя мовчкы идутъ у хату)

Сотныкъ (Самъ).

Навчылась, ничого сказать!
Оце дытына! Ни, Настусю,
Я коло тебе захожуся
Теперъ, лебедонько, не такъ!
Покы сто разъ не поцилуе,
Й чытать не хоче. А бурсакъ!
Собачый сыну, знаешъ смакъ!
Ось я тебе попомуштрую
Не такъ, якъ въ бурси. Помеломъ!
Щобъ духу въ хати не було.
Велыкый свитъ нашъ — не загынешъ.
Дывыся, пся его лычына,
Оце-то такъ, що богословъ —
У батька краде. Добре свате!...
Яки то сталы люде зли!..
А що то діеться у хати?
Тамъ знову, знать мои, мали
Чытають... Треба розигнаты.

Оттаки батькы на свити,
На що воны дитямъ?
На наругу передъ Богомъ!
А шануйте, чтите,
Поважайте его, диты.
Бо то батько сывый,
Батько мудрый. Добре оттымъ
Сыротамъ щаслывымъ,
Що не мають оттыхъ батькивъ,
То й не согришають.

Настя. (Выбигае заплакана зъ хаты).

Не дае и пообидать —
Въ Кыивъ проганяе.
А, Боже мій мылостывый!
Що мени робыты?
Помандрую.... (Дывыться въ хату; замира вся).
Ухъ, якый сердытый!
Та не вдарыть... А я такы
У Кыивъ зъ Петрусемъ
Помандрую, хочъ що хочешъ...
Я не побоюся,
Середъ ночи помандрую!..
А видьма злякае!,..
Ни, не зляка. (Загляда знову).

Сердешненькый!
Кныжечкы складае
У торбыну и брыль бере.
Прощай, мое любе,
Мое серце!.. У-вечери?
За царыну? Буду
Раньше буду!... Ось на, ловы!
(Кыдае черезъ тынъ цвитокъ).
Чуешъ! дожыдайся! (Выходыть сотныкъ).

Настя. (Сиивае).

„Не ходы, не нуды, не залыцяйся —
Не сватай, не пиду, не сподивайся!“

Сотникъ

А ій байдуже, мовъ не знае!
Неначе та сорока скаче.
Настусю! чомь же ты не плачешъ?
Адже-жъ Петруся вже немае.

Настя

Дывитеся, яка печаль!
То й плачте, колы жаль.

Сотникъ

Мени байдуже.

Настя.

А мени
Ще байдужійше—винъ не мій.
А я вже заповиди знаю
Уси до одной.

Сотникъ.

Уси?

Настя.

Нехай хочъ заразъ сповидае
Отець Хома вашъ голосный.

Сотникъ

А повинчаемось въ нецилю?

Настя.

А вже-жъ! Такъ мы ще не говилы!
Якъ одговіемось-тоди.

Сотникъ (Цилуе іи).

Моя голубко сызокрыла,
Моя ты ягидко! (танцюе и приговорюе).
„У горохъ
Въ чотырехъ

У-ночи ходыла;
У-ночи,
Ходячы,
Намысто згубыла".

Настя.

Та годи вже вамъ зъ тымъ намыстомъ! Ишлы бъ швыдче до отця Хомы, та порадылыся. Отъ що!

Сотныкъ.

Правда, правда, моя квиточко! Побижу жъ я швыденько, а ты тутъ, моя любко, погуляй собы тыхенько. Та заквитчайся! Та не жды мене: бо буты мае, що я останусь и на вечерню.

(Цилуе ии и йде)

Настя.

Добре, добре! Не ждатыму.
Не ждатыму, не ждатыму,
У свытыну вдягатымусь,
У намысто уберуся —
Доганятыму Петруся.

Обнимемось, поцилуемось, поберемося за рученькы, та й пидемъ у-двохъ соби ажъ у Кыивъ. Треба заквитчаться, може въ останній разъ, бо винъ казавъ, що у Броваряхъ и повинчаемося.

(Квитчаеться и спивае)

„Ой пиду я не берегомъ—лугомъ,
Зостринуся зъ несуженымъ другомъ.
Здоровъ, здоровъ, несуженый друже!
Любылыся мы зъ тобою дуже;
Любылыся, та не побралыся,
Тилько жалю серцю набралыся".

Оце нагадала яку! Цуръ ій, яка пагана. Побижу лышъ швыдче. Оставайтеся здорови, мои высокыи тополи и хрещатый мій барвиночку! (Выходыть).

Иде до-дому у-ночи
Пьяненькый сотныкъ, а йдучы
Соби веселый розмовляе:
— Нехай и нашыхъ люде знають!
Нехай и сывый, и горбатый.
А мы .. хе! хе! а мы жонати!
А мы...—Насылу влизъ у хату,
Та й лигъ соби тыхенько спаты,
Щобъ Настю, бачте, не збудыть,
Та сорому не наробыть.
Уже й „достойно“ одзвонылы,
Уже до-дому люде йдуть, —
Не йде Настусенька, не чуть.
Насылу сотныка збудылы,
Та розсказалы -- „такъ и такъ!“
Перехрестывся неборакъ;
Коня найкращого сидлае
И скаче въ Кыивъ. Въ Броваряхъ,
Ужѐ повинчана, гуляе
Его Настуся молода.
Вернувся сотныкъ мій до-дому,
Тры дни, тры ночи не встававъ,
Никому й слова не сказавъ
И не пожалувавсь никому.

. . . . . .
. . . . . .
Турбуеться, заробляе,
А того не знае,
Що на старисть одуріе
И все занехаеть.
Оттакъ теперъ и съ сотныкомъ,
Зъ дурнымъ моимъ, сталось:
Розигнавъ дитей по свиту,
А добро осталось,—
Немае зъ кымъ подилыты.

Довелось самому
Роскыдаты, росточыты,
И добра никому
Не зробыты ни на шелягъ,
И притчею статы
Добрымъ людямъ; и охаты
У холодній хати
Пидъ кожухомъ; и никому
Хату затопыты
И выместы, по смитныку
Ходыты, нудыты,—
Покы пугачъ надъ стрихою
Въ викно не завые,
А наймычка холодного
Трупу не накрые
Кожушыною старою,
А ключъ одъ коморы
Изъ-за пояса украде.
Оттаке-то горе
И зъ сотныкомъ оце сталось:
Не мынуло году,
Якъ Настусенькы не стало,
А вже на городи
Не осталося ничого,—
Свыни та телята
Уже бродять. А барвинокъ,
Барвинокъ хрещатый,
Прытоптаный коло тыну,
Засыхае, вьяне.
А самъ сотныкъ у кожуси,
Одутлый, поганый
Коло клуни похожае:
И стогы невкрыти,
И покои немазани,
И сволокъ немытый,
И челяди нема дома,
Й худобы немае...
А наймычка задрипана,

Та й та помыкае
Старымъ паномъ. Такъ и треба:
Не розганяй дитокъ,
Сывый дурню! Недовго жывъ
На свій заробитокъ
Пьяный сотныкъ. Ще мынуло
Лито коло свита,
А въ-осены на улыци
Сотныка убыто;
А може, вмеръ неборака,
Одъ шынкаркы йдучы
Байдуже кому пытаты!
Забралы й онучи
Добри люде, а самого
Гарно поховалы
У левади и хрестыка
Надъ нымъ не вкопалы.
Ажъ жаль ёго: бувъ багатый,
И ридня, и диты
Есть у ёго, а никому
Хрестъ постановыты!
Умеръ сотныкъ, и покои
Згнылы, повалялысь;
Все пропало, погынуло
Тилько и осталысь —
Що тополи на выгони
Стоять, мовъ дивчата
Выйшлы зъ Оглава ватагу
Зъ поля выглядаты.

Мижъ скаламы, неначе злодій,
По-надъ Днистромъ иде въ-ночи
Козакъ, и дывыться йдучы
На каламутну темну воду,

Неначе ворогови въ очи,
Неначе вымовыты хоче:
— „Днистре, водо каламутна!
Вынесы на волю,
Або втопы,
Колы така доля!“
Та й роздигся на камени,
У воду кынувся; плыве,
Ажъ хвыля сыняя реве,
И, ревучы, на той берегъ
Козака выносыть.
Стрепенувся сиромаха:
И голый, и босый,
Та на воли; й бильшъ ничого
У Бога не просыть.
Постривай лышъ: може, брате,
На чужому поли
Талану того попросышъ.
Та тыеи доли...
Пишовъ соби темнымъ яромъ,
Та спивае йдучы:
„Ой зъ-пидъ горы, та зъ-пидъ кручи
Йшлы мажи рыпучи;
А за нымы йде та чорнявая
Та плаче, рыда йдучы“.

Уже якъ хочете: хочъ лайте,
Хочъ и не лайте, й не чытайте.
Про мене... и не прошу...
Для себе, братикы, спышу,
Ще разъ те олыво потрачу,
А може, дасть Богъ, и заплачу.
То й буде зъ мене...
Нумо зновъ!

Покынувъ матирь и господу,
Покынувъ жинку; жаль та й годи!

На Бесарабію пишовъ
Оцей Козакъ Погнало горе
Да моря пыты. Хочъ говорять
Абы оранда въ рукахъ була,
А хлопа, якъ того вола,
У плугъ голодного впряжешъ.
Троха лышень, чи такъ?
Ще зъ малку зъ матирью старою
Ходывъ зъ торбамы сей козакъ.
Оттакъ и вырисъ сыротою
У наймахъ. Сказано шарпакъ —
То й одружывся соби такъ:
Узявъ хорошу, та убогу, —
Звычайне наймычку. А панъ...
(И не таланъ нашъ и таланъ,
Якъ кажуть люде,—все отъ Бога)
Нагледивъ, клятый.' Паньски очи!—
Та й ну гостынци засылать.
Такъ и гостынцивъ брать не хоче,
Не хоче й пана закохать.
Що тутъ робыть? За чоловика.
Укоротывшы ему вика...
А жинку можно прывитать.
Трохы не сталося оттакъ:
До нытки звився мій козакъ,
Усе на панщыни проклятій,
А бувъ хазяинъ.
А жиночку свою любывъ —
И, Господы едыный!—
Якъ те паня, якъ ту дытыну
У намыстахъ водывъ!
Та знемигся неборака—
Хочъ продавай хату,
Та йды въ наймы. Оттакъ его
Оттой панъ проклятый
Допикъ добре! А жипочка,
Мовъ сего й не знае,
У доброму намыстечку

Въ садочку гуляе,
Якъ та краля!—„Що тутъ робыть?“
Сердега миркуе:
„Покыну ихъ та утечу...
Хто жъ ихъ нагодуе,
Хто догляне? Одна — стара,
Нездужае встаты;
А другая молодая,
Дума погуляты.
Якъ же его?.. Що діяты?
Горе мое, горе!..“
Та й пишовъ, торбыну взявшы,
За сынее море
Шукать доли... Думавъ прыйты,
Та хочъ жинку взяты —
Стара мáты и тутъ буде
Вику дожываты
На господи...
Такъ оттакъ-то
Трапляеться въ свити!
Думавъ жыты, пожываты,
Та Бога хвалыты;
А довелось на чужыни
Тилько слезы лыты,
Бильшъ ничого Нудно ёму
На чужому поли.
Всего надбавъ, роботяга,
Та не прыдбавъ доли,
Талану того святого.
Свитъ Божый немылый—
Нудно ёму на чужыни,
И добро остыло
Хочеться хочъ подывыться
На свій край на мылый,
На високыи могылы,
На степы шыроки,
На садочокъ, на жиночку,
Кралю карооку,

Та й поплывъ Днистромъ на сей бікъ,
Покынувшы волю,
Бродягою. О, Боже мій!
Якее ты, поле,
Свое поле! яке-то ты
Шыроке, шыроке,
Якъ та воля!...

Прыйшовъ до-дому у-ночи.
Стогнала маты на печи,
А жинка у комори спала
(Бо панъ нездужа). Жинка встала,
Неначе пьявка та впылась
И, мовъ водою, залылась
Дрибнымы, якъ горохъ, слезамы.
И се трапляеться мижъ намы,
Що нижъ на серце наставля,
А самъ цилуе! Ожыла
Моя сердешна молодыця:
И де ти въ Господа взялыся
Усяки штучныи йиства!

Сама жъ, неначе нежыва,
На плечи пада. Напоила
И нагодувала,
И спать ёго, веселого,
Въ комори поклала.
Лежыть соби неборака,
Думае, гадае,
Якъ то будемъ мандруваты,
И тыхо дримае.
А жиночка молодая
Кынулась до пана:
Розсказала: „оттакъ и такъ!“
Любо та кохано
Прыйшлы, взялы сиромаху,
Та й повезлы зъ дому
Пройдысвіта, волоцюгу,
Прямо до прыёму.

И тамъ доля не кынула.
Дослужывсь до чыну.
Та й вернувся въ село свое,—
И служыть покынувъ.
Уже матиръ поховалы
Громадою люде,
И панъ умеръ. А жиночка
Московкою всюды
Хыляеться—и по жыдахъ,
И по панахъ... боса.
Найшовъ іи, подывывся
И, сывоволосый,
Пиднявъ руки каличени
До святого Бога,
Зарыдавъ, якъ та дытына,
И—простывъ небогу.
Оттакъ, люде, научайтесь
Ворогамъ прощаты,
Якъ сей неукъ!..
Де жъ намъ гришнымъ
Добра сёго взяты?

Зарослы шляхы тернамы
На тую краину.
Мабуть я іи на-викы,
На-викы покынувъ...
Мабуть мени не вернутысь
Николы до дому;
Мабуть мени доведеться
Чытаты самому
Оци думы...? Боже мылый,
Тяжко мени жыты!
Маю серце шырокее—
Ни съ кымъ подилыты.

Не давъ есы мени доли,
Молодои доли;
Не дававъ есы николы,
Николы, николы!
Не давъ серця молодого
Зъ тымъ серцемъ дивочымъ
Поеднаты. Мынулыся
Мои дни и ночи
Безъ радости, молодци,
Такъ соби мынулы
На чужыни. Не найшлося
Зъ кымъ серцемъ дилытысь;
А теперъ не маю навитъ
Зъ кымъ поговорыты.
Тяжко мени, Боже мылый,
Носыты самому
Оци думы и не дилыть
Ни съ кымъ, и никому
Не сказать святого слова,
И душу убогу
Не радовать, и не корыть
Чоловика злого, -
И умерты .. О, Господы!
Дай мени хочъ глянуть
На народъ отой убытый,
На тую Украйну.

И вырисъ я на чужыни,
И сывію въ чужому краи;
То одынокому мени,
Здаеться, кращого немае
Ничого въ Бога, якъ Днипро,
Та наша славная краина.
Ажъ бачу—тамъ тилько добро,
Де насъ нема. Въ лыху годыну,

Якось недавно довелось
Мени зайихать въ Украину,
У те найкращее село,
У те, де маты повывала
Мене малого и въ-ночи
На свичку Богу заробляла,
Поклоны тяжкыи бьючы;
Пречыстій ставыла, молыла,
Щобъ доля добрая любыла
Іи дытыну... Добре, мамо...
Що ти заранє спать лягла,
А що въ тої бога проклала
Золій талантъ Ажъ страхъ погано
У тимъ хорошому сели·
Чорнише чорнои земли,
Блукають люде, повсыхалы
Сады зелени; погнылы
Биленьки хаты, повалялысь:
Ставы бурьяномъ порослы.
Село неначе погорило,
Неначе люде подурилы,—
Ними на панщыну идуть
И диточокъ своихъ ведуть...
И я, заплакавшы, назадъ
Пойихавъ знову на чужыну.
И не въ однимъ оттимъ сели,
А скризь на славній Украини
Людей у ярма запряглы
Паны лукави... Гынуть, гынуть
У ярмахъ лыцарьски сыны...
А препоганыи паны
Жыдамъ, братамъ своимъ хорошымъ,
Остатни продають штаны...
Погано, дуже, страхъ погано
Въ оцій пустыни пропадать;
А ще поганше на Украини
Дывытысь, плакать и мовчать.
А якъ не бачышъ того лыха,

То скризь здається любо, тыхо
И на Украини добро.
Мижъ горамы старый Днипро,
Неначе въ молоци дытына,
Красуеться, любуеться
На всю Украину;
А по-надъ нымъ зеленіють
Шырокыи села;
А у селахъ у веселыхъ
И люды весели.
Воно бъ може такъ и сталось...
Якъ бы не панамъ
Слюду панськую въ Украини!

Ой чого ты почорнило,
Зеленее поле?
— Почорнило я видъ крови
За вольную волю.
Кругъ мистечка Берестечка.
На чотыри мыли,
Мене славни Запорожци
Своимъ трупомъ вырылы.
Та ще мене гайвороны
Укрылы зъ пивночи...
Клюють очи казацькыи,
А трупу—не хочуть.
Почорнило я, зелене,
Та за вашу волю...
Я зновъ буду зелениты,
А вы вже николы
Не вернетеся на волю...
Будете ораты
Мене стыха, та орючы
Долю проклынаты...

У недиленьку у святую,
У досвитнюю годыну,
У славному, преславному
Мисти, въ Чыгырыни,
Задзвонылы въ уси дзвоны,
Зъ гарматы стрелялы,—
Превелебную громаду
До-купы склыкалы.

Зъ святыми хоругвамы,
Та зъ пречестнымы образамы
Народъ зъ попамы
Зъ усихъ церковъ на гору йде,
Мовъ та Божа бжола гуде.
Зъ манастыря святого
У золоти, ажъ сяе,
Самъ архымандрытъ выхожае,
Акахвыстъ чытае,
Поклоны покладае.

Поважно та тыхо,
У раннюю пору,
На высоку гору
Сходылысь полковныкы.
И військо, якъ море,
Зъ знаменамы, зъ бунчукамы,
Зъ лугу выступало,
Та на трубахъ выгравало,
И на гори разомъ стало.

Замовклы гарматы,
Онимилы дзвоны,
И громада покладае
Земныи поклоны.
Молебствіе архымандрытъ
Самъ на гори правыть,

Святого Бога просыть, хвалыть,
Щобъ давъ имъ мудрости дознаты—
Гетьмана доброго обраты.
И одногласне, одностайне
Громада выбрала гетьмана —
Преславного Лободу Йвана,
Лыцаря старого,
Брата війскового.

У трубы затрубылы,
У дзвоны задзвонылы,
Вдарылы зъ гарматы,
Знаменамы, бунчукамы
Гетьмана укрылы.
Гетьманъ старый рыдае,
До Бога руки здіймае,
Тры поклоны покладае
Велыкій громади
И, мовъ дзвономъ дзвоныть,
Говорыть.

— „Спасыби вамъ, панове-молодци,
Преславныи Запорожци,
За честь, за славу, за повагу,
Що вы мени учынылы?
А ще бъ краще вы зробылы,
Якъ-бы, замисць старого,
Та обралы молодого
Завзятого молодця,
Преславного запорожця,
Павла Кравченка-Налывайка:
Я старъ чоловикъ, нездужаю встаты.
Буду ёму пораду даваты,
По-батькивскы научаты,
Якъ на ляха статы.
Теперъ прелютая годына
На нашій славній Украини:
Не мени васъ, братця,

На ляха водыты;
Не мени теперъ, старому,
Булаву носыты.
Нехай носыть Налывайко
Козакамъ на славу,
Щобъ лякалысь вражи ляхы
У своій Варшави!“

Громада чмелемъ загула,
У дзвоны задзвонылы;
Гармата заревла,
И бунчукамы вкрылы
Преславного запорожця
Павла Кравченка-Налывайка.

ШВАЧКА.

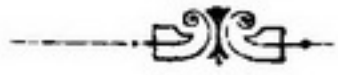
Ой не пьеться горилочка,
Не пьються й меды;
Не будете шынкуваты,
Прокляти жыды!
Ой не пьеться тее пыво,
А я буду пыть;
Не дамъ же я вражымъ ляхамъ
Въ Украини жыть.
Ходимъ, батькы отаманы,
У Хвастовъ въ недилю,
Та надинемъ вражымъ ляхамъ
Кошуленьку билу;
Ни, не билу, а червону...
Ходимъ-погуляемъ,
Та въ прыгоди свого батька
Старого згадаемъ,
Полковныка Хвастовського,
Славного Семена.
Ходимъ, браты не згынете,
Хлопци, коло мене".

Въ Перепьяти гайдамакы
Нышкомъ ночувалы;
До схидъ сонця у Хвастови
Хлопьята гулялы.
Прыйды зъ того Межыгорья,
Нашъ славный Палію. —
Подывыся, що той Швачка
У Хвастови діе.
Добре діе!... У Хвастови,
У славному мисти,
Покотылось ляхивъ, жыдивъ
Не сто и не двисти,

А тысячи; а майданы
    Кровъю червонилы;
А оранды зъ костѐламы,
    Мовъ свичкы, згорилы.
Въ самимъ замку невелычку
    Церковку святую
Не спалено. Оттамъ Швачка
    Спива: „аллылуйя!“
Хвалыть Господа, веселый,
    И каже сидлаты
Коня свого вороного:
    Мае погуляты
У Быхови, славнимъ мисти,
    Зъ Левченкомъ у-купи,—
Потоптаты жыдивського
    Й шляхетського трупу.

СЫЧИ.

На ныву въ жыто у-ночи,
На поли, на роздолли
Злиталыся по воли
Сычи —
Пожартувать,
Помиркувать,
Щобъ бидне птаство заступыть,
Орлыне царство затопыть
И геть спалыть;
Орла жъ повисыть на тычини
И, пры такій годыни,
Республыку зробыть.
И все бъ здавалося? А ни!
Щобъ не толочылы пашни —
Воно було бъ не дыво,
Якъ-бы хто иншый на тій ныви
Сильце поставывъ, а то зыркъ —
Такы голисинькый мужыкъ
Поставывъ любо, та й пишовъ
Въ копыци спать соби. А рано,
Не вмывшыси, зайшовъ
Гостей довидать. Та й погани —
Уси до одного Сычи!
Оце тоби вары й печы!
Щобъ не нести до-дому
Таке добро, то повбывавъ;
А иншыхъ гратыся оддавъ
Прыборканыхъ воронамъ,
И не сказавъ никому.



ЧУМА.

Чума зъ лопатою ходыла,
Та гробовыща рыла, рыла,
Та трупомъ, трупомъ начыняла,
И „со святымы“ не спивала.
Чи городомъ, чи то селомъ
Мете соби, якъ помеломъ.

Весна. Садочкы зацвилы,
Неначе полотномъ укрыти,
Росою Божою умыти,
Биліють. Весело земли:
Цвите, красуеться цвитамы,
Садамы темнымы, лугамы;
А люде бидныи въ сели,
Неначе злякани ягнята,
Позамыкалыся у хатахъ,
Та й мруть .. По улыцяхъ волы
Ревуть голодни; на городи
Пасуться кони: не выходыть
Нихто загнать, нагодувать,
Неначе люде тыи сплять.
Заснулы, добре, знать, заснулы, —
Святу недиленьку забулы,
Бо дзвона вже давно не чуть;
Сумують комины безъ дыму;
А за городамы, за тыномъ
Могылы чорныи ростуть.
Пидъ хатамы, по-мижъ садамы,
Зашыти въ шкуру и въ смоли,
Гробокопатели въ сели
Волочять трупы ланцюгамы
За царыну... и засыпають
Безъ домовыны. Дни мынають,

Мынають мисяци... Село
На викъ замовкло — онимило
И крапывою поросло.
Гробокопатели ходылы,
Та й ти пидъ хатамы ляглы.
Нихто не выйшовъ въ-ранци зъ хаты,
Щобъ ихъ, сердешныхъ, поховаты,—
Пидъ хатамы и погнылы.

Мовъ оазысъ въ чыстимъ поли,
Село зеленіе.
Нихто въ ёго не заходыть;
Тилько витеръ віе,
Та розносыть жовте лыстя
По жовтому полю.
Довго воно зеленило,—
Покы люде зъ поля
Пожарыще не пустылы,
Та не запалылы
Села того зеленого.
Згорило, зотлило,
Попилъ витромъ розмахало,
И слиду не стало.
Оттаке-то людямъ горе
Чума выробляла!

У тыеи Катерыны
Хата на помости;
Изъ славного Запорожжя
Найихалы гости:
Одынъ — Семенъ Босый,
Другый — Иванъ Голый,
Третій — славный вдовыченко
Иванъ Ярошенко.

— Зъийздылы мы Польщу
И всю Украину,
А не бачылы такои,
Якъ се Катерына. —
Одынъ каже: „Брате!
Якъ бы я багатый,
То оддавъ бы все золото
Оцій Катерыни
За одну годыну:“
Другый каже: „Друже!
Якъ бы я бувъ дужый,
То оддавъ бы я всю сылу
За одну годыну
Оцій Катерыни“.
Третій каже: „Даты!
Нема того въ свити,
Чого бъ мени не зробыты
Для сіеи Катерыны
За одну годыну“.

Катерына задумалась
И третѐму каже:
„Есть у мене братъ едыный,
У неволи вражій —
У Крыму десь пропадзе.
Хто его достане,
То той мени, запорожци
Дружыною стане“.
Разомъ повставалы,
Коней посидлалы,
Пойихалы вызволяты
Катрыного брата
Одынъ утопывся
У Днипровимъ гирли:
Другого въ Козлови
На килъ посадылы;
Третій — Иванъ Ярошеньо,
Славный вдовыченко, —

Зъ лютои неволи,
Изъ Бакчысараю,
Брата вызволяе.
Заскрыпилы рано двери
У велыкій хати.
„Вставай, вставай, Катерыно,
Брата зостричаты!“
Катерына подывылась,
Та й заголосыла:
—Се не братъ мій, се мій мылый,
Я тебе дурыла.—
„Одурыла!“ и Катрына
До-долу скотылася
Головонька... „Ходимъ, брате,
Зъ поганои хаты!“
Пойихалы запорожци
Витеръ доганяты...
Катерыну чернобрыву
Въ поли поховалы;
А славныи запорожци
Въ степу побраталысь.

УДОВЫЦЯ.

Ой крыкнулы сири гусы
Въ яру на ставу;
Стала на все село слава
Про тую вдову.
Не такъ слава, не такъ слава,
Якъ той поговиръ,
Що зайиздывъ козакъ зъ Сичи
До вдовы на двиръ;
Вечерялы у свитлыци,
Медъ, выно пылы,
И въ кимнати на кровати
Спочыты ляглы...

Не мынула слава тая—
Не марно пишла:
Удовыця у мьясныци
Сына прывела...
Выгодувала малого,
До школы ддала,
А изъ школы ёго взявшы.
Коня купыла;
А коня ёму купывшы,
Сидельце сама
Самымъ шовкомъ вышывала,
Злотомъ окула;
Одягла ёго въ червоный
Въ жупанъ дорогый,
Посадыла на коныка:
„Гляньте, ворогы!
Подывитесь!“—Та й повела
Коня вдовжъ села,

Та й прывела до обозу—
Въ військо оддала...
А сама на прощу въ Кыивъ
Въ черныци пишла...

По улыци витеръ вие
Та снигъ замитае.
По улыци, по-пидъ тынню
Вдова шкандыбае —
Пидъ дзвиныцю сердешная
Руки простягаты
До тыхъ самыхъ, до багатыхъ,
Що сына въ салдаты
Позаторикъ заголылы...
А думала жыты,—
Хочъ на старисть у невисткы
Въ добри одпочыты...
Не довелось! Выблагала
Тую копійчыну ...
Та Пречыстій поставыла
Свичечку за сына.

На велыкдень, на соломи
Проты сонця, диты
Гралысь соби крашанкамы,
Та й сталы хвалытысь
Обновамы. Тому къ святкамъ
Зъ лыштвою пошылы
Сорочечку, а тій стёжку,
Тій стричку купылы;

Кому шапочку смушеву,
Чобиткы шкапови,
Кому свытку... Одна тильѣы
Сыдыть безъ обновы
Сыриточка, рученята
Сховавшы въ рукава.
— Мени маты купувала.
— Мени батько справывъ.
— А мени хрещена маты
Лыштву вышывала.
„А я въ попа обидала!
Сыритка сказала...

Ой умеръ старый батько
И старенькая маты;
Та нема кому щырои
Тыи радонькы даты...
Що мени на свити
Сыроти робыты:
Чи йты въ люде жыты,
Чи дома журытысь?
Ой пійду я въ гай зеленый
Посажу я руту:
Якъ що зійде моя рута,
Остануся тута, —
Прыйде мылый въ мою хату
Хазяинуваты;
А якъ же ни — то я пійду
Доленькы шукаты ..
Посходыла тая рута,
Въ гаи зеленіе...
А дивчына-сыротына
У наймахъ марніе!

Закувала зозуленька
Въ зеленому гаи·
Заплакала дивчынонька—
Дружыны немае.
А дивочи молодыи
Веселыи лита,
Якъ квиточкы за водою,
Плывуть зъ сего свита.

Не тополю высокую
Витеръ нагынае:
Дивчынонька одынока
Долю зневажае:
— Бодай тоби, доле,
У мори втопытысь,
Що не даешъ мени й доси
Ни зъ кымъ полюбытысь.
Якъ дивчата цилуються,
Якъ ихъ обнимають
И що тоди имъ дiеться,—
Я й доси не знаю...
И не знатыму... Ой, мамо!
Страшно дивуваты,
Увесь викъ свiй дивуваты,
Ни зъ кымъ не кохатысь.—

На улыци невесело,
Въ хати батько лае,
А до вдовы на досвиткы
Маты не пускае.

Що жъ мени робыты,
Де мени подитысь,—
Чи то зъ иншымъ полюбытысь,
Чи то утопытысь?
Ой надину я сережкы
И добре намысто,
Та пиду я на ярмарокъ
Въ недилю на мисто.
Скажу ему: „сватай мене.
Або одчепыся,—
Бо якъ мени у матери,
То лучче втопыться“.

Якъ бы мени, мамо, намысто,
То пишла бъ я завтра на мисто;
А на мисти, мамо, на мисти —
Грае, мамо, музыка троиста,
А дивчата за парубкамы
Лыцяються.. Мамо! мамо!
Безталанна я!
Ой пійду я Богу помолюся,
Та пійду я у наймы наймуся,
Та куплю я, мамо, черевыкы,
Та найму я троисти музыкы:
Нехай люде не здывують,
Якъ я, мамо, потанцюю...
Доленько моя!
Не дай мени викъ дивуваты,
Косы мои плесты, заплитаты,
Бровенята дома зносыты,
Въ самотыни вику дожыты...
А покы я заробляю —
Чорни бровы полыняють...
Безталанна я!

Якъ-бы мени черевыкы,
То пишла бъ я на музыкы...
Горенько мое!
Черевыкивъ немае!
А музыка грае, грае,
Жалю завдае!
Ой пиду я боса полемъ,
Пошукаю свою долю:
Доленько моя!
Глянь на мене, чорнобрыву,
Моя доле неправдыва,
Безталанна я!
Дивчаточка на музыкахъ
У червоныхъ черевыкахъ —
Я свитомъ нужу...
Безъ роскоши, безъ любови,
Зношу свои чорни брови —
У наймахъ зношу!..

И багата я,
И вродлыва я,
Та не маю соби пары.
Безталанна я!
Тяжко, важко въ свити жыть
И никого не любыть,
Оксамытови жупаны
Одынокій носыть!
Полюбылась бы я,
Одружылась бы я
Зъ чорнобрывымъ сыротою,
Та не воля моя!
Батько, маты не сплять,

На сторожи стоять:
Не пускають саму мене
У садочокъ гулять!
А хочъ пустять, то зъ нымъ,
Зъ препоганымъ старымъ,
Зъ моимъ нелюбомъ багатымъ,
Зъ моимъ ворогомъ злымъ!

Породыла мене маты
У высокыхъ у палатахъ,—
Шовкомъ повыла;
У золоти, въ оксамыти,
Мовъ та квиточка укрыта,
Росла я, росла.
И выросла я па дыво:
Кароока, чернобрыва,
Билолыцяя.
Убогого полюбыла, —
Маты замижъ не пустыла:
Осталася я
У высокыхъ у палатахъ
Увесь викъ свій дивуваты...
Недоля моя!
Якъ былына пры долыни,
Въ одынокій самотыни
Старіюся я;
На свитъ Божый не дывлюся,
Ни до кого не горнуся,
А матиръ стару...
Просты мене, моя маты!
Буду тебе проклына ы
Покы не умру...

Ой сяду я пидъ хатою,
На улыцю гляну,
Якъ то тыи дивчаточка
Безъ своеи Ганны,
Безъ моеи Ганнусенькы,
У хрещыка грають!
И граються не весело,
И не такъ спивають
Дивчаточка.. А моеи
Голубкы немае:
У свекрухы десь воркуе
Мене выглядае.

На городи коло броду
Барвинокъ не сходыть;
Чомусь дивчына до броду
По воду не ходыть

На городи коло тыну
Сохне на тычыни
Хмиль зеленый; не выходыть
Дивчына съ хатыны.

На городи коло броду
Верба похылылась,
Зажурылась чорнобрыва,
Тяжко зажурылась.

Плаче, плаче та рыдае,
Якъ рыбонька бьеться...
А надъ нею, молодою,
Поганець смiеться.

Не вернувся изъ походу
Гусарынъ-москаль.
Чого жъ мени ёго шкода,
Чого ёго жаль?
Що на ёму жупанъ куцый,
Що гусарынъ чорноусый,
Що Машою звавъ?
Ни, не того мени шкода;
А марніе моя врода,
Люде не беруть;
А на улыци дивчата
Насмихаються, прокляти, —
Гусаркою звуть!..

Полюбылася я,
Одружылася я
Зъ безталаннымъ сыротою —
Така доля моя!

Люде гордыи, зли
Розризнылы, взялы
Та повезлы до прыему —
Оддалы въ москали!

И московкою я,
Одынокою я
Старіюся въ чужій хати —
Така доля моя!

Було роблю що, чи гуляю,
Чи Богу молюся, —
Усе думаю про его
И чогось боюся.
Дурна була, молодая —
Я все выглядала,
Чи не шле за рушныкамы.
И не сподивалась,
Що винъ мене, дурну, дурыть.
А серце болило,
Нибы знало, що такъ буде, —
Сказаты не вмило.
А якъ-бы було сказало,
То я бъ не любыла;
Може була бъ до крыныци
У гай не ходыла.
А то въ-ранци и въ-вечери
Ходыла, гуляла;
Доходылась — осталася,
На викы осталась
Дивуваты. Тяжко мени
У матери въ хати
Старитыся; а своеи
Вже хаты не маты.
А ще й доси, чи роблю що,
Чи то такъ гуляю,
Усе думаю про его,
И сама не знаю,
Чого думаю, чого я
У той гай ходыла,
И за що его такъ довго,
Такъ тяжко любыла.

Ой люли, люли, моя дытыно,
Въ день и въ-ночи...
Пійдешъ, мій сыну, по Украини,
Насъ кленучы.
Сыну мій, сыну! не клены тата,
Не помьяны.
Мене, прокляту, я — твоя маты, —
Мене клены...
Мене не стане, — не йды мижъ люде,
Иды ты въ гай:
Гай не спытае й бачыть не буде...
Тамъ и гуляй.
Найдешъ у гаи тую калыну,
То прыгорнысь...
Бо я любыла, моя дытыно,
Іи колысь.
Якъ пійдешъ въ села, у тыи хаты,
То не журысь;
А якъ побачышъ зъ диткамы матиръ,
То — не дывысь!

Ой не пьються пыва, меды,
Не пьеться вода, —
Прылучылась зъ чумаченькомъ
У степу бида:
Заболила головонька,
Заболивъ жывитъ, —
Упавъ чумакъ коло возу,
Упавъ та й лежыть.
Изъ Одесы преславнои
Завезлы чуму;
Покынулы товарыша,

Горенько ему
Волы ёго коло возу
Понуро стоять;
А изъ степу гайвороны
До его летять.
„Ой не клюйте, гайвороны,
Чумацького трупу:
Наклювавшысь, подохнете
Коло мене въ-купи.
Ой полетить, гайвороны,
Мои сызокрыли,
До батечка, та скажите,
Щобъ службу служылы,
Та за мою гришну душу
Псалтыръ прочыталы,
А дивчини молоденькій
Скажить, щобъ не ждала“.

Унедиленьку та ранесенько,
Ще сонечко не зиходыло,
А я, молоденька,
На шляхъ, на дорогу
Невеселая выходыла.
Я выходыла за гай, на долыну,
Щобъ не бачыла маты,
Мого молодого
Чумака зъ дорогы
Зостричаты.
Ой зострилась я
За тымы лозамы:
Та зъ чумацькымы возамы
Идуть его волы,

Волы половыи,
Идуть, ремыкгають;
А чумаченька мого молодого
Коло волыкивъ немае.
Ой копалы ёму въ степу пры дорози
Та прытыкамы яму;
Завернулы ёго у тую рогожу,
Та и спустылы Йвана
У ту яму глыбокую
На высокій могыли.
Ой, Боже мылый, мылосердый!
А я такъ ёго любыла...

Ой пишла я у яръ за водою,
Ажъ тамъ мылый гуляе зъ другою.
А другая тая,
Розлучныця злая, —
Багатая сусидонька,
Вдова молодая.
А я вчора зъ нею,
Зъ сіею зміею,
Въ поля шлоскинь выбирала,
Та все й розсказала, —
Що якъ мене любыть,
Женытыся буде,
И до себе злую суку
Просыла въ прыдане
Йване мій, Иване,
Друже мій коханый!
Побый тебе сыла Божа
На наглій дорози!

Коло гаю, въ чыстимъ поли,
На самій могыли,
Дви тополи высокыи,
Одна одну хылыть,
И безъ витру гойдаються,
Мовъ борються въ поли...
Отто сестры чаривныци
Оттыи тополи.

Закохалыся обыдви
Въ одного Ивана;
А Иванъ — козакъ звычайный —
Обохъ ихъ не ганывъ,
И лыцявся то зъ тією,
То зъ другою любо,—
Покы въ яру, у-вечери,
Пидъ зеленымъ дубомъ
Не зійшлыся уси трое...
— Оттакъ то ты, кате,
Згнущаешся надъ сестрамы?..

И пишлы шукаты
Труты-зилля, щобъ Ивана
Завтра отруиты.
Найшлы зилля, накопалы,
И сталы варыты.
Заплакалы, зарыдалы,
Та нема де дитысь —
Треба варыть!..
Наварылы;
Ивана струилы,
Й поховалы коло гаю
Въ поли на могыли.

И байдуже?.. Ни, не дуже!
Бо сестры ходылы

Що-день Божый въ-ранци рано
Плакать надъ Иваномъ,
Покы й самы потруилысь
Тымъ зиллямъ поганымъ.

А Богъ людямъ на науку
Поставывъ ихъ въ поли,
На могыли тополямы, —
И тыи тополи
Надъ Иваномъ на могыли,
Коло того гаю,
И безъ витру гойдаються,
И витеръ гойдае. —

Ой я свого чоловика
Въ дорогу послала,
А одъ шынку та до шынку
Стежечку топтала.
Та до кумы заходыла
Пшона позычаты —
Оттыхъ дитей годуваты
Въ нетопленій хати.

И нагодувала,
И спаты поклала,
Сама пишла до дяка
Добуваты пьятака,
Та й заночувала.

А изъ Крыму чоловикъ
Ледве ногы доволикъ:
Волы поздыхалы,
Возы поламалысь, —
Зъ батижкамы чумаченькы
До-дому верталысь.

Увійшовъ у хату,
Ударывсь объ полы, —
Лазять диты у запичку,
Голодни и голи.
„А де ваша, диты, маты?“
Сердешный пытае,
— „Тату! тату! наша маты
У шынку гуляе“.

Утоптала стежечку
Черезъ яръ,
Черезъ гору, серденько,
На базаръ.
Продавала бублыкы
Козакамъ,
Вторговала, серденько,
Пьятака.
Я два шагы, два шагы
Пропыла,
За копійку дудныка
Найняла
Заграй мени, дудныку,
На дуду,
Нехай свое лышенько
Забуду.
Оттака я дивчына,
Така я!
Сватай мене, серденько, —
Выйду я!

У перетыку ходыла
По горихы,
Мирошныка полюбыла
Для потихы.
Мельныкъ меле, шеретуе,
Обернеться, поцилуе —
Для потихы.

У перетыку ходыла
По опенькы,
Лымаренка полюбыла
Молоденька
Лымарь кычку зашывае,
Мене горне, обнимае —
Молоденьку.

У перетыку ходыла
Я по дрова,
Та бондаря полюбыла
Чорноброва.
Бондарь видра набывае,
Мене горне, прыгортае —
Чорноброву.

Колы хочешъ добре знаты,
Моя маты,
Кого будешъ по-переду
Зятемъ зваты —
Усихъ, усихъ, моя мамо,
У недиленьку зятямы
Будешъ зваты.

Туманъ, туманъ долыною —
Добре жыты зъ родыною;
А ще лучче за горою
Зъ дружыною молодою.
Ой пійду я темнымъ гаемъ —
Дружыноньки пошукаю.
„Де ты? де ты? озовыся!
Прыйды, серце, прыгорныся!
Нумо, серце, лыцятыся
Та пойидемъ винчатыся,
Щобъ не зпалы батько й маты
Де мы будемъ ночуваты“
Одружылысь, заховалысь...
Бодай булы не кохалысь!
Легше було бъ самій жыты,
Якъ зъ тобою въ свити бытысь.

Неначе праведныхъ дитей,
Господь, любя своихъ людей,
Пославъ на землю имъ пророка —
Свою любовъ благовистыть,
Святому розуму учыть.
Неначе нашъ Днипро шырокый,
Слова его лылысь, теклы
И въ серце падалы глыбоко,
И, нибы тымъ огнемъ, пеклы
Холодни души. Полюбылы
Пророка люде, и молылысь
Ему, и слезы знай лылы.
А потимъ... люде, родъ лукавый!
Господнюю святую славу
Ростлилы, и чужымъ богамъ

Пожерлы жертвы, омерзылысь
И мужа свята — горе вамъ! —
На стогнахъ каменемъ побылы,
И заходылыся гулять,
Святою кровью шынкувать.
И праведно Господь велыкый
На васъ на лютыхъ, на васъ дыкыхъ
Кайданы повеливъ кувать,
Глыбоки тюрмы муровать.
И — роде лічивой и честакій
Волинскі кроткаго пророка
Царя вамъ повеливъ гідзроть

Изъ-за гаю сонце сходыть,
За гай и заходыть.
По долыни у-вечери
Козакъ смутный ходыть.
Ходыть винъ годыну,
Ходыть винъ и другу, —
Не выходыть чорнобрыва
Изъ темного лугу.
Не выходыть зрадлывая...
А зъ яру та лису,
Зъ собакамы та псарямы.
Иде панъ-гульвиса.
Цькують его собакамы,
Крутять назадъ рукы,
И завдають козакови
Смертельныи мукы.
У лѐхъ ѐго, молодого,
Той панъ замыкае,
А дивчыну покрыткою
По свиту пускае.

Ой выгострю товарыша,
Засуну въ халяву;
Та пиду шукаты правды
И тіеи славы.
Ой пиду я не лугамы
И не берегамы,
А пиду я не шляхамы,
А по-надъ шляхамы.
Та спытаю въ жыдовына,
Въ багатого пана,
У шляхтыча паганого
Въ паганимъ жупани.
И у ченця, якъ трапыться,
Нехай не гуляе,
А святе письмо чытае,
Людей поучае:
Щобъ братъ брата не ризалы,
Та не окрадалы.
Та въ москали вдовыченка
Щобъ не оддавалы.

1850.

Лычу въ неволи дни и ночи,
И ликъ забуваю!
О, Господы! якъ то тяжко
Тіи дни мынають!
А лита плывуть за нымы,
Плывуть соби съ-тыха,
Забирають за собою
И добро, и лыхо;
Забирають, не вертають
Николы ничого...
И не благай, бо пропаде
Молытва...

Каламутнымы болотамы
Мижъ бурьянамы, за годамы
Тры годы сумно протеклы;
Багато де-чого взялы
Зъ моеи темнои коморы,
И въ море нышкомъ однеслы;
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато-серебро —
Мои лита — мое добро.
Мою нудьгу, мои печали —
Тыи незрымыи скрыжали,
Незрымымъ пысани перомъ...
Нехай гнылымы болотамы
Течуть соби мижъ бурьянамы

Лита невольнычи! А я...
(Такая заповидь моя)
Посыжу, трошкы погуляю,
На степъ, на море подывлюсь,
Згадаю дѐ-що, заспиваю,
Та й зновъ мережать захожусь
Дрибненьку кныжечку... Рушаю!..

Заступыла чорна хмара
Та билую хмару:
Выступылы зъ-за Лыману
Зъ туркамы татары;
Изъ Полисся шляхта лизе,
А гетьманъ поповычъ
Изъ-за Днипра напирае,
Дурный Самойловычъ
Зъ Ромоданомъ; мовъ та галичъ,
Вкрылы Украину
Та й клюють, елыко-мога.
А ты, Чыгырыне!
А ты, старый Дорошенку,
Запорозськый брате!
Нездужаешъ, чи боишся
На ворога статы?
„Не боюсь я, отаманы,
Та жаль Украины!“
И заплакавъ Дорошенко!
Якъ тая дытына:
„Не розсыплемъ вражу сылу,
Не встану я знову!
Возьмить мои гетьманськыи
Клейноды, панове,
Та однесить москалеви:
Нехай Москва знае,

Що гетьмана Дорошенка
На свити нема.
А я, браты Запорожци,
Возьму соби рясу
Та пиду поклоны быты
Въ Межыгоръ до Спаса".

Задзвонылы въ уси дзвоны,
Гармата гримала;
У дви лавы заднипрянци
Зъ москалямы сталы,
Ажъ на мылю. Мижъ лавамы
Понеслы клейноды.
— Годи тоби, Петре, пыты
Изъ Тясмына воду!
Положылы ти клейноды
Попенкови въ ногы;
— Иды, Петре, въ Межыгорье
Молытыся Богу!
Не пустылы Дорошенка,
У ряси пизналы,
Закувалы у кайданы,
Въ Сосныцю послалы;
А зъ Сосныци въ Ярополче*)
Вику дожыватъ.
Оттакъ тоби довелося,
Запорозськый брате!

Выглянуло надъ Чыгрыномъ
Сонце изъ-за хмары:
Потяглы въ свои улусы
Зъ туркамы татары.
А ляхы зъ своимъ Чарнецькымъ,
Зъ паганымъ Степаномъ,
Запалылы церкву Божу,
И кости Богдана

*) Село коло Москвы.

Й Тымошевы въ Субботови
Гарненько спалылы,
Та й пишлы соби у Польшу.
Мовъ добре зробылы.
А москали за Ромоданомъ
Въ неділеньку рано
Пишли соби зъ поповычемъ
Шляхомъ Ромоданомъ.

Мовъ орелъ той прыборканый,
Безъ крылъ та безъ воли,
Знемигъ славный Дорошенко,
Сыдячы въ неволи,
Та й умеръ зъ нудьгы. Остыло
Волочыть кайданы!
И забулы въ Украини
Славного гетьмана.

Тилько ты, святый Ростовськый,
Згадавъ у темныци
Свого друга велыкого,
И звеливъ каплыцю
Надъ гетьманомъ змуруваты
И Богу молытысь
За гетьмана панахыду
За Петра служыты.
И доси ще, що-рикъ Божый,
Якъ день той настане,
Идуть правыть панахыду
Надъ нашымъ гетьманомъ.

Якъ бы вы зналы, панычи,
Де люде плачуть жывучы,
То вы-бъ идилій не творылы,
Та марне Бога бъ не хзалылы.

На наши слезы сміючысь.
За що, не знаю, называють
Хатыну въ гаи тыхымъ раемъ?
Я въ хати мучывся колысь,
Мои тамъ слезы пролылысь, —
Найперши слезы! Я не знаю,
Чи есть у Бога люте зло,
Щобъ у тій хати не жыло?
А хату раемъ называють!
Не называю іи раемъ,
Тіи хатыночны у гаи,
Надъ чыстымъ ставомъ край села.
Мене тамъ маты повыла
II повываючы спивала,
Свою нудьгу перелывала
Въ свою дытыну; въ тимъ гаю
У тій хатыни — у раю,
Я бачывъ пекло Тамъ неволя,
Робота тяжкая, николы
И помолытысь не дають
Тамъ матиръ добрую мою
Ще молодую, у могылу
Нужда та праця положылы,
Тамъ батько, плачучы зъ дитьмы,
(А мы мали булы и голи)
Не вытерпивъ лыхои доли, —
Умеръ на панщыни!... а мы
Розлизлыся межи людьмы,
Мовъ мышенята. Я до школы —
Носыты воду школярамъ,
Браты на панщыну ходылы,
Покы лобы имъ поголылы.
А сестры!.. сестры! Горе вамъ,
Мои голубкы молодыи!
Для кого въ свити жывете?
Вы въ наймахъ выросли, чужыи,
У наймахъ косы побиліють,
У наймахъ сестры, й умрете!

Мени ажъ страшно, якъ згадаю
Отту хатыну край села:
Таки, Боже нашъ, дила
Мы творымо у нашимъ раи!
На праведній Твоій земли
Мы въ раи пекло розвелы,
А въ тебе другого благаемъ.
Зъ братамы тыхо жывемо,
Ланы братамы оремо
И ихъ слезамы полываемъ...
. . . . . .

ТЫТАРИВНА.

Давно се діялось колысь:
Ще якъ борци у насъ ходылы
По селахъ, та дивчатъ дурылы,
Зъ громады кпылы, хлопцивъ былы,
Та верховодылы въ сели,
Якъ ти гусары на постои;
Ще за гетьманщыны святои —
Давно се діялось колысь.

У недилю на сели,
У оранди, на столи
Сыдилы лирныкы, та гралы
По шелягу за танець.
Кругомъ ажъ курява вставала —
Дивчата танцювалы
И парубкы.—„Уже й кинець!
А нуте иншу!“— „Та й се добра!“
И знову лиры заревлы,
И зновъ дивчата, мовъ сорокы,
А парубкы, узявшысь въ бокы,
Навпрысядкы пишлы...
Найкращый парубокъ Мыкыта
Стоить на лави въ сирій свыти.
Найкращый хлопець, та байстрюкъ.
Байстрюкъ соби, та ще й убогый,
Такъ и никому не до его.
Стоить соби Якъ той ..
Плечыма стелю пидпирае
Та дывыться и замирае
На тытаривну. А та въ квитахъ,
Мовъ намалевана, стоить
Сама соби, и на Мыкыту

Неначе гланула. Горыть,
Горыть Мыкыта въ сирій свыти!
Шеляга выймае,
И за того остатнего
Музыку наймае,
И неривню тытаривну
У танець витае...
— „Одчепыся, пройдысвите!“
И зареготалась
Тытаривна: „хиба тоби
Наймычокъ не стало?“
Насміялась Тытаривна
Зъ бидного Мыкыты,
Насміялася пры людяхъ,
Що винъ въ сирій свыти.
Буде тоби, тытаривно!
Заплачешъ, небого,
За ти смихы!

Де жъ Мыкыта?
Въ далеку дорогу
Пишовъ соби... Зъ того часу
Не чуть ёго стало...
Зъ того часу тытаривни
Щось такее сталось...

До-дому плачучы прыйшла,
И спаты плачучы лягла,
И не вечеряла, не спала —
Яка лягла, така и встала,
Мовъ одурила. Що робыть —
Сама не знае. А Мыкыта,
Неначе сычъ, у сирій свыти
Передъ очыма все стоить:
Мара та й годи! Тытаривно,
Въ недобрый часъ зъ того неривни
Ты насміялась. Стало жаль
Тоби ёго... Нудьга, печаль
И соромъ душу оступылы,

И ты заплакала. Чого?
Того, що тяжко полюбыла
Мыкыту бидного того!

Дыво дывнее на свити
Зъ тымъ серцемъ бувае:
У-вечери цураеться,
Въ-ранци забажае.
Та такъ тяжко забажае,
Що хочъ на край свита
Шукать пиде. Оттакъ теперъ
Не знае, де дитысь
Тытаривна... Хочъ у воду,
Абы до Мыкыты!
Стережитесь, дивчаточка,
Сміятысь зъ неривни,
Щобъ не було и вамъ того,
Що тій тытаривни.

Якъ та былына засыхала;
А батько, маты турбувалысь;
На прощу въ Кыивъ повезлы,
Святымы травамы поилы, —
И все-такы не помоглы.
Втоптала стежку на могылу, —
Все выглядать ёго ходыла.
И стежка стала заростать,
Бо вже нездужае и встать.
Такъ отъ що смихы наробылы!
А винъ канувъ, провалывся;
Ёго вже й забулы,
Чи й бувъ колы. Годъ за годомъ
Тры годы мынулы.
На четвертый годъ въ недилю,
У оранди на сели,
На шырокому столи
Слипи лирныкы сыдилы;
По шелягу бралы
И ту саму гралы.

Що и позаторикъ. Дивчата
Такъ само дрибно танцювалы,
Якъ и позаторикъ.
Завзятый,
У сынiй шапци, у жупани,
Въ червоныхъ, якъ калына, штаняхъ
Навпрысядкы влита козакъ,
Та ще прыспивуе оттакъ:

„Та спасыби батькови,
Та спасыби матери,
Що насъ добулы!
Якъ насъ добувалы,
Жыто розсыпалы
Въ-ночи на печи!“
— „Горилкы! меду! Де отаманъ,
Громада, сотськы? Препогане,
Мерзене, мерзле парубоцьство!
Ходите быться, чи бороться!
Бо я борець“.

Не недилю,
Не дви, не тры й не чотыри,
Якъ тiй болячци, якъ тiй хыри,
Громадою годылы
Тому борцеви. Вередуе,
Якъ той панычъ... и де взялось
Таке хыренне! Все село
Проклятого не нагодуе;
А вiнъ соби гуляе, пье,
Та хлопцямъ жалю завдае
Тымы дивчатамы. Дивчата
Ажъ понедужалы за нымъ:
Такый хорошый та багатый!
Уже й не бореться ни зъ кымъ,
А такъ соби гуляе,
Та вечорамы у садочокъ
До тытаря вчащае.

А тытаривна зостричае,
Прыспивуе, прымовляе·

„Чи, не той це Мыкыта,
Що зъ вылётамы свыта?“

Той це, той, що на сели
Ты насміялася колысь;
А теперъ сама до ёго
У садочокъ ходышъ,
Сама ёму, байстрюкови,
Якъ панови годышъ.
Не день, не два тытаривна
Въ садочокъ ходыла;
Не день, не два, якъ панови,
Мыкыти годыла.
Догодылась тытаривна
До самаго краю
И не счулась...
Дни мынулы,
Мисяци мынають;
Мына лито, мына осинь;
Мына семый мисяць, осьмый,
Уже й девьятый настае, —
Настане горенько твое!

У тытаря у садочку,
У яру, крыныця
Пидъ вербою. До крыныци,
Не воды напыться
Ледве ходыть тытаривна, —
Трохы пожурыться,
Поплакаты, погадаты,
Якъ ій дивуваты,
Де ій дитысь одъ сорому,
Де ій заховатысь.
Разъ у-вечери, зимою,
У одній свытыни,

Иде боса тытаривна
И несе дытыну.
То підійде до крыныци,
То знову одступае,
А зъ калыны, мовъ гадына,
Байстрюкъ выглядае.

Положыла на цямрыну
Тытаривна сына,
Та й побигла... А Мыкыта
Вылизъ изъ калыны,
Та й укынувъ у крыныцю,
Неначе щеня те.
А самъ пійшовъ, спиваючы,
Сотському сказаты, —
Та щобъ ишовъ зъ громадою
Дытыну шукаты.

У недиленьку раненько
Збиралася громадонька!
Та крыныцю вылывалы,
Та дытя тее шукалы.

Найшлы, найшлы твого сына,
Тытаривно, въ баговинни!
Ой узялы безталанну.
Закувалы у кайданы,
Сповидалы, прычащалы,
Батька, матиръ нарикалы,
Громадою осудылы.
И жыву положылы
Въ домовыну, й сына зъ нею,
Та й засыпалы землею.
Стовпъ высокый муровалы,
Щобъ про неи люде зналы —
Дитей своихъ научалы,
Щобъ навчалыся дивчата,
Колы не вчыть батько, маты.

Борця того въ сели не стало.
А люде въ Польщи зостричалы
Якогось паныча; пытавъ:
— „Чи жыва, каже, тытаривна,
Чи насмихаеться зъ неривни?“
Отто винъ самый. Покаравъ
Его Господь за грихъ велыкый —
Не смертію: винъ буде жыть,
И сатаною-чоловикомъ
Винъ буде по-свиту ходыть,
И васъ, дивчаточка, дурыть
Во-викы.

Мы заспивалы, розійшлысь
Безъ слезъ и безъ розмовы.
Чи зійдемося жъ знову,
Чи заспиваемо колы?
А може й те... та де? Якымы?
И заспиваемо яку?
Не тутъ и, певне, не такымы,
И заспиваемъ не таку!
И тутъ не весело спивалы,
Бо й тутъ невесело було,
Та все-такы якось жылось —
Прынаймни, въ-купи сумовалы,
Згадавшы той веселый край
И Днипръ той дужый, крутогорый,
II молодее тее горе,
И молодый той гришный рай.

ХАТЫНА.

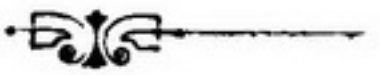
Не молылася за мене,
Поклоны не клала
Моя маты; а такъ соби
Мене повывала,
Спиваючы, „нехай росте
Та здорове буде!“
И вырисъ я, хвалыть Бога,
Та не вылизъ въ люде.
Лучче бъ було не родыты,
Або утопыты,
Якъ мавъ бы я у недоли
Господа гнивыты.

А я такъ мало небагато,
Благавъ у Бога, — тилько хату,
Одну хатыночку въ гаю,
Та дви тополи коло неи,
Та безталанную мою...
Мою Оксаночку, щобъ зъ нею
У-двохъ дывытыся зъ горы
На Днипръ шырокый, на яры
Та на ланы золотополи,
Та на высокыи могылы, —
Дывытысь, думаты, гадать:
Колы то ихъ понасыпалы?
Кого тамъ люде поховалы?
И въ-двохъ тыхенько заспиватъ
Ту думу сумную, днедавну,
Про лыцаря того гетьмана.
Що на огни ляхы спеклы.
А потимъ бы зъ горы зійшлы,
По надъ Днипромъ у темнимъ гаю
Гулялы бъ, покы не смеркае,

Покы мыръ Божый не засне;
Покы зъ вечернёю зарею
Не зійде мисяць надъ горою,
Туманъ на ланъ не прожене, —
Мы бъ подывылысь, помолылысь,
И розмовляючы пишлы бъ
Вечеряты въ свою хатыну.
Даешь ты, Господи, едной
Саду панамъ у твоимъ раю
Даешь высокыя палаты;
Паны чей не сытыми пудуть
На рай Твій, Господи, плюють,
Запершися соби въ палаты
И нашъ давнешъ не дають
Въ убогои, малои хаты

Я тилько хаточку въ тимъ раи
Благавъ, и доси ще благаю,
Щобъ хочъ умерты на Днипри
Хочъ на малесенькій гори.

1850 р. Надъ Каспемъ.



ПЕТРУСЬ.

Булы на хутори паны —
И панъ, и пани небагати,
И дочечка у ихъ росла,
Уже чимала пиднялась;
И генералъ іи посватавъ,
Бо страхъ хорошая була,
А генералъ бувъ страхъ багатый.
Отъ и таланъ Господь пославъ
На вбогый хуторъ... ублагалы
Царя небесного!.. Взялы —
Іи гарненько одяглы,
Та у недилю й повинчалы,
И генеральшою назвалы,
И цугомъ въ Кыевъ повезлы.

Було на хутори погане
Мале байстря — свыней пасло,
Петрусемъ звалось, на прыдане
Воно за панною пишло
У генеральскее село
Свыней же пасты, безталанне.

За баломъ балъ у генерала
За генеральшою чимала
Орда панивъ и панычивъ;
А генеральша у ночи
Уже тыхенько й плакать стала.
— „Занапастыла мене маты...
Зовьяне марне у палатахъ
Краса и молодость моя. —
„Ты, душко, плачешъ?“ — „Хто се? я?
Ни, я не плачу...“ „Знаешъ, Маню?
У городи теперъ армяне:
Купы соби, Машуню, шаль“

— „Мени не треба тіи шали...“ —
„Не задавай же серцю жалю!
Купы, голубко. Не печаль
Мого ты серця!... А весною
Въ Парыжъ пойидемо зъ тобою, —
Або пойидемо въ село ..
Якъ схочешъ, серце...“

Тыхо, тыхо
Зима мынала; кралось лыхо
Та въ самимъ серци й уляглось
У генеральши молодои.
Пойихалы въ село весною;
Въ сели банкеты загулы;
А генеральша плаче, плаче,
А генералъ того не бачыть,
А вси вже бачылы въ сели.

Зъ нудьгы изъ двору погуляты
Якось задумавшысь пишла,
Та ажъ за царыну зайшла.
Та й бачыть, що пасе ягнята
Мале хлопьяточко въ стерни.
— „Ой, горе, горенько мени!
Що я робытыму на свити?
— „Се ты, Петрусю?—„Аже жъ я...“
— „Ходимъ до мене; будемъ жыты,
Якъ тамъ на хутори колысь
Жылы, жылы,..“. Та й похылылась,
Очей не зводячы, дывылась
На Петруся. „Однымъ одна
И выростала, й дивувала,
И за старого генерала
Занапастылы — продалы,
И вкупи гроши пропылы...“
И тяжко, тяжко зарыдала.
— „Ходимо, серце, погулять!
Ходимъ, Петрусю, въ садъ, въ палаты“.

„А хтожъ тутъ буде доглядать,
Хто попасе мои ягнята“?
— „Нехай хто хоче!“—Й повела
Его въ палаты. А въ палатахъ
Прычепурыла, одягла,
А потимъ въ школу оддала,..
И любо ій... Нехай радіе,
Покы надію серце гріе,
Покы росте съ того зерна
Або кукиль, або пшеныця...
Бо мы не знаемъ, що творыться
У ёго тамъ. А винъ хочъ зна,
То намъ не скаже... Якъ бы знала
Матуся горенько твое,
Чи оддала бъ за генерала
Дытя едынее свое?
Не оддала бъ... А въ тимъ,—не знаю,
Бо всяки матери бувають...
Мынають дни соби на воли;
Петрусь до школы да изъ школы
Зъ кныжкамы ходыть, та росте;
Сама ажъ нибы молоде,
А генералъ соби радпе,
Що дило, бачыте, святе
У-двохъ такы воны зробылы.
Петра на волю одпустылы;
Зимою въ Кыевъ видвезлы,
И тамъ у школу оддалы,
И тамъ чимало поповчылы.
Вернувся зъ Кыева Петрусь
Уже Петромъ и панычемъ,
И кучери ажъ по плече,
И высыпався чорный усъ
И ще... Та се ще не втече:
Розскажемъ иноди колысь
Про те, що снылося Петрови.
А генеральши чорнобровій
Що сныться?..

Передъ Пречыстою
Горыть лампада у-ночи.
Поклоны тяжкыи бьючы,
Рыдала, былася... нечыстую,
Огненную слезу лыла.
Вона благала Пресвятую,
Щобъ та ій... щобъ та спасла,
Щобъ одурить ій не дала,
Пренепорочная... И всуе,
Молытва ій не помогла:
Вона, сердешна, одурила, —
Вона, небога, полюбыла
Свого Петра!.. И тяжко ій,
Души негришній молодій!
Та що жъ робыть? Не стало сылы!
Сердега разомъ одурила.
Та й якъ єго одній святыи
Прожыты лита молодыи?
Воны жъ не вернуться!.. Якъ хочъ!
А лыхо, кажуть, перескочъ,
А то задавыть. Генеральша
Не перескочыла, — бо ій
Хотилось жыты, молодій!
Хотилося бъ... Густенька каша,
Та каша, бачте, то не наша;
А нашъ несоленый кулишъ —
Якъ знаешъ, такъ єго и йижъ!
— Петрусю! Друже мій едыный!
Мое ты серце! Мій ты сыну!
Рятуй мене, рятуй! рятуй!
О, Матиръ Божая! Роскуй
Мою ты душу! — И рыдала,
И батька, й матиръ проклынала,
И все на свити. А Петрусь —
Іи едыная дытына —
Гулявъ соби пренеповынный
Въ саду, та арію якусь
Мугыкавъ стыха. Бильшъ ничого

Петрусь не бачывъ. А небога
Сама не знае, що робыть
И що ій діяты зъ собою?
— Пойиду въ Кыевъ, помолюся:
Молытва може прожене
Діявола... О мій Петрусю!
Молытва не спасе мене —
Я у Днипрови утоплюся! —

Молите, Господа, дивчата,
Молите Господа, щобъ маты
И васъ оттакъ не завдала
За генерала, за палаты
И васъ оттакъ не продала...
Любитесь, диточкы, весною...
На свити йе кого любыть
И безъ корысти; молодою,
Пренепорочною, святою,
Въ малій хатыни буде жыть
Любовъ та чыстая, и буде
Святый покой вашъ стерегты
И въ домовыни.

Щожъ то буде
Зъ превосходытельною? Що ты
Теперъ робытымешъ зъ собою,
Съ своею божою красою?
Хто стерегтыме твій покой,
Украденый твоимъ Петрусемъ?
. . . . . Нихто
Не встереже теперъ! Боюся,
И вымовыть боюсь теперъ
Твое грядущее...
У Кыевъ йиздыла, молылась,
Ажъ у Почаеви була —
Чудовная не помогла,
Не помогла святая сыла.
А ты ажъ плакала — молылась,

Та й занехаяла. Везла
Назадъ гадюку въ серци люту,
Та трошкы въ плящечци отруты.
Не йила тры дни й не пыла,
Вернувшысь съ прощи, и тры ночи
Не спала; впалы кари очи;
Засохлы губы; и въ ночи
Щось ходя шепче сміючысь...
Ажъ тыждень такъ соби нудыла.
А потимъ труты розвела
И генерала напоила,
Та й спать упоравшысь лягла.
— Теперъ старого поховаю,
А молодого прывитаю,
Та й буду жыть соби, та й жыть,
Петруся — серденька любыть... —
Подумала, чи то сказала,
Хотила спать, але не спала;
И ждала свиту — и дожыть
До свиту Божого боялась.
И задзвонылы въ-ранци рано
По генераловій души;
Заговорылы щось погане,
До генерала идучы
Прощатысь, люде. Ажъ гуде,
Зъ усихъ усюдъ народу йде;
Та щось шепочуть про отруту
И судовыхъ неначе ждуть.
И разомъ стыхлы на мынуту —
Прыйихалы. Ножи беруть,
И генерала росчыняють,
И ядъ находять въ жывоти.
Громада глухо прысягае,
Запрысягла. Пытае судъ:
— Теперъ скажите, хрыстіяне,
Хто отруивъ ёго? — Гудуть,
Мовъ стыха здвоны: „Пани, пани!“
Громада зычно загула.

Тоди на кганокъ выхожае
И до громады промовляе
Петрусь, и каже: — Я зробывъ,
Я генерала отруивъ,
А вы не знаете ничого!
Взялы Петруся молодого,
Та въ городъ въ путахъ одвезлы.
Его не довго мордувалы
Въ тюрми, въ суди; а въ добрый часъ
Въ кайданы добре закувалы,
Переголылы про запасъ;
Перехрестывсь, отакъ убраный,
И поволикъ Петрусь кайданы
Ажъ у Сибиръ.

Бувае, въ неволи иноди згадаю
Свое стародавне — шукаю. шукаю,
Щобъ чымъ похвалытысь, що й я такы жывъ,
Що й я такы Бога колысь-то хвалывъ;
Шукаю, шукаю... Господы бъ, хотилось
Згадать хоть що-небудь! То оце й наткнувсь
На таке погане, що такъ и заснувъ,
Богу не молывшысь. Отъ мени прыснылось
(Свынею заснувшы, звычайне такый
И сонъ прыверзеться), нибы край могылы
Пасу я ягнята — а я ще малый.
Дывлюся: могыла нибы розвернулась,
А зъ неи выходытъ неначе козакъ,
Уже й сывоусый соби, неборакъ,
Та и йде до мене... Я соби звернулось,
Щеня мовъ пидъ тыномъ, — звычайно мале,
То й перелякалось. Отъ мене бере
Неначе на рукы, та несе въ могылу;
А чорна могыла ще гирше розкрылась.

Дывлюся — въ могыли усе козакы:
Якый безголовый, якый безъ рукы,
А хто по колина неначе одтятый;
Лежать соби хлопци, мовъ у теплій хати.

— „Дывыся, дытыно — оце козакы!“ —
Нибы мени каже: „На всій Украини
Высоки могылы; дывыся, дытыно,
Уси ти могылы — уси оттаки:
Начынени нашымъ благороднымъ трупомъ.
Начынени туго... Оце воля спытъ.
Лягла вона славно, лягла вона въ-купи
Зъ намы козакамы. Бачышъ, якъ лежыть!
Неначе сповыта... Тутъ пана немае:
Уси мы однако на воли жылы;
Уси мы однако за волю лягды;
Уси мы и встанемъ; та Богъ ёго знае,
Колы то те буде. Дывыся жъ, дытыно,
Да добре дывыся! А я розскажу,
За що Украина наша стала гынуть,
За що й я мижъ нымы въ могыли лежу.
Ты жъ людямъ розскажешъ, якъ выростешъ, сыну,
Слухай же, дытыно...“

А потимъ ягнята
Прыснылысь у жыти; лановый бижыть,
Та бье мене добре и нибы, проклятый,
Свытыну здырае... И доси болыть,
Якъ сонъ той згадаю! А якъ нагадаю
Козака въ могыли, — то й доси не знаю,
Чи то було справди, чи то було такъ —
Мара яка-небудь. Мени той козакъ
Розсказувавъ ось що... ..

Мени здається — я не знаю, .
А люде справди не вмирають:
А перелизе ще жыве
Въ свыню, або що, та й жыве,
Купається соби въ калюжи,
Мовъ першь купалася въ грихахъ.
И справди такъ! Мени байдуже
За простыхъ сирыхъ сиромахъ —
Воны и Господомъ забути —
Такъ щожъ мени тутъ...
А де отти? Не вже въ сажахъ
Годуе хамъ соби на сало?
А може й такъ!... Добра чимало
Воны творылы на земли:
Рикамы слезы розлылы,
А кровъ морямы... Люде знають,
Кого годують, доглядають.
И що жъ вы скажыте—за славу
Лылы воны моря кровави,
Або за себе? Ни! за насъ,
За насъ сердешныхъ мыръ палылы,
Покы ихъ въ сажъ не засадылы.
Якъ бы не те, то певне бъ пасъ
Свынарь въ толоци. Кляти! Кляти!
Дежъ слава ваша? На словахъ!
Де ваше золото, палаты,
Де власть велыкая? Въ склепахъ,
Въ склепахъ, поваленныхъ катамы,
Такымы жъ самымы, якъ вы!
Жылы вы лютымы звирмы,
А въ свыни перейшлы...
Де жъ ты,
Велыкомученыче святый,
Пророче Божый! Ты мижъ намы;
Ты, присносущый, всюды зъ намы
Витаешъ ангеломъ святымъ.

Ты, любый друже, заговорышъ
Тыхенько — тыхо про любовъ,
Про безталанную, про горе,
Або про Бога́, та про море,
Або про марне лыту кровъ
Зъ людей велыкымы катамы;
Заплачешъ тяжко передъ намы —
И мы заплачемо... Жыва
Душа поетова святая,
Жыва въ святыхъ своихъ речахъ;
И мы, чытая, ожываемъ
И чуемъ Бога въ небесахъ.

Спасыби, друже мій убогый, —
Ты, знаю, лепту роздилывъ
Свою едыну. Передъ Богомъ
Багато, брате, заробывъ.
Ты переславъ мени въ неволю
Поета нашого; на волю
Мени ты двери одчынывъ.
Спасыби, друже! Прочытаю
Соби, хоть мало ожыву,
Надію въ серци прывитаю.
Тыхенько — тыхо заспиваю
И Бога Богомъ назову.

Ну що бъ, здавалося, слова...
Слова та голосъ, бильшъ ничого...
А серце бьеться, ожыва,
Якъ ихъ почуе... Знать, отъ Бога
И голосъ той, и ти слова
Идуть мижъ люде.
Помолывшысь,
Не те щобъ дуже зажурывшысь,

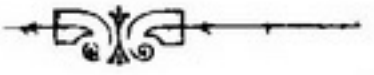
А такъ на палуби стоявъ
И сторчъ на море поглядавъ,
Мовъ на Іуду. Изъ туману,
Якъ кажуть, стала выглядать
Червонолыцяя Діана.
Я вже думавъ спать лягать,
Та й ставъ, щобъ трохы подывыться
На круглолыцю молодыцю,
Чи тее — дивчыну. Матросъ,
Такы землякъ нашъ зъ Островнои*),
На вахти стоя,
Журывся самъ соби чогось.
Та й заспивавъ, звычайно тихо,
Щобъ капытанъ не чувъ: бо зъ-лыха
Якыйсь лыхый, хочъ и землякъ.
Спива матросъ, якъ той козакъ,
Що въ наймахъ вырисъ сыротою,
Иде служыты въ москали.

Давно, давно колысь
Я чувъ, якъ стоя пидъ вербою,
Тыхенько дивчына спивала,
И жаль мени, малому, стало
Того сирому сыроту,
„Що винъ утомывся,
На тынъ похылывся;
Люде кажуть и говорять:
Мабуть винъ упывся“
И я заплакавъ: жаль малому
Було сиромы сыроты.

Чого жъ теперъ заплакавъ ты,
Чого теперъ тоби старому
У сій неволи стало жаль,
Що свитъ завьязаный, закрытый,

*) Оренбургской губ.

Що самъ есы теперъ москаль,
Що серце порване, побыте,
И що хороше, дороге,
Було въ ёму, то розлылося,
Що ось якъ жыты довелося?
Чи такъ, лебедыку?...—Еге!..



1857

Въ неволи, въ самоти немае,
Нема зъ кымъ серце поеднать,
То самъ соби оце шукаю
Когось-то, зъ нымъ щобъ розмовлять...
Шукаю Бога, а нахожу
Таке, що цуръ ёму й казать.
Отъ що зробылы зъ мене годы
Та безталанне. Та ще й те,
Що литечко мое святе
Мынуло хмарно, що немае
Ниже едыного случаю,
Щобъ доладу було згадать.
А душу треба розважать,
Бо ій такъ хочеться, такъ просыть
Хочъ слова тыхого... Не чуть!
И мовъ у поли снигъ заносыть
Неохолонувшый ще трупъ.

МОСКАЛЕВА КРЫНЫЦЯ.

Я. Г. Кухаренкови.

(*На памьять 7 Мая 1957 року*).

Не на Вкраини, а далеко —
Ажъ за Ураломъ, за Елекомъ,
Старый недобытокь варнакъ
Мени росказувавъ оттакъ
Про сю Крыныцю Москалеву;
А я, сумуючы спысавъ,
Та рыому ныщечкомъ додавъ, —
Та невелычку и дешеву
(Звычайне, крадене!) зобгавъ
Тобя поему на спомыны,
Мій друже щырый, мій едыный!

I.

Писля велыкои зимы,
За Катерыны за царыця,
Москаль ту выкопавъ крыныцю,
А якь винъ выкопавъ, то мы
Оце й розскажемо въ прыгоди,
А вы запысуйте; не шкодыть
Такую ричъ и запысать,
Бо се не казка, а былыця,
Або бувальщына, сказать.
Оттакъ пышить: Була крыныця...
Ни, не крыныця, а село —

Пышить — давно колысь було
Межы садамы, пры долыни.
Такы у насъ, на Украини,
Було те Божее село.
Въ сели тому вдова жыла,
А у вдовы дочка росла
И сынъ малолитокъ.
Добре маты дитокъ
Багатому: хвалыть Бога
Въ роскошахъ; а вбогій
Вдови не до того:
(Бо залылы за шкуру сала —
Трохы не пропала) —
Думала иты въ черныци,
Або утопытысь,
Такъ жаль маленькыхъ дитокъ стало
(Звычайне, маты! — що й казать!)
Та, може, ждався такы й зять,
Бо вже Катруся пидростала:
(Катрусею вдовивна звалась)
Чи викъ же ій продивувать,
Зносыты бривонькы ни за що?
Хиба за те, що сырота?
А красота-то, красота!
Мій Боже мылый! А трудяще,
А чепурне, та роботяще,
Та тыхе... бачъ и сырота,
А всимъ була на-вдывовыжу;
Бувало, выгляне изъ хыжи.
Якъ тая квиточка зъ росы,
Якъ тее сонечко зъ-за хмары:
Весь похолону, нежывый
Стою, бувало...
А ни кара,
Ни мукы, кайданы,
Ниже лита, сыну,
Тіи сылы не втомылы...
Оттакъ и загыну, —

Такъ и згыну. — бо дывыся:
Смерти сподиваюсь,
А рыдаю, мовъ дытына.
Якъ я нагадаю
Катерыну... Слухай, сыну,
Мій друже едыный!
Слухай добре, та запысуй, —
Та на Украини
Якъ Богъ тебе допровадыть,
То розскажы, сыну,
Що ты бачывъ діявола
Своимы очыма!...

II.

Такъ, бачышъ, дивонька отта
Росла соби; и роботящый
(Бо всюды сыроты — ледащо)
У наймахъ вырисъ сырота,
Неначе батькова дытына.
Отто жъ, той самый сыротына
У наймахъ, сякъ соби, то такъ
Прыдбавъ сирома грошенятъ,
Одежу справывъ жупаныну,
Та не видсиль и не видтиль
Купывъ садочокъ и хатыну,
Поля увавъ за хлибъ, за силь
И за науку добрымъ людямъ
Та до вдовивны навпростець
Шелесть за рушныкамы!...
Не торгувалысь зъ старостамы,
Якъ те бува зъ багатырямы.
Не торгувавсь и панъ-отець
(На дыво людямъ та на чудо!):
За тры копы звинчавъ у будденъ
Безъ пыхы, такъ, якъ довелось...

Оттутъ-то, голубе мій сызый,
Оттутъ-то й лыхо почалось.

III.

Уже, лыбонь, писля Покровы
Вертався зъ Дону я, та знову —
(Бо я вже двичи посылавъ
До дивчыны за рушныкамы) —
Послать и въ третте миркувавъ, —
Та зъ чумакамы, та зъ воламы,
Якъ-разъ въ недилю на весилля
До удовивны прычвалавъ.
Пропало, все добро пропало,
А ни щытынкы не зосталось'. .
Пропавъ и я, — та не въ шынку,
А на кобыли... На вику
Вси люде бачять лыхо, сыну;
Але такого, мій едыный,
Такого лютого — нихто,
Нихто и здалека не бачывъ,
Якъ я, лукавый' А тымъ часомъ
Просохлы очи у вдовы:
Неначе въ Бога за дверыма,
У зятя та въ сына
Стара соби спочывае,
А на Катерыну,
На дытя свое едыне,
Тилькы поглядае.
А я въ шынку зъ пьяныцямы
Душу пропываю. —
Та й пропывъ! Запродавъ душу, —
И душу, и тило:
Тило катови, а душу...
О, Боже мій мылый!
Хотилося бъ жыть на свити,

Та-ба! треба вчытысь,
Якъ на свити жыты,
А то бытымуть, та й дуже!
Не знаю, мій друже,
Чи сатана лыхо коивъ,
Чи я занедужавъ,
Чи то мене злая доля
Прывела до того!..
Такы й доси ще не знаю,
Не знаю ничого...
Знаю тилькы, що тверезый,
(Бо вже а ни вына,
Ни меды, ни оковыта
Не пылыся, сыну)!..
Оттаке-то сподіялось!
Вмеръ батько и маты,
Чужи люде поховалы,
А я, мовъ проклятый
Той Іуда, одрынутый
И людьмы и Богомъ,
Тыняюся, ховаюся —
И дійшло до того,
Що я, въ-ночи пидкравшыся,
Максымову хату
(Бо ёго Максымомъ звалы —
Вдовыного зятя)
Запалывъ! Згорила хата...
А душа проклята
Не згорила... моя душа,
Мій друже, мій брате,
Не згорила, а зосталась —
Тліе, й доси тліе...
И колы вона зотліе,
Колы одпочыне, —
Святый знае...

IV.

Зъ переляку
Вмерла Катерына;
А Максымъ на пожарыще
Та на пепелыще
Подывывся... нема рады!..
Тилькы витеръ свыще
У дымари та въ комини...
Що тутъ въ свити діять,
И що теперъ ему початы?
Подумавшы, перехрестывсь
Та й зновъ пишовъ у наймыты
Голодни злыдни годуваты;
Вдова зосталась не сама,
А зъ сыномъ парубкомъ; женыты
Его збиралась въ-осены,
Ажъ гулькъ!.. одъ матушкы-царыци,
Таьы изъ самои столыци,
Прыйшовъ указъ — лобы голыть.
Се въ першый разъ такый указъ
Прыйшовъ зъ Московщыны до насъ,
Бо на Вкраини въ насъ бувало
У козакы охочи йшлы,
А въ пикынеры вербувалы —
Та тежъ охочыхъ... На сели
Зибралася громада радыть —
Кого голыть у москали.

Порадылы громадою —
И вдовыченка ледащыцю
Забылы въ скрепыцю,
Та й повезлы до прыему!
Онъ-яке творыться
На симъ свити! яка правда
У людей, мій сыну!

Така й доси я думаю,
Въ насъ на Украини;
Та другои и не буде
Въ невольныкахъ-людяхъ.

V.

„Ни вже, "каже, „добри люде,
Не такъ воно буде,
Оттакъ хиба!" Максымъ каже:
„Яки зъ мене люде
У наймытахъ! Иду служыть;
Нехай," каже, „вдовынъ сынъ
Та не стане пидъ аршынъ,
А я стану".
Изъ прыёму
Вернувся до дому.
До матери вдовыченко;
А Максымъ зъ прыёму
Пишовъ соби у москали,
Помолывшысь Богу.
Мени полегшало, — а зъ чого,
Зъ чого полегшало мени?
Зъ того, що ворога не стало...
Якого жъ ворога, мій Боже!
Моя пекельная душа
Кого боялася? Максыма!
Ни, не Максыма, а когось.
Когось боялася проклята:
Люцыперови служыла
Та ёго й страшылась!..

VI.

Черезъ годъ отто, й велыка
Зима наступыла;

До зеленои недили
Въ байракахъ билилы
Снигы били, — тоди жъ отто
И Очаковъ бралы
Москали; а Запорожжя
Перше зруйнувалы.
Розбрелося товарыство
(А що то за люде
Булы тыи запорожци —
Не було й не буде
Такыхъ людей!..)

Пидъ Очаковъ
Погналы й Максыма:
Тамъ-то его скаличено,
Та й на Украину
Повернено зъ одставкою.
Бачышъ, праву ногу,
Чи то ливу, пидстрелено...
Мени не до того
Було тоди: знову люта
Гадына впылася
Въ саме серце; кругомъ его
Трычи обвылася,
Якъ той Иродъ... Що тутъ робыть?
Не дамъ соби рады;
А Максымови крывому
Ничого не вадыть:
Шкандыбае на мылыци
И гадкы не мае;
А въ недиленьку святую
Мундыръ надивае,
И медаль и хрестъ прычепыть,
И заплете косу,
Та ще й борошномъ посыпле...
(Я не знаю й доси,
На-що воно москали ти
Косы заплиталы,

Мовъ дивчата, та святее
Борошно псувалы?..
На играшку, я думаю —
Такъ соби, абы-то!)
Отто жъ було, мовъ генералъ,
Максымъ сановыто
Прыбереться у недилю
Та й пошкандыбае
У храмъ Божый: на крыласи
Стане та й спивае
Зъ дякомъ такы, а то возьме
Та ще й прочытае
Апостола середъ церквы
(Вывчывся чытаты
У москаляхъ). Непевный бувь
Максымъ оттой, брате, —
Та трудящый, роботящый,
Та тыхый до-того,
Та ласкавый... Було тоди
Ниже а никого
Не зачепыть ниже диломъ,
Ниже якымъ словомъ.
„И таланъ, и безталання —
Все,“ каже, „видъ Бога,
Вседержытеля святого,
А бильшъ ни видъ кого...“
Преблагый бувъ мужъ на свити
Максымъ оттой, сыну;
А я! а я!.. не вымовлю,
Моя ты дытыно! .
Я... вбывъ ёго!.. Постривай лышъ,
Трохы одпочыну,
Та тоди вже...

VII.

Такъ ты кажешъ,
Що бачывъ Крыныцю
Москалеву, що ще й доси
Беруть зъ неи воду?
И хрестъ, кажешъ, коло шляху
И доси Господній
Стоить соби на роздолли;
А не розсказалы
Тоби люде тамъ ничого?.
Вже повымиралы
Тыи люде, мои свидкы,
Праведныи люде;
А я й доси караюся
И каратысь буду
Й на тимъ свити...
Ось послухай,
Доводыть до чого
Сатана той душу нашу:
Якъ не схаменеться
Та до Бога не вернеться,
То такъ и ввипьеться
Пазурамы въ саме серце...
Ось слухай же, сыну,
Про Максыма праведного!
Було не спочыне
Николы винъ, а въ недилю,
Або въ яке свято,
Бере святый псалтырь въ рукы
Та й иде чытаты
У садочокъ (у садочку
Тамъ, у холодочку,
Катерыну поховалы...)
Отто жъ у садочку
За упокой души іи

Псалтырь прочытае,
Потимъ соби тыхесенько,
Тыхо заспивае
„Со святымы,“ та й заплаче,
А потимъ помьяне
„О здравіи“ тещу зъ сыномъ,—
И веселый стане:
„Все одъ Бога,“ скаже соби:
„Треба викъ дожыты!“
Оттакый-то мужъ праведный
Бувъ винъ на симъ свити;
А у будденъ, — то винъ тоби
Не посыдыть въ хати —
Все нышпорыть по надвирью:
„Треба работаты,“
Було скаже по-московськы,
„А то, лежа въ хати,
Ще опухнешъ“. Та взявъ якось
Заступъ и лопату,
Та й пишовъ соби у поле
Крыныцю копаты.
„Нехай,“ каже, „колысь люде
Будуть воду пыты
Та за мою гришну душу
Господа молыты“.
Выйшовъ въ поле, геть одъ шляху
У балку спустывся,
Та й выкопавъ пры долыни
Глыбоку крыныцю.
(Не самъ одынъ: толокою
Ему помагаты
Й добри люде прыходылы
Крыныцю копаты)
И выложывъ цямрыною.
И надъ шляхомъ въ поли
Высоченный хрестъ поставывъ
Зо всёго роздолля
Шырокого було выдно;

Се, бачышъ, для того,
Щобъ знать було, що крыныця
Есть коло дорогы,
Щобъ заходылы зъ крыныци
Люде воду пыты,
Та за того, що выкопавъ,
Богу помолытысь.

VIII.

А теперъ уже, — онъ бачышъ,
Доходыть до чого! —
Що я стратыть намиряюсь
Максыма святого...
Оттаке-то!.. А за вищо?
За те, за що Каинъ
Убывъ брата праведного
У свитлому раю.
Чи то було у недилю,
Чи въ якее свято,
(Слухай, сыну, якъ навчае
Сатана проклятый!)
„Ходимъ,“ кажу, „Уласовычъ,
На твою крыныцю
Подывытысь“. — „Добре,“ каже,
„Ходимо напытысь
Воды зъ неи погожои“
Та й пишлы обое,
И видерце и выжечкы
Понеслы зъ собою.
Одъ, прыходымъ до крыныци;
Я першъ подывывся —
Чи глыбоко. „Власовычу!“
Кажу, „потрудыся
Воды достать; я не вмію“
Винъ и нахылывся,
Опускаючы видерце;

А я... я за ногы
Вхопывъ его, та й укынувъ
Максыма святого
У крыныцю...
Оттаке-то
Сотворывъ я, сыну!..
Такого ще не творылось
Въ насъ въ Украини,
Та й николы не сотворыться
На всимъ свити, брате!...
Всюды люде, а я одынъ —
Діяволъ проклятый!..

IX.

Черезъ тыждень вже вытяглы
Максыма зъ крыныци
Та у бальци й поховалы;
Чималу каплыцю
Поставылы громадою,
А ёго крыныцю
Москалевою назвалы...
Отъ тоби й былыця
Про ту крыныцю москалеву,
Нелюдська былыця.
А я... пишовъ у Гайдамакы
Та на Сибири й опынывсь,
(Бо тутъ Сибиръ була колысь) ..
И пропадаю, мовъ собака,
Мовъ той Іуда... Помолысь
За мене Богу, мій ты сыну,
На тій преславній Украини,
На тій веселій сторони...
Чи не полегшае мени?..

1857. Новопетровское укрѣпленіе

НЕОФИТЫ. [1])

Сія глаголетъ Господь: сотворите судъ и сохраните правду, приближе бо ся спасеніе мое прійти, и милость моя открыется.

М. С. Щепкину.

(На памьять 24 Декабря 1857 року).

Возлюбленныку музъ и грацій!
Ждучы тебе, я тыхо плачу
И думу скорбную мою
Твоій души передаю.
Прывитай же благодушне
Мою сыротыну;
Нашъ велыкый чудотворче,
Мій друже едыный!
Прывитаешъ: убогая,
Сырая, зъ тобою
Переплыве вона Лету, —
И огнемъ-слизою
Упаде колысь на землю
И прытчою стане
Роспынателямъ народнимъ,
Грядущымъ тыранамъ.

---

[1]) У лыстп до М. М. Лазаревського, отъ 24 Января 1858 року (основа 3-я книжка 1862 р. лыстъ XII). Т. Гр Шевченко ныса въ, що „Неофиты не выконченн". Посля того винъ не прыймався за ихъ· такъ воны й зосталысь невыконченнымы (Прим ред. „Основа").

ПРОЛОГЪ.

Давно вже я сыжу въ неволи
Неначе злодій взаперти,
На шляхъ дывлюся та на поле,
Та на ворону на хрести
На кладовыщи; бильшъ ничого
Зъ тюрьмы не выдно; слава Богу
И за те, що бачу, що жывуть,
И Богу моляться, а мруть,
Хрещени люде.
Хрестъ высокый
На кладовыщи, трохы зъ-боку,
Златомалеваный стоить.
Не вбогый, мабуть, тутъ лежыть!..
И намалевано: роспьятый
За насъ Сынъ Божый на хрести.
Спасыби сыротамъ багатымъ,
Що хрестъ поставылы; и я —
Такая доленька моя! —
Сыжу соби та все дывлюся
На хрестъ высокый изъ тюрьмы...
Дывлюсь, дывлюся, помолюся, —
И горе, горенько мое,
Мовъ нагодована дытына,
Затыхне трохы... и тюрьма
Неначе шыршае; спивае
И плаче серце, ожывае
И въ тебе, Боже, и въ святыхъ
Та праведныхъ твоихъ пытае:
Що винъ зробывъ имъ той святый,
Той Назорей, той сынъ едыный,
Богомъ избраннои Маріи —
Що винъ зробывъ имъ? И за що
Ёго святого мордувалы,
Во узы ковалы

И главу его честную
Терномъ увинчалы;
И вывелы зъ злодіямы
На Голгофу гору,
И повисылы мижъ нымы?
За що? . . . . . .

Благословенная въ женахъ,
Святая праведная Маты
Святого Сына на земли!
Не дай въ неволи пропадаты,
Летучи лита марне тратыть,
Скорбящыхъ радосте! Пошлы —
Пошлы мени святее слово —
Святои правды голосъ новый,
И слово розумомъ святымъ
И ожывы, и просвиты!
И розскажу я людямъ горе,
Якъ тая маты рикы, море
Слезы кровавои лыла,
Такъ якъ и ты, — прыйняла
Въ жывую душу свитъ незрымый
Твоего роспьятого сына!...
Ты, маты Бога на земли,
Ты слезы матери до-краю,
До-капли вылыла!.. Рыдаю,
Молю, рыдаючы: пошлы —
Подай души убогій сылу,
Щобъ огненно заговорыла,
Щобъ слово пламенемъ взялось,
Щобъ людямъ серце ростопыло
И на Украйну понеслось
Те слово — Божее кадыло —
Кадыло истыны.. Аминь.

I.

Не въ нашимъ краю, Богу мылимъ,
Не за гетьманивъ и царивъ,
А въ рымскій идольскій земли
Се беззаконіе творылось —
Лыбонь за Децiя царя,
Чи за Нерона сподаря —
Сказать запевне не зумію.
Нехай за Нерона...
Россія
Тоди й на свити не було,
Якъ у Италіи росло
Мале дивчя; и красотою,
Святою, чыстою красою,
Якъ тая лылія, цвило.
Дывылася на неи маты
И молодила, и дивчати
Людей шукала, и знайшла;
Та помолывшысь Гименею
Въ своимъ веселимъ гинекеи,
Въ чужый веселый одвела.
Незабаромъ зробылась маты
Изъ доброго того дивчаты —
Дытыну — сына прывела.
Молылася своимъ пенатамъ
И въ Капитолій прынесла
Немали жертвы; ублагала
Капитолійскый той сынклитъ,
Щобъ первенця іи виталы
Святіи идолы. Горыть
И день, и ничъ передъ пенатомъ
Святый огонь. Радіе маты:
Въ Алкыда сынъ іи росте,
Росте... лыцяються гетеры,

И передъ образомъ Венеры
Лампаду свитять.

II.

Тоди вже сходыла зоря
Надъ Выхлеемомъ: правды слово —
Святои правды и любови —
Зоря всесвитняя зійшла
И миръ и радость прынесла
На землю людямъ. Фарысеи
И вся мерзена Іудея
Заворушылась, заревла,
Неначе гадына въ болоти.
И сына Божого во плоти
На тій Голгофи роспьяла
Межы злодіямы; — и спалы,
Упывшысь кровію, каты, —
Твоею кровію!.. а ты
Возставъ одъ гробу. Слово встало —
И слово правды понеслы
Твои апостолы святыи.

III.

Тоди жъ ото, іи Алкыдъ,
Та ще гетеры молодіи
Та козлоногый пьяный дидъ
Надъ самымъ Аппіевымъ шляхомъ
У гаи гарно роздяглысь,
И ще гарнише попылысь,
Та й поклонялыся Пріапу...
Ажъ гулькъ! иде святый Петро,
Та йдучы въ Рымъ благовистыты,
Зайшовъ у гай воды напытысь
И одпочыты. — „Благо вамъ!“ —

Сказавъ апостолъ утомленный,
И оргію благословывъ,
И тыхымъ, кроткымъ, добрымъ словомъ
Благовистывъ имъ слово нове,
Любовъ, и правду, и добро —
Добро найкращее на свити —
То — братолюбіе. И сытый,
И пьяный, й голый фавнъ отой
И сынъ Алкыдъ твій, и гетеры —
Вси, вси упалы до земли
Передъ ~~святымъ~~ Петромъ, и повелы
До себе въ термы на вечерю,
Того апостола

IV.

И въ термахъ оргія: горять
Чертогы пурпуромъ и златомъ,
Курять амфоры; дивчата
Трохы не голіи стоять
Передъ Кипридою, и въ ладъ
Спивають гимнъ. Прыуготованъ
Веселый пыръ, и поляглы
На ложахъ гости... регитъ, гоминъ!..
Гетеры гостя прывелы
Сывобородого, — и слово
Изъ устъ апостола святого
Драгымъ елеемъ потекло, —
И стыхла оргія... А жрыця
Киприды — оргіи царыця,
Поныкла радоснымъ челомъ
Передъ апостоломъ — и встала
И вси за нею повставалы
И за апостоломъ пишлы
У катакомбы. И едыный
Твій сынъ Алкыдъ пишовъ за нымы
И за апостоломъ святымъ —
За тымъ учытелемъ своимъ!..

А ты весела выйшла зъ хаты
На шляхъ изъ гаю выглядаты
Свого Алкыда Ни, нема!..
Уже й не буде!.. Ты сама
Помолышся своимъ пенатамъ,
Сама вечерять сядешъ въ хати...
Ни, не вечерять, а рыдать,
Рыдать и долю проклынать,
И сывить кленучы. И, горе!
Умрешъ есы на самоти
Мовъ прокаженна!

V.

На хрести
Стрымглавъ повисылы святого
Того апостола Петра,
А неофытивъ [1]) въ Сыракузы
Въ кайданахъ одвезлы. И сынъ,
Твій сынъ Алкыдъ, твоя дытына
Едыная твоя родына,
Любовъ едыная твоя,
Гные въ неволи у кайданахъ;
А ты, прескорбная, не знаешъ,
Де винъ канае, пропадае!...
Идешъ шукать ёго въ Сибиръ,
Чи тее... въ Скыѳію... И ты...
И чи одна ты?... Божа маты,
И заступы васъ и укрый!..
Нема семьи, немае хаты,
Немае брата, ни сестры,
Щобъ не заплакани ходылы,
Не катувалыся въ тюрми,
Або въ далекій сторони,

Новохрещенцивъ.

Въ британськыхъ, гальскихъ легіонахъ
Не муштрувалысь!... О, Нероне,
Нероне лютый! Божый судъ
Правдывый, наглый, середъ шляху
Тебе осудыть: прыплывуть
И прылетять зо всёго свиту
Святіи мученыкы — диты
Святои воли; кругъ одра
Кругъ смертного твого постануть
Въ кайданахъ, — и .. тебе простять:
Воны браты и хрыстіяне,
А ты собака, людойидъ,
Деспотъ скаженый...

VI.

Ажъ кышыть
Невольныка у Сыракузахъ
Въ лёхахъ и тюрмахъ: а Медуза
Въ шынку зъ старцямы пьяна спыть...
Отъ-отъ прокынеться, — и пòтомъ
И кровью вашою, деспоты,
Похмилля справыть.
Скризь шукала
Дытыну маты; не знайшла —
И въ Сыракузы поплыла,
Та тамъ уже ёго въ кайданахъ
Найшла, сердешная, въ тюрми.
Не допустылы й подывытысь.
И мусыла вона сыдиты
Коло острогу — ждать и ждать,
Якъ Бога зъ неба, выглядать
Своёго сына, ажъ покы-то
Ёго въ кайданахъ поженуть
Бульваръ месты.—
А въ Рыми свято,
Велыке свято! Тыскъ народу,

Зо всего царства воеводы,
Преторіяне и сенатъ;
Жреци и лыктори стоять
Кругъ Капитолія — и хоромъ
Спивають гымнъ и курять дымъ
Зъ кадылъ и амфоръ. И зъ соборомъ
Иде самъ кесарь; передъ нымъ
Изъ брондзы лытую статую
Самого кесаря несуть.

VII.

Непевне выдумалы свято
Патрыціи-арыстократы
И мудрый кесаривъ сенатъ!
Воны, бачъ, кесаря хвалылы
На вси лады, що ажъ остыло
Его самымъ имъ выхвалять, —
Та заразомъ, щобъ доканать,
Воны на ради й прысудылы,
Щобъ просто кесаря назвать
Самымъ Юпытеромъ — та й годи!...
И напысалы воеводамъ
По всему царству: такъ и такъ...
Що кесарь — богъ, ще бильшъ одъ бога,
И майстрови далы ковать
Изъ брондзы кесаря; до того,
Такъ нота-бене додалы,
Що брондзовый той кесарь буде
И мылувать... Сердешни люде,
Неначе въ ирій, потяглы
У Рымъ на прощу. Прыплыла
Изъ Сыракузъ и та небога
Благаты кесаря и бога.
И чи вона одна? мій Боже!
Прыйшло ихъ тысяча въ слёзахъ,
Прыйшло здалека!...

Ще й до щоглы прыкована:—
Не неофитъ новый,
А апостолъ велыкого
Хрыстового слова.
Оттакый-то винъ!.. Чи чуешъ?
У путахъ спивае
Твій мученыкъ:
„Псаломъ новый Господеви
И новую славу
Воспоемъ чеснымъ соборомъ,
Серцемъ нелукавымъ;
Во псалтыри и тимпани
Воспоемъ благая,
Яко Богъ кара неправыхъ,
Правымъ помагае;
Преподобныи во слави
И на тыхыхъ ложахъ
Радуються, славословлять,
Хвалять имъя Боже;
И мечи въ рукахъ ихъ добри,
Гостри обоюду,
На отмщеніе языкамъ
И въ науку людямъ.
Окують царей несытыхъ
Въ зализныи пута,
И ихъ славныхъ оковамы
Ручнымы окрутять;
И осудять неправедныхъ
Судомъ своимъ правымъ,
И во викы стане слава —
Преподобнымъ слава!“

XI.

А ты на бéрези стояла,
Неначе темная скала,
Не слухала и не рыдала,

А „аллылуя“ подала
За матерямы хрыстіянамъ.
Мовъ дзвоны, загулы кайданы
На неофитахъ; а твій сынъ,
Едыный твій, апостолъ новый,
Перехрестывшысь, возгласывъ:
— „Молитесь, братія, молитесь
За ката лютого! Его
Въ своихъ молытвахъ помьяните;
Передъ гордынею жъ ёго,
Браты мои, не поклонитесь!
Молытва — Богови! А винъ
Нехай лютуе на земли,
Нехай пророкивъ побывае,
Нехай усихъ насъ роспынае...
Уже внучата зачалысь
И выростутъ воны колысь:
Не местныкы внучата тыи —
Хрыстови воины святіи,
И безъ огня и безъ ножа
Стратегы божіи воспрянуть —
И тьмы, и тысячи поганыхъ
Передъ святымы побижять!
Молитесь, братія!“
Молылысь,
Молылыся передъ хрестомъ
Закути въ пута неофиты,
Молылысь радосно!.. хвала,
Хвала вамъ, души молодіи,
Хвала вамъ, лыцари святіи,
Во викы-викы похвала!...

XII.

И въ Рымъ галера прыплыла.
Мынае тыждень. Пьяный кесарь,
Пострыгшы самъ себе въ Зевесы,

Завдавъ Зевесу юбилей.
Лыкуе Рымъ. Передъ кумыра
Везуть возамы ладонъ, мырро,
Женуть гуртамы хрыстіянъ
У Колизей, мовъ уризныци.
Кровъ потекла. Лыкуе Рымъ...
И гладіаторъ, и патрыцій —
Обыдва пьяни: кровъ и дымъ
Ихъ упоивъ; руину славы
Рымъ пропывае; трызну правыть
По Сципонахъ. Лютый, лютый,
Мерзеный старче! роскошуй
Въ своихъ гаремахъ! Изъ-за моря
Уже встае святая зо̀ря;
Не громомъ праведнымъ святымъ
Тебе убьють: ножемъ тупымъ
Тебе зарижуть мовъ собаку.

XIII.

Другый день
Реве арена; на арени
Лыдійськый золотый писокъ
Покрывся пурпуромъ червонымъ —
Въ болото крови замисывсь;
А Сыракузськихъ назареивъ
Ще не було у Колизеи.
На третій день и ихъ въ кайданахъ
Сторожа зъ голымы мечамы
Гуртомъ въ ризныцю прывела.
Арена звиремъ заревла;
А сынъ твій гордо на арену,
Псаломъ спиваючы, ступывъ, —
И пьяный кесарь, мовъ скаженый,
Зареготавсь. И леопардъ
Изъ леху выскочывъ на сцену...
Ступывъ, зырнувъ — и полылась

Святая кровъ. По Колизеи
Ревучымъ громомъ пронеслась
И стыхла буря... Дежъ була,
Де ты сховалася? Чомъ на его,
На кесаря свого святого,
Не кынулась? — Бо стереглы, —
Кругомъ въ тры лавы обступылы
Зевеса лыкторы; за нымъ,
Твоимъ Юпитеромъ святымъ,
Зализну браму зачынылы;
А ты осталася одна,
Одна однисенька на двори...
И що ты зможешъ? — „Горе, горе!
О, горе лютее мое!
Моя ты доленько! Безъ ёго
Що я робытыму? До кого
Я прыхылюся?..“ И небога
Кругомъ зырнула, — и о муръ,
О муръ старою головою
Ударылась, и трупомъ пала
Пидъ саму браму.

XIV.

Зъ позорыща у вечери
У термы сховався
Святый кесарь зъ лыкторамы;
Колизей остався
Безъ кесаря и безъ рымлянъ
И нибы заплакавъ
Одынокый; мовъ гора та
На поли, чорніе
Колизей той середъ Рыму.
Тыхо, тыхо віе
Изъ-за Тыбру, изъ Альбана
Витеръ по-надъ Рымомъ,
А надъ чорнымъ Колизеемъ

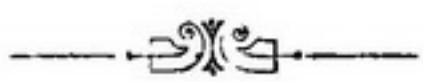
Нибы изъ-за дыму
Плыве мисяць круглолыцый, —
И мыръ первозданный
Одпочывъ на лони ночи;
Тилькы мы, Адаме,
Твои чада преступныи.
Не одпочываемъ
До самои домовыны
У проспаннимъ раи;
Грыземося, мовъ собакы,
За маслакъ смердячый
Та тебе ще зневажаемъ,
Праотче... Та чуръ тобі!

XV.

Трохы одпочыла
Стара маты недобыта;
Жывущую сылу
Сыла ночи ожывыла;
Встала походыла
Коло замкнутои брамы
Та щось шепотала:
Чи не кесаря святого
Нышкомъ проклынала?
А може й такъ... Тыхесенько
До брамы пидкралась,
Послухала, усмихнулась,
И щось прошептала —
Якесь слово... И ныщечкомъ
Коло брамы сила
Й зажурылась. Незабаромъ
Брама одчынылась,
И на возахъ, на колесныцяхъ
Изъ Колизея, изъ ризныци,
Святи вывезлы тила
И повезлы на Тыбръ: тиламы

Святыхъ убытыхъ годувалы
Для царського такы стола
У Тыбри рыбу. Встала маты
Кругомъ оглянулась, взялась
За быту голову рукамы
И тыхо, мовчкы за возамы
Марою чорною пишла
На Тыбръ. А скыѳы сирооки,
Погонычи, рабивъ рабы,
Подумалы: сестра Морока
Изъ пекла выйшла провожать
У пекло рымлянъ. Поскыдалы
У воду трупы, та й назадъ
Зъ возамы скыѳы поверталы.—
А ты осталася одна
На бѐрези, и ты дывылась,
Якъ розстилалыся, стелылысь
Кругы шырокіи надъ нымъ,
Надъ сыномъ праведнымъ твоимъ...
Дывылась, покы не осталось
Жывого слиду на води, —
И усмихнулася тоди
И тяжко, страшно зарыдала,
И помолылась, въ першый разъ,
За насъ Роспьятому, — и спасъ
Тебе роспьятый сынъ Маріи,
И ты слова его жывыи
Въ жывую душу прыйняла,
И на торжыща и въ чертогы
Жывого истинного Бога
Ты слово правды понесла.

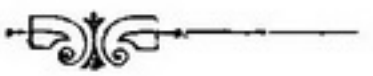
Нижний Новгородъ, 8 декабря 1857 года.



ДОЛЯ.

Ты не лукавыла зо мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Сироми стала. Ты взяла
Мене, маленького, за руку
И въ школу, хлопця, одвела
До пьяного дяка въ науку:
„Учыся, серденько! колысь
Зъ насъ будуть люде,“ ты сказала.
А я й послухавъ, и учывсь,
И вывчывся. А ты збрехала:
Яки зъ насъ люде?.. Та дарма!
Мы не лукавылы зъ тобою,
Мы просто йшлы; у насъ нема
Зерна неправды за собою...
Ходимо жъ, доленько моя,
Мій друже вбогый, нелукавый!
Ходимо дальше, дальше слава,
А слава — заповидь моя.

1858. Петербургъ.



МУЗА.

А ты, пречыстая, святая,
Ты, сестро Феба молодая!
Мене ты въ пелену взяла
И геть у поле однесла;
И на могыли середъ поля,
Якъ тую волю на роздолли,
Туманомъ сывымъ сповыла,
И колыхала, й сповывала,
И чары діяла... И я...
О, чаривныченько моя!
Мени ты всюды помагала,
Мене ты всюды доглядала.
Въ степу, безлюдному степу,
Въ далекій неволи
Ты сіяла, пышалася,
Якъ квиточка въ поли!
Изъ казармы нечыстои
Чыстою, святою
Пташечкою вылетила
И по-надо мною
Полынула, заспивала,
Ты, золотокрыла,
Мовъ жывущою водою
Душу окропыла.
И я жыву, и надо мною
Зъ своею Божою красою
Горынъ ты, зоренько моя,
Моя порадонько святая!
Моя ты доле молодая!
Не покыдай мене. Въ-ночи,
И въ день, и въ-вечери, и рано
Витай зо мною и учы,
Учы неложнымы устамы

Сказаты правду. Поможы
Молытву діяты до краю,
А якъ умру, моя святая,
Моя ты мамо! Положы
Свого ты сына въ домовыну.
И хочъ едыную слёзыну
Въ очахъ безсмертныхъ покажы.

ВИДЬМА.

Молюся, знову уповаю,
И знову слезы вылываю,
И думу тяжкую мою
Нимымъ стинамъ передаю.
Озовитеся жъ, заплачте,
Нимiи, зо мною
Надъ неправдою людською,
Надъ долею злою.
Озовитесь! А за вамы
Може озоветься
Безталання невсыпуще,
И намъ усмихнеться;
Поеднае зъ недолею
И зъ людьмы, и скаже
Спасыби намъ; помолыться,
И тыхо спать ляже.
И прымыренному прысняться
И люды добри, и любовъ,
И все добро. и встане въ-ранци
Веселый, и забуде зновъ
Свою недолю, и въ неволи
Познае рай, познае волю
И всетворящую любовъ.

Коло осиннёго Мыколы,
Обидрани, трохы не голи,
Бендерськымъ шляхомъ у-ночи
Ишлы цыгане; а йдучы —
Звычайне вольныи — спивалы.
Ишлы, ишлы, а потимъ сталы,
Шатро край шляху роспьялы,
Огонь чималый розвелы

И кругомъ его посидалы.
Хто зъ шаплыкомъ, а хто и такъ...
За те винъ вольный, якъ козакъ
Колысь то бувъ. Сыдять, куняють,
А за шатромъ въ степу спивае,
Неначе пьяна, съ прыданокъ
До дому йдучы, молодыця:
„Ой у новій хати
Полягалы спаты:
Молодій прыснылось,
Що маты сказылась,
Свекоръ оженывся,
Батько утопывся...
И..... гу.....“
Цыгане слухають, сміються:
„И де ти люде тутъ возьмуться?
Оце мабуть изъ-за Днипра,
Бо тутъ все степъ... Мара! мара!“
Цыгане крыкнулы, схопылысь,
А передъ нымы опынылось
Те, що спивало. Жаль и страхъ!
Въ свытыни латаній дрожала
Якась людына. На ногахъ
И на рукахъ повыступала
Одъ стужи кровъ, ажъ струпомъ стала,
И довги косы въ репьяхахъ
О полы былысь въ ковтунахъ.
Постояла, а потимъ сила
Коло огню и рукы грила
На самимъ поломьи... „Ну, такъ!
Оженывся неборакъ!“
Сама соби вона шептала
И тяжко, страшно усмихалась.
Що-жъ се таке? Се не мара.
Моя се маты и сестра,
Моя се видьма, щобъ вы зналы.

Цыгане.

А видкиля ты, молодыце?

Видьма

Хто я? (Спивае)
„Якъ була я молодыця,
Цилувалы мене въ лыце,
А якъ стала стара баба,
Цилувалы-бъ, була-бъ рада“.

Цыгане.

Спивуча, ничого сказать!
Якъ бы соби таку достать,
Та ще й зъ медведемъ...

Видьма

Я спиваю,
Чи то сыжу, чи то гуляю...
Все спиваю, все спиваю,
Уже забула й говорыть,
А перше добре говорыла.

Цыгане.

Дежъ ты була, що заблудыла?

Видьма.

Хто, я?.. Чи ты? (Шепче)
Цыть лышень... цыть!
Онъ бачъ зо мною панъ лежыть!
Огонь погасъ, а мисяць сходыть,
Въ яру пасеться вовкулакъ... (Усмихнувшысь)
Я въ прыданкахъ була, впылася
И, молода, не предалася...
А все то прокляти паны
Зъ дивчатамы такее діють...
Ще треба другу одружыть.
Пиду, безъ мене не зуміють
И въ домовыну положыть.

Цыгане

Не йды, небого! Будь ты зъ намы,
У насъ, ій-Богу, добре жыть'

Видьма.

А диты есть у васъ?

Цыгане.

Немае.

Видьма.

Кого-жъ годуете есте,
Кого вы спаты кладете,
Кого колышете въ-ночи,
Лягаючы и встаючы,
За кого молытесь? Охъ диты!
И все диты, и все диты!
Не знаю, де одъ ихъ подитысь...
Де не пиду — й воны за мною!
Воны зйидять мене колысь.

Цыгане.

Не плачъ, небого, не журысь,
У насъ дитей нема й заводу.

Видьма

Хочъ зѣ горы та въ воду
И видьма тяжко зарыдала.
Цыгане мовчкы дывувалысь
Покы поснулы, де хто впавъ.
Вона жъ не спала, не журылась,
Сыдила, ноги устромыла
Въ горячый попилъ. Выступавь
Щербатый мисяць зъ-за могылы
И на шатро мовъ позыравъ,
Ажъ покы хмары заступылы.

Чомъ не спыться багатому,
Сывому, гладкому?
Чомъ не спыться убогому,
Сыроти старому?
Одынъ дума, якъ бы ёго
Достроить палаты;
Другый дума, якъ бы его
На подзвинъ прыдбаты.
Одынъ старый одпочыне
Въ пышній домовыни;
Другый старый и такъ соби
Де небудь пидъ тыномъ.
И обыдва спочывають
И гадкы не мають!
Убогого не згадають,
А того ще й лають.

Коло огню старый цыганъ
Зъ люлькою куняе...
Позырае на прыблуду
Й на подзвинъ не дбае.

Цыганъ

Чому не ляжешъ, не спочынешъ?
Зирныця сходыть, подывысь!

Видьма

Дывлюся я, вже ты дывысь.

Цыганъ.

Мы рано рушымо, покынемъ,
Якъ не проспышся.

Видьма

Не просплюсь,
Я вже николы не просплюсь!
Оттакъ де небудь и загыну

У бурьяни... (Спивае тыхо)
„Гаю, гаю, темный гаю,
Тыхенькый Дунаю!
Ой у гаи погуляю,
Въ Дунаи скупаюсь,
Въ зеленому баговинни
Трохы одпочыну...
Та може ще, хоть калику,
Прыведу дытыну“.
Дарма, абы соби ходыло,
Та вмило матиръ проклынать!
А онъ, чи бачышъ — на могыли
Очыма лупа кошеня?
Иды до мене! Кыцю, кыцю,..
Не йде, прокляте бисеня!
А то дала бъ тоби напыться
Зъ моеи чыстои крыныци... (Прыспивуе)

„Стоить кутя на покути,
А въ запичку диты;
Наплодыла, наводыла,
Та нема, де диты;
Чи то потопыты?
Чи то подушыты?
Чи жыдови на кровъ продать,
А гроши пропыты?“

Що, добре наши завдають?
Сидай лышъ блызшенько, оттутъ.
Отто-то й то. А ты не знаешъ,
Що я въ Волощыни була?
Я розскажу, якъ нагадаю...
Блызнятъ въ Бендерахъ прывела,
У билыхъ Яссахъ колыхала,
У Дунаеви купала,
Въ Туреччыни сповывала,
Та до дому однесла,
Ажъ у Кыевъ. Та вже дома

Безъ кадыла, безъ кропыла,
За тры шаги охрестыла,
А тры шагы пропыла...
Упылася! Упылась!
И доси пьяна! ..
И вже николы не просплюся.
Бо я вже Бога не боюся
И не соромлюся людей.
Колыбъ мени отыхъ дитей
Найты де небудь! Ты не знаешъ,
Чи йе въ Туреччыни война?

Цыганъ.

Була колысь, теперъ нема —
Умеръ найстаршый старшына.

Вицьма

А я думала, що й доси,
Ажъ уже немае.
Слухай, лышень, скажу тоби,
Кого я шукаю.
Я шукаю Наталочку
Та сына Ивана...
Дочку свою Наталоньку,
Та шукаю пана,
Того Ирода, що знаешъ?..
Стривай, нагадала .
Якъ була я молодою,
И гадкы не мала,
По садочку похожала,
Квитчалась, пышалась
А винъ мене и набачывъ,
Иродъ!.. И не снылось,
Що я була крепачкою,
А то бъ утопылась...
Було бъ легше, Отъ набачывъ
Та й бере въ покои,
И стрыже, неначе хлопця,

И въ походъ зъ собою
Бере мене. У Бендеры
Прыйшлы мы; стоялы
Зъ москалямы на кватерахъ,
А москали за Дунаемъ
Турка воювалы.
Тутъ давъ Богъ мени блызнята,
Якъ разъ проты Спаса.
А винъ мене и покынувъ.
Не вступывъ и въ хату,
На дитей своихъ не глянувъ,
Люцыперъ проклятый!
Пишовъ соби зъ москалямы,
А я зъ байстрюкамы
Повертала въ Украину
Степамы, тернамы,
Острыжена, та й байдуже!
У селахъ пытала
Шляхъ у Кыевъ. И що зъ мене
Люде насміялысь!..
Трохы була не втопылась,
Та жаль було кынуть
Блызняточокъ. То сякъ, то такъ
На свою краину
Прыдыбала. Одпочыла,
Вечора диждалась.
Та й у село. Хотилось, бачъ,
Щобъ люде не зналы.
Отъ я крадусь по-пидтынню
До своеи хаты.
Въ хати темно. Нема дома,
Або вже лигъ спаты
Мій батечко одынокый.
Я ледве ступаю...
Вхожу въ хату, ажъ щось стогне,
Нибы умирае.
То мій батько. И никому
Ни перехрестыты,

Ни рукъ скласты. О, прокляти,
Лукавіи диты!
Що вы діете на свити!..
Я перелякалась...
Хата пусткою смердила.
Отъ я заховала
Блызнятъ своихъ у комори...
Вбигаю въ хату, —
А винъ уже ледве дыше...
Я до его: тату!
Мій таточку! Це я прыйшла!
За рукы хватаю...
Це я, кажу. А винъ мени
Шепче: „я прощаю,
Я прощаю!“ Тилькы й чула...
Здаеться я впала
И заснула... Якъ бы була
До виьу проспала!..
О пивъ-ночи прокынулась —
Якь у ями въ хати,
А за руку батько давыть...
Тату, крычу, тату!
А винъ уже такъ якъ крыга.
Насылу я руку
Выпручала. Що, цыгане,
Якъ бы таку суку
Тоби дочку. Що зробывъ-бы.

Цыгане.

Ій Богу, не знаю.

Видьма

Та мовчы вже, бо забуду,
Потимъ не згадаю.
Дитей, бачця, годувала,
Та въ засикъ ховала,
Та очипокъ — се вже въ-ранци —
Клоччямъ вымощала,

Щобъ не знать було, що стрыга;
Прыбралась, ходыла,
Покы люде домовыну
На-двори робылы.
Доробылы, положылы,
Понеслы, сховалы...
И одна я, якъ былына
На поли, осталась
На симъ свити... Булы диты —
И тыхъ не осталось.
„Черезъ яръ ходыла!
Та воду носыла,
Коровай сама бгала —
Дочку оддавала,
Сына оженыла...
И..... гу....“

Цыгане.

Не скиглы, бо ты всихъ побудышъ

Видьма

Хиба я скиглю, нависный!

Цыгане.

Та добре, добре! Що дальшъ буде,
Розсказуй дальше.

Видьма

Що дасы?
Наварышъ завтра мамалыгы?..
Я кукурузы прынесу.
Нагадала, нагадала,
Зъ дочкою лигъ спаты,
Завдавъ сына у лакеи...
Громадою зъ хаты
Выганялы. Нагадала...
Я собакъ дражныла
По-пидъ викнамы зъ старцямы,

И байстрятъ носыла
За плечыма, щобъ прывчалысь ..
Ажъ и самъ прыйихавъ...
Я до его кынулася,
Забудучы лыхо.
Прывитавъ мене, люцыперъ,
Благословывъ дитокъ,
Та й забравъ ихъ у покои
Ростутъ мои квиты,
Та й выросты. Сына Ивана
Оддавъ якійсь пани
У лакеи, а Наталю ..
Чи твои цыгане
Вси поснулы?

Цыгана.

Вси поснулы.

Видьма.

Бо щобъ не почулы
Мого слова. Страшно буде...
И ты, старый друже,
Злякаешся, якъ вымовлю ..
Чи тоби байдуже?
Наталочку... дытя свое...
Занапастывъ! А до того
Посылае въ Кыивъ
Мене, бачышъ, молытыся.
Я, дурна, й ходыла,
И молылась... Ни, цыгане,
Я марне молылась! (x)
Вертаюся изъ Кыива —
Замкнути покои...
Винъ узявъ іи зъ собою,
Та й пойихавъ зъ нею,
Зъ Наталею!... Чи чуешъ ты?
И острыгъ. проклятый,
Дытя свое. Полетила

(x) Чы въ васъ есть точь якый недудь?
Въ насъ его немае,
Паны вкрали, та въ шкатули
У себе ховають.

Я ёго шукаты
Въ Волощыну. Та й шукаю,
Совою литаю
Надъ байракамы, та дитокъ,
Диточокъ шукаю,
Наталоньку!.. Ни, ни, ни, ни!
Я, шукаю пана!
Розирву!... Возьмить до себе
И мене, цыгане,
Я медведя водытыму,
А якъ найду ката,
То й спущу ёго на его!
Отоди, проклятый!..
Ни, не спущу!.. Сама ёго
Загрызу!... Чи чуешъ?
Одружимось, мое сердце,
Я й доси дивую:
Я сына вже оженыла,
А дочка й такъ буде;
Лазытыме по-пидтынню,
Покы найдуть люде
Нежывою. Чи ты бачывъ?
Тамъ такый хорошый
Мій сынъ Иванъ!.. Ухъ, холодно!..
Позычъ мени грошей!
Намыста доброго куплю.
Та й тебе повишу,
А сама пиду до дому...
Дывысь, мыша, мыша...
Несе у Кыивъ мышенятъ!
Не донесешъ, утопышъ десь,
Або панъ одниме!
Чи я найду моихъ дитокъ,
Чи такъ и загыну?

Та й замовкла, мовъ заснула.
Цыгане вставалы,
Розибралы шатро свое,

Въ дорогу рушалы —
Та й рушылы. Пишлы степомъ.
А вона, небога
Безталанна, встала мовчкы,
И нибы то Богу
Нышкомъ соби помолылась,
Та й пошкандыбала
Зъ цыганамы. И тыхо,
Тыхенько спивала:
„Кажуть люде, що судъ буде,
А суду не буде,
Бо вже мене осудылы
На симъ свити люде."
Изъ-за Днистра пишлы цыгане
И на Волынь, и на Украйну.
За селомъ село мыналы,
Въ городы ходылы,
И марою за собою
Прыблуду водылы.
И спивала й танцювала,
Не пыла й не йила,
Неначе смертъ зъ цыганамы
По селахъ ходыла.
Потимъ разомъ схаменулась
Стала йисты й пыты,
И ховатысь за шатрамы
И Богу молытысь.
Щось таке їй поробыла
Стара Марґула,
Якымсь зиллямъ наповала —
То воно й мынулось.
Потимъ їи стала вчыты
И ликаруваты:
Яки травы, що одъ чого
И де ихъ шукаты,
Якъ сушыты, якъ варыты —
Всему, всему вчыла

Маріула. А та вчылась
Та Богу молылась.
Мынуло лито, уже й друге
И трете настало,
Уже прыйшла въ Украину...
Жаль ій чогось стало.
Поклонылась Маріули
За науку въ ногы,
Попрощалась зъ цыганамы,
Помолылась Богу,
Та й пишла соби, небога,
Въ свою Украину.
Вернусь, каже, хочъ погляну
На дочку, на сына.
Не довелось. Панъ вернувся,
Покынувъ Наталю
Въ Московщыни. А ты іи
За Днистромъ шукала!
Сына Йвана молодого
Оддалы въ салдаты
За те, що ты не навчыла
Панивъ шануваты.
До кого-жъ ты прыхылышся?
Никого немае!
До людей хылысь, небого,
Люде прывитають.
Панъ вернувшысь занедужавъ,
Стогне, пропадае,
А вона набрала зилля,
Та й пишла въ палаты
Личытъ ёго, помагаты,
А не проклынаты.
Не помогла болящому,
Бо не допустылы.
А якъ умеръ, то за ёго
Богу помолылась.
И жыла соби святою,
Дивчатъ научала,

Щобъ зъ панамы не кохалысь,
Людей не цуралысь —
А то Богъ васъ покарае,
А ще гирше люде.
Люде горді, неправедні,
Своимъ судомъ судятъ...
Оттакъ вона поучала
Болящыхъ личыла,
Зъ убогымы останнею
Крыхтою дилылась.
Люде добри и розумни
Добре іи зналы,
А все такы покрыткою
И видьмою звалы! —

ЛЯХАМЪ.

(Бр. Залеському)

Ще якъ булы мы козакамы,
А Уніи не чуть було,
Оттамъ-то весело жылось:
Браталысь зъ вольнымы ляхамы,
Пышалысь вольнымы степамы;
Въ садахъ кохалыся, цвилы,
Неначе лыли, дивчата;
Пышалася сынамы маты,
Сынамы вольнымы. Рослы,
Рослы сыны и веселылы
Старіи скорбніи лита. —
Ажы покы именемъ Хрыста
Прыйшлы ксендзы и запалылы
Нашъ тыхый рай, и розлылы
Шыроке море слизъ и крови;
А сыритъ именемъ Хрыстовымъ
Замордувалы, роспьялы.
Поныклы головы козачи,
Неначе стоптана трава;
Украйна плаче, стогне-плаче;
За головою голова
До-долу пада. Катъ лютуе,
А ксендзъ скаженымъ языкомъ
Крычыть: „Te Deum! Alleluja!“
Оттакъ-то, ляше, друже, брате!
Несытыи ксендзы, магнаты
Насъ поризнылы, розвелы,
А мы бъ и доси такъ жылы!

Подай же руку козакови,
И серце чыстее подай,
И знову именемъ Хрыстовымъ
Возобновымъ нашъ тыхый рай!

СЛАВА.

А ты, задрипанко, шынкарко,
Перекупко пьяна!
Де ты въ ката забарылась
Зъ своими лучамы?
У Версали надъ злодіемъ
Наборъ роспустыла,
Чи зъ кымъ иншымъ мизкаешся
Зъ нудыты та зъ похмилля?
Горнысь лышень ты до мене,
Та вытнемо зъ лыха;
Гарнесенько обіймемось,
Та любо, та тыхо
Пожартуемъ, чмокнемося,
Та й поберемося,
Моя крале малевана,
Бо я такы й доси
За тобою чымчыкую.
Ты хоча й пышалась
И зъ пьяными кесарямы
По шынкахъ хылялась...
. . . . . .
Та мени про те байдуже!
Мени, моя доле,
Дай на себе подывытысь,
Дай и прыгорнутысь
Пидъ крыломъ твоимъ любенько,
Въ холодку заснуты.

СОНЪ.

(М А Марковичци).

На панщыни пшеныцю жала,
Втомылася; не спочывать
Пишла въ снопы,—пошкандыбала
Ивана сына годувать:
Воно сповытее крычало
У холодочку за снопомъ;
Росповыла, нагодувала,
Попестыла,—и нибы сномъ,
Надъ сыномъ сыдя, задримала.
И сныться ій: той сынъ Иванъ—
И уродлывый, и багатый,
Не одынокый, а жонатый
На вольній, бачыться, бо й самъ
Уже не панськый, а на воли.
Та на своимъ веселимъ поли
У-двохъ соби пшеныцю жнуть.
А диточкы обидъ несуть...
Та й усмихнулася небога...
Прокынулась—нема ничого!
На Йвана глянула; взяла
Его, гарненько сповыла,
Та, щобъ дожать до лановогo,
Ще копу дожынать пишла...
Остатню, може; Богъ поможе,
Той сонъ твій справдыться...

13 Іюля 1858

1859.

МАРКУ ВОВЧКУ.

(На памьять 24 Генварі 1859 року)

Недавно я по-за Ураломъ
Блукавъ и Господа благавъ,
Щобъ наша правда не пропала,
Щобъ наше слово не вмирало —
И выблагавъ! Господь пославъ
Тебе намъ, кроткого пророка
И облычытеля жестокыхъ,
Людей несытыхъ. Свите мій,
Моя ты зоренько святая!
Моя ты сыло молодая!
Свиты на мене, и огрій,
И ожывы мое побыте,
Убоге серце, неукрыте,
Голоднее! — И ожыву.
И думу вольную на волю
Изъ домовыны воззову!
И думу вольную... О, доле!
Пророче нашъ! Моя ты доне!
Твоею думу назову.

Мій Боже мылый! якъ то мало
Святыхъ людей на свити стало!..
Одынъ на другого кують
Кайданы въ серци... а словамы,
Медоточывымы устамы
Цилуються, и часу ждуть,
Чи швыдко брата въ домовыни
Зъ гостей на цвынтарь повезуть?..
А ты, о Господы едыный,
Скуешъ лукавыи уста,
Языкъ оттой велеричывый,
Мовлявшый· „мы — не суета!
И возвелычымо на дыво —
И розумъ нашъ, и нашъ языкъ ..
Та й де той панъ, що намъ закаже
И думать такъ, и говорыть?“
„Воскресну я!“ той панъ вамъ скаже:
Воскресну ныни, рады ихъ
Людей закованыхъ моихъ —
Убогыхъ ныщыхъ... Возвелычу
Малыхъ оттыхъ рабивъ нимыхъ!
Я на сторожи коло ихъ
Поставлю слово“
И поныче,
Неначе стоптана трава,
И думка ваша и слова.—
Неначе срибло куте, быте
И семыкраты перелыте
Огнемъ въ горныли, — словеса
Твои, о Господы, такыи.
Роскынь же ихъ, твои святыи,
По всій земли!.: И чудесамъ
Твоимъ увирують на свити
Твои мали убоги диты!

15 Февраля, 1859 року.

Радуйся, ныво неполытая!
Радуйся, земле, не повытая
Квитчастымъ злакомъ! Роспустысь,
Рожевымъ крыномъ процвиты!..
И процвитешъ, позеленіешъ,
Мовъ Іордановы святыи
Лугы. зелени берегы!
И честь Кармылова, и слава
Лыванова, а не лукава
Тебе укрые дорогымъ
Золототканнымъ, хытро шытымъ,
Добромъ та волею пидбытымъ,
Святымъ омофоромъ своимъ,—
И люде темныи незрячи
Дыва Господніи побачять!

И спочынуть невольнычи
Утомлены рукы,
И колина одпочынуть,
Кайданамы кути!
Радуйтеся, вбогодухи,
Не лякайтесь дыва:
Се Богъ судыть, вызволяе
Довготерпелывыхъ—
Васъ убогыхъ—и воздае
Злодіямъ за злая!
Тоди, якъ, Господы, святая
На землю правда прылетыть
Хочь на годыночку спочыть—
Незрячи прозрять, и крывыи,
Мовъ сарна зъ гаю, помайнують.
Нимымъ отверзуться уста,
Прорветься слово, якъ вода,
И дебрь-пустыня неполыта,
Спилющою водою вмыта,
Прокынеться; и потечуть

Весели рики, а озера
Кругомъ гаямы поростуть,
Веселымъ птаствомъ ожывуть.
Ожывуть степы, озера,
И не верстовыи,
А вольныи, шырокыи,
Скризь шляхы святыи
Простелються; и не найдуть
Шляхивъ тыхъ владыкы,
А рабы тымы шляхамы,
Безъ кгвалту и крыку,
Позиходяться до-купы,
Ради та весели,
И пустыню опанують
Веселыи села.

25 Марта 1859 року

ПИСНЯ.

Ѳ И Черненку.

(На памьять 22 Сентября 1859)

Ой по гори роменъ цвите,
Долывою козакъ иде
Та у журбы пытаеться:
Де та доля пышаеться?

Чи то въ шынкахъ зъ багачамы,
Чи то въ степахъ зъ чумакамы,
Чи то въ поли на роздолли
Зъ витромъ віеться по воли?

Не тамъ, не тамъ, друже, брате!
У дивчыны, въ чужій хати,
У рушныку та въ хустыни
Захована въ новій скрыни.

7 Іюня, 1859 р

Ой маю, маю я оченята —
Никого, маты, та оглядаты,
Никого, серденько, та оглядаты!

Ой маю, маю и рученята —
Никого, матинко, та обниматы,
Никого, серденько, та обниматы!

Ой маю, маю и ноженята, —
Та ни зъ кымъ матинко, потанцюваты,
Та ни зъ кымъ серденько, потанцюваты!

10 Іюня 1859 р. Г Пырятынъ

СЕСТРИ.

Мынаючы убоги села
Понаддниипрянськи невесели,
Я думавъ: де жъ я прыхылюсь
И де подинуся на свити?
И сныться сонъ мени: дывлюсь,
Въ садочку, квитамы повыта,
На прыгори соби стоить,
Неначе дивчына, хатына.
Днипро геть геть соби розкынувсь,
Сяе, батько, та горыть!
Дывлюсь: у темному садочку,
Пидъ вышнею, у холодочку
Моя едыная сестра,
Многострадальная, святая,
Неначе въ раи спочывае,
Та зъ-за шырокого Днипра
Мене, небога, выглядае.
И ій здаеться, вырынае
Зъ-за хвыли човенъ, доплыва
И въ хвыли човенъ порына...
— „Мій братику! Моя ты доле!“
И мы прокынулыся: ты —
На панщыни, а я — въ неволи!..
Отъ такъ намъ довелося йты
Ще зъ малечку колючу ныву!
Молыся, сестро! Будемъ жыви,
То Богъ поможе перейты.

20 Іюля 1859 р Г. Черкасы

АНТОНІЮ СОВИ.

(Подражаніе Польскому поетови).

Посажу коло хатыны,
На спомынъ дружыни,
И яблуньку, и грушечку,
На спомынъ едыній!

Богъ дасть, выростуть. Дружына
Пидъ древамы тымы
Сяде соби въ холодочку
Зъ диткамы малымы.
А я буду груши рваты,
Диткамъ подаваты...
Зъ дружыною едыною
Тыхо розмовляты.

— Тоди, серце, якъ бралыся,
Си древа садывъ я...
Щаслывый я! — „И я, друже,
Зъ тобою щаслыва!“

19 Ноября 1859 р, Петербургъ

1860.

Дивчя любе, чорнобрыве
Несло зъ леху пыво,
А я глянувъ, подывывся —
Та ажъ похылывся...
Кому воно пыво носыть?
Чому босе ходыть?
Боже сыльный! Твоя сыла
Та тоби жъ и шкодыть

— — — —

Ой диброво, темный гаю!
Тебе одягае
Трычи на рикъ... Багатого
Соби батька маешъ.
Разъ укрые тебе рясно
Зеленымъ покровомъ, —
Ажъ самъ соби дывуеться
На свою диброву...
Надывывшысь на доненьку
Любу, молодую,
Визьме іи та й огорне
Въ рызу золотую

И сповые дорогою
Билою габою,
Та й спать ляже, втомывшыся
Турбою такою.

15 Стычня 1860 р. С.-Петербургъ.

ПОДРАЖАНІЕ СЕРБСЬКОМУ.

Найихалы старосты,
Й молодыкъ за нымы;
Воны соби пишлы въ хату
Зъ батькомъ розмовляты;
А я въ его, молодого,
Въ того чорнобрывця,
Беру коня, та й ничого...
Веду до крыныци.
Кинь утомленый, копыта
Роскути, розбыти,
Сиделечко мережане
Зопсуте, невкрыте.
— Скажы, коню, до кого це
Вы такъ нагло гналысь? —
„До якоись чорнобрывкы
Всю ничъ майнувалы“.
Чи ты коню жъ, будешъ пыты
Зъ нашои крыныци?
Чи буде та чорнобрывка
Сей рикъ молодыця?

4 Мая 1860 р С-Петербургъ

ЛЫКЕРИ.

(*На памьять 5 Августа 1860 р*)

Моя ты любо! мій ты друже!
Неймуть намъ виры безъ хреста,
Не ймуть намъ виры безъ попа,
Рабы, невольныкы недужи!
..... Збрешуть люде —
Одурять! Не одурыть Богъ·
Карать и мылувать не буде;
Мы не рабы ёго, мы — люде...
Моя ты любо! усмихнысь,
И вольную святую душу
И руку вольную, мій друже,
Подай мени... то перейты
И винъ поможе намъ калюжу,
Поможе й лыхо донесты
И поховать лыхе, дебеле,
Въ хатыни тыхій и веселій.

5 Августа 1860 Стрѣльна

Надъ Днипровою сагою
Стойить явиръ мижъ лозою,
Мижъ лозою зъ ялыною,
Зъ червоною калыною.

Днипро берегъ рые, рые,
Яворови коринь мые;
Стойить старый, похылывся,
Мовъ козакъ той заружывся, —

Що безъ доли, безъ родыны
Та безъ вирнои дружыны,
Безъ дружыны и надіи
Въ самотыни посывіе!

Явиръ каже: „похылюся,
Та въ Днипрови скупаюся“.
Козакъ каже: „погуляю,
Та любую пошукаю“

А калына зъ ялыною
Та гнучкою лозыною,
Мовъ дивчаточка изъ гаю
Выхожаючы, спивають.—

Повбирани, заквитчани
Та зъ таланомъ заручени,
Думкы, гадонькы не мають —
Вьються, гнуться та спивають...

20 Іюня 1860 р. С-Петербургъ

Рослы у-купочци; зрослы;
Сміятысь, гратысь пересталы...
Неначе справди розійшлысь...
Зійшлысь незабаромъ; побралысь;
И тыхо, весело пройшлы,
Душею, серцемъ неповынни,
Ажъ до самои домовыны...
А мижъ людьмы воны жылы!

Подай же й намъ, всещедрый Боже,
Оттакъ цвисты, оттакъ росты,
Такъ одружытыся и йты, —
Не сварячысь въ тяжкій дорози
На той свитъ тыхый нерейты.

5 Іюня 1860 Петербургъ

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ

Въ Путывли гради въ-ранци рано
Спивае-плаче Ярославна,
Якъ та зозуленька куе,
Словамы жалю додае.
„Полечу, каже, зыгзыцею,
Тіею чайкою-вдовыцею,
Та по-надъ Дономъ полечу,
Рукавъ бобровый омочу
Въ рици Каяли; и на тили,
На княжимъ билимъ помарнилимъ
Омыю кровъ суху,—отру
Глыбокыи, тяжкыи раны...“

И квылыть-плаче Ярославна
Въ Путывли рано на валу:
„Витрыло, витре мій едыный,
Легкый, крылатый господыне!
На що на дужому крыли,
На вои любыи мои
На князя, ладо мое мыле,
Ты хановы метаешъ стрилы?
Не мало неба и земли
И моря сынего! На мори
Гойдай насады корабля!
А ты прелютый. . горе, горе!
Мое веселие укра
Въ степу на тырси ро ябгавъ!“

Сумуе, кв лы ь-плаче рано
Въ Путывли гради Ярославна
И каже: „Дужый и старый,
Шырокый Днипре, не малый
Пробывъ есы высо и скалы,

Текучы въ землю Половчана;
Носывъ-есы на байдакахъ,
На Половчанъ, на Кобякà
Дружыну тую Святославлю!
О, мій словутыцю преславный!
Мое ты ладо прынесы,
Щобъ я постиль весела стлала,
У море слезъ не посылала—
Слезамы моря не долыть!"

И плаче, плаче Ярославна
Въ Путывли на валу, на брами—
Святее сонечко зійшло—
И каже: „Сонце пресвятее!
На землю радисть прынесло
И людямъ, и земли,—моеи
Тугы-нудьгы не розвело.
Святый, огненный господыне!
Спалывъ-есы лугы, степы,
Спалывъ и князя, и дружыну,—
Спалы мене на самоти!
Або не грій и не свиты...
Загынувъ ладо—я загыну!"

4 Іюня 1860 р. С.-Петербургъ.

Зъ передъ-свита до вечора,
А зъ вечора та до досвита
Летять стрилы каленыи,
Брязчять шабли о шеломы,
Трещять спысы гартовани
Въ степу, въ незнаемому поли
Середы земли Половецькои.

Чи буде правда мижъ людьмы?..
Повынна буть!.. бо сонце стане
И оскверненну землю спалыть.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

3 Ноября 1860 р Петербургъ

Н. Я. МАКАРОВУ.

(На память 14 Сентября)

Барвинокъ цвивъ и зеленивъ,
Стлався, розстилався, —
Та недосвитъ передъ-свитомъ
Въ садочокъ украв ся.
Потоптавъ весели квиты,
Побывъ, поморозывъ...
Шкода того барвиночка
Й недосвита шкода!

14 Сентября 1860 Петербургъ

I.

Поставлю хату и кимнату,
Садокъ-раєчокъ насажу;
Посыжу я и похожу
Въ своій маленькій благодати,
Та въ одыни-самотыни
Въ садочку буду спочываты
Прысняться диточкы мени,
Веселая прысныться маты,
Давне-колышній та ясный
Прысныться сонъ мени... и ты'..
Ни, я не буду спочываты,
Бо й ты прыснышся! У малый
Раєчокъ мій, зъ пидтыха-тыха,
Пидкрадешся, наробышъ лыха, —
Запалышъ рай мій самотный.

21 Сентября 1860 р Петербургъ

Не нарикаю я на Бога,
Не нарикаю ни на кого.
Я самъ себе, дурный, дурю,
Та ще й спиваючы... Орю
Свій перелигъ—убогу ныву,
Та сію слово: добри жныва
Колысь-то будуть!.. И дурю
Себе такы, себе самого,
А бильше, бачыться, никого.

Орыся жъ ты, моя ныво,
Доломъ та горою,

Та засійся, чорна ныво,
Волею ясною!
Орыся жъ ты, розверныся,
Полемъ розстелыся,
Та посійся добрымъ жытомъ,
Долею полыйся!
Розверныся жъ на вси бокы,
Ныво-десятыно!
Та посійся не словамы,
А розумомъ, ныво!
Выйдуть люде жыто жаты...
Веселыи жныва!..
Розверныся жъ, розстелыся жъ,
Убогая ныво!

Чи не дурю себе я знову
Своимъ хымернымъ добрымъ словомъ?..
Дурю! Бо лучче одурыть
Себе такы, себе самого,
Нижъ зъ ворогомъ по правди жыть
И всуе нарикать на Бога!

5 Октября 1860 Петербургъ

Мынулы лита молодыи...
Холоднымъ витромъ одъ надіи
Уже повіяло... Зима!..
Сыды одынъ въ холодній хати...
Нема зъ кымъ тыхо розмовляты,
А ни порадытысь... Нема!
А никогисинько нема!
Сыды жъ одынъ, покы надія
Одурыть дурня, осміе...
Морозомъ очи окуе,

А думы гордыи розвіе,
Якъ ту снижыну по степу.
Сыды жъ одынъ-соби въ кутку,
Не жды весны—святои доли!
Вона не зійде вже николы
Садочокъ твій позеленыть,
Твою надію оновыть
И думу вольную на волю
Не прыйде выпустыть... Сыды—
И ничогосинько не жды!..

15 Октября 1860 р Петербургъ

Тытаривна-Немеривна
Гаптуе хустыну,
Та колыше московщыня—
Малую дытыну.
Тытаривна-Немеривна
Людьмы гордувала...
А москаля-пройдысвита
Ныщечкомъ витала!
Тытаривна-Немеривна
Почестного роду...
Выглядае пройдысвита
Москаля зъ походу.

19 Октября 1860 р. С.-Петербургъ.

И тутъ, и всюды—скризь погано!..
Душа убога встала рано,
Напряла мало, та й лягла
Одповывать соби, небога.
А воля душу стерегла...

„Прокынься,“ каже: „плачъ, убога!
Не зйде сонце!.. тьма и тьма!
И правды па земли нема!“
Ледача воля одурыла
Маленьку душу. сонце йде
И за собою день веде!..

30 Октября 1860 р Петербургъ

Якъ бы зъ кымъ систы, хлиба зъйисты,
Промовыть слово,—то воно бъ,
Хочъ и якъ небудь, на симъ свити,
А все бь такы якось жылось
Та—ба!.. нема зъ кымъ! Свитъ шыроки
Людей чимало на земли...
А доведеться одынокымъ
Въ холодній хати крывобокій,
Або пидъ тыномъ простягтысь!..
Або... ни!.. Треба одружытысь,
Хоча бъ на чортовій сестри!
Бо доведеться одуриты
Въ самотыни... Пшеныця, жыто
На добримъ сялось лану,
А люде такъ соби пожнуть
И скажуть:—„десь его убыто,
Сердешного, на чужыни ..“
О горе, горенько мени!

1 Ноября 1860 р Петербургъ.

И день иде, и ничъ иде...
И, голову схопывшы въ рукы,
Дывуешся—чому не йде
Апостолъ правды и наукы?!

5 Ноября 1860 р. Петербургъ

Зійшлысь, побралысь, поеднались,
Помолодилы, пидрослы,
Гаекъ, садочокъ розвелы
Кругомъ хатыны, и пышалысь,
Неначе князи. Диты гралысь,
Рослы соби та выросталы...
Дивчатокъ москали укралы,
А хлопцивъ въ москали забралы,
А мы неначе розійшлысь,
Неначе бралысь—не еднались.

5 Декабря 1860 р. Петербургъ.

Колысь то ще, во время оно,
Помпылій Нума, рымськый царь,
Тыхенькый, кроткый государь,
Втомывшысь пышучы законы,
Пишовъ любенько погулять
И одпочыть, та спочывавшы,
Додумать, якъ бы то скувать
Кайданы на рымлянъ. И взявшы
Гнучкый однолитокъ лозы,

Каблучку заходывсь плесты,
На шыю бъ то. Колы погляне —
У холодочку пидъ платаномъ
Дивчя заквитчанее спыть...
Друидамъ ничого робыть
Передъ такою красотою,
Передъ богынею такою!
Сама Егерія въ гаю,
Кленучы доленьку свою,
Повисылась. А мудрый Нума
И на дивчя, и на цвиты
Дывуеться соби и дума,
Якый бы ретязь ще сплесты?

Тече вода зъ-пидъ явора
Яромъ на долыну,
Пышаеться надъ водою
Червона калына
Пышаеться калынонька,
Яворъ молодіе,
А кругомъ ихъ верболозы
Й лозы зеленють.

Тече вода изъ-за гаю
Та по-пидъ горою,
Хлюпощуться качаточкы
По-мижъ осокою.
А качечка выплывае
Зъ качуромъ за нымы —
Ловлять ряску, розмовляють
Зъ диткамы своимы

Тече вода край города, —
Вода ставомъ стала.
Прыйшло дивчя воду браты:

Брало, заспивало.
Выйшлы зъ хаты батько й маты
Въ садокъ погуляты,
Порадытысь, кого бъ то имъ
Своимъ зятемъ зваты.

Не журюся я, не спыться
Часомъ до пивночи—
Усе свитять ти блыскучи
Твои чорни очи.
Мовъ говорять тыхесенько:
„Хочъ, небоже, раю?
Винъ у мене, тутъ, у серци“.
А серця немае,
Й не було его николы,
Тилькы шматокъ мьяса...
На що жъ хороше и пышно
Такъ ты розцвилася?
Не журюся, а не спыться
Часомъ и до свита—
Усе думка пробывае:
Якъ бы такъ прожыты,
Щобъ николы таки очи
Серця не вразылы.

(Воспом Чужбинскаго, 1861, С-ПБ)

1861

Чи не покынуть намъ, небого,
Моя сусидонько убога,
Вирши никчемни виршувать,
Та заходыться решпувать
Возы въ далекую дорогу?
На той свитъ, друже мій, до Бога
Почымчыкуемъ спочывать..
Втомылыся такы и пидтопталысь
И розуму такы набралысь,—
То й буде зъ насъ!—ходимо спать,
Ходимо въ хату спочывать..
Весела хата, щобъ ты знала!..

Ой не йдимо, не ходимо,
Рано, друже, рано;
Походымо, посыдымо —
На сей свитъ поглянемъ!
Поглянемо, моя доле...
Бачъ, якый шырокый,
И шырокый та веселый,
Ясный та глыбокый...
Походымо жъ, моя зоре!
Зійдемо на гору—
Спочынемо... А тымъ часомъ
Твои сестры—зори
Безвичныи, по-пидъ небомъ
Поплывуть, засяють...
Пидождимо жъ, моя сестро,

Дружыно святая!
Та нескверными устамы
Помолымось Богу,
Та й рушымо тыхесенько
Въ далеку дорогу...
Надъ Летою бездонною
Та каламутною
Благословы мене, друже,
Славою святою!..

А покы те, да се, да оне,
Ходимо просто—навпростець
До Ескулапа на ралець—
Чи не одурыть винъ Харона
И Парку-прялку?... И тоди,
Покы бъ хымерывъ мудрый дидъ,
Творылы бъ скризь по надъ землею—
На все бъ гекзаметры плелы,
Та на горыще бъ однеслы
Мышамъ на снидання... А потимъ
Спивалы бъ прозу—та по нотахъ,
А не якъ-небудь...
Друже мій,
О, мій сопутныче святый!
Покы огонь не захолонувъ,
Ходимо лучче до Харона—
Черезъ Лету бездонную,
Та каламутную
Переплывемъ, перенесемъ
И славу святую,
Безвичнюю, молодую...
Або—цуръ ій, друже!
И безъ неи обійдуся—
Та якъ буду здужать.
То надъ самымъ Флегетономъ,
Або надъ Стыксомъ у раю,
Неначе надъ Днипромъ пырокымъ,
Въ гаю, предвичному гаю,

Поставлю хаточку, садочокъ
Кругомъ хатыны насажу;
Прылынешъ ты у холодочокъ,
Тебе, мовъ кралю, посажу:
Днипро, Украину згадаемъ,
Весели селыща въ гаяхъ,
Могылы-горы на степахъ—
И веселенько заспиваемъ...

14—26 Февраля 1861 р С-Петербургъ.

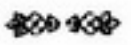
Стихы оци (мабуть—до Музы), здаеться, останне, поетычне слово нашого вичнопамьятного Тараса. На подлыннику пидъ первою ёго половыною (писля стыха: Славою святою) стоить «14 Февраля,» пидъ другою половыною дня не означено

Прымич. ред «Основы».

НАЗАРЪ СТОДОЛЯ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ДІЯ.

(Невидомого року)



ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Хома Кычатый, сотникъ.
Галя, дочь его.
Стеха, молодая клюшница у Кычатаго.
Назаръ Стодоля другъ его.
Гнатъ Карый, другъ его.
Хозяйка на вечерницахъ.

Слѣпой кобзарь, жиды-музыканты, молодые козаки, дѣвушки и сваты отъ Чигиринскаго полковника.

Дѣйствіе происходитъ въ XVII-мъ столѣтіи, близь Чигирина, въ козацкой слободѣ, въ ночь на Рождество Христово

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Вечеръ. Внутренность свѣтлицы, богато убранной коврами и бархатомъ. Въ сторонѣ столъ, покрытый дорогимъ ковромъ, кругомъ скамьи подъ бархатомъ, окаймленныя золотомъ. На столѣ стоятъ фляги, кубки и разныя кушанья, горятъ восковыя свѣчи Стеха убираетъ столъ.

Стеха *(отходитъ отъ стола)*. Усе! Здаеться, що все. Стривай лышень, чи не забула чого? Рыба, мьясо, баранына, свынына, ковбаса, вышнивка, слывьянка, медъ, венгерськее— усе, усе! Тутъ и йистывне и выпыты. Колы бъ лышень гости. Та що воны такъ довго баряться? И надоумыло жъ сидоусого у таке свято, колы добри люде тилькы колядують, спо-

диваться гостей, та й ще якыхъ гостей! старостивъ одъ такого жъ старого дурня, якъ и самъ. Побачымо, що-то зъ того буде? Негрите зализо не зогнешъ! А якъ-бы не крывся та пораявся бъ зо мною оттакъ тыжнивъ за два до святъ, то певна уже була бъ ричъ; а то схаменувся на самисинькый святъ-вечиръ, та й ластыться· „и сяка, й така, и добра, и розумна ты, Стехо, поможы! Я вже тоби и се, и те, и трете и десяте". Побачымо. побачымо, якъ попадеться нашому теляти вовка шiматы. *(Помолчавъ)*. Не сказавшы ни слова дочци, за кого и якъ хоче виддаты, думае що наша сестра—коза: поженешъ, куды схочешъ. Е, ни! стривай лышень, голубчыку! „Ублагай iи", каже. Та и що такы той поганый хорунжый? А полковныкъ, хочъ старый—нехай ему добре сныться—такъ же панъ'... Оце бъ то вона й стямылася! Иншому дзусъ, а я—такъ визьмусь. Дивци дивку не довго збыть зъ пантелыку, а ще таку, якъ моя панночка—и-и! Та вже жъ, якъ кажуть, шiмавъ, не шiмавъ, а погнаться можна. Тоди, якъ тее—то, вже жъ и погуляю'... А вона поплаче, посумуе, а дали й ничогисинько. Та й Назаръ такы не разъ спасыби скаже. *(Изъ боковыхъ дверей выходитъ Галя)*.

Стеха. А що? якъ прыбрано?... Тымъ бо й ба'

Галя. Що це ты; Стехо, робышъ? Хиба у насъ сегодни гости, чи що?

Стеха. Та ще й яки гости, якъ бы вы зналы!

Галя Яки жъ тамъ гости и видкиля?

Стеха. Угадайте.

Галя. Чи не зъ Чыгырына?... Такъ?

Стеха. Изъ Чыгырына, та хто такый?

Галя. Яки-небудь старшыны?

Стеха. То-то бо й йе, що не старшыны, и...

Галя. Такъ хто жъ такый? Може... та ни! сегодни не такый день. А мени батюшка учора и говорывъ щось таке.

Стеха. Говорывъ, та не договорывъ. А я знаю,—тилькы не скажу

Галя. *(обнимая Стеху)*. Стехо, голубочко, ластивко моя! скажы, не мучъ мене.

Стеха. А що дасте? скажу...

Галя. Ще сережкы, або перстень, або що хочешъ подарую, тильки скажы.

Стеха. Ничого не треба; дайте тилькы свій байбаракъ надиты сёгодни на вечорныци.

Галя. Добре, надивай, та такъ, щобъ батюшка часомъ не побачывъ.

Стеха. Оце ще! хиба жъ я справди дурна? Слухайте жъ. *(Въ полголоса)*. Сёгодни прыйдуть старосты.

Галя *(въ восторгѣ)*. Видъ Назара! видъ Назара!

Стеха. Та тамъ вже побачыте, видъ кого.

Галя. Хиба жъ не видъ Назара, Стехо? Що жъ, оце мене и справди лякаешъ?

Стеха. Я васъ не лякаю, я тилькы такъ кажу.

Галя. Ни, ты щось знаешъ, та не хочешъ сказаты.

Стеха *(лукаво)*. Я ничого не знаю. Де мени, клюшныци, видаты про панськи дила?

Галя. Ты сміешся зъ мене! Я заплачу, ій-Богу, заплачу, и батюшци скажу.

Стеха. Що жъ вы скажете?

Галя. Що ты мене перелякала... Теперечкы не дамъ байбарака. А що, пожывылась?

Стеха. Оце, яки бо вы боязьки! й повирылы!

Галя. Ну, що жъ? видъ Назара?

Стеха. Та видъ кого жъ бильшъ? вже пакъ не видъ старого Молочая, нашого полковныка.

Галя. Цуръ ёму, якый нехорошый! Якъ прыйиде до насъ, то я заразъ изъ хаты втикаю. Мени навдывовыжу, якъ ще его козакы слухають. Тилько у ёго, паскудного, и мовы, що про налывку та про вареныкы.

Стеха. А хиба жъ се й не добре?

Галя. Звисно! козаку, та ще й полковныку! Ось мій Назаръ, мій чорнобрывый, усе про війну та про походы, про Налывайка, Остряныцю, та про сыне море, про Татаръ, та про Турецьку землю. Страшно, страшно, а хороше, такъ що слухала бъ не наслухалась ёго, та все дывылась бы въ ёго кари очи. Мало дня, мало ночи.

Стеха. Наслухаетесь, ще й налюбуетесь. Описля, може, и обрыдне.

Галя. О, крый Боже! До самои смерти, покы вмру, все дывылась бы та слухала ёго. Скажы мени, Стехо, чи ты любыла колы, чи обнимала колы козацькый станъ высокый, що... дрижать рукы, мліе серце? А колы цилуешъ... що тоди? Якъ се, мабуть, любо! якъ се весело! (*Въ восторгѣ поетъ и пляшетъ*).

Гой, гоя, гоя!
Що зо мною, що я?
Полюбыла козака —
Не маю покоя.

Я его боялась...
Що жъ описля сталось!
На вулыци повстричалась
Та й поцилувалась.

А маты узрила...
Яке тоби дило!
Виддавайте замижъ,
Колы надойила!

Стеха. Гарно, гарно! А одъ кого це вывчылысь?

Галя. Та одъ тебе жъ. Хиба ты забула, якъ на вулыци, на тій недили, танцювала? Тоди ще батюшкы не було дома... згадала?

Стеха. Колы се? Оце ще выдумалы! (*Стучатся въ дверь*).

Галя (*торопливо*). Охъ, лышечко! хтось иде! (*убѣгаетъ*).

Стеха. Хто тамъ?

Хома (*за дверью*). Я, я! видчыняй мерщій.

(*Стеха отворяетъ дверь. Входитъ Хома, отряхиваясь*).

Хома. Що? не було? Оце жъ яка хуртовына!

Стеха. Кого не було?

Хома. Кого? гостей!

Стеха. Якыхъ гостей? отъ пол...

Хома. Цсъ!... еге жъ.

Стеха. Ни, не було.

Хома. Гляды жъ, а ни телень!... Отець Даныло, спасыби, розпишывъ. Не забудь тилькы завтра въ-ранци послать ёму

вышнивкы,—знаешъ?—тыеи, що недавно долывалы. Нехай соби пье на здоровья. Та що се ихъ нема такъ довго? Чи не злякалысь, бува, заверюхы? А витеръ неначе стыха,

Стеха. Злякаються воны! дежъ пакъ! И въ горобыну ничъ прыйдуть для такои панночкы, якъ наша.

Хома. Звычайно, звычайно.

Стеха. Ище пакъ такый старый... а панночка...

Хома. Сама ты стара, сороко безхвоста!

Стеха. Дывысь! заразъ и розсердылысь. Хиба я на васъ?

Хома. Такъ що жъ, що не на мене? Такъ на мого... ну... полковныка.

Стеха. Е, бачъ що! А панночка? чи вы жъ зъ нею говорылы? що вона?

Хома. А що вона? іи дило таке: що звелять те й робы. Воно ще молоде, дурне; а твое дило навчыть іи, врозумыть, що любовъ и все таке прочее—дурныця, никчемне. Ты вже, думаю, розуміешъ?

Стеха. Та се розумію, та зъ якого кинця початы, не знаю. Вона, бачыте, полюбыла Назара такъ, що й сказать не можна. Ось и сёгодни мени говорыла. Молы, каже, Стехо, Бога, щобъ швыдче я выйшла замижъ за Назара,—половыну добра свого виддамъ!

Хома. А ты й повирыла!

Стеха. А чому жъ и ни? вона така добренька.

Хома. Дурна ты, дурна! А якъ же я самъ тоби все добро виддамъ, тоди що буде? га? Що ты думаешъ? *(Ласкаетъ ее)*. То-то бо и йе, дурочка ты, безсережна!

Стеха. Що мени робыть, колы я дурочка?

Хома. А то, що велять. Чуешъ? усе, що въ мене йе—твое.

Стеха. Не треба мени вашого добра; я и безъ нёго була бъ щаслыва, якъ бы вы не забулы биднои Стехы и тоди, колы зробытесь велыкымъ паномъ. Я васъ такъ вирно люблю, такъ вбываюсь за вамы, а вы... *(притворно грустить)*.

Хома. Отъ же и нагадалы кози смерть! Зновъ свое. Сказавъ, такъ и зроблю.

Стеха. Чи мало що люде обищають, колы имъ прыпаде нужда.

Хома. Годи не знать що базикать. Пиды лышень до Гали та поговоры зъ нею хорошенько по своёму, и колы тее... то завтра и мижъ намы онее.

Стеха. Казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово ёго тепле. И я тилькы грихъ на душу визьму.

Хома. Якый тутъ грихъ? Дурныця все те!

Стеха. Забожиться, що женытесь, тоди ій-Богу все зроблю! А безъ мене, кажу вамъ, ничого не буде, ій-Богу!

Хома. Отъ же ій-Богу, далеби!

Стеха. Женытесь?

Хома. Еге!

Стеха. На мени?

Хома. Якъ коржа, такъ коржа!—Якъ спечемо, такъ и дамо. Уже ты мени въ печинкахъ сыдышъ зъ своимы вытребенькамы.

Стеха. Яки тутъ вытребенькы?

Хома. Ну, добре, добре! тилькы слухай. Треба дило скомпонуваты такъ, щобъ вона не знала, видъ кого старосты; а то—чого доброго— усе пиде шкереберть.

Стеха Та вже мени не вчыться, якъ диломъ повернуть. Наговорю такого дыва моій панночци що твій кобзарь: Старый, скажу, чоловикъ, якъ подумаешъ, усимъ, усимъ лучче видъ молодого. Молодый... та що й казать? никуды не годыться, а до того ще докучлывый та ревнывый, а старый тыхый, тыхый и покирный.

Хома. Такъ, такъ! О, ты дивка розумна! Иды жъ до Гали, да гляды, гарненько побалакай зъ нею.

Стеха. А потимъ, чи можна мени буде пигы на вечорныци? Я вже зовсимъ упоралась. Пустить, будьте ласкави, хочъ въ послидній разочокъ.

Хома. У тебе тилькы й на думци, що вечорныци. О, вже мени та Мотовылыха!

Стеха. Мотовылыха? Чи не казала вамъ вона, стара паплюга чого? Що жъ, що я зъ козакамы танцюю? А якъ вы жартуете зъ молодыцямы, такъ я й ничого!

Хома. Иды жъ, иды, та поклычъ мени Галю, а затымъ сама полагодь рушныкы.

Стеха. Та вже усе напоготови. (*Уходитъ*).

Хома. Злыгався я зъ діяволомъ... (*Оглядывается*). Що жъ? не можна безъ цёго. У такому дили якъ не верты, треба або чорта, або жинкы. (*Немного помолчавъ*). Чого доброго! ще, може, й мене обдурыть, тоди и остався на викы вични въ дурняхъ. Та ни, лыха матери! Абы бъ тилькы ты мени своимы хытрощамы помогла породныться зъ полковныкомъ, а тамъ уже що буде—побачымо. Ишъ ты, мужычка! куды кырпу гне! Стривай! (*Продолжительное молчаніе*). Думай соби, голубко, да гадай, що... а воно зовсимъ не такъ буде. Закынь тилькы удочку, сама рыбка пиде. Шуткы: — тесть полковныка!.. А що дали — се наше дило. Абы бъ черезъ поригъ, то мы й за поригъ глянемъ. У якыхъ-небудь Черкасахъ, а може у самому Чыгырыни, гуляй соби зъ полковнычою булавою! и слава, и почотъ, и червинци до себе гарбай: все твое. А пуще всего червинци. Ихъ люде по духу чують; хочъ не показуй, все кланятымуться... Ха-ха-ха! отъ тоби й сотныкъ! Ще въ Братськимъ серце мое чуло, що зъ мене буде велыкый панъ. Було говорю одно, а роблю друге; за се называлы мене двулычнымъ Дурни, дурни! Хиба жъ якъ говорымъ про огонь, такъ и лизты въ огонь? або якъ про чорнобрыву сыроту, такъ и женыться на ій? Брехня! видъ огня подальшъ. Женысь не на чорныхъ бровахъ, не на карыхъ очахъ, а на хуторахъ и млынахъ, такъ и будешъ чоловикомъ, а не дурнемъ. (*Входитъ Галя*).

Галя (*весело*) Добры-вечиръ, батюшка! Де це вы такъ довго барылысь? Вы мене клыкалы, чы що?

Хома. Та клыкавъ, клыкавъ. (*Осматриваетъ ее*) Що ты не вси стричкы почипляла? Та нехай! кобы буде й сихъ. Послухай. Мени треба поговорыты зъ тобою объ важнимъ дили. Ты знаешъ, мы сегодни старостивъ сподиваемось?

Галя. Сегодни! на первый день празныка, — на самисиньке Ризтво?

Хома. Такъ що жъ? Отець Даныло, спасыби, розрипывъ. Гляды жь, не пиднесы гарбуза.

Галя. Якъ се можна! Хиба винъ дуже старый, чи що?

Ось послухайте, якои нисенитныци наговорыла мени Стеха. Смихъ та й годи!

Хома. А що тоби вона наговорыла?

Галя. Каже, буцимъ-то стари... та ни, не скажу, далеби не скажу, бо ка-зна-що! Вона й сама не знае, що говорыть.

Хома. Хиба жъ не правда? Старый чоловикъ краще молодого.

Галя. Та й вона те жъ казала.

Хома. А тоби якъ здаеться?

Галя. Якъ такы можна? то старый, а то молодый!

Хома. Такъ по твоему молодый - краще?

Галя. Ото жъ пакъ!

Хома. Помиркуй лышень гарненько, такъ и побачышъ, що батькова правда, а не твоя. Ну, що молодый? Хиба те, що чорни усы? та й тилькы жъ. Не викъ тоби нымъ любоваться: прыйде пора—треба подуматы объ чимъ и другимъ. Може, колы захочеться почоту, поваження, поклонивъ. Кому жъ се звычайнійше? полковныци... се я такъ прымиромъ говорю... а не якій-небудь жинци хорунжого; бо у ёго тилькы й худобы, тилькы й добра що чорный усъ. Повиръ мени, дочко, на тебе нихто и дывыться не захоче.

Галя. Та я й не хочу, щобъ на мене други дывылысь.

Хома. Не знать що верзешъ ты! Хиба ты думаешъ, що не обрыдне цилисинькый викъ дывыться на тебе одну? Хиба ты одна на Божимъ свити? Йе й кращи тебе. Того и гляды, що розлюбыть.

Галя. Назаръ? мене? О ни! ни, николы на свити!

Хома. Я й не кажу, що воно справди такъ буде, а такъ, напрыкладъ,—щобъ ты тямыла, що мы вси на одынъ шталтъ шыти.

Галя. О, ни! не вси! винъ не такый, винъ не розлюбыть.

Хома. А що жъ? хиба винъ тоби побожывся?

Галя. А то жъ?

Хома. А ты й повирыла!

Галя. Я и безъ божбы повирыла бъ.

Хома. Дурне ты, дурне! Чи знаешъ же ты, що хто

багацько обищае, той ничого не дае? Ой, схаменысь, та послухай батьковського совиту. Добре, що я вже такый — що обищавъ, те й зроблю. Ну, не дай я тоби прыданого,—що тоди, га? Пожалуй, винъ и такъ тебе визьме: мало якыхъ дурнивъ нема на свити! та що жъ въ тимъ? Подумай, що тоди ты робытымешъ?

Галя. Те, що и вси роблять—заробляла бъ.

Хома. А що лучче: чи самій робыты, чи дывытыся, якъ други на тебе роблять?

Галя. Якъ кому.

Хома. То-то и горе, що ты ще дурне. Я тоби бъ и багацько де-чого сказавъ, та николы: того й гляды, що старосты на поригъ. А чи есть у тебе рушныкы?

Галя. *(весело)*. Йе, йе! Якъ я рада! въ мене серце не на мисти! Чи й вамъ такъ весело?

Хома. Весело, дуже весело. Иды жъ та не забудь сказаты, що колы прыйдуть колядуваты, такъ щобъ гналы ихъ у потылыцю.

Галя. За що жъ? Се жъ дило законне! та воно жъ и разъ тилькы въ году!

Хома. А старосты разъ на вику.

Галя. Справди, щобъ не помишалы... Ще й законнои речи не дадуть сповныть. Такъ побижу жъ я и скажу, щобъ заперлы ворота и хвиртку. *(Уходитъ)*.

Хома. *(ходитъ задумавшись)*. Здаеться, дило добре йде. Вона думатыме, що Назаръ свата, зъ дуру и согласыться; старосты не промовляться; весилля можна одкынуты ажъ геть до того тыжня; а черезъ таку годыну и нашого брата, мужыка, угомонышъ, щобъ не брыкався, не то що дивку. Колы бъ тилькы якый гаспыдъ не прынисъ того горобця безперого! тоди пышы пропало. Наробыть бешкету! *(съ важностію)*. А подумаешъ и те: яке ему дило до Гали? Се жъ моя дытына, мое добро, слидовательно моя власть, моя и сыла надъ нею. Я отець, я царь іи. Та цуръ ёму, пекъ! Се дило ще не таке, щобъ объ ему довго думаты. Не дуже треба плошаты, бо береженного Богъ береже, або—якъ тамъ ще кажуть—ривнійшъ згладышъ, тиснійшъ ляжешъ.

Галя *(вбѣгаетъ въ восторгѣ)*. Прыйихалы, прыйихалы!

Хома (*вздрогнувъ*). Оце жъ, якъ ты мене злякала! Пиды у свою кимнату та прыйдешъ, якъ клыкну.

Галя. Чого у кимнату? Я тутъ зостанусь, нихто не побачыть.

Хома. Незвычайно: законъ не велыть.

Галя. Ну, такъ я пиду. (*Уходитъ*).

(*Хома съ важностію садится за столъ. За дверью стучатъ три раза Входятъ два свата съ хлѣбомъ и, низко кланяясь хозяину, кладутъ хлѣбъ на столъ*).

Сваты. Дай, Боже, вечиръ добрый, вельможный пане!

Хома. Добры-вечиръ и вамъ. (*Даетъ знакъ свату. Тотъ кланяется. Хома шепчетъ ему на ухо и потомъ продолжаетъ*). Добры-вечиръ, люде добри! Просымо сидаты; будьте гостямы. А видкиля се васъ Богъ несе? Чи здалека, чи зблызька? Може, вы охотныкы яки? може рыбалкы, або, може, вольныи козакы?

Сватъ (*тихо покашливаетъ*). И рыбалкы, и вольныи козакы. Мы люде нимецькыи, идемо зъ земли турецькои Разъ дома у нашій земли выпала пороша. Я й кажу товарышу: „Що намъ дывыться на погоду? ходимъ лышень шукаты звирыного слиду". Отъ и пишлы. Ходылы, ходылы, ничого не знайшлы. Ажъ гулькъ—назустричъ намъ иде князь, пиднима у-гору плечи и говорыть намъ такыи речи: „Ей вы, охотныкы, ловци, молодци! будьте ласкави, покажить дружбу. Трапылась мени куныця—красна дивыця, не йимъ, не пью и не сплю видъ того часу, а все думаю, якъ бы іи достаты. Поможить мени іи шйматы; тоди чого душа ваша забажа, усе просите, усе дамъ: хочъ десять городивъ, або трыдевять кладивъ, або чого хочете". Ну, намъ того й треба. Пишлы мы по слидамъ по всимъ городамъ, по усихъ усюдахъ и у Нимещыну, и у Турещыну; вси царства й государства пройшлы, а все куныци не знайшлы. Отъ мы и кажемо князю: „Що за дыво та звирюка? хиба де кращои нема? Ходимъ другои шукаты". Такъ де тоби! Нашъ князь и слухаты не хоче. „Де вже", каже, „я не зъиздывъ, въ якыхъ государствахъ не бувавъ, а такои куныци, сирычъ краснои дивыци, не выдавъ". Пишлы мы впьять по слиду, и якъ разъ у се село зайшлы, якъ ёго дражнять, не знаемо. Тутъ впьять вы-

пала пороша. Мы, ловци-молодци, ну слидыть, ну ходыть; сегодни въ-ранци всталы и такы на слидъ напалы. Певно, що звиръ нашъ пишовъ у двиръ вашъ, а зъ двору въ хату та й сивъ у кимнату; тутъ и мусымо пійматы, тутъ застряла наша куныця, въ вашій хати красная дивыця. Оце жъ нашому слову кинець, а вы дайте дилу винець. Проби, оддайте нашому князю куныцю, вашу красну дивыцю. Кажить же диломъ, чи оддасте, чи нехай ще пидросте?

Хома *(притворно съ сердцемъ)*. Що за напасть така! Видкиля се вы биду таку наклыкаете! Галю! чи чуешъ? Галю! порай же, будь ласкава, що мени робыты зъ оцимы ловцямы-молодцямы.

(Галя выходитъ на средину свѣтлицы, останавливается и, стыдливо потупивъ глаза, перебираетъ пальцями передникъ).

Хома. Бачыте вы, ловци-молодци, чого вы натворылы: мене старого зъ дочкою прыстыдылы!.. Гай-гай! такъ ось же що мы зробымо: хлибъ святый прыймаемо, доброго слова не цураемся, а за те, щобъ вы насъ не лякалы, буцимъ мы передержуемо куныцю, або красну дивыцю, васъ повьяжемо. Прыйшовъ и нашъ чередъ до ладу слово прыкладать. Ну, годи жъ тоби, дочко, посупывшысь стояты; чи нема въ тебе чымъ сихъ ловцивъ-молодцивъ повьязаты? чуешъ бо, Галю? А, може, рушныкивъ нема? може, ничого не прыдбала! Не вмила прясты, не вмила шыты — вьяжы жъ чымъ знаешъ, — хочъ мотузкомъ, колы ще й винъ йе.

(Галя уходитъ въ свою свѣтлицу и немедленно возвращается, неся на серебряномъ блюдѣ два вышитыя полотенца, и кладетъ на хлѣбъ, принесенный сватами: потомъ подходитъ къ отцу и низко кланяется и цѣлуетъ руку; потомъ беретъ блюдо съ полотенцами и подноситъ сватамъ — сперва одному, потомъ другому. Сваты, взявши полотенца, кланяются Хомѣ).

Сватъ. Спасыби жъ батькови, що свою дытыну рано будывъ и усякому добру учывъ. Спасыби й тоби, дивко, що рано вставала, тонку пряжу пряла, прыдане прыдбала.

(Галя беретъ полотенца и перевязываетъ черезъ плеч

одному и другому, потомъ отходитъ и робко поглядываетъ на двери).

Хома *(къ Галѣ).* Догадався, догадався! Ты хочешъ и князя завьязаты. Нехай завтра обое ёго завъяжемо. Бачъ, мабуть, злякався, що не показався. Стривай, попадешся, не втечешъ!

Сватъ. Винъ и самъ прылетыть, якъ зачуе, що такъ похваляетесь.

Хома. Ну, покы вже долетыть, намъ ничого ждаты. Просымо сидаты. Що тамъ йе, пойимо; що дадуть, попьемо та побалакаемъ де-що. А тимъ-часомъ, ты, Галю, не гуляй, въ корци меду налывай та гостямъ пиднесы хлиба-соли, просы зъ прывитомъ и зъ ласкою.

(Сваты чинно садятся за столъ. Галя принимаетъ отъ отца чару и флягу и подноситъ старшему свату. Сватъ не принимаетъ).

Сватъ. Мы вамъ такои халепы натворылы, що боимося, щобъ вы насъ не потруилы... Прызволяйтесь самы. *(Кланяется).*

(Галя, посматривая на отца робко и стыдливо, подноситъ къ губамъ и подаетъ свату).

Сватъ *(поднявъ чару).* Тепера такъ! Пошлы жъ, Боже, нашымъ молодымъ щастя и багатсьтва, и доброго здоровья, щобъ и внукивъ женыты и правнукивъ дождаты...

(Свата прерываетъ хоръ колядниковъ подъ окномъ. Всѣ слушаютъ со вниманіемъ. Хома съ досадою покручиваетъ усы; Галя весело посматриваетъ на окно. Сватъ, впродолженіе колядки, повторяетъ). „Гарно колядують наши козакы!“

КОЛЯДКА.

Бачыть же Богъ, бачыть Творець,
Що мыръ погыбае,
Архангола Гаврыила
Въ Назаретъ посылае!
Благовистывъ въ Назарети —
Стала слава у вертепи.
О, прекрасный Выхлыеме!
Отверзы врата Едема.

Хома (*къ Галѣ, съ сердцемъ*). Я жъ тоби наказувавъ, щобъ никого не пускалы! Задумалась, забула!

(*Входитъ Назаръ съ молодыми козаками*).

Назаръ. Дай, Боже, вечиръ добрый! помагай-би вамъ на все добре!

(*Всѣ козаки повторяютъ тоже. Назаръ, не снимая шапки, въ ужасѣ останавливается; посматриваетъ то на гостей, то на Галю. Всѣ молчатъ*).

Хома (*смѣшавшись*). Спасыби, спасыби... Мылосты просымо. Просымо сидаты,

(*Молчаніе продолжается. Галя, улыбаясь, украдкой поглядываетъ на Назара*).

Назаръ. Сядемо, сядемо, абы було це: мы гости непрохани. Може, помишалы; дакъ мы и пидемо, видкиля прыйшлы. (*Смотритъ на сватовъ*). Такъ бачъ, черезъ що полковныкъ пославъ мене зъ граматамы въ Гуляй-Поле! (*Глядя на Галю*). Весело, весело! налывай швыдче горилкы, и я выпью за твое здоровья! Не лякайся, не лякайся, налывай

(*Галя, въ ужасѣ, роняетъ подносъ и флягу*).

Хома (*въ бѣшенствѣ*). Хто сміе згнущаться надъ моею дочкою?

Назаръ. Я! хиба не бачышъ? я, Назаръ Стодоля! той самый, за кого ты вчора обищавъ выдать дочку свою, той самый, якого ты знавъ ще зъ тыеи поры, якъ винъ тебе вырвавъ изъ-пидъ ножа гайдамакы! Згадай и ще: я той самый, хто й самому гетьману не дасть себе на посмихъ! Пизнавъ?

Хома. Пизнавъ. (*Равнодушно*). Що дальшъ?

Галя. Хиба жъ не ты прыславъ?

Хома. Мовчы! геть соби!

Назаръ (*останавливаетъ Галю*). Стривай, стій тутъ! И тебе обманюютъ?

Хома. Не обманюю, а—такъ якъ батько—велю. Вона просватана за чыгырынського полковныка.

Назаръ (*съ презрѣніемъ*). Полковныка! Учора була моя, сёгодня полковныкова, а завтра чыя буде? Чуешъ, Галю?

Галя (*падая на руки Назара*). Чую! О, чомъ мени не позакладало!

Сватъ. Осмилююсь доложыть...

Назаръ. Мовчы, поганець, шыпотынныку!

Хома. Виддай мени дочку мою. (*Робко подходитъ къ Назару*).

Назаръ. Геть, Юда!

Хома (*въ ужасѣ*). Прохоръ, Максымъ, Иванъ, Стехо! Гей, хто тамъ йе? Возьмить ёго, харцызяку — винъ убье мене!

Назаръ. Нехай Богъ тебе побье, дитопродавець! (*Къ Галѣ*). Галю! серце мое! промовъ мени хоть одно слово: ты не знала — за кого? Скажы: не знала?

Галя (*приходитъ въ себя*). Не знала, ій-Богу, не знала'

Назаръ (*къ Хомѣ*). Чи чуешъ ты?

Хома. Не чую; я оглухъ!

Назаръ (*къ гостямъ*). Люде добри! колы вы не оглухлы, такъ послухайте. Винъ мене называвъ своимъ сыномъ, а я ёго своимъ батькомъ, и винъ се чувъ тоди, а сёгодни оглухъ. Де жъ его правда? Чи чесный же винъ чоловикъ? правдывый, га?

(*Гости молчатъ*).

Гнатъ (*подходитъ къ Назару*). Винъ не чоловикъ. Кынь ёго; таке ледащо не стоить путнего слова! (*Беретъ его за руку*).

Назаръ. Стривай! ни, винъ чоловикъ, винъ называвъ мене сыномъ. (*Къ Хомѣ*). Правда?

Хома. Не тоби вчыты, якъ мени кого называты. Я іи батько, а не твій: такъ у моій воли оддать іи, за кого схочу.

Назаръ. А якъ же вона не захоче, тоди що?

Хома. Я заставлю.

Назаръ Чи можна жъ кого заставыть утопыться або повисыться? Хиба ты Богъ, що маешъ сылу чудеса творыть? Хиба ты діяволъ, колы ты не маешъ жалю до ридной своеи дытыны? Чи бачышъ, у неи йе серце, и ты замисть ёго кладешъ каминюку. Слухай: и ты жъ колысь бувъ молодымъ, и ты жъ мавъ колы-небудь радисть и горе. Скажи, що чуло, що казало твое серце, колы тобою кепкувалы?

Хома. Го-во-ры!..

Назаръ (*въ изступленги*). Такъ ты глузуешъ надо мною!

Хиба я не стопчу тебе, якъ жабу? Брехунъ! (*Быстро, подходитъ къ нему и хватаетъ его за горло*).

Галя (*схвативъ руку Назара*). Що ты робышъ? Убый мене, на, рижъ!

(*Назаръ молча опускаетъ руки*).

Хома (*подбѣгаетъ къ сватамъ*). Вы бачылы? хотивъ мене задушыты!

(*Сваты молчатъ*).

Гнатъ (*къ Назару*). Мы не такъ росплатымося, иншымъ часомъ. Ходимъ зъ сёго базару.

Назаръ. Не пиду! мене видсиль ногы не вынесуть.

Гнатъ. Ну, такъ торгуйсь. Може, дешевше уступлять.

Галя. Боже мій, Боже мій, воны згнущаються надо мною!

Хома. Не згнущаються, а торгуються.

Гнатъ. Годи, брате; ходимъ: мы опизнылысь.

Назаръ. Стривай, не опизнылысь. (*Подходитъ къ Хомѣ*): Просты мене, я сгарячу забувся. Ты добрый чоловикъ. Просты, або зарижъ мене, тилькы не кажы, що вона не моя, не кажы! Дывысь: я гетьману николы не кланявсь. (*Падаетъ на колѣни*). Для спасенія своеи души, колы у тебе у серци йе Богъ, для угоды всихъ святыхъ, колы ты вируешъ у кого, для спасенія твоеи дытыны, колы вона тоби мыла, зглянься на мене! Нехай старосты зъ своимъ хлибомъ йдуть до-дому. Хрыстомъ Богомъ молю, не занапасты іи, биднои! Кращои іи нема; за що ты хочешъ іи убыты? На голову мою! возьмы іи, розбый обухомъ,—не треба мени іи: тилькы дай дочци своій ще пожыты на свити, не зайидай іи вику, вона не выновата!

(*Хома дрожа посматриваетъ на гостей*).

Гнатъ (*быстро подбѣгаетъ къ Назару*). Кого ты просышъ? кому кланяешся? передъ кымъ падаешъ? Я на тебе писля сёго й дывыться не хочу; прощай!... Кланяеться діяволу! Винъ тебе кыпьячою смолою напоитъ! (*Хочетъ идти*)

(*Назаръ удерживаетъ его*).

Галя (*обнимая ноги отца*). Бы покійній матери, якъ вона умирала, биля домовыны обищалы мене выдать за Назара. Що жъ вы робыте? чимъ я васъ прогнивыла? за що мене хочете убыть? Хиба жъ я не дочка ваша? (*Заливается слезами*).

Назаръ Каминь! зализо! ты огню хочешъ! Буде огонь, буде! для тебе все пекло вызову... ты жды мене. (*Галѣ*) Бидна, бидна! въ тебе нема батька, въ тебе катъ есть, а не батько! Бидненька, серденько мое, пташечко моя безпрыютна! (*Цѣлуетъ ее*). А я ще биднійшый тебе: у мене й ката нема, никому и заризаты! Прощай, мое серце, прощай! не забарымось побачыться. (*Галя безмолвная падаетъ на руки Назара. Онъ цѣлуетъ; Хома силится вырвать ее. Назаръ отталкиваетъ его и снова цѣлуетъ Галю*).

Назаръ (*къ сватамъ*). Розскажить полковныку, що бачылы и що чулы. Скажить, що его молода пры вашыхъ очахъ цилувалась зо мною. (*Галя обнимаетъ его и цѣлуетъ*). Бачыте, бачыте! Прощай же, мое серце, моя голубочко! (*цѣлуетъ ее*). Я знаю, що мени робыть. Я знайду правду. Прощай! вернусь, сподивайся.

(*Галя падаетъ безъ чувствъ. Назаръ, закрывъ лицо руками, удаляется. Гнатъ и козаки за нимъ. Хома и Сваты подбѣгаютъ къ Галѣ*).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Внутренность простой хаты, опрятно убранной На столѣ горятъ свѣчи Хозяйка прибираетъ около печки

Хозяйка. Господы, Господы! якъ подумаешъ, колы ще мы дивувалы, зачуешъ де-небудь вечорныци, такъ ажъ тыны трещять; а теперъ... отъ, скоро и трети пивни заспивають, а вечорныци ще й не зачыналысь. Нехай воно хочъ и свято, звисно—колядують, а все-такы часъ бы. Ни, що не кажы, а свитъ переминывся. Хоть бы и Запорожци.. ну, яки воны Запорожци? Тьфу на ихъ хысть та й годи! Чи таки булы попереду? Якъ налетять було зъ своеи Сичи, такъ що твои орлы-соколы! Було якъ схопыть тебе котрый, такъ до земли не допустыть, такъ и носыть... Ой-ой-ой! куды то все дивалось?..

Покачавши грустно головой, поетъ).

Зоря зъ мисяцемъ надъ долыною
Постричалася;
Дожыдалася до билои зори,
Не диждалася;
Я до-дому прыйшла, гирко плакала,
Не молылася, —
Нерозумная, неутишная
Положылася,
Ой не спала жъ я, все верзлась мени
Ничка темная,
И вышневый садъ, очи карыи,
Бровы чорныи.
На зори, зори я прочнулася
И сказала такъ:
За Дунай-рику чорнобрывый твій
На гнидимъ жони
Полетивъ орломъ!.. Я все плакала,
Все сміялася.
И до-дому козакы зъ-за Дунай рикы
Заверталыся.
Не вернувся мій.. молоди лита
За що трачу я?
Зоря зъ мисяцемъ постричалася —
И заплачу я.

Точнисинько моя доля! Неначе сю писню про мене зложылы. Де мои молоди лита? и слиду нема, мовъ поверхъ воды поплылы. (*Помолчавъ*). Що жъ се справди нихто не йде? А вже мени ся навижена Стеха! пишла за дивкамы, та десь и застряла зъ козакамы. Извела жъ ихъ нечыста маты докупы! Нехай бы сей Кычатый бувъ парубокъ, а то жъ уже старый чоловикъ... Не взявъ бы винъ соби въ клюшныци не молоду, а розумну, вирну, дотепну до всякого дила та стареньку! а то... якъ та дзыкга, такъ и снуе. Якъ-то винъ дочку свою ще прыстроить? Бачъ, у полковныци лизе! Чи довго жъ то вона буде любоватыся ёго лысыною замисть

ясного мисяця? Охъ, охъ! стари, стари! сыдить бы вамъ тилько на печи та жувать калачи; такъ ни, давай имъ жинку, та ще молоду. Якъ же бакъ, чи не такъ!.. Отъ Стодоля — молодецъ! я его знаю, винъ протопче стежку черезъ полковнычый садокъ. Та й дурный бы бувъ, колыбъ не протоптавъ. Про себе скажу, що... тее... хтось иде!.. Заразъ, заразъ? Насылу! *(Отворяетъ дверь).*

(*Входятъ* Назаръ *и* Гнатъ).

Хозяйка. Святъ, святъ, святъ! Видкиля се, якою дорогою, якымъ витромъ, якымъ шляхомъ занесло васъ у мою хату?

Гнатъ. Не пытайся, голубко, стара будешъ, хочъ се, прызнаться, и не прыстало твоій пыци. Чого же ты такъ насупылась?

Хозяйка. Сидайте, будьте ласкави, сидайте!

Гнатъ. Ну, годи жъ, не сердься. Мало чого зъ языка не сплыве! Не все треба перейматъ, що поверхъ воды плыве. У тебе сегодня вечорныци?

Хозяйка. Хиба жъ наши вечорныци для васъ? Вы такъ тилько прыйшлы — посміяться.

Гнатъ. Такъ-такы и посміемося, колы буде весело.

Хозяйка (*глядя на Назара*). Буде весело та не всимъ.

Гнатъ. Ну, се вже описля побачымо. А колы—ке намъ чого-небудь такого, для чого чаркы роблятъ, та й зубамъ пошукай роботы. Проклятый скряга и повечеряты не давъ. Ну, чого жъ ты ротъ роззявыла? Мерщій!

Хозяйка. Заразъ. *(Отходя)* Бидненькый Назаръ! (*Достаетъ съ полки флягу съ виномъ и закуску и ставитъ на столъ).*

(Назаръ печально смотритъ на Гната).

Гнатъ *(къ Хозяйкѣ).* Теперъ же знаешъ що? визьмы митлу та мети, выясны хорошенько мисяць· бачъ, якъ насупыло! А мы тымъ часомъ побалакаемъ, що треба.

Хозяйка. Що се, Богъ зъ вамы! хиба я видьма?

Гнатъ. Я такъ, навманя сказавъ. Заткны пальци въ уха. Чи второпала?

Хозяйка. А!.. вы хочете нышкомъ побалакаты. Добре, я пиду по Стеху. *(Надѣваетъ свиту и уходитъ).*

Гнатъ (*посмотрѣвъ ей въ слѣдъ*). Пишла. Ну що жъ дывышся на мене, мовъ не пизнаешъ?

Назаръ. Теперъ бы й ридного батька не пизнавъ.

Гнатъ. Розумни люде усе такъ роблять: и въ хоромахъ, якъ у хати мужыкъ. (*Наливаетъ рюмку и подноситъ*). Не хочешъ? якъ хочешъ! А я совитувавъ бы чарочку-другу адамовыхъ слизокъ, якъ казавъ було отець економъ. Не забувъ Братськый монастыръ?

Назаръ. Ни, скажы лучче, на-що ты мене повивъ сюды?

Гнатъ. На те, щобъ побалакаты зъ тобою, якъ зъ козакомъ, а не зъ бабою. За козацьку волю и розумъ! (*Выпиваетъ*).

Назаръ. Щаслывый ты чоловикъ!

Гнатъ. Ты щаслывійшый мене.

Назаръ. О, якъ бы ты посыдивъ у моій шкури! Ходимъ, Гнате! мени тутъ душно.

Гнатъ. Стривай, ще рано. Подывымся, якъ люде добри веселяться, та посовитуемся, куды йты.

Назаръ. Мени одно, куды не поведешъ.

Гнатъ. Ты впьять баба. Чи прысталы жъ козаку таки речи?

Назаръ. Гирко мени, Гнате! ты сміешся, а въ мене печинкы верне. Хиба жъ мое горе смишыть тебе?

Гнатъ. Смишыть.

Назаръ. А я думавъ,—ты добрый чоловикъ.

Гнатъ. А я думавъ—ты козакъ, а ты, бачу, баба. Ну, скажы мени, чого ты дуріешъ? де твій розумъ? Чи стоить же жинка, хочъ-бы вона була дочка нимецького цезаря, чи стоить вона такого дорогого добра, якъ чоловичый розумъ?

Назаръ. Стоить.

Гнатъ. Брехня! Ты знаешъ, въ яку цину поставывъ царь Соломонъ золотый плугъ? Винъ каже, що пры нужди шматокъ хлиба дорожче золота. А я скажу: чарка горилкы козаку мылійша усихъ жинокъ на свити.

Назаръ. Ты мене, Гнате, морочышъ, а мени теперъ треба щырого друга.

Гнатъ. Добре. Я винъ и есть, бо кажу правду. А колы хочешъ, то й брехать почну для тебе. Все, що хочешъ.

Назаръ. Не смійся, а диломъ кажы, що робыть мени. Тоби можна и говорыть, и думать.

Гнатъ. Ось-що. Пѐршъ усéго, выпый горилкы. Вона и безъ мене наведе тебе на розумъ. (*Наливаетъ рюмку*). Чи не забувъ ще ты, якъ розумно розсужда латынськый виршныкъ... якъ пакъ его .. ну той, за якого мене въ Братстви выпарылы ризкамы, якъ отецъ ректоръ піймавъ у мене за халявою ёго мудри вирши. Винъ каже: „Дурныця все, опричъ горилкы, а иноди и жинка пидъ руку". Оце такъ! (*Выпиваетъ*).

Назаръ (*презрительно*). Бидный ты сердешный чоловикъ! Я думавъ, що въ тебе хочъ крыхта йе добра, а въ тебе нема й того, що мае й скотына. О, якъ-бы ты змигъ заглянуть сюды (*указываетъ на сердце*), куды самъ Богъ не загляда! Та ни! може, ты тилькы такъ кажешъ. Другъ ты мій добрый, вирный мій, ты жъ такы плакавъ колы-небудь: плачъ зо мною теперъ; хочъ прыкынься та плачъ. Не мучъ мене! Въ мене видъ горя серце рветься! Нехай вже ти сміються, що жывуть у пекли: имъ любо; а ты жъ такы чоловикъ. (*Съ участіемъ смотритъ на него*).

Гнатъ. Такъ, я чоловикъ, а ты й справди баба, ще разъ тоби скажу: ка-зна за чымъ вбываешся.

Назаръ. Нема у тебе серця, каминь ты!

Гнатъ. Якъ хочешъ, такъ и думай, а я несчаснійшый одъ тебе, нещаснійшый одъ твоеи собакы; вона лащыться до тебе, а ты іи кохаешъ; а я?.. И я, дурный, колысь любывъ и къ гадынамъ жинкамъ ласкався, рыдавъ горячымы слёзамы, радъ бувъ и жызнь оддать за ныхъ... и що изъ того? чи хочешъ знаты?

Назаръ. Не треба, не хочу, не говоры! у тебе нема Бога въ серци.

Гнатъ. А бувъ колысь, та мохомъ серце обросло, якъ той гнылый никчемный пень дубовый. Прыйде и твоя пора, все згадаешъ. (*Ласкаво*). Годи жъ тоби, годи! не дывысь такъ хмарно: далеби, не полегша. Дурныця все: и товарыство, и любовъ, — цуръ имъ! нема ихъ на свити. Одни дурни и диты вирять латынськымъ виршамъ. А лучче поговорымъ о дили, а тымъ часомъ налетять сорокы чорноброви, выпьемъ, пожар-

туемъ, и вирь мени—вся дурь изъ головы вылетыть. Я се знаю: мене лыхо навчыло.

Назаръ *(вставая изъ-за стола)*. Та и я извидавъ горе, та ничому не навчывся; тебе жъ не хвчу слухать: ты злійшый діявола. *(Хочетъ идти)*.

Гнатъ. Куды жъ ты?

Назаръ. Зъ тобою холодно, пиду у пекло погриться.

Гнатъ. Стривай. ты самъ не знайдешъ. Я шляхъ тоби покажу.

Назаръ. Найду й самь.

Гнатъ *(удерживаетъ его)*. Ты й справди хочешъ иты? Скаженый, ты зъ глузду зъйихавъ!

Назаръ. Я никому не дамъ себе въ обыду, и дурного совиту не послухаю. Пусты мене.

Гнатъ. Насылу прочунявся. Та куды жъ ты, навиженный?

Назаръ *(вспыльчиво)*. Мовчы, а то тутъ тоби и аминь.

Гнатъ *(не выпуская руки Назара)*. Такъ и я зъумію, та що потимъ? Зъ холоднымъ мертвецемъ у домовыну?

Назаръ. Хочъ до чорта у пекло! Пусты мене, я пиду у Чыгырынъ до полковныка.

Гнатъ. Чого?

Назаръ. Убью ёго!

Гнатъ. А якъ не вбьешъ. тоди що? чи не мусышъ ублагать ёго видкынуться видъ Гали? га?

Назаръ. Такъ, чи не такь, а я пиду.

Гнатъ. До дьявола въ гости! Чи не лучче-жъ, замисть пузатого полковныка, обняты тонкый та гнучкый станъ Гали? Не хмурся та послухай, та робы такъ, якъ я тоби скажу, бо ты сёгодни ничого путнёго не выдумаешъ.

Назаръ. Що дальше?

Гнатъ *(осматриваясь)*. Чи глухи тутъ стины? *(Въ полголоса)*. Украдьмо Галю, отъ и все. Чи добре?

Назаръ *(немного помолчавъ жметъ руку Гната)*. Просты мене...

Гнатъ. Ну, що ще?

Назаръ. Ты певный другъ!

Гнатъ. Ну, объ сёму посли Кажы, такъ, чи не такъ?

Назаръ. Такь! Я ввесь твій: говоры прыказуй

Гнатъ. Слухай же. Вона, звисно, выходыла до тебе колы-небудь пизно вечоромъ у садокъ, хоть, може, й не одна?

Назаръ. Зъ клюшныцею.

Гнатъ. Суща коханка! Чи не завалявсь у тебе въ кышени якый червинець?

Назаръ. Два.

Гнатъ. Ще лучче. Се жъ буде клюшныци на сережкы, а плахту на словахъ обищай. Тилькы домовся зъ нею такъ, щобъ вона про мене не знала, бо жинкы наголо вси цокотухы: не для ихъ выгадано слово „мовчаты"; до того ще й дорожче запросыть.

Назаръ. Ничого не пожалую, усе виддамъ, що въ мене йе. Де тилько клюшныцю побачу?

Гнатъ. Вона буде тутъ. Адже ты чувъ, якъ ласка хазяйка Стеху, за те, що довго барыться? Гляды жъ, зробышъ тутъ усе, якъ треба, а я дожыдатыму васъ крій старои корчмы зъ тройкою добрыхъ вороныхъ. Знаешъ, за садкомъ, на старій дорози!

Назаръ. Знаю.

Гнатъ. Сю корчму и днемъ люде хрыстючысь обходятъ, а въ ночи нихто не посміе; такъ кращого мисця ничого й шукаты; тилькы порайтесь моторнійшъ.

Назаръ. А якъ вона не захоче,—що тоди?

Гнатъ. Хто? клюшныця, чи...

Назаръ. Та й та, й друга.

Гнатъ. Захочуть обыдви, тилько ты зъумій согласыты. Клюшныця за червинця пиде колядувать хоть до самого сатаны; а Галя въ одній сорочци пиде за тобою на край свита; а якъ се дуже далеко, такъ ты спровадь іи на Запорожжя, а тамъ и самъ гетьманъ не бильшый одъ чабана. Адже ты не выпысувавсь изъ запорозцивъ?

Назаръ. Ни.

Гнатъ. Такъ якого жъ злыдня ще хотить? А хто пакъ у тебе куриннымъ отаманомъ?

Назаръ. Сокорына.

Гнатъ. Знаю! о, голинный, завзятый чоловикъ! въ кирци воды діявола утопыть, не то-що въ Днипри, А! здаеться, хтось иде.

Назаръ. О, якъ бы твое, брате, слово та Богу въ уха!

Гнатъ. Нема на свити ничого легше: тилькы повеселій, будь козакомъ. Мовчы. (*Громко*). Ну, выпьемо жъ чарочку за шынкарочку. (*Пьютъ*).

Хозяйка. Якъ же я утомылась, насылу найшла іи, прокляту Стеху!

Гнатъ. А що, змахнула пылъ зъ мисяця?

Хозяйка. Смійтесь, а воно и справди погода утыхомырылась.

Гнатъ. Оце жъ тоби за труды. (*Подаетъ чарку*).

Хозяйка. Цуръ ёму, якъ я втомылась!... Ни, спасыби! не пидъ сылу... Хиба вже для васъ. (*Пробуетъ по немножку. Гнатъ знаками проситъ. Она, въ притворствѣ усилій и кривляній, выпиваетъ, а остальныя капли хлещетъ въ потолокъ*). Щобъ ворогы мовчалы й сусиде не зналы! (*Отдаетъ чарку*).

Гнатъ (*подноситъ Назару; тотъ отказывается знакомъ*). Не хочешъ—якъ хочешъ. А мени здаеться, що и на свити нема такого горя, якого бъ не можна було утопыть въ чарци горилкы. Чарка, друга и—чорта у воду. Такъ, Катерыно?

Хозяйка. Якъ кому иншому, то й кварта не поможе.

Гнатъ (*Назару*). А ты справди не будешъ пыть?

Назаръ. Не буду.

Гнатъ. Вольному воля, а спасенному рай. За твое жъ здоровья! (*Выпиваетъ*). Праведно спиваеться въ тій писни, що каже, колы бъ мужыку не жинка, не знавъ бы винъ скукы, колыбъ не горилка, де дивать бы мукы? Такъ у горилку іи прокляту, у горилку! Розумный чоловикъ тебе выдумавъ, такъ! (*Къ Назару*). Та на тебе брыдко й дывыться. Ну, ще жъ одну та й годи вже. (*Наливаетъ*). Чи втямкы тоби, якъ мы втикалы зъ Братського на Запорижжя та на дорози зустрилы одну чорнобрывеньку, и ты чуть-чуть бувъ не проминявъ запорозськои воли на іи чорни бровы? Бачъ, ты забувъ! а я такъ все запрошедше знаю, та й що буде одгадаю.

Стеха (*вбѣгаетъ второпяхъ*). Охъ, моя матинко, якъ утомылась! Шуточкы! оббигала уси усюды! (*Осматриваясь*). Охъ, Боже мій! я и не бачу. Добры-вечиръ вамъ! Отъ вже й не думала, й не гадала! Спасыби, спасыби! не погнуша-

лысь нашыхъ слобидськыхъ вечорныць. Такъ уже й не здывуйте: у насъ усе абы-якъ: не те що у васъ у Чыгырыни.

Гнатъ. Та у васъ ще краще.

Стеха. Годи бо вамъ смяться.

Хозяйка.. Чи прыйде жъ хто?

Стеха. Якъ же? уси прыйдуть.

(*Гнатъ беретъ за руку хозяйку и отводитъ въ сторону. Назаръ встаетъ изъ за стола и подходитъ къ Стехѣ*).

Гнатъ. (*къ хозяикѣ*). У мене щось голова розболилась; пиду подывлюсь, якый мисяць. Чуешъ? а про кобзаря, мабуть и забулы. Збигай лышень. Безъ ѐго и гульня не гульня.

Хозяйка. Стехо! ты звала Кырыка?

Стеха. Моя матиночко и забула. Я заразъ збигаю.

Гнатъ. Впьять де-небудь застрянешъ... Збигай лучче сама.

Хозяйка. Добре. (*Хозяйка и Гнатъ уходятъ*).

Назаръ (*беретъ за руку Стеху*) У мене йе прозьба до тебе, Стехо.

Стеха. Знаю, знаю, яка прозьба.—сказать паночци, щобъ выйшла до васъ, якъ панъ засне; та теперь тилькы не те вже, що перше було. Адже вы сами знаете, що незабаромъ зробылось.

Назаръ. Се не помишае; мени тилькы одно словечко сказаты. (*Даетъ ей червонецъ*). На тоби, ще й плахта буде, колы услужышъ.

Стеха. (*принимаетъ червонецъ*). Не прыдумаю, якъ-бы се зробыты. Лыха годына те, що старый цилисиньку ничъ очей не заплющыть. Сердешна панночка! а якъ я плакала, якъ просыла! ни, такы на своему поставывъ старый сатана.

Назаръ Такъ ты зробышъ? дожыдаты?

Стеха. Зроблю, зроблю, тилькы...

Назаръ. Не бійсь! бильшъ копы лыха не буде. А колы хочешъ, то и ты зъ намы. Ну-лышень, чкурнемъ.

Стеха. Куды зъ вамы?

Назаръ. Туды, де лучче жыты, де будешъ ты паніею, а не клюшныцею: чы второпала?

Стеха. Глядить, чы не дурыте вы мене? И справди думають, що якъ воны багати, такъ усе и ихъ.

Гнатъ. (*за сценою*). Катре, Катре! а погляды, що се на мисяци?

Голосъ хозяйки. Хиба не знаете? братъ брата на выла пиднявъ.

Гнатъ. Якъ же се? Далеби, я не чувъ.

Хозяйка. Нехай у хати розскажу, я змерзла.

(*Впродолженіе этого разговора Назаръ объясняется со Стехой знаками и шопотомъ. Стеха дѣлаетъ утвердительный знакъ и отходитъ. Входятъ Гнатъ и хозяйка*).

Стеха. А хиба жъ вы сéго не знаете?

Гнатъ. Або забувъ, або и зовсимъ не знавъ; не згадаю.

Стеха. Такъ ось бачыте, якъ воно. Якъ Хрыста дочыталысь, старшый братъ на велыкъ-день, колы ще добри люде на утрени стоялы, пишовъ пидкинуть воламъ сина, та замисть сина проткнувъ выламы свого меншого брата: такъ ихъ Богъ такъ и поставывъ у-купци на мисяци, на выдъ усéму хрещеному мыру, щобъ бачылы, що и скотыни грихъ йисты у такый велыкый празныкъ, покы пасокъ не посвятять, а не то що людямъ.

Хозяйка. (*насмѣшливо*). Ачъ, якъ мудро прочытала!

Гнатъ. Чудо не дивка! розумна и красыва. (*Обнимаетъ Стеху*).

Стеха. (*притворно*). Що се, яки справди безстыдни оци городськи козакы! усе бъ имъ згнущаться надъ намы та й тилькы. (*Гнатъ цѣлуетъ ее*] Ну! отъ ище выдумалы що! Неначе се звычайно! Пустить! далеби, закрычу.

(*Съ шумомъ входятъ козаки и дѣвушки*).

Въ толпѣ. Ай да Стеха! Отъ моторна. и тутъ успила! А старый Кычатый?..

Стеха. (*вырываясь*). Ну, що? пожывылысь? Не бійсь, такы не довелось поцилуваты. Хто тамъ горло дере, щò успила? Воны тилькы такъ, ничого не зробылы.

Гнатъ. (*къ козакамъ*). Ну, хто у васъ отаманъ? Чи есть музыкы?

Голоса. И кобзарь, и музыкы.

Гнатъ. А останне: выпыть и закусыты?

Голоса. Якъ безъ сего? Усе йе.

Гнатъ. А, та й бравыи жъ молодци! що твои чыгы-

рынця! (*Къ дѣвушкамъ*). Котора жъ изъ васъ пиде зо мною танцюваты?

Голоса. Пропустить, пропустить — музыкы йдуть.

(*Входятъ музыканты-жиды. Впереди слѣпой старикъ съ кобзою. Дѣвушки и козаки въ безпорядкѣ разступаются. Впродолженіе суматохи Назаръ разговариваетъ съ Гнатомъ*).

Гнатъ. Будь бо веселійшый, не показуй выду. Стеха зъумie одкараскаться одъ ныхъ, тилькы намъ зъ тобою треба попереду утикаты. Я, пожалуй, хочъ и заразъ пиду, а ты зостанься тутъ покы, — такъ для выду. Та чуешъ: не дуже довго женыхайся, а мерщій въ корчму; я тамъ буду.

Назаръ. Добре, тилькы и ты проворнійше.

Гнатъ. За мене не бійсь. Дывысь, старый знакомый! Кузьма, якымъ се побытомъ тутъ опынылысь?

Одынъ зъ козакивъ. Зъ хуторивъ до церквы, а вечорныци по духу чуемо.

Гнатъ. Молодци! А вы, жыдова, якъ сюды зайшлы?

Жыдъ. А такъ, сляхомъ. У Цыгырыни нема заробитку, а мы процулы, сцо у пана Кыцатого весилля буде, такъ и прыйслы сюды.

Гнатъ. (*всторону*). Жыдивське ухо! (*Громьо*). А нуте жъ! учыстьте запорозського козачка. (*Къ козакамъ*). А зъ васъ хто бойчійшый? ударь, я подывлюсь, чи такъ, якъ у насъ бувало на Запорожжи. (*Тихо Назару*). Годи, не дурій Я жъ кажу, усе буде добре.

Назаръ. Чи буде, чи ни, тильы здилай мылость, не бався тутъ, иды швыдче.

Гнатъ. Поспиемо ще зъ козамы на торгъ. Не показуйся, будь ласкавъ, такымъ сумнымъ: все зопсуешъ. Подывымся козачка та й годи.

(*Удаляются въ глубину и разговариваютъ между собою. Музыканты заиграли. Одинъ козакъ выскакиваетъ изъ толпы и пляшетъ козачокъ. Гнатъ и Назаръ любуются*),

Гнатъ. Ай да молодецъ! отъ жвавый! що твій запорожець! (*Танецъ кончается*). Ну, веселитеся жъ, люде добри, гуляйте, хлопци, а намъ уже годи, пора йихать: до Чыгырына не блызько, а до свиту треба буть тамъ. Прощайте,

козаны! прощайте, дивчата! прощай, хозяйко! А де жъ та... Кычатого? *(Стеха прячется между козаками. Гнатъ, пой мавъ ее, цѣлуетъ).* Прощай, сердечко мое, моя розумныця, моя красавыця! прощай!

Стеха *(вырываясь).* Ай-ай-ай! закрычу, ій же то Богу, закрычу.

*(*Назаръ и Гнатъ *уходятъ. Хозяйка провожаетъ ихъ).*

Стеха *(охорашиваясь).* Що за народъ такый си козакы! усе бъ имъ цилуваться. Неначе й помоглось. *(Къ Хозяйкѣ).* Титко, титко! а нумо мы зъ тобою. *(Пляшетъ и поетъ).*

Черезъ гору пиду,
Скрыюсь за горою...
На биду,
Де пиду,
Козакы за мною.

Той почне говорыть,
Той сережкы сулыть
Кого знаю,
Прывитаю,
Хто сережкы дарыть.

Ой сережкы мои,
Мои золотыи!
Сердитеся,
Дывитеся,
Ворогы лыхыи!

Хозяйка *(вырываясь).* Охъ, мои зозуленькы! по старисти литъ мени бъ и не подобало.

(Стеха между тѣмъ шалитъ съ козаками, хватая за руку молодаго козака и вертясь. приплясываетъ).

Хозяйка. Оце, яка жартовлыва! Та перестанешъ ты, чи ни?

Стеха *(пляшетъ и поетъ).*

Тра-ла-ла, тра-ла-ла!
На базари була,
Черевычкы купыла,
Тры червинци дала,
А четвертый пропыла
И музыку найняла.

Що жъ вы, родымець бы васъ вбывъ! тилькы дурно гроши берете? Кусокъ бы вамъ сала, а не грошей. (*Въ толпѣ хохотъ*). А де жъ нашъ Кырыкъ? сюды ёго! винъ одынъ лучче усихъ цихъ голодранцивъ, (*Выходитъ Кобзарь*). Ось винъ, мій голубчыкъ. Ну, лышень, яку-небудь писеньку зъ прыговоркамы, або казочку страховыночку, щобъ цилу ничъ не заснулось.

Кобзарь. Добре, добре. Хочешъ—казочку, хочешъ—писеньку, що любышъ.

Голоса. Казку! казку!

Другіе. Ни, нисню, та таку, щобъ жыжкы затрусылысь. Мы ще не танцювалы.

Первые голоса (*и съ ними Стеха паче всѣхъ*), Натанцюетесь ище, покы до третихъ.

Стеха. До пивнивъ ще не трохы. Казку! (*Къ Хозяйкѣ*). Казку, титко?

Хозяйка. Звисно, казку, покы ще не такъ пизно; а описля и слухать страшно буде.

Кобзарь. Колы казку, такъ казку; мени все одно.

Въ толпѣ. Перещебетала-такы, цокотуха.

Другой голосъ. Ачъ яка!

Стеха. А що, га! такы перещебетала!

(*Кобзарь садится на скамейку. Кругомъ него съ шумомъ и хохотомъ толпятся въ безпорядкѣ казаки и дѣвушки*).

Стеха (*подноситъ Кобзарю рюмку вина*). Выпый, дидусю, для смилости

Кобзарь (*выпивши*). Спасыби тоби, дивко! (*Прокашлявшись*). Слухать—що йисты, въ горшку не бовтаты, усивъ не мараты, словъ не пропускать, другымъ не мишать

(*Общій легкій шопотъ и смѣхъ*).

Стеха. Послухаю, послухаю, чи есть же така страховына, щобъ я злякалась.

Голосъ. Чуешъ ты? колы не будешъ мовчать, такъ геть соби.

Другой. А то выженемъ.

Стеха. А хто бъ посмивъ! Сотныкъ васъ усихъ перевишае.

Голосъ. Дзусъ ёму, мурому! Гляды, щобъ на одній осычыни не повисылы тебе зъ сотныкомъ.

Хозяйка. Та замовчить же Бога рады! (*къ Кобзарю*). Кажы, дидусю, кажы; ихъ не переслухаешъ.

Кобзарь (*прокашлявшись*). У венгерській сторони, у цесарцивъ, за шляхецькою землею, стоить гора высока; а въ тій гори нора глыбока; въ нори сыдыть не звиръ, не птыця— турецька царыця. Сыдыть вона сто тысячъ литъ, не молодіе, не старіе, а тилько де-дали зліе; йисть вона одъ схидъ до захидъ сонця — не хлибъ печеный, не курей и не яку-небудь людську страву, а трощытъ маленькыхъ дитей, за те, що, колы ще вона була у Турещыни важкою, такъ ій сказавъ арменськый знахарь, що вона родыть дочку и дочка та буде, якъ пидросте, въ тысячу разъ краще іи. Отъ вона, справди якъ родыла дочку, такъ заразъ и зъила іи, та зъ того часу сыдыть у нори и невгаваючы усе йисть дитей; не розбира, хоть хрещени воны, а хоть нехрещени, йисть усихъ, йисть тоби всихъ та й годи, — и дивчатокъ, и хлопчыкивъ...

Стеха (*быстро*). И хлопчыкивъ! ахъ вона трыклята баба! Щастя іи, що я не знаю тыеи горы.

Голосъ. А що бъ ты зробыла?

Стеха. Що? задушыла бъ.

Голосъ. Куды тоби, погане!

Другой. Ты й за двери сама боишся выйты.

Стеха. Хто, я?

Въ толпѣ. Та не мишай же слухать. Не хто жъ бильшъ, ты!

Стеха. Я боюсь? Хочешъ, заразъ пиду на гробовыще? а колы хочете, такъ у стару корчму, що на старому шляху.

Въ толпѣ. Прудка дуже! за норигъ не выйдешъ, умрешъ.

Стеха. Я вмру! що ставышъ?

Въ толпѣ. Мои музыканты на всю; а ты?

Стеха Пивъ-видра слывьянкы, тры кускы сала и паляныця.

Въ толпѣ. Добре! тилькы щобъ, знаешъ, слывьянка була зъ панського лѐху.

Стеха. Та вже де не возьму, до сéго вамъ дила нема, а поставлю. Де мій байбаракъ? (*Надѣваетъ верхнее платье*). Гляды жъ, не цурайся слова. (*Кобзарю*). Якъ я вернусь, так тоди докажешъ, дидусю; ато я и не хочу. (*Уходитъ*).

Кобзарь. Добре.

Въ толпѣ А щобъ повирылы, такъ прынесы цеглынку, або кахлю зъ грубы, або що хочешъ, тилько зъ корчмы.

Стеха (*за сценою*). Добре, добре.

Голоса. Отъ дивка голинна, такъ-такъ!

Другой. Чупрыну ій та усы, тоди хочъ у пекло...

Третій. Такъ подумають, що козакъ.

Хозяйка. Вже козырь-дивка, не вамъ ривня. Отъ же й пиде; тоди платы.

Голосъ. Або слывьянку пый, а саломъ и паляныцею закýсуй.

Хозяйка. Побачымъ, побачымъ, чія визьме. Чого сыдиты? щобъ не даромъ музыкамъ платыть, ну лышень, потанцюемъ лучче. А ну вдарьте, та не по жыдивськый, а по нашому.

(*Толпа въ безпорядкѣ разступается. Козакъ съ дѣвушкою выходитъ танцовать. Музыканты заиграли, и пляска началась. Занавѣсъ тихо опускается*).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Внутренность развалинъ корчмы Стѣны безъ потолка и нѣсколько уцѣлѣвшихъ стропилъ. Все занесено снѣгомъ и освѣщено луною Нѣсколько минутъ молчанія. Вдали слышна пѣсня, потомъ ближе, ближе, и является Стеха, робко припѣвая: «Охъ», сережкы!» Она останавливается у развалившейся печи и съ робкостію осматривается кругомъ

Стеха. Якъ страшно! Де жъ воны? И коней тожъ не выдно. Чи не махнулы воны соби? То-то буде добре! За два

червинци продать свое щастя... (*Осматриваетъ слѣды*). Ни, опричъ моихъ, ничыихъ не выдко слидивъ. Що, якъ воны обманылы, та другымъ шляхомъ?... отъ тоби й сотнычка! Побижу мерщій до-дому, чи не подіялось чого тамъ. Розскажуть, що я помогла,—тоди усе пропало. (*Поспѣшно возвращается*).

(*Навстрѣчу ей Назаръ несетъ на рукахъ Галю*).

Стеха. Се вы? А тутъ такъ страшно... Чи не случылось чого?

Назаръ. (*Опустивъ Галю*). Ничого, не бійсь. А кони тутъ?

Стеха. Ни, я не бачыла.

Назаръ. Збигай подывысь, и якъ нема, то бижы мерщій у слободу, чи не зустринешъ на дорози.

Галя. Стехо! чому жъ ты не йдешъ? Бижы жъ скоришъ; батюшка прокынеться! бижы бо!

Стеха. Заразъ, моя папночко; для васъ на край свита полечу. (*Поспѣшно выламываетъ изъ печи изразецъ*).

Галя. Що ты робышъ?

Стеха. Заразъ. Се одъ вовкивъ. (*Быстро удаляется*).

Галя. Ходимъ на дорогу; мени тутъ страшно.

Назаръ. Не можна, мое серденько: тамъ побачять, а сюды нихто не ввійде.

Галя (*грустно*). Ну, робы якъ знаешъ, а я... я все зробыла... Боже! на зори прокынеться батюшка... Охъ, Назаре, Назаре! що я наробыла!

Назаръ. Лучче ничого не можна було зробыть.

Галя. Батюшка мене проклене.

Назаръ. Себе нехай проклынае... Ты змерзла, моя кришечко? Визьмы мою кырею. (*Снимаетъ плащъ и разстилаетъ по снѣгу*). Спочынь, мое серденько; поклады свои нижепькы у мою шапку. (*Галя садится на плащъ. Назаръ вкладываетъ ея ноги въ свою шапку*). Отъ-такъ теплійшъ (*цѣлуетъ ее*), теплійшъ, мое серденятко.

Галя. О, мій голубчыку, мій сокилъ ясный! якъ мени тепло, якъ мени весело!.. Тилькы я боюсь: батюшка мій такый сердытый.

Назаръ. Не бійсь, моя пташечко, ничого, покы я зъ

тобою. Не бійсь, тилькы любы мене. Я подумавъ тоди... колы...

Галя. Колы? Що подумавъ? може, недобре?

Назаръ. Не то, що недобре, та не теперъ згадувать объ чимъ-небудь недобримъ, колы на серци така радисть А завтра... що завтра зо мною буде? Я вмру, мене задушыть мое щастя, моя доля. (*Кладетъ ей на колѣни свою голову. Галя перебираетъ его волосы. Назаръ, поднявъ голову, съ нѣжностію смотритъ ей въ очи*). О, мои очи, мои кари! Поглядить на мене, мои зори ясни! (*Немного помолчавъ*). Серце мое, ты не казала батюшци, що пидешъ замижъ за полковныка? не казала?

Галя. Опьять! Якый же ты, справди!... Я заплачу. Адже жъ винъ ничого мени не говорывъ о полковныкови, такъ якъ же бъ я ёму сказала?

Назаръ. Бидненька! винъ продававъ тебе, а ты ничого й не знала. Просты ёго. Нехай Богъ мылосердный на тимъ свити за се ёго осудыть и покарае.

Галя. Я молытымусь за его грихы. Може, Богъ ему простыть.

Назаръ. Молысь за кого хочешъ, тилькы не розлюбь мене, моя галочко... Я вмру тоди.

Галя. Якый ты, чудный! Ты думаешъ, що я тилькы такъ тебе люблю. Ни, Назаре, я не люблю, я й сама не знаю, що роблю... Якъ-бы тоби розсказать? Ажъ страшно! Знаешъ що? Колы я дывлюсь на тебе, такъ мени здаеться, що ты — такъ се я, а що я—такъ се ты. Такъ чудно; не знаю, одъ чого воно се такъ. Колы останусь одна на самоти, то все про тебе думаю, думаю, и мени представыться, що ты въ Чыгырыни передъ гетьманськымы хоромамы на вороному кони гарцюешъ, а уси гетьманши, полковныци ни на кого бильшъ и не дывляться, опричъ на тебе... У мене въ очахъ такъ и потемніе... Я заплачу, заплачу, такъ важко на серци стане. Одъ чого воно такъ, Назаре, ты не знаешъ?

Назаръ. Знаю, мое серденько, знаю! Якъ любо, якъ мени ты говорышъ! Промовъ ще разъ, обіймы мене. (*Обнимаются, цилуются*). Ще, ще одынъ останній разъ. (*Въ изнеможеніи кладетъ ей голову на колѣни*).

Галя. Якъ мени весело зъ тобою! Чи воно усе такъ буде весело? скажы мени, Назаре.

Назаръ. (*не поднимая головы*). Увесь викъ!

Галя. Куды жъ мы пойидемо?

Назаръ. У рай.

Галя. Я се знаю; та де жъ винъ?

Назаръ. (*поднявъ голову*). Не пытай мене теперъ; я ничого не знаю. Мы пойидемо туды, де нема и не буде ни полковника, ни батька твого, де тилькы одна воля! одна воля та щастя! О, якъ мы будемо гарно жыты! Збудую тоби хату свитлу, свитлу та высоку; розмалюю іи усякымы краскамы— и чорнымы, и блакытнымы, и зеленымы—усякымы, усякымы! наряжу тебе у шовкъ та въ золото, посажу тебе на золотимъ крисли, мовъ краю, и довго, довго, покы вмру, все любоватымусь тобою. Та чи вмру жъ я колы-небудь? Ни, я николы не вмру! Колы ты будешъ зо мною, то смерть не посміе и въ хату нашу заглянуть.

Галя. (*грустно*). Охъ, ни Назаре, не кажы такъ! Мени страшно стало, и серце такъ защемило, такъ заболило, неначе чуе недобру годыну, або яке горе.

Назаръ. Яке горе? де воно? Для насъ нема его на цилимъ свити.

Галя Не знаю, Назаре; тилькы мени щось на серци такъ важко, такъ гирко... Я все думала про батюшку.

Назаръ. На-що жъ ты объ ему думаешъ? Не думай, и весело буде. Знаешъ, якъ прыйидемо мы у Кодакъ... Се запорожськый городъ... Отъ, якъ прыйидемо, мерщій у церкву, повинчаемось; тоди и самъ гетьманъ насъ не розлучыть, и будемо довго, довго тамъ весело жыты. Ты будешъ писни спиваты и танцювать, а я буду грать на бандури и розсказувать тоби про славни дила козацьки, про Саву Чалого, про Свирговського, про всихъ, про всихъ жвавыхъ козакивъ нашыхъ. Дали, мени выгодуешъ сына, молодця чернобрового, пошлемо его въ Сичъ; тамъ поставлю его передъ козацькою громадою и скажу: „Любуйтеся, дывитеся—се мій сынъ. Мени его выгодувала, выкохала моя Галя, такого молодця!“ Що, весело?

Галя. Весело, мій Назаре, мій мыленькый, а серце все-

такы болыть. Мени здаеться, що батюшка вже прокынувсь и мене шукае.

Назаръ. Богъ-зна объ чимъ думаешъ ты! Ось заразъ будуть кони, и воны насъ не найдуть, хоть нехай усю землю перевернуть. Не журысь же, моя ластивко.

Галя. Знаешъ що? ходимъ до-дому, розбудымъ ёго, станемъ передъ имъ на колина. . винъ насъ простыть; винъ мене любыть.

Назаръ. Хиба жъ я его не просывъ, хиба жъ не стававъ передъ нымъ на колина! Адже ты бачыла?

Галя. Бачыла, ты просывъ... Назаре, винъ мій батько!

Назаръ. Лучше бъ не знать такого батька.

Галя. Ты сердышся, Назаре! Не сердься, мій мылый, кій чорнобрывый! Подывысь, я весела, я не жалкую, що покынула... Поцилуй же мене, мій соколе ясный, орле мій сызокрылый. (*Обнимаются и цѣлуются*).

Назаръ. О, моя радисть, мій сонъ чаривный! Не журысь, серденько. Скоро мы полетымо такъ, що не дожене насъ и витерь. А ничъ-то, ничъ! неначе празныкуе наше щастя. Тыха, свитла, якъ твои ясни очи. Ты не боишся? Побудь тутъ одна. Я пиду подывлюсь на дорогу.

Галя. Ни, не боюсь.

Назаръ. Чого жъ ты зновъ зажурылась?

Галя. Такъ, ничого. Я згадала покійныцю няньку. Вона мени розсказувала, що въ сій корчми давно якый-то запорозськый старшына ночувавъ, а на другый день найшлы его въ Тясмыни; и що тутъ Богданъ зустричавъ сына свого Тымофія, якъ козакы везлы ёго зъ Молдавіи, покрытого червоною кытайкою, и що тутъ запорожци выризалы жыдивъ. Зъ тіи готыны нихто въ ій не жывъ: усе ничью ходять мертви жыды... Ухъ, якъ страшно тутъ!

Назаръ. Тоби твоя нянька Богъ зна чого наговорыла.

Галя. Вона божылась, що правда. Не ходы, лучче останься зо мною, або ходимъ обое. Мени важко и на мынуточку розризныться зъ тобою.

Назаръ. Я не пиду... Ты не змерзла?

Галя. Ни, твоя шапка така тепла (*Снимаешъ шапку съ*

ногъ и цѣлуетъ). О, моя мыла шапка! Надинь іи, и ты замерзъ.

Назаръ. Надинь ты. Я подывлюсь на тебе, яка ты въ козацькій шапци. (*Она надѣваетъ шапку. Назаръ любуется*). Чудо!... Чорни усы, шаблю дамаську, пистоль за поясъ—и козакъ хочъ куды. (*Цѣлуетъ ее*) Козаче мій чорнобрывый!

Галя. (*надѣваетъ ему шапку*). Оттакъ краще! Постій, я прышпылю стёнжку. Знаешъ, якъ на весилли бува у молодого?

Назаръ. Се ты ще й завтра зробышъ..

Галя. Охъ тривай! я й забула. Адже я такы взяла зъ собою и хустку, що для тебе вышывала. (*Вынимаетъ изъ-за пазухи бѣлый, шитый краснымъ шелкомъ, платокъ и подаетъ Назару*). Що, хорошый? Я сама вышывала и гроши на шовкъ сама заробляла.

Назаръ. Спасыби серце мое!

Галя. Чи не заспивать оце писню про хусточку, що я въ Чыгрыни у дядыны чула?

Назаръ. Колы весела, заспивай.

Галя. Ни, не весела, та мени сыдить уже остыло. Слухай же. (*Выходитъ на край сцены*).

. . . . . .

(*Назаръ стоитъ задумавшись*).

Галя. Чого жъ ты зажурывся? То не треба було бъ и спивать.

Назаръ. Ничого, серце мое. Возьмы свою хустку. *Подае ій хустку*). Завтра знову подаруешъ.

Галя. На-що вона мени? Розирвы, колы вона тоби нелюба; я другу вышыю. (*Печально*). Тилькы не знаю, колы. (*Плаче, помовчавшы*).

Назаръ. Не плачъ, мое серце. Дывысь, я не журюся.

Галя. Не журышся? А чого жъ ты плакавъ? Ты щось знаешь, та не хочешъ сказать. Скажы жъ, мій голубе, мій орле сызокрылый, скажы, мое серце!

Назаръ. Знаю, знаю, моя голубко, що я найщаслывійшый на свити.

Назаръ. Ба я щаслывійша за тебе. Николы жъ не буду спивать про хустку; цуръ ій!

Назаръ. Я тебе вывчу другу, веселу-веселу та хорошу.

(*Дывляться одно на другого и цілуються. Хома и Стеха крадуться изъ-за шкапы*).

Хома. Сюды! ось-де воны! сюды!

Галя. Батько!.. Пропала я!

Стеха. (*пробигае коло ихъ*). Полковныця! полковныця!

(*Назаръ мовчкы бере лївою рукою Галю, а правою выймае шаблю. Хома торопко веде на его челядь. Стеха ховаеться*).

Хома. (*скаженіе*) Цилуйтеся, цилуйтеся, голубята! (*До челяди*). Кыямы его, собаку! Чого жъ сталы? Берить, рвить ёго!

(*Челядь торопге*).

Назаръ. Хто хоче въ домовыну, выступай на мене. (*До Хомы*). Ты чого хочешъ?

Хома. Смерти твоеи, злодію!

Назаръ. На-що жъ ты собакамы цькуешъ? возьмы самъ, колы хочешъ.

Хома. Я рукъ паскудыть не хочу. Берить его! О, песъ поганый! я розирву тебе!

(*Бьються на шаблятъ*)

Галя. (*пада міжъ нымы на колгна*). Тату, тату! убый, убый мене! вынна я; прогнивала тебе... Убый же мене, таточку, та не беры зъ собою!

Хома Цыть, кошеня крадене!

Назаръ. (*Хоми*). Цыть, сотано люта!

Хома. Дочку оддай!

Галя. Не оддавай, не оддавай! я утоплюся!

Хома. Топысь, гадыно, покы не растоптавъ я тебе!

Галя. Топчы, душы мене· я твоя дытына!

Хома. (*до челяди*). Берить ёго! Я васъ перевишаю! я васъ золотомъ окую.

(*Челядь порываеться на Назара*).

Галя. Одурыть! одурыть!

Хома. Не одурю! Не скавучы, зинське щеня!

(*Напада на Галю. Назаръ заступа іи. Челядь напада на Назара зъ-заду и крутыть ему рукы*).

Хома. Ха-ха-ха! вовче, вовче! чому жъ ты не рвешъ насъ?

Назаръ. Цыть жабо погана!

Галя. (*передъ Хомою на колінахъ*). Тату, тату, кате мій! я розирву тебе,—я день и ничъ плакатымусь на тебе! Тан-

цювать, плакать буду! Чого забажаете, все робытыму—не вбывай его! Я за полковныка пиду...

Назаръ. Галю!

Галя. Ни, ни... (*Зомлила падае*).

Хома. (*до челяди*). Чого жъ вы дывытесь? Нехай здыха, собака, а вы тымъ часомъ шкуру знимить.

(*Челядынець замахнувсь кыемъ на Назара*).

Хома. Стривай! мы не татары. За що его убывать? Чи есть у кого виревкы, поясъ, або налыгачъ,—що-небудь, скрутить ему рукы й ногы?

(*Челядь крутыть поясамы Назара*).

Стеха. (*падае коло Гали зомлилои*). Охъ, моя пташечко, моя лебедочко! Чи я жъ знала, що такъ станеться? Прокынься, моя зозулечко, моя ластивочко!

Хома. Оттакъ добре! Теперъ завьяжить ему ротъ. Отъ, доладу; у ёго, здаеться, ще й хустка у руци. Чи не весильна? Добре, здалась такы на що-небудь.

(*Завьязуютъ хусткою ротъ*).

Хома. Не туго, щобъ стогнавъ. Морозъ хоть и лютый, та, може, выдержыть. А вже, якъ вовча тичка нападе... а вовкы здалека пожыву чують... отъ буде снидання, начысто гетьманське! Теперь положить ёго на билу перыну—нехай проспыться та подума, зъ кымъ жартуе.

(*Челядь кладе Назара на снгъ*).

Хома. (*на Галю*). А ця учадила... Возьмить ій до-дому... прочумается.

(*Челядь бере Галю на руки и несе зъ собою*).

Стеха. (*бере Хому за руку и веде его за Галею*). А що? скажешъ, що не люблю тебе?

Хома. Спасыби, спасыби. (*До Назара*). Оставайсь здоровъ, прыятелю! не згадуй лыхомъ. Нехай тоби прысняться рушныкы.

(*Хома зъ Стехою шепчуться и пропадаютъ. Назаръ тыхо стогне. Незабаромъ чуты за сценою гоминъ*).

Голосъ Хомы. (*здалека*). Кыньте іи! вьяжить ёго!

Гнатъ. (*за сценою*). Я тебе звьяжу, недовирку проклятый! (*Незабаромъ выбігае Галя и кыдаеться до Назара*).

Галя. Орле мій! серце мое! (*Розвязуе хустку*).

Назаръ. Душно мени, душно!

Гнатъ. (*веде за груды Хому*). Останній разъ говорю: оддасы Галю за Назара, чи ни?

Хома. Ни!

Гнатъ. Здыхай же, собака скажена! (*Замрыысь шаблею*).

Хома. Стривай. Ты знаешъ нашъ законъ козацькый, то...

Гнатъ. Що мене жывого поховаютъ зъ твоимъ падломъ? Знаю. (*До челяди*). Копайте яму. (*Цилыть пистолемъ*).

Хома. Вьяжыть его!

(*Тымъ часомъ Галя розвязуе руки у Назара*).

Назаръ. О, доле моя! серце мое!

Гнатъ. Копайте яму! (*До Хомы, прыцилывшись*). Лукавый чоловиче, за що безъ сповиди ты себе губышь и мене зъ собою? Прощайсь зъ билымъ свитомъ, молысь Богу. (*До Назара*). Назаре, брате мій, друже мій! поховай мене. Прощай! а мы...

Назаръ. Стривай!

Галя. (*до Гната*). Стривай!

Назаръ. Пусты ёго, не вартъ винъ того. Не напасты души своеи. (*До Хомы*). Иды, лукавый чоловиче, иды, куды знаешъ Не помигъ тоби Богъ занапастыть мене; а я чужои крови не бажаю. Иды соби!

Хома. (*пада передъ Назаромъ*). Назаре! сыну! батьку ридный! зарижъ мене, замучъ мене, на коняхъ розирвы, та не прощай! (*Падае до нигъ и плаче*) О, я лукавый, лукавый! о, я гришный, проклятый!... Дочко, доле моя! серце мое! просы его, нехай убье, нехай я свита не паскужу! (*Знову плаче*). Боже мій, Боже мій!

Назаръ. (*підводыть его*). Устань, молыся Богу, гришный. Колы прощають люде, то Богъ мылостывійшый за насъ.

Хома (*вставшы утырае слезы*). О, слезы слезы! Чомъ вы перше не лылыся? Назаре, я чернець... спокутую въ ряси мои беззаконія! Беры мое добро, беры мою Галю, беры все мое! Галю! Назаре! обнимыться, поцилуйтеся, диточкы мои. Я хочъ и гришный, а все такы батько. (*Назаръ и Галя обнимаются*). Боже васъ благословы!

Пропущено на ст. 230-й.

ДО СЕСТРЫ.

Не пытай ты моихъ писень,
Сестро моя мыла!
Цуръ ёму! Воны сумни,
Мовъ мая могыла.
Нащо слухать якъ на хрести
Пугачъ завывае,
Колы въ саду соловейко
Весело спивае.
Намъ съ тобою, моя сестро,
Не ходыты въ пари,
Твое сонце свитыть ясно,
Мое давно въ хмари.
Нехай твои квиты квитять
На твоій дорози;
Нехай твою веспу мынуть
Витры та морозы.
Нехай доля, що зъ малечку
Мене не злюбыла,
Тебе щыро прывитае,
Сестро моя мыла!

ВЪ МОСКОВСКО-ЦЕНТРАЛЬНОМЪ

КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ и МАГАЗИНѢ

КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

Ф. ІОГАНСОНА

(ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1874 ГОДА)

Коммиссіонера Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Сѵнодѣ и Кіевской Духовной Академіи.

СВЕРХЪ МНОГИХЪ ДРУГИХЪ НАХОДИТСЯ СКЛАДЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ

И. В Трсицк й, пр-доц. университета Св Владиміра, Курсъ лекцій о болѣзняхъ дѣтскаго возраста. Изд 2-е, испр. и дополн. Общая часть. 1) Анатомо-физіологическія особенности 2) Гигіена 3) Особенности терапіи. К. 1888 ц 2 р. 50 к.

— Курсъ дѣтскихъ болѣзней. ч. II Болѣзни органовъ пищеваренія. К 1889 ц. 2 руб. 50 к

D-r Herman Peters. Изслѣдованіе мокроты на туберкулезныхъ бациллъ Переводъ съ нѣмецкаго В. К Панченко К 1887 ц. 30 коп.

Основы гигіены преподаванія Профессора В. Левенталя. Переводъ подъ редакціей Проф Университета Св. Владиміра И А. Сикорскаго. (Печатается).

Протоіерей Наумовичъ Бесѣды Степана Сторазумова о сельскомъ хозяйствѣ. К. 1888 ц. 15 к.

— Какой улей рамочной системы можетъ замѣнить на югѣ Россіи старыя дуплянки. К. 1888 ц. 15 к

Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни Этнографическій этюдъ М Запольскаго. К 1888 ц. 40 к.

D-r Roth Врачебныя средства современной медицины съ приложеніемъ новѣйшихъ врачебныхъ средствъ и терапевтическими указаніями Переводъ съ нѣмецкаго. Д-ра Шмигельскаго. К. 1889 ц. 1 р. 50 к.

Практическій самоучитель англійскаго языка. Съ приложеніемъ правильнаго произношенія каждаго слова. Составленъ по Флюгелю Ань, Гейдлей, Плате М Раничемъ К 1888 ц 50 к.

Volapük Вспомогательная книга для скораго и легкаго изученія основныхъ началъ всемірнаго языка Альфреда Кирхгоффа. Третье значительно улучшенное изданіе К. 1888 ц 60 к.

Кребсъ Сохраненіе энергіи, какъ основное положеніе новѣйшей физики, съ 60 рисунками. К 1880 ц 80 к.

Свѣтъ Божій Книжка для народнаго чтенія. Изданіе 4-е, одобрено М Н. П. Спб. 1875 ц 20 к.

Шевченко, его жизнь и сочиненія. Сборникъ матеріаловъ съ видомъ его могилы и хаты Автобіографія и жизнь Шевченко, его смерть и погребеніе и воспоминаніе о Шевченко Сошенко, Костомарова, Тургенева, Полонскаго, В. Шевченко и А Лазаревскаго Значеніе Шевченко для Украины, проводы его тѣла въ Украину изъ С.-Петербурга К 1879 ц 75 к

Вэнъ А. Душа и тѣло. Изданіе 2-е, исправленное Содержаніе: гл. 1-я Постановка вопроса; гл. 2-я Связь между душой и тѣломъ; гл 3-я Понятіе о связи между душой и тѣломъ; гл 4-я Общіе законы соотношенія между душой и тѣломъ, гл. 5-я Разумъ, гл. 6-я Какъ соедены тѣло и душа; гл. 7-я Историческій очеркъ вопроса о душѣ. К. 1884 ц. 1. р.

Repetitorium по фармакологіи Составлена.

по новѣйшимъ источникамъ К. 1889 ц. 2 р. 75 к.

Рецептура, составлена по новѣйшимъ источникамъ К. 1889 ц. 50 к

Чернецкій К. Гигіена любви. Содержаніе, 1. Сущность любви II. Любовь и ревность. III. Значеніе любви. IV. Сила и продолжительность любви и ревности 1) Темпераментъ. 2) Возрастъ. 3) Климатъ 4) Профессія. 5) Полъ. 6) Душевное развитіе. 7) Первая любовь. V. Разумная любовь. 1) Нравственныя свойства 2) Умственныя свойства 3) Внѣшнія свойства. 4) Заключеніе VI Неразумная любовь. 1) Красота. 2) Нарядъ. К. 1885 ц. 80 к.

Бракъ, соч. А. К. Мниховскаго. Содержаніе 1, Безбрачіе и бракъ. 2, Половая жизнь. 3, Здоровье. 4, Любовь и кокетство. 5, Душевное развитіе. 6, Деньги и общественное положеніе 7, Образъ жизни и дѣятельность. 8, Брачный возрастъ. 9, Предупрежденіе несчастныхъ браковъ 10, Примиреніе и жертва. К. 1880 ц 50 к.

Гербертъ Спенсеръ, Основныя начала „Познаваемое", перев. Л. Алексѣева К. 1886 ц 2 р. 50 к.

Збирникъ творовъ Я. Г. Кухаренко (наказ. атамана земли війська Чорноморьскаго). 1) Чорноморьскый побытъ на Кубани мижь 1794 и 1796 роками, драма въ 3-хъ діяхъ. 2) Пластуны, чорноморське оповидання. 3) Вороный кинь оповидання. 4) Чабаны и вивци въ Чорноморіи оповидання. 5) Чабаньскій словарь. Додатокъ спомынокъ про ясыръ и смерть генералъ-маіора Якова Герасимовича Кухаренко П. Барыленко. К. 1888 ц. 75 к.

William Lee. Леченіе внутреннихъ и наружныхъ болѣзней смѣсью французской водки съ солью.

А. С. Пушкинъ. Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. К 1887 ц. 15 к.

Э. Баустъ. О причинахъ обусловливающихъ развитіе мужескаго и женскаго потомства. Переводъ подъ редакціей А. Ковалевскаго ц. 20 к.

Чарльзъ Дарвинъ. Способность растеній къ движенію. Переводъ съ англійскаго Милорадовича и Кобиляцкаго съ 189 рисунками въ текстѣ. К. 1882 ц. 3 руб.

Кулиша. Досьвитки. Думы и поэмы К. 1876 ц. 80 к.

БИБЛІОТЕКА РИМСКИХЪ КЛАССИКОВЪ.

въ русскомъ переводѣ.

Виргилій. Энеида, пѣснь 1-я со словаремъ и подстрочными примѣч. В. Блонскаго, изд. 2-е К. 1886 ц. 50 к.

— Пѣснь 2-я переводъ со словаремъ и подстрочными примѣч. В. Блонскаго, изд. 3-е К. 1886 ц. 40 к.

— Пѣснь 3-я, переводъ со словаремъ и подстрочными примѣч. А. Соколова, изданіе 2-е, К. 1884 ц. 35 к.

— Пѣснь 4-я, переводъ со словаремъ и подстрочными примѣч. Е. Логвинова, изд. 2-е К. 1886, ц. 40 к.

— Пѣснь 5-я, переводъ со словаремъ и подстрочными примѣч Е. Логвинова, К. 1886 ц 40 к.

Виргилій. Пѣснь 6-я, перев со словаремъ и подстрочными примѣча. Е. Логвинова, К. 1886, ц. 40 к.

Пѣснь 7-я, переводъ со словаремъ и подстрочными примѣчаніями —изданіе 3-е, Котляра и Гороваго, К 1887 цѣна 40 к

— Пѣснь 8-я, переводъ со словаремъ и подстрочными примѣч. изданіе 3-е, Котляра и Гороваго, К. 1887, ц. 40 к.

— Пѣснь 9-я, переводъ со словаремъ и подстрочными примѣчаніями изданіе 3-е Котляра и Гороваго, К. 1887 цѣна 40 коп.

— Пѣснь 10, 11 и 12-я, переводъ со словаремъ и подстрочными примѣчаніями К. 1883 ц. 1 р. 25 к.

Горацій. Оды въ русскомъ переводѣ со словаремъ и подстрочными примѣчаніями Сахарова, кн. 1 и 2-я цѣна 60 кн. 3 и 4 цѣна 60 к.

— Сатиры, подстрочный переводъ 20 сасатиръ со словаремъ и примѣчаніями Блонскаго, К. 1886 цѣна 75 к.

Корнелій Непотъ. Жизнеописанія великихъ людей. Переводъ со словами и примѣчаніями К Гальберштадта, К. 1889 ц. 75 коп

Овидій. Метаморфозы, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями К. Логвинова, К. 1886, кн. 1 и 2 цѣна 60 к кн. 3, 10 и 14 ц. 40 к. кн. 6, 7 и 13 ц. 50 к. кн. 8, 11, 12 и 15-я цѣна 60 к.

Саллюстій. Югуртинская война, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣча-

ніями Логвинова, К. 1886, ц. 60 к

— Заговоръ Катилины, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣч Е. Логвинова, К. 1887, цѣна 60 к

Титъ Ливій. Книга 22-я подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями В. Кельтуяли, К. 1887, ц. 60 к.

Цицеронъ. Маркъ Тулій. Разсужденіе о старости, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями. В Икенишановъ К. 1887, ц. 50 к

— Лелій или діалогъ о дружбѣ, переводъ со словаремъ и подстрочными примѣч. К. 1886 ц 40 к

— О назначеніи Кнея Помпея полководцемъ переводъ Ростовцева, К 1879 ц. 60 к.

— Въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Переводъ Ростовцева, К. 1879 ц 60 к

— За Милона. подстрочный переводъ со словаремъ и подстрочными примѣчаніями В. Кельтуяли, К 1887 ц. 60 к

— Тускуланскія бесѣды, подстрочный переводъ со словами и примѣчаніями М. Д.—З. Кіевъ, 1888 кн 1—ц. 60 к кн. II и III -ц. 75 к. кн. IV и V—ц. 75 к.

Юлій Цезарь. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями М. Запольскаго, Книга 1-я К 1889 ц к.

— Тоже книга 2-я, К. 1889 ц. к.

Тоже книга 3-я, К 1889 ц. к.

— Тоже книга 4-я, К. 1889 ц. к.

— Тоже книга 5-я, К. 1889 ц. к.

— Тоже книга 6-я, К. 1889 ц. к.

— Тоже книга 7-я, К 1889 ц. к.

— Записки о гальской войнѣ кн 7-я, въ русскомъ переводѣ со словаремъ и примѣчаніями О. Воскресенскаго. К. 1884 цѣна 90 к.

БИБЛІОТЕКА ГРЕЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

въ русскомъ переводѣ.

Геродотъ. кн. 4-я переводъ со словаремъ и приложеніем о іоническомъ діалектѣ К. Гальберштадта, К 1887 ц. 50 к.

Гомеръ. Одиссея переводъ со сло аремъ и примѣчаніями К Гальберштата, К 1889 кн. 1—XII по 30 к.

— Илиада, пер в дъ со слов ремъ и примѣчаніями К Гальберштадта, К 1889 кн. 1—XII по 30 к.

Демосѳенъ. Олинф кія рѣчи Рѣчь противъ Филиппа, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями К. Даниьченко К 1885 ц. 65 к.

Ксенофонтъ Анабазисъ, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями К. Кремера К. 1887 кн. 1 ц 40 к. кн. 2 ц 40 к кн 3 и 4 ц. 60 к кн 5, 6 и 7—ц 1 руб.

— Меморабилія, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями, К Гальберштадта. К 1886, кн. 1 и 2 ц 50 к кн 3 и 4 ц 50 к.

Платонъ Апологія Сократа въ русскомъ переводѣ со словаремъ и примѣчаніями Данильченко, К 1884 ц 50 к.

— Критонъ, переводъ со словаремъ и примѣчаніями Пасхалова К. 1885 ц. 35 к.

— Федонъ или о душѣ, діалогъ, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями В Кельтуяли. К. 1887, ц. 60 к.

— Эвтифронъ, діалогъ со словаремъ и примѣчаніями К. Гальберштадта. К 1888 цѣна 40 к.

Софоклъ. Антигона. подстрочный переводъ съ примѣчаніями и біографическимъ очеркомъ К. Гальберштадта. К. 1888 цѣна 50 к.

— Электра, трагедія, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями А. Ридель К. 1887 ц. 40 к.

— Филоктетъ, трагедія, подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями С. А. Островсьаго. К 1888 ц. 60 к

Біографія греческихъ и римскихъ классиковъ, съ указаніемъ на содержаніе важнѣйшихъ имъ произведеній и нѣкоторыми приложеніями (Настольная книга для воспитанниковъ гимназій) Составилъ *В. Крыжановскій* съ 9-ю литографированными рисунками и 2-мя группами бюстовъ главнѣйшихъ греческихъ и римскихъ писателей К 1887 ц. 1 р 25 коп

УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ.

Андреевъ Наша родина и чужія страны кр ткая географія, изданіе 2-е К. 1888 ц 30 к

— Какъ и отъ ч го. Вопросы и отвѣты о гл внѣйшихъ физическихъ явленіяхъ и законахъ природы, изданіе 2-е К 1880 ц. 30 к.

Богдановъ П. Употребленіе знаковъ препин ния въ ру скомъ языкѣ съ приложеіемъ син таксиса русской рѣчи и .систематическаго д ктанта. 4-е и а ие, одобрен е М. Н. Просвѣщеіія. К. 1888 цѣна 60 к

— Этимологія русскаго языка Курсъ старшихъ классовъ гимназій, изданіе 2-е К 1883 ц 1 р.

— Русская Грамматика. Курсъ младшаго возраста. Для кадетскихъ корпусовъ, гимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ Ч I и II Этимологія и Синтаксисъ К 1888 ц 50 к

Ключъ къ учебнику французскаго языка Марго пер Де Р. изданіе 5-е К 1889 цѣна 40 к

Ключъ къ нѣмецкому учебнику М. Эртеля, переводъ русскихъ статей на нѣмецкій языкъ К 1884 ц. 30 к.

Ключъ къ греческой грамматикѣ Григоревскаго переводъ басенъ Эзопа, К. 1884, цѣна 20 к

Ключъ къ упражненіямъ помѣщеннымъ въ руководствѣ къ изученію Латинскаго языка Кюнера, переводъ Носова, перев. на латинскій К Отто К. 1886 ц. 50 к.

Краткій русско-греческій словарь съ обозначеніемъ этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей каждаго слова, 2-е изданіе К 1887, цѣна 35 к. Изданіе миніатюрное

Краткій конспектъ греческаго языка Изданіе миніатюрное К 1887, цѣна 60 к.

Краткій русско-латинскій словарь съ обозначеніемъ этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей Изданіе 2-е исправл, миніатюрное. К 1887 цѣна 60 коп.

Конспектъ латинскаго языка, изданіе миніатюрное 2-е изд. исправленное, К. 1887 ц 40 к

Краткій русско-французскій словарь. Изд. миніатюрное К 1888 ц. 35 к.

Краткій русско-нѣмецкій словарь. Изданіе миніатюрное К 1888, ц. 35 к

Лубенца Т. Первоначальная книга для чтенія въ школѣ и дома. К 1889 ц 25 к

Ляхницкій И Учебникъ начальной географіи Курсъ 1-й К. 1888, ц. 50 к.

Рѣшеніе алгебраическихъ задачъ Бычкова по послѣднему изданію К ГальяеГштадтл К. 1887, ц. 2 р 50 к.

— всѣхъ задачъ на построеніе въ геометріи А Давидова *В А Крыжановскаго* съ 213 ристнками въ текстѣ. Изд. 3-е испр К 1888 ц, 1 р

Туловъ. Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбуки. К. 1881, ц. 75 к

Т. Г. Шевченко.

КОБЗАРЬ.

Полное собраніе сочиненій на малорусскомъ языкѣ, съ портретомъ автора, гравированныхъ на стали.

К. 1889, цѣна 1 р. съ пересылкой 1 р. 25 к., въ изящномъ переплетѣ 2 руб.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОССІЯ.

Общедоступное подробное описаніе нашего отечества по отдѣльнымъ городамъ и областямъ, охватывающее всѣ стороны русской жизни и представляющее несомнѣнный интересъ для русскаго образованнаго читателя, желающаго близко ознакомиться съ бытомъ русскаго народа.

Роскошное изданіе П. Н. ПОЛЕВАГО.

УКРАШЕННОЕ 166 РИСУНКАМИ И ПОРТРЕТАМИ

СПБ 1885.

Цѣна вмѣсто 5 руб. —2 руб.

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка съ портретомъ. Сводъ матеріаловъ для его біографіи. Составилъ **М. Чалый** К 1882 цѣна 1 р 25 коп. съ пересылкою.

КАТАЛОГИ КНИГЪ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Лермонтовъ М. Ю. Сочиненія 2 т. Изд. 6-е. Спб. 1887 г. ц. 4 р.

Лессингъ. Сочиненія 5 т. Спб. 1882 г. ц. 12 р. 50 к.

Маркевичъ Б. Полное собраніе сочиненій 11 т. Спб. 1885—86 г. ц. 15 р.

Марковъ Е. Сочиненія 2 т. Спб. 1877 г. ц. 4 р.

Майковъ А. Н. Сочиненія 3 т. Изд. 4-е. Спб. 1884 г. ц. 6 р.

Мей Л. А. Полное собраніе сочиненій съ портр. автора 5 т. Спб. 1887 г. цѣна 12 р. 50 к.

Михайловскій. Сочиненія 6 том. Спб. 1879—86 г. ц. по 2 р.

Михайловъ А. Собраніе сочиненій 6 т. Спб 1875 г. ц. 13 р.

Мицкевичъ А. Сочиненія 5 том. Спб. 1882—85 г. ц. 12 р. 50 к.

Мольеръ. Собраніе сочиненій 3 т. Спб. 1884 г. ц. 7 р. 50 к.

Мятлевъ И. П. Полное собраніе сочиненій 2 т. Спб. 1857 г. ц. 4 р.

Надсонъ С. Я. Стихотворенія. Изд. 8-е. Спб. 1888 г. ц. 2 р.

Некрасовъ Н. А. Полное собраніе стихотвореній 2 т. Изданіе 4-е. Спб. 1886 г ц. 5 р.

Никитинъ И. С Сочиненія съ портрет. и біографіею. М 1886 г. ц. 4 р.

Островскій А. Н. Полное собраніе сочиненій и переводы 8 т. Спб. 1886 г. ц 12 р. 50 к.

Панаевъ И. И. Полное собраніе сочиненій и литературныя воспоминанія. Съ портр. авт. 6 т. Спб. 1888 г. ц. 12 р. 50 к.

Писемскій А. Ѳ Полное собраніе сочиненіи 20 т. Спб. 1884 г. ц. 30 р

Плетневъ П. А. Сочиненія и переписка. Спб. 1885 г. ц. 6 р.

Полонскій Я. П. Полное собраніе сочиненій 10 т. Спб 1885 ц. 18 р.

Помяловскій Н Г. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1886 г. ц. 2 р. 75 к.

Потѣхинъ А. Полное собраніе сочиненій 7 т. Спб. 1873 г. ц. 12 р

Прутковъ Козьма. Полное собраніе сочиненій съ портр. и факсимиле. Изд. 2-е. Спб. 1885 г. ц. 2 р.

Пушкинъ А С. Сочиненія 7 т. Изд. 8-е. Исправ. и допол. подъ редакц. П. А. Ефремова. М. 1882 г. ц. вм. 10 р.—5 р.

— Изд. 3-е Комарова подъ ред. П. А. Ефремова 7 т. Спб. 1887 г. ц. 3 р.

Изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 7 т. Спб. 1887 г. ц. 6 р.

— Изд. 3-е А. С. Суворина 10 т. Спб. 1888 г. ц. 1 р. 50 к.

— Въ одномъ томѣ. Изд. Ф. Павленкова подъ ред. А. М. Скабичевскаго. Спб. 1888 г. цѣна на обыкнов. бумагѣ 1 р. 50 к., на лучшей 2 р. съ иллюстраціями на обыкновен. 2 р. 50 к., на лучшей 3 руб.

— Въ 10 т. 1 р. 50 к., съ иллюстраціями 2 р. 50 к.

— Изд. И. Д. Сытина 6 т. М. 1887 г. ц. 1 р

— Изд. Льва Поливанова съ объясненіемъ ихъ и сводомъ и отзывовъ критики. Для семьи и школы 4 т М. 1887 г. ц 4 р. 85 к.

Рылѣевъ К Сочиненія и переписка. Изд. 2-е. Спб. ц 1 р. 50 к.

Рѣшетниковъ Ѳ. М. Сочиненія 2 т. М. 1874 г. ц 5 р 50 к.

Саловъ И. А. Сочиненія 2 т. Повѣсти и разсказы. Спб. 1884 г. ц. 3 р.

Салтыковъ (Щедринъ). Сочиненія. Цѣна за всѣ сочиненія 36 р. 75 к.

Сенковскій (Баронъ Бромбеусъ). Сочиненія 9 т. Спб. ц 10 р.

Стахѣевъ Д. И. Сочиненія. Спб. 1881 г. ц 2 р. 50 к.

Толстой А. К. Полное собраніе сочиненіи 3 т. Спб. 1887 г. ц. 7 р.

Толстой Л Н. Сочиненія 12 т. Издан. 7-е. М. 1887 г. ц. 8 р.

Тургеневъ И. С. Полное собраніе сочиненіи 10 т. Спб. 1884 г. ц. 15 р.

Успенскій Глѣбъ. Сочиненія 8 т. Спб. 1883—86 г. цѣна за каждый томъ 1 р. 50 к.

Успенскій Н. В. Сочиненія 4 тома. М. 1884 г. ц. 7 р

Фонъ-Визинъ Д И. Первое полное собраніе сочиненій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. 1761—1792 г. Съ портр. автора. М. 1888 г. ц. 4 р.

Хемницеръ И. И. Сочиненія и письма съ примѣч. Я. Грота. Спб. 1873 г. ц. 1 р. 50 коп.

Шатріанъ Э. Сочиненія 2 т. Спб. 1872 г. ц. 4 р.

Шекспиръ В. Полное собраніе сочиненіи въ переводѣ русскихъ писателей подъ ред. Н. Гербеля исправ. и допол. Спб. ц. 12 р.

Шиллеръ Ф. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей 3 т. Изд. 6-е Н. В. Гербеля. Спб. 1884 г. ц. 7 р.

Щербина Н. Ѳ Полное собраніе сочиненіи. Спб. 1873 г. ц. 2 р.

Якушкинъ П. Сочиненія съ портретомъ автора. ц. 4 р. 30 к.

МОСКОВСКО-ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Книжный Складъ и Магазинъ

КОММИССІОНЕРА

Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ и Кіевской Духовной Академіи

Ф. ІОГАНСОНА

принимаетъ на себя исполненіе слѣдующихъ порученій:

1) Поставку учебныхъ руководствъ и пособій: книги, карты, атласы глобусы, картины, тетради и ноты.

2) Пополненіе фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ русскими книгами, не только вновь выходящими, но и старыми, а также по возможности отыскиваетъ недостающіе томы разрозненныхъ сочиненій и журналовъ.

3) Высылку вновь выходящихъ книгъ, которыя пріобрѣтаются тотчасъ же по ихъ выходѣ: магазинъ печатаетъ каталоги новыхъ книгъ, которые и высылаются постояннымъ покупателямъ безплатно.

4) Подписку на всѣ русскіе и иностранные журналы, — русскіе журналы по цѣнамъ, объявленнымъ отъ редакцій.

5) Высылку дешевыхъ книгъ для народныхъ училищъ и сельскихъ школъ, по каталогу объявленному Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

6) Высылку изданій Святѣйшаго Синода и пополненіе **Церковныхъ библіотекъ.**

Высшія и среднія учебныя заведенія и земскія управы, желающія завести съ магазиномъ постоянныя сношенія, могутъ имѣть текущій счетъ и при требованіяхъ книгъ для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ **денегъ не высылать**, а производить разсчеты по накопленіи нѣкоторой суммы и по полученіи книгъ и счета. Но при требованіяхъ учебныхъ руководствъ въ значительномъ количествѣ, для раздачи ученикамъ, а также при подпискѣ на журналы, магазинъ проситъ **высылать деньги впередъ**, чтобы не произошло задержки въ исполненіи.

Земскія, городскія и сельскія школы прошу при требованіяхъ высылать деньги впередъ, хотя приблизительную сумму.

Желающихъ получать безплатно издаваемые каталоги магазинъ проситъ при требованіи заявить, какой отдѣлъ желаютъ получить.

При требованіи книгъ учебными заведеніями дѣлается уступка отъ 10% и болѣе; пересылка на счетъ учебныхъ заведеній. Постояннымъ покупателямъ дѣлается уступка на всѣхъ книгахъ отъ 10%.

Всѣ требованія и письма прошу адресовать:

Въ Кіевъ, Книгопродавцу Ф. А. Іогансону.

Кв. N 2478
Кір. 11-18
ц 25 — N 3

/4.7-

672-1

6

BA 295269